

Л. З. Сова

АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА
 И
ТИПОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2007

Л. З. Сова 1967 г.

L. Z. Sova

ANALYTICAL
LINGUISTICS

 AND

TYPOLOGY

ST.-PETERSBURG

2007

УДК
ББК

Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика и типология // Отв. редактор В. А. Лившиц, СПб.: Издательство Политехнического университета, 2007. 378 с.

ISBN

В книге собраны опубликованные в разные годы статьи автора по теоретическому языкознанию, которые являются уточнением и развитием идей, изложенных в монографии «Аналитическая лингвистика» (М., 1970). Приводятся материалы, отражающие мнения ведущих ученых второй половины XX века о роли аналитического метода в языкознании.

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

ISBN

© Сова Л. З., 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------	---

ЧАСТЬ 1. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И КЛАССЫ СЛОВ

<i>Диалог традиций</i>	9
<i>Aspects of deep structure</i>	26
<i>Валентность и транзитивность с позиций лингвистического дуализма</i>	32
<i>Формальные связи в русском языке (дефиниции)</i>	40
<i>Части речи и члены предложения в аналитической лингвистике</i>	59
<i>Механизм, порождающий синтаксические концепции</i>	88

ЧАСТЬ 2. ТИПОЛОГИЯ

<i>Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе</i>	92
<i>Залог как грамматическая категория</i>	121
<i>Иерархия грамматических категорий при построении теории залога</i>	131
<i>Дуализм лингвистических знаков</i>	138
<i>Описание и классификация языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний</i>	146
<i>Versuch einer Klassifikation der Sprachen auf der Grundlage von Typen binärer Wortverbindungen</i>	156
<i>Typology and Semiotics</i>	163
<i>Границы и возможности типологии</i>	173
<i>Статический и динамический подходы к проблеме лингвистических универсалий</i>	192
<i>Язык как объект и предмет исследования в семиотике</i>	196

ЧАСТЬ 3. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Этюды по историографии: 50 лет академического лингвистического центра в Ленинграде (в соавт. с А. С. Либерманом). Б. Пастернак и его родные в Берлине. Реформа немецкой орфографии в ФРГ</i>	201
<i>Тезисы докладов</i>	217
<i>Дискуссия по «Аналитической лингвистике» (1971–1977)</i>	233
<i>Материалы по монографии «Аналитическая лингвистика»: Аннотация к монографии «Аналитическая лингвистика». Предисловие к изданию «Аналитической лингвистики» на английском языке (1973). Предисловие к Интернет–изданию «Аналитической лингвистики» (1995)</i>	318
<i>Из личного архива</i>	325
<i>Список научных работ</i>	345
Приложение	
<i>Индекс языков</i>	360
<i>Именной указатель</i>	363
<i>Анотированное оглавление</i>	369
<i>Summary</i>	374

Предисловие

Наука не создается в одиночку. Она является результатом коллективного труда. В первой и второй частях этой книги собраны статьи по проблемам аналитической лингвистики, которые являются уточнением и развитием идей, изложенных в моей монографии «Аналитическая лингвистика» (М., 1970).

Третья часть содержит материалы, отражающие идеи научной среды, в которой я работала. Здесь представлены исследования по проблемам аналитической лингвистики и отзывы на мои работы В. Г. Адмони, О. С. Ахмановой, В. В. Богданова, А. Жуяна, С. Д. Кацнельсона, Ю. Кристофсона, А. С. Либермана, А. Ф. Лосева, Г. П. Мельникова, М. М. Маковского, Ю. С. Маслова, В. П. Недялкова, Д. А. Ольдерогге, Б. Д. Панфилова, В. З. Панфилова, Р. Г. Пиротровского, Г. Г. Почепцова, Ю. В. Рождественского, В. С. Храковского, И. О. Цукермана, С. К. Шаумяна и К. ван Шонефельда.

Многие из них были моими официальными и неофициальными оппонентами во время защиты монографии «Аналитическая лингвистика» в качестве докторской диссертации. Я пользуюсь случаем от души поблагодарить всех, кто взвалил на себя нелегкую ношу – проанализировать «Аналитическую лингвистику». Ее обсуждали не только лингвисты, но и математики – сотрудники вычислительных центров ЛГУ и АН СССР, ВИНТИ, ЛОМИ им. В. А. Стеклова. Неоценимую помощь оказали мне научный редактор книги В. А. Лившиц и редактор издательства Восточной литературы Г. А. Давыдова.

Не менее признательна я всем, кто принимал участие в многочисленных диспутах по аналитической лингвистике и особенно тем, кто выступал на заседаниях в апреле 1970 года и в октябре 1971 го-

да. Очень помогли мне в трудное для меня время В. М. Жирмунский, Л. В. Канторович, Д. А. Поспелов, М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов, И. М. Тронский, – не только добрым словом, поддержкой в диспуте и положительной оценкой книги, но и серьезным разговором о ней. Особенно я хочу отметить огромную роль А. В. Десницкой в моей судьбе. Без нее моя лингвистическая карьера могла бы закончиться в 1966 г.

Я счастлива, что в числе учителей, коллег и друзей я могу назвать имена О. З. Авербух, В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, Е. В. Вертеля, А. П. Володина, Ф. А. Гайдаровой, А. С. Герда, А. В. Groшевой, П. А. Грязневича, А. Л. Грюнберга, Г. А. Давыдовой, А. В. Зубова, А. В. Жугры, А. А. Жукова, Н. Н. Казанского, Е. Р. Крючковой, Ю. К. Кузьменко, А. С. Либермана, В. А. Лившица, С. Ю. Маслова, В. П. Недялкова, Т. Н. Никитиной, Б. Н. Никольского, Д. А. Ольдерогге, Р. Г. Пиотровского, Д. А. Поспелова, Б. Райнеке, Е. А. Реферовской, Ю. В. Рождественского, Т. В. Рождественской, Т. И. Сильман, С. В. Смирницкой, П. А. Соболевой, М. И. Стеблин-Каменского, Л. Г. Степановой, Н. Л. Сухачева, А. А. Холодовича, С. К. Шаумяна, Ю. А. Шрейдера, С. А. Шубика, Г. П. Щедровицкого, Р. Якобсона и многих других.

Всем им посвящается эта книга.

ЧАСТЬ 1. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И КЛАССЫ СЛОВ

Диалог традиций

Давно было известно, что у того или иного конкретного слова есть форма и значение. Но Ф. де Соссюр превратил наблюдаемый всеми эмпирический факт в иллюстрацию закона, обладающего универсальным характером. Этот закон он сформулировал в виде тезиса о знаковом характере слова и рассмотрении одной из его сторон в виде означающего, а второй – в виде означаемого¹.

Ф. де Соссюр сформулировал и другой закон: каждое слово является элементом системы. Эта система – язык. Каждый член системы (языковой элемент) имеет значимость – ту характеристику, которая определяет его роль (положение и функционирование) по отношению к другим элементам системы². Рассмотрение слова как языкового элемента и включение его в инвентарь языковых элементов можно рассматривать как предпосылку для того, чтобы метод, введенный для исследования и описания слова, можно было обобщить и использовать для рассмотрения других языковых элементов, входящих в данную систему.

Следующий шаг сделал Л. Ельмслев. Он показал, что знаки (формально-смысловые целые) собираются из фигур (односторонних единиц плана содержания или плана выражения). Любой язы-

¹ Противопоставление терминов «означающее – означаемое» основано у Ф. де Соссюра на антиномии «акустический образ – понятие» (Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 78). С представлением об акустическом образе слова (или графическом) я связываю термин «форма слова», а с представлением о понятийном образе – термин «значение слова», поэтому, противопоставление этих терминов в моей работе строится на тех основаниях, которые Ф. де Соссюр вводит для дихотомии «означаемое – означающее». В отличие от этого, термин «форма» у Ф. де Соссюра определен как сущность, которая являет себя посредством процесса сочетания акустического и понятийного образов (Ф. де Соссюр. Цит. соч. С. 113). Для многих лингвистов языковая форма – это своеобразный «ген» языка: характеристика, наличие которой у объекта превращает его в единство означаемого и означающего и в силу этого в элемент языка (ср. также: «...сама в себе форма языка есть живая и во всех подробностях одна и та же деятельность силы народного духа... Форма языка, по самому понятию своему, есть одинаковое воззрение на отдельные элементы, составляющие, в противоположность ей, материю». В. фон Гумбольдт. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859. С. 42, 46).

² Ф. де Соссюр. Цит. соч. С. 113.

ковой элемент может выступать как знак (формально-смысловое целое) или как фигура (односторонняя единица, принадлежащая плану содержания или плану выражения)¹.

Далее возник вопрос об интерпретации этой теории на практике. Если какой-нибудь объект мы объявляем языковым элементом, то в силу тезисов Соссюра – Ельмслева и вытекающих из них следствий он должен быть зарегистрирован как знак или как фигура. Поэтому возникает проблема, какие объекты можно называть языковыми элементами, т. е. какие из реально существующих в языке явлений допускают интерпретацию в виде знаков и фигур.

Возможность интерпретации слова, морфемы и предложения как знаков кажется самоочевидной². По вопросу о соотношении означаемого и означающего у этих объектов сейчас имеется литература, которая значительно превосходит все, что было написано в лингвистике до появления тезиса, породившего эту литературу. Но на область «чистых отношений» (связей, структур, функций) тезис Соссюра – Ельмслева о знаковом характере языковых объектов долгое время не распространялся.

В шестидесятые годы XX в. сформировалось новое направление структурной лингвистики – трансформационализм. Еще до этого, в эпоху расцвета дескриптивных грамматик, стало ясно, что перед структурным синтаксисом возникают препятствия, которые ему преодолеть не удается. Синтаксических теорий появлялось все больше, но инструмент для описания языка не совершенствовался.

Несовершенство этого инструмента становилось все очевиднее, поскольку появился критерий для его оценки: корпус тех предложений, которые «порождались» новыми теориями. Сначала такие явления, как возможность включения '*порося*' в один ряд с глаголами '*читалось*' и '*купалось*' вызывали оживленный интерес и остроумные интерпретации³. Затем то, что '*зеленые идеи бешенно спят*', а '*круглые квадраты*' порождаются генеративными грамматиками,

¹ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 305.

² См., например: «Сущности, которые обычно называют сложными предложениями, их частями и словами, ... являются «знаками»». Л. Ельмслев. Цит. соч. С. 302.

³ М. И. Стеблин-Каменский. Значение машинного перевода для языкознания // Материалы по машинному переводу. Сб. 1. Л., 1968. С. 4.

уже никого не удивляло – наступило время теоретического осмысления полученных результатов. Появилась теория Н. Хомского о степенях грамматичности¹.

Публикация работы Н. Хомского сути дела не меняла. Ситуация осталась прежней, хотя ее описанию был придан вид логически обоснованной лингвистической теории. Выход предстояло искать в другом: надо было совершенствовать аппарат, в терминах которого структурный синтаксис мог бы описывать языковые явления.

Этот аппарат следовало сделать достаточно тонким, чтобы он мог фиксировать не только синтагматические явления, лежащие на поверхности языка и выявляемые путем анализа форм данного предложения, но и синтагматические явления, которые находятся в глубине языка и о наличии которых можно судить лишь по таким косвенным показателям, как парадигмы синтаксических конструкций, в которые они входят, трансформации, в которых они участвуют, эквиваленты, которые соответствуют им при переводе на другие языки.

Традиционная грамматика выработала многоаспектный подход к синтагматическим явлениям, в результате которого каждая синтаксическая связь описывалась как сложное явление, обладающее разнообразными признаками. Например, для характеристики связей оказались релевантными² следующие параметры:

- 1) имеет связь одностороннюю или двустороннюю направленность;
- 2) связывает два элемента или больше;
- 3) специфицируется по типу узла или нет, и если специфицируется, какие характеристики узла при этом учитываются;
- 4) является потенциальной или реализованной;
- 5) выступает как парадигматическая или синтагматическая;
- 6) фиксируется как формальная, смысловая или формально-смысловая.

Из ответов на эти и некоторые другие вопросы складывались своеобразные портреты связей – те статические характеристики, которые приписывала связям традиционная грамматика. При по-

¹ N. Chomsky. Degrees of grammaticalness // The structure of language. New York. Englewood Cliffs, 1964.

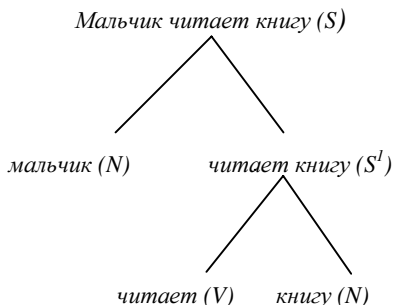
² Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970. С. 17–101.

строении структурных грамматик возникло требование об эксплицитной фиксации всех звеньев лингвистической теории и объективации процедур, на основании которых получают статические характеристики. Иначе говоря, возникло требование о динамическом описании статических характеристик.

Например, фиксируя степень спаянности компонентов целого, можно сказать, что в предложении '*Мальчик читает книгу*' слово '*книгу*' не так связано со словом '*мальчик*', как со словом '*читает*'. Это статическая характеристика взаимоотношения элементов предложения, т. е. характеристика элементов в «пространстве предложения». Можно поступить и по-другому: от пространственного рассмотрения языковых явлений перейти к темпоральному и измерить степень спаянности элементов в пространстве тем количеством операций во времени, которое необходимо для уничтожения (или наоборот, образования) связей в пространстве.

Так, можно отметить, что предложение '*Мальчик читает книгу*' сначала (посредством операции № 1) разбивается на компоненты '*мальчик*' и '*читает книгу*', а затем (посредством операции № 2) – на компоненты '*читает*' и '*книгу*'. Проецируя упорядочение операций исследования (во времени) опять-таки на пространство (но теперь на пространство, которое отводится для фиксации результатов исследования), можно получить схему, известную под названием «Анализ по непосредственным составляющим»:

Схема 1

Анализ по НС – не что иное, как фиксация (с помощью процесса) статической характеристики «степени близости (спаянности)» компонентов целого. Упорядочивая во времени процесса исследования операции по разъединению компонентов в языке, мы описываем

статический параметр с помощью той процедуры, которая производится для его измерения.

Этот статический параметр обычно учитывался в традиционных грамматиках при характеристике соотношения главных и второстепенных членов предложения, а также при обсуждении вопроса об иерархических отношениях в предложении. Вместе с параметрами 1 и 2 он включался как обязательный в описание синтагматических связей.

Аналогично: процедура дистрибутивного анализа может быть соотнесена с той статической характеристикой связи, которая выше была названа специфицируемостью по типу узла (см. параметр 3), – под ней понимается дифференцирование связей в зависимости от типов парадигматических или синтагматических классов, в которые входят узлы.

Обсуждение в структурном синтаксисе вопросов о том, принимать в качестве вершины синтаксической структуры подлежащее или сказуемое, рассматривать актанты как равноправные или устанавливать их иерархию, фиксировать или нет направление стрелок при синтаксическом разборе, можно интерпретировать как попытку динамического обоснования таких статических характеристик связей, как параметры 1 и 2.

Действительно, выбор вершины – это вопрос о том, фиксируется ли точка отсчета, и какая именно, операций по установлению связей в данном предложении, поскольку все остальные операции упорядочиваются по отношению к этой исходной операции, и их порядок отмечается с помощью стрелок или других пространственных меток.

Регистрируя актанты как равноправные, мы тем самым подчеркиваем их несвязанность друг с другом, однопорядковую спаянность с вершиной и одностороннюю направленность связей, идущих от вершины. Наоборот, при иерархизации актантов мы отмечаем различия в степени спаянности актантов с вершиной и друг с другом, а также двунаправленные связи, которые идут либо от актантов, либо по направлению к ним.

По-видимому, любую из статических характеристик можно интерпретировать как результат определенного процесса и тем самым

объективировать в структурном синтаксисе. И наоборот, многие из процедур, разработанных структурным синтаксисом, можно рассматривать как средство экспликации статических параметров.

Поэтому первоочередной становится задача осмысления того, какие именно характеристики объекта помогает вскрывать тот или иной процесс, регистрируемый лингвистами. Смоделировать все статические характеристики, релевантные для традиционной грамматики, означает сделать аппарат структурного синтаксиса достаточно тонким для фиксации признаков, которые умеет различать традиционная грамматика и из-за неразличения которых, по видимому, и возникает большая часть противоречий структурализма.

Одним из признаков, неучет которого особенно остро сказывается на конструировании структурно-синтаксических теорий, является параметр б – характеристика связей по отношению к дихотомии «план содержания – план выражения».

При статической характеристике связей по отношению к этой дихотомии предикативная связь, которую фиксирует между подлежащим и сказуемым традиционный синтаксис, является формально-смысловой, Теньеровские анафорические связи¹ – смысловыми, а связь согласования, как ее определяет Академическая грамматика русского языка², – формальной.

Управление в различных исследованиях по вопросам теории управления и теории сильного управления понимается по-разному. В понимании Л. Ельмслева³ это – формальная связь, в понимании большинства других лингвистов – формально-смысловая⁴. Аналогичным образом можно описать остальные связи, фигурирующие в синтаксических теориях.

Однако сказать, что данная связь является формально-смысловой, формальной или смысловой, мало. Нужно разработать процедуру, с помощью которой формальная связь может быть отделена от смысловой в составе любого формально-смыслового целого.

¹ L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959. P. 83, 84.

² Грамматика русского языка (под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной). Т. II. М., 1960. С. 22.

³ L. Hjelmlev. *La notion de rection* // *Acta linguistica*. 1930. V. 1. Fasc. 1.

⁴ Л. З. Сова. *Аналитическая лингвистика*. М., 1970. С. 89–95.

Только в этом случае можно говорить об уточнении аппарата структурного синтаксиса в отношении параметра б и создании инструмента для характеристики связей по отношению к дихотомии «план содержания – план, выражения».

Охарактеризовать каждую связь по отношению к дихотомии «план содержания – план выражения» и указать процедуру отделения означаемого от означающего в синтагматике означает распространить на связи тезис Соссюра – Ельмслева о делении языковых элементов на знаки и фигуры. Так, формально-смысловую связь на основании этой процедуры можно интерпретировать как знак (единство означаемого и означающего), а формальные и смысловые связи – как фигуры (соответственно плана выражения и плана содержания).

2. Распространение тезисов Соссюра – Ельмслева на все без исключения языковые элементы ставит вопрос о том, с чем связана всеобщность этих тезисов, – с универсальной сущностью исследуемых объектов или с универсальными свойствами исследовательского аппарата. В первом случае возникает предположение, что все языковые объекты (независимо от процесса познания) имеют билатеральный (знаковый) характер. В соответствии с этим любое описание, в котором природа языковых объектов изображается по-другому, является неадекватным (неправильным). Во втором случае можно от эпистемологических проблем перейти к проблемам методологическим и считать «латеральность» тем, что вносит исследователь в обрабатываемый объект, а не тем, что дано ему в этом объекте.

При втором подходе становится закономерным экспериментирование, в процессе которого один и тот же языковой элемент может быть представлен то как монада, то как диада, то как триада и т. д., – если это необходимо для выяснения его сущностных характеристик. Экспериментирование этого типа можно рассматривать как средство познания объекта, поскольку эпистемологические вопросы можно решать не *ad hoc*, а на основании исследования языкового материала и методов, применяемых в его процессе.

В соответствии с этим, от Соссюровского тезиса об означаемом и означающем как компонентах языковых единиц можно перейти к тезису о методе, с помощью которого конструируется такое пред-

ставление о них. Относительность билатерального представления, его зависимость не от свойств познаваемого объекта, а от свойств познающего субъекта при такой трактовке становится очевидной. Первостепенным оказывается вопрос не о том, являются ли языковые единицы знаками, а о том, какие характеристики языковых единиц можно раскрыть, если рассматривать их как знаки. Представление языковых единиц в виде знаков становится средством не только их описания, но и познания.

Аналогично обстоит дело с остальными антиномиями, формулируемыми при противопоставлении традиционной и структурной лингвистик. Если перейти из сферы эпистемологии в область методологии, вряд ли вызовет дискуссию тезис о том, что любой лингвистический объект (например, русский язык) может быть сначала рассмотрен «изнутри» – как некое замкнутое целое, а затем «снаружи» – как элемент какой-то более широкой общности (например, по отношению к другим языкам или к другим состояниям данного языка).

Противоречие «изнутри – снаружи» снимается при методологическом подходе с помощью фактора времени. Объект исследуется сначала изнутри (имманентно), затем снаружи. Введение фактора времени, которое позволяет рассматривать объект и изнутри и снаружи, является обоснованным, поскольку идет речь об упорядочении во времени операций над объектом.

При эпистемологическом подходе приходится говорить об имманентности как свойстве самого объекта. Поэтому получается, что объект должен быть либо имманентным, либо нет. Введение фактора времени здесь означает иное – подмену объекта исследования, потому что оно может быть основано лишь на рассуждении о том, что сначала объект обладал одними свойствами, затем – противоположными, хотя никаких изменений в самом объекте не происходило.

Подобным образом можно интерпретировать остальные тезисы структурной лингвистики: о знаковом характере, динамике, системности и структурности языка, об изоморфизме языковых уровней, о значимостях единиц языка и т. п.

Соответственно, вместо знакового характера языка, его динамического, системного или структурного свойства¹, можно говорить о знаковом (семиотическом), динамическом, системном или структурном подходах (методах, способах) представления языка, изоморфном описанию языковых уровней, методе фиксации значимостей языковых единиц и т. д. Имея в виду результаты применения этих методов, можно фиксировать, что объекты, полученные на основании предпринятых процедур, обладают знаковым, или динамическим, или системным, или структурным характером.

Сопоставляя эти объекты с теми, которые существуют в конкретных языках, можно сформулировать вопросы об их тождествах и различиях, а также исследовать посредством этих тестов природу интересующего нас явления². Итогом рассмотрений может быть переопределение понятийного аппарата лингвистики, базирующееся на описании концептов как абстракций от операций и процедур³ над языковыми элементами, существенные характеристики которых эксплицируются в процессе проведения исследования и обуславливают его.

3. Возвращаясь теперь (уже не с эпистемологических, а с методологических позиций) к проблеме уточнения аппарата структурного синтаксиса, можно поставить вопрос о том, какие еще характеристики языковых элементов эксплицируются с помощью известных нам процессов. В частности, можно рассмотреть с этой позиции

¹ Общее языкознание. Внутренняя структура языка (под ред. Б. А. Серебренникова). М., 1972.

² Не исключено, что выбор аппарата описания объекта обусловлен свойствами самого объекта, т. е. дуалистический характер языковых элементов заставляет исследователя обращаться к методу дуализации, позволяющему фиксировать этот характер. На эту мысль наталкивает двухполушарное строение мозга и наличие связей, устанавливаемых между полушариями в процессе вербальной деятельности. Если это так, принцип параллелизма осуществляется не только между языковыми и лингвистическими элементами, как это отмечено в «Аналитической лингвистике», но также между устройством мозга и способом, который выбирается им для исследования вербальных объектов, т. е. объектов, порожденных мозгом. Можно предположить, что этот же инструмент используется мозгом для познания не только тех объектов, которые он создает, но и тех, которые существуют в объективной действительности без его участия.

³ Ср. с методом построения конструктивных определений в математике (например, в работах по конструктивной логике Л. Э. Брауэра, Г. Вейля, А. Гейтинга, Р. Д. Гудстейна, Н. А. Шанина, С. Ю. Маслова и др.).

проблему соотношения глубинных и поверхностных структур, описываемую в генеративной грамматике, и зафиксировать те аспекты языка, которые удастся эксплицировать с помощью этого инструмента.

Сопоставляя словосочетания *the doctor's arrival* и *the doctor's house*, О. Есперсен отметил, что они имеют различные структурные характеристики¹. Различие в структурных характеристиках выявляется при построении трансформов к данным словосочетаниям: 1) вместо *the doctor's arrival* можно сказать *the doctor arrived*, а для *the doctor's house* аналогичную синонимическую замену произвести нельзя, 2) *the doctor's house* трансформируется в *the doctor has a house*, а *the doctor's arrival* в **the doctor has arrival* – нет.

О. Есперсен показал, что *the doctor's house* и *the doctor's arrival* – структурно-синтагматические омонимы: одна и та же формальная структура служит для выражения различных смысловых структур. Формальная структура может быть зафиксирована непосредственно при анализе синтаксической структуры, а смысловая – путем соотнесения с синонимом, устанавливаемым на основании метода трансформаций.

Рассматривая каждый трансформационный переход как способ экспликации определенной смысловой связи, можно дать различным переходам те или иные названия и в их терминах зафиксировать смысловые связи в исходных словосочетаниях. Например, трансформационный переход *the doctor's arrival* → *the doctor arrived* можно связать с понятием агентивной связи, а переход *the doctor's house* → *the doctor has a house* – с понятием посессивной.

Соответственно в словосочетании *the doctor's arrival* (на основании возможности первого трансформа) устанавливается агентивная связь, а в словосочетании *the doctor's house* (на основании возможности второго трансформа) – посессивная.

Усложним исходные примеры. Вместо словосочетания *the doctor arrival* рассмотрим словосочетание *the arrival of the doctor's car*. С помощью трансформаций выделим в последнем словосочетании смысловые связи: посессивную (между словами *doctor* и *car*) на основании трансформа *the doctor's car* → *the doctor has a car* и аген-

¹ О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958. С. 194.

тивную (между словами *arrival* и *car*) на основании трансформации *the arrival of the car* → *the car arrived*.

Процесс проведения трансформаций разобьем на этапы. Будем считать, что на каждом этапе эксплицируется одна определенная смысловая связь (она, и только она). Зафиксируем это представление процесса проведения трансформаций.

Способов фиксации может быть много. Например, в качестве одного из них может выступать запись, в которой каждая фраза соответствует результатам одного этапа¹:

1) *the arrival of the doctor's car*

2) *the doctor has a car, the arrival of the car*

3) *the doctor has a car, the car arrived*

4) *arrived = f₁ (the car = f₂ (the doctor))*, где f_1 – агентивная связь, а f_2 — посессивная связь.

Обычно фразу 1 называют поверхностной структурой, фразу 4 – глубинной структурой.

Посмотрим, что представляют собой эти фразы с точки зрения соотношения формы и значения в языке. На первый взгляд, кажется, что поверхностная структура (фраза 1) – явление плана выражения, а глубинная структура (фраза 4) – явление плана содержания. Однако более внимательный анализ показывает, что на всех этапах деривации мы имеем дело не с фигурами, т. е. односторонними (формальными или смысловыми единицами), а со знаками (т. е. формально-смысловыми элементами).

Действительно, если фразы 1–4 рассматривать снизу вверх, можно отметить, что переход от фразы 4 к фразе 1 через посредство фраз 3 и 2 отражает процесс формирования смысла, представленного во фразе 4, средствами английского языка.

¹ Ср. с фиксацией синтаксического вывода в работе: С. К. Шаумян. *Философские вопросы теоретической лингвистики*. М., 1971. С. 118—119. Возможны и другие способы, например, фиксация процесса проведения трансформаций с помощью деревьев (ср.: Н. Harman. *Deep structure as logical form // Synthese*. 1970. N 21; R. Langacker. *Language and its structure. Some fundamental linguistic concepts*. New York, 1968).

В любой из четырех фраз фиксируется некоторый смысл (назовем его смысловой структурой), но фиксируется по-разному: в фразе 4 – средствами искусственного языка, лишь частично совпадающими со средствами исследуемого языка (ср., например, такие метасимволы в фразе 4, как f_1 , f_2 и т. д., в терминах которых описывается смысловая структура фразы 1). В фразах 3 и 2 из метасимволов остается только запятая (ср. значение «обычной» запятой со значением метазапятой, представленным в фразах 2 и 3), в фразе 1 метасимволов нет.

Фактически перед нами четыре способа выражения одного и того же смысла на разных языках и соответственно четыре формальных структуры, сопоставленных одной и той же смысловой структуре. В каждой из фраз (в том числе и в фразах, соответствующих глубинной и поверхностной структурам) можно выделить форму и значение. Смысловая структура является тем общим, что объединяет фразы 1–4. Смысловой план каждой фразы не ограничивается смысловой структурой. Формируя смысл, мы пользуемся средствами определенного языка, и в системе каждого языка формальные средства имеют определенную значимость.

Фразы 1–4 можно рассматривать как фразы из разных языков. В смысловой части каждой из них можно выделить два компонента: тот, который ранее был назван смысловой структурой фразы, и тот, который определяется значимостью входящих в ее состав форм. Первый можно рассматривать как смысловой инвариант, второй – как смысловой спецификатор. К инвариантной для всех фраз смысловой структуре как бы добавляется при ее фиксации некий смысловой компонент, равный значимости используемых форм. В силу этого каждая фраза в смысловом плане не только похожа на другую, но и отличается от нее.

Обратимся к формальному плану фраз. Специфичность форм очевидна. Все фразы имеют различные формальные структуры, т. е. иерархии таких формальных связей, как согласование, управление, примыкание и т. д. Инвариантный компонент менее заметен. Чтобы его эксплицировать, обратимся к процессу перевода. Как было отмечено, *the doctor's arrival* и *the doctor arrived* имеют одну и ту же смысловую структуру. Она сохраняется не только при переводе на искусственные языки (см. фразы 1–4), но и при переходе от одного

естественного языка к другому, например, при переводе указанных английских словосочетаний на русский язык.

Если бы инвариантом, сохраняющимся при переводе, была только эта смысловая структура, подбор эквивалентов при переводе базировался бы лишь на одном свойстве: тождестве смысловых структур. Например, зафиксировав, что русское словосочетание '*доктор прибыл*' имеет такую же смысловую структуру, как английское словосочетание *the doctor's arrival*, задачу о переводе *the doctor's arrival* на русский язык можно было бы считать решенной. Однако на самом деле все обстоит сложнее. При поиске русского эквивалента к английскому словосочетанию *the doctor's arrival* приходится обращать внимание не только на смысл фразы, но и на ее оформление.

Каждое слово английской фразы входит в некоторый формальный класс – существительных, глаголов, предлогов и т. д. Классы образуют систему. Внутри нее они имеют определенные значимости. Разные языки имеют разные системы классов и соответственно разные значимости отдельных классов. Тем не менее, при сопоставлении различных языков можно зафиксировать классы с более близкими и более отдаленными соответствиями. При переводе степень близости формальных классов по значимостям учитывается не меньше, чем тождество смысловых структур. Например, при наличии в русском языке словосочетаний с одной и той же смысловой структурой '*доктор прибыл*' и '*прибытие доктора*' мы останавливаемся на словосочетании '*доктор прибыл*', когда видим английское *the doctor arrived*, и на словосочетании '*прибытие доктора*', когда речь идет об английском *the doctor's arrival*, но не наоборот.

При переводе мы стараемся сохранить не только смысловую составляющую, но и формальную: общность в формальных средствах, которые используются при построении исходного словосочетания и его эквивалента. То, что стоит за выбором из двух равнозначных (по смысловой структуре) форм, может быть зафиксировано как формальный инвариант фразы. Формальная структура фразы, о специфическом характере которой говорилось выше, представляет собой не что иное, как совокупность формальных элементов, «отобранных» по требованиям, обусловливаемым формальным инвариантом, из арсенала формальных средств, которые имеются в данном языке.

С точки зрения соотношения формы и значения, приведенные выше четыре фразы (в том числе, глубинную и поверхностную структуры) можно охарактеризовать так. В каждой фразе выделяются формальный и смысловой компоненты, состоящие из инвариантной и специфической частей. Смысловым инвариантом является смысловая структура фразы, смысловым спецификатором – ее значимостная характеристика, формальным инвариантом – общность формальных средств, которыми пользуются различные языки при построении формальных структур предложений-эквивалентов, и, наконец, формальным спецификатором – формальная структура фразы как иерархия формальных узлов и связей, посредством которой манифестируется формальный инвариант.

Смысловая структура и формальный инвариант выступают как означаемые, а значимостная характеристика фразы и ее формальная структура – как означающие. Образуются две пары «означаемое – означающее»: 1) смысловая структура фразы (означаемое) – значимостная характеристика фразы (означающее), 2) формальный инвариант фразы (означаемое) – формальная структура фразы (означающее). В свою очередь, смысловой инвариант и смысловой спецификатор образуют одну совокупность (смысловую), а формальный инвариант и формальная структура – другую совокупность (формальную). По отношению друг к другу первая композита выступает как означаемое, вторая – как означающее.

Фраза как формально-смысловое целое может быть представлена как знак, каждая из сторон которого фиксируется также как знак. Эти результаты можно изобразить в виде схемы 2.

Схема 2

Противопоставление инвариантов и спецификаторов в терминах схемы 2 можно обозначить как оппозицию $x + \Delta x/y + \Delta y$. Формальный инвариант и смысловой спецификатор настолько малы по сравнению со смысловым инвариантом и формальным спецификатором, что их можно обозначить как бесконечно малые приращения и, не учитывая при построении теории перевода¹, аппроксимировать $x + \Delta x$ (инвариант) через $x + \Delta y$ (смысловую структуру), а $y + \Delta y$ (спецификатор) – через $y + \Delta x$ (формальную структуру).

Аналогично можно поступить и при построении теорий синонимии и омонимии². При исследовании антиномий гипотезы лингвистической относительности и принципов типологического описания разноструктурных языков приходится отказаться от этих аппроксимаций и учитывать не только оппозицию первого порядка (означаемое x – означающее y), но и оппозиции второго порядка: $x + \Delta x/y + \Delta y$, $x/\Delta x$, $\Delta y/y$, $x + \Delta y/y + \Delta x$ ³.

Хотя эти выводы сформулированы только на примере фраз 1–4, их можно распространить на любое словосочетание или предложение как искусственного, так и естественного языка. Так, если вместо фраз 1–4 взять словосочетание *the arrival of the doctor's car*, для которого и были построены примеры 1–4, то можно увидеть, что синтаксическая структура этого словосочетания допускает такую же параметризацию, как фразы 1–4.

¹ Л. З. Сова. Инвариант структурно-синтагматических отношений // Статистика речи и автоматический анализ текста 1972. Л., 1973.

² Л. З. Сова. Автоматическое распознавание смыслового образа в синтаксисе // Статистика речи и автоматический анализ текста 1974. Л., 1975.

³ Если смысловой спецификатор (первое означающее) и формальный инвариант (второе означаемое) не учитывать, смысловую составляющую можно приравнять смысловой структуре (первому означаемому), а формальную составляющую – формальной структуре (второму означаемому). В этом случае суждение: «смысловая структура – это означаемое синтаксической структуры, а формальная структура – ее означающее» остается истинным, но суждение: «смысловая структура – это означаемое формальной структуры, а формальная структура – означающее смысловой структуры» – нет. Используя метонимию: «то, что фиксируется посредством глубинной структуры, равно глубинной структуре, и то, что фиксируется посредством поверхностной структуры, равно поверхностной структуре», а также памятуя о возможности отмеченной выше аппроксимации, можно прийти к тому, что глубинная структура приравнивается к смысловой структуре и инварианту, а поверхностная структура – к формальной структуре и спецификатору.

В частности, значение данного словосочетания может быть описано в терминах двух составляющих: смысловой структуры и значимости, фиксируемой посредством трансформационной деривации. Смысловая структура при этом выступает как некая сущность, позволяющая объединить фразы 1–4 в единый деривационный процесс, а сам этот процесс зафиксировать как способ формирования смысловой структуры.

В пользу такого рассмотрения синтаксической структуры при анализе языкового материала говорят следующие соображения. Для экспликации одной и той же смысловой структуры разные языки обычно используют разные наборы трансформов (их количество и типы). Это свидетельствует о том, что формирование одной и той же смысловой структуры осуществляется в них по-разному. Чтобы сделать описания языков сопоставимыми, надо сначала выделить то общее, что есть у них как в смысловом, так и в формальном плане, а затем регистрировать их специфику. Этого не сделать в синтагматическом плане, если не зафиксировать каждую синтаксическую структуру в соответствии со сформулированными выше принципами.

Необходимость выделения инварианта и спецификатора не ограничивается практической целесообразностью. Не менее важно, что установление инварианта и спецификатора позволяет согласовать построение синтаксических структур с теорией лингвистической относительности и объединить их в непротиворечивую систему.

4. Подведем итоги рассмотрения различных способов экспликации синтаксической информации. И метод построения глубинных – поверхностных структур, и метод дуализации, и метод выделения инварианта и спецификатора перевода, и все остальные «динамические» методы структурной лингвистики, о которых шла речь выше, связаны с энергетическим описанием языка, т. е. с описанием, которое строится при использовании средств создания искусственной темпоральной перспективы.

С помощью метода дуализации динамика синхронии фиксируется как процесс по слиянию/разделению формы и значения, с помощью метода отделения инварианта от спецификатора – как процесс взаимопроникновения общего и частного. Посредством метода построения глубинных/поверхностных структур в описание синхро-

нии вводятся процессы еще одного типа – компрессии/расширения синтаксической информации.

В глубинной структуре информация обо всех синтаксических отношениях представлена в явной («расширенной») форме. Переход от глубинной структуры к поверхностной можно рассматривать как экспликацию этой информации. Поверхностная структура – это предельное для данного языка сжатие информации, представленной в глубинной структуре.

Можно зафиксировать и другие разновидности процессов, с помощью которых синхрония моделируется как динамическое явление. Например, можно сконструировать процесс прибавления (апликации) языковых элементов к исходному, результатом чего является образование целого из частей¹.

Порождение целого можно также представить на основании иного процесса – вычитания реализованных элементов из потенции исходного объекта. В этом случае происходит своеобразное «считывание генетического кода» исходного объекта, например, кода потенций глагольном лексеме, и «вычеркивание» из потенциальных возможностей тех, которые уже реализовались посредством отдельных языковых элементов. По мере убывания потенциальной («кодовой») цепочки ядра растет реализованная в речи цепочка элементов его окружения².

Каждый из этих и аналогичных им синхронных процессов выступает как инструмент для описания и познания языка в каком-то одном определенном аспекте. В качестве такого инструмента эти процессы должны быть введены в аппарат структурного синтаксиса, на базе которого строятся модели прикладной лингвистики.

Создавая с помощью того или иного процесса и стоящего за ним комплекса методов представление объекта и сравнивая различные способы представлений, мы получаем средство для организации процесса познания в лингвистике³.

¹ С. К. Шаумян. Структурная лингвистика. М., 1965.

² Основания для такого рассмотрения структуры предложения представлены в работе: Л. З. Сова. Лингвистика синтеза. СПб., 2007.

³ Работа является одним из разделов неопубликованной монографии «Проблемы операционной грамматики». Ее фрагменты напечатаны в виде статей: Л. З. Сова. Эпистемологические и методологические вопросы структурной лингвистики //

Aspects of deep structure

Comparing the phrases *the doctor's arrival* and *the doctor's house*, O. Jespersen¹ noted that they have different structural characteristics. The difference is brought out by the transforms: 1) instead of *the doctor's arrival* we can say *the doctor arrived*, but *the doctor's house* does not admit of a similar transformation, 2) *the doctor's house* can be transformed into *the doctor has a house*, while *the doctor's arrival* cannot.

In other words, *the doctor's house* and *the doctor's arrival* are structurally-syntagmatic homonyms: one and the same formal structure serves to express different sense structures, – the fact, which is made explicit by transformation. Thus, it follows from the above analysis that the syntactic structure of the phrase – taken as a unity of form and sense – falls into two parts: a formal structure and a meaning structure. The formal structure can be fixed during the immediate analysis of the syntactic structure; the meaning structure only emerges from comparison with its synonym yielded by transformation.

We can view each step of transformation as the means of explicating some meaning relation and assign different names *to* different steps so as to use them later and fix meaning relations in the phrase to be investigated. For example, the transformation of *the doctor's arrival* into *the doctor arrived* can be referred to in the terms of the agentival relation, and that of *the doctor's house* into *the doctor has a house* can be made in the terms of the possessive relation. Consequently, we state the agentival relation in the phrase *the doctor's arrival* (on the basis of the first transform) and the possessive relation in *the doctor's house* (on the basis of the second transform).

Let us complicate our examples and instead of *the doctor's arrival* consider the phrase *the arrival of the doctor's car*. By means of transformation let us state two meaning relations in it: possessive

Структура предложения и классы слов в романо-германских языках. Вып. 3. Калинин, 1974. С. 5–21 и Л. 3. Сова. Аспекты глубинной структуры // Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков. Ленинград, 1975. С. 56–60, а также оглашены в моем вступительном слове на защите докторской диссертации 16.06.1972 г.

¹ O. Jespersen. *The philosophy of grammar*. London, 1929. P. 136.

(between the words *doctor* and *car* on the basis of the transform *the doctor's car – the doctor has a car*) and agentival (between the words *arrival* and *car* on the basis of the transform *the arrival of the car – the car arrived*).

Let us break the transformational process into several steps. We shall assume that each step explicates one and only one sense relation and that in order to do it one definite transformation is used. Let us fix the representation of the transformational process. Obviously, there may be many ways to do it. For example, we may suggest the notation where each phrase corresponds to the results of one step¹:

- 1) *The arrival of the doctor's car*
- 2) *The doctor has a car, the arrival of the car*
- 3) *The doctor has a car, the car arrived*
- 4) *Arrived = f_1 (the car = f_2 (the doctor))*, where f_1 is the agentival relation and f_2 – the possessive relation.

Phrase 1 is usually called surface structure, and Phrase 4 is called deep structure.

Let us examine how these phrases are related to the dichotomy form/meaning in language. At first sight, surface structure belongs to the form and deep structure – to the content. But on the second thought we see that at all steps of derivation we deal not with the figures, i. e. unilateral (formal or meaning) units, but with the signs (i. e. with the form-and-meaning elements).

If we examine Phrases 1–4 from bottom to top, we can note that the transition from Phrase 4 to Phrase 1 via Phrases 2 and 3 reflects how the language is forming the sense represented by Phrase 4. Each of four phrases fixes some sense (let us call it meaning structure), but each does it in its own way. Phrase 4 does it by means of an artificial language which only partly coincides with the means of the language under consideration (cp., for example such meta-symbols in Phrase 4 as f_1 , f_2 , etc., in whose terms the sense structure of Phrase 1 is described), in Phrases 3 and 2 only one comma re-

¹ Cf. this one, for example, with the fixation of the semantic inference in: S. K. Šaumjan. *Philosofskije voprosy teoretičeskoj lingvistiki* (Philosophical Problems of Theoretic Linguistics). Moscow, 1971. P. 118–119. There may be another way: to fix the transformational process by means of a tree (see: H. Harman. *Deep structure as logical form* // *Synthese*. 1970. N 2; R. Langacker. *Language and its structure. Some fundamental linguistic concepts*. New York, 1968, etc.).

mains of all the meta-symbols (cp., the meaning of ordinary comma with that of the meta-comma represented in Phrases 2–3), in Phrase 1 there are no meta-symbols at all.

Thus, we actually have four ways of expressing one and the same sense in different languages, corresponding to one and the same meaning structure. So in each phrase (corresponding to the deep as well as to the surface structure) we can single out form and meaning.

Meaning structure is the common part, which unites the four phrases. But the sense plane of every phrase is not confined to its meaning structure. While forming the sense, we use the means of a definite language, and in the system of each language formal means have their own peculiar value. We have shown above, that Phrases 1–4 can be viewed as constructed in different languages. So we can single out two components in the sense part of each of them: the one that has been earlier referred to as meaning structure and the one, which is determined by the values of constituent forms. The first of them can be viewed as the sense invariant, the second – as the sense specified: in the process of its fixation we have, as it were, added a new sense component, equal to the value of the forms we use. Consequently, each phrase – in regard to its sense – is both like and unlike any other.

Let us turn to the formal plane of the phrases. The peculiarity of the form is evident: all phrases have different formal structures, i. e. hierarchies of their formal relations, such as agreement, government, adjoinment, etc. The invariant component is less obvious. In order to explicate it let us turn to the process of translation.

We have already noted that *the doctor's arrival* and *the doctor arrived* have identical meaning structure. It is retained not only during translation into artificial languages, but also when we shift from one natural language to another, for example, when we translate the aforementioned English phrases into Russian. If the invariant retained in translation were only this meaning structure, the choice of equivalents would be based exclusively on the identity of meaning structures. For example, after fixing the fact that the Russian phrase *doctor pribyl* (*the doctor arrived*) has the same structure as the English phrase *the doctor's arrival*, we might consider the task of trans-

lating the English phrase *the doctor's arrival* into Russian accomplished.

But actually, it is all much more difficult. Looking for a Russian equivalent of the English phrase *the doctor's arrival*, we pay attention both to the meaning of the phrase and to its form. Every word of the English phrase enters into some formal class (nouns, verbs, prepositions, etc.). Classes make up a system and have their special values within it. Different languages have different systems of classes and, consequently, different values of separate classes.

However, comparing different languages, we may fix classes with more or less close (resp. remote) correspondences, and in translation the degree of proximity of formal classes with regard to their value is no less important than the identity of meaning structures. For example, though we have in Russian two phrases with the same structure *doctor pribyl* (*the doctor arrived*) and *pribytije doctora* (*the doctor's arrival*), we prefer the phrase *doctor pribyl*, when we see *the doctor arrived*, and *pribytije doctora* in the case of *the doctor's arrival*, and not vice versa.

In translation we try to retain not only some sense constituent, but the formal constituent too, i. e. the similarity in the formal means used in setting up both phrases. That which stands behind the choice between two semantically equivalent forms may be fixed as the formal invariant of the phrases. The formal structure of the phrase (whose peculiarity has been already touched upon) is nothing but a sum of formal elements, "selected" from the arsenal of the requisite means of the language according to the demands of the formal invariant.

Thus, from the point of view of the form/meaning dichotomy the four phrases (including the deep and the surface structures) may be characterised in such a way. Each phrase falls into the formal and the meaning components as the composites consisting of the invariant and the specific parts. The meaning structure is the sense invariant. Its value characteristics are its sense specified. The common formal means used by different languages in the building of equivalent formal phrase structures is the formal invariant. And, at last, the formal phrase structure as the hierarchy of formal nodes and connections whereby to manifest the formal invariant is the formal specified.

As we judge of the meaning structure of the phrase by its value, and of the formal invariant – by formal structure, both meaning structure and the formal invariant emerge as the signifier, while the value characteristics of the phrase and its formal structure emerge as the corresponding signified. Thus we have two pairs of “signifier – signified”: 1) the sense structure of the phrase (signified) – the value characteristics of the phrase (signifier), 2) the formal invariant of the phrase (signified) – the formal structure of the phrase (signifier).

In their turn, the sense invariant and the sense specified make up one sense whole, and the formal invariant and formal structure make up one formal whole. In relation to one another, the first composite is the signified and the second is the signifier. It follows that the phrase as a unity of sense and forms is a sign, each side of which is also fixed as a sign¹.

We have formulated these conclusions about Phrases 1–4, and they explicate the inner meaning of the sense field, which we connect with the terms of deep structure and surface structure. But they can be extended to any phrase or sentence of an artificial or natural language. For example, if instead of Phrases 1–4 we examine the phrase *the arrival of the doctor's car*, – for whose analysis Phrases 1–4 have been built, – we shall see that its syntactic structure lends itself to the same parameterisation as Phrases 1–4. The meaning of this phrase is been described in the terms of two constituents: the meaning structure and the value fixed by means of the transformational derivation. The meaning structure is a certain entity, allow-

¹ In practical work these results are usually approximated in such a way. If the sense specified (the first signifier) and the formal invariant (the second signified) are left out of consideration, the sense constituent can be equaled to the meaning structure (the first signified) and the formal constituent to the formal structure (the second signifier). In this case the proposition: “the meaning structure is the signified of the syntactic structure, and the formal structure is its signifier” remains true, but the proposition: “the meaning structure is the signified or the formal structure, and the formal structure is the signifier of the meaning structure” is false. Moreover, using the metonymy: “that, which is fixed by means of deep structure, is deep structure”, “that, which is fixed by means of surface structure, is surface structure” and bearing in mind the possibility of the aforementioned approximation, we come to the conclusion that the deep structure can be equaled to the meaning structure and the invariant, and the surface structure – to the formal structure and the specified. This approximation is sometimes convenient in practical work, but in the analysis of some theoretical concepts, for example, the antinomies of the theory of linguistic relativity it leads us nowhere.

ing represent Phrases 1–4 as a single derivational process. The process itself is fixed as a means to form the meaning structure.

There are several practical considerations, which bear out our analysis of the syntactic structure. In order to explicate one and the same meaning structure, different languages usually resort to sets of transforms differing in number and type, which means that the forming of one and the same sense structure proceeds along different lines in them. We shall be able to compare the descriptions of these languages only if we firstly single out their common part, both in sense, and in form and then register their peculiarities. As to the syntagmatic plane, this cannot be achieved unless we fix every syntactic structure in accordance with the principles formulated above.

But the necessity to fix the invariant and the specified is not limited to these practical needs. Of equal importance is the fact that distinguishing the invariant and the specified allows us to correlate the theory of syntactic structure with that of linguistic relativity and to unite them within one non-contradictory system.¹

¹ The paper appeared in: Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists. II. Bologna, 1975. P. 507–510.

Валентность и транзитивность с позиции лингвистического дуализма

1. Обычно, когда в лингвистике говорят о валентности какого-либо элемента (a), имеют в виду количество (n) элементов (a_1, a_2, \dots, a_n), с которыми он связан в синтагматической цепи.

Из этого определения следует, что если синтагматическую цепь, в состав которой входит элемент a , разобрать на звенья – «синтагматические кирпичики» ($a_1, a_2, \dots, a_n, \dots, a_s$, где $a = a_s, s > n$), затем отделить те звенья (a_1, a_2, \dots, a_n), которые связаны с элементом a , от тех звеньев (a_{n+1}, \dots, a_{s-1}), которые не связаны с ним, то, сосчитав звенья, связанные с a , можно сказать, какую валентность имеет a .

Так, в предложении *'На берегу реки стоял дом с мезонином'* можно выделить три звена: 1) *'на берегу реки'*, 2) *'стоял'*, 3) *'дом с мезонином'* и, отметив, что первое и третье звенья связаны со вторым, определить валентность второго звена (*'стоял'*) равной 2.

Ту же задачу можно решить иначе. Считая, что предложение *'На берегу реки стоял дом с мезонином'* «разбирается» на семь синтагматических звеньев: 1) *'на'*, 2) *'берегу'*, 3) *'реки'*, 4) *'стоял'*, 5) *'дом'*, 6) *'с'*, 7) *'мезонином'*, можно отделить первое и пятое звенья от второго, третьего, шестого и седьмого как непосредственно связанные и непосредственно не связанные с четвертым, и на этом основании утверждать, что валентность четвертого звена (*'стоял'*) равна 2.

2. Определение валентности a через количество связей, характеризующих a , будет неполно, если не указать, какая именно характеристика элемента a учитывается в определении, – потенциальных возможностей a (назовем ее характеристикой a в плане языка) или реализованных возможностей (назовем ее характеристикой a в плане речи).

Так, в примере, приведенном выше, элемент a определен в плане речи, поскольку в плане языка возможно предложение, в котором элемент *'стоял'* будет, например, трехвалентным (*'Уже с месяц'*) (*'на берегу реки'*) (*'стоял'*) (*'дом с мезонином'*).

В плане языка каждому элементу можно сопоставить его постоянную валентность – по тому максимальному количеству звеньев, с которыми он может быть связан в синтагматической цепи. Предло-

жения, с которыми мы имеем дело в плане речи, можно рассматривать как различные варианты, посредством которых реализуется способность каждого элемента к сочетаниям. Валентность элемента в различных речевых вариантах (B_p) может быть различной, но не должна превышать его языковой валентности (B_λ):

$$B_p \leq B_\lambda, \text{ где } B_\lambda = \text{const.}$$

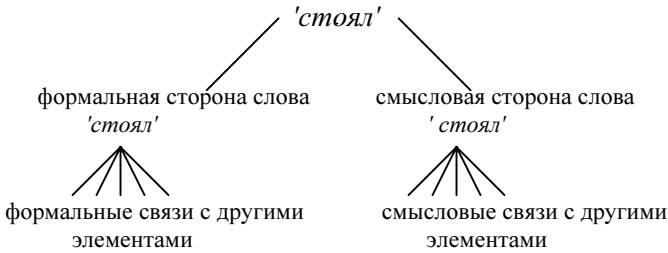
Так, если в предложениях '*На берегу реки стоял дом с мезонином*' и '*Бери!*' определять валентность элементов '*стоял*' и '*бери*' только на основании данных предложений, без апелляции к плану языка, то можно заключить, что валентность элемента '*брать*' ниже валентности элемента '*стоять*'. Встретив предложение '*Ты не брал у меня денег?*' придется констатировать, вопреки прежнему выводу, что валентность элемента '*брать*' выше валентности элемента '*стоять*'.

Если же с самого начала исходить из того, что валентность '*брать*' в плане языка равна, например, 6 (B_λ '*брать*' = 6), а валентность '*стоять*' – 4 (B_λ '*стоять*' = 4), то наличие перечисленных предложений не помешает сказать, что B_λ '*брать*' > B_λ '*стоять*', хотя какой-то из вариантов B_λ '*брать*' в плане речи, равный, например, 1 (B_{p_i} '*брать*' = 1), меньше какого-то из вариантов B_λ '*стоять*' в плане речи, равного, например, 2 (B_{p_j} '*стоять*' = 2).

3. Возвратимся к предложению '*На берегу реки стоял дом с мезонином*'. Выше было показано, что валентность синтагматического элемента '*стоял*' может быть установлена двумя путями. В первом случае речь шла о связи между элементами '*стоял*' и '*дом с мезонином*' (или о связи между элементами '*стоял*' и '*на берегу реки*'), во втором случае – о связи между элементами '*стоял*' и '*дом*' (или о связи между элементами '*стоял*' и '*на*').

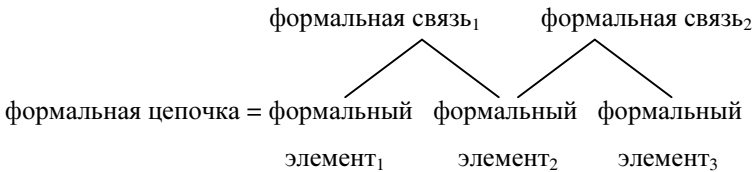
Сравнивая оба пути решения данной задачи, можно прийти к выводу, что в первом случае, говоря о валентности, мы думаем о смысловых связях, в которые вступает слово '*стоял*', во втором случае – о формальных.

Таким образом, слово '*стоял*' выступает как двусторонний формально-смысловый элемент, «разные стороны» которого участвуют в связях разного типа – формальных или смысловых:

В соответствии с этим подходом, т. е. учитывая дуализм лингвистических элементов¹, можно говорить о двух типах валентности (отдельно для формальных связей, отдельно – для смысловых), отличая формальную валентность синтагматических элементов от смысловой. Поэтому, если рассматривать предложение как формальную цепочку, то нужно членить эту цепочку на единицы формального плана (т. е. формальные элементы), между которыми существуют формальные связи, и на этом основании говорить о формальной валентности того или иного формального элемента, например:

Схема 2

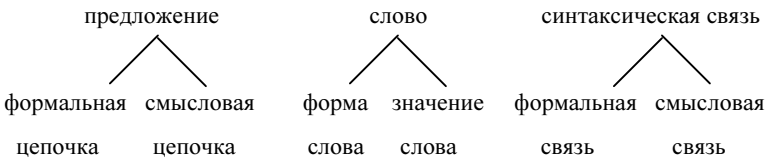
Если подходить к предложению как к смысловой цепочке, можно сказать, что она состоит из единиц смыслового плана (т. е. смысловых элементов), между которыми установлены смысловые связи (см. схему 3).

Соответственно можно определить и смысловую валентность – как валентность того или иного смыслового элемента, обусловленную количеством смысловых связей, в которые он вступает в смысловой цепочке.

¹ См. Л. З. Сова. Дуализм лингвистических знаков // Народы Азии и Африки. 1966. № 6.

Поскольку мы считаем, что слова, предложения и синтаксические связи – это все двусторонние формально-смысловые элементы, которые можно собирать из «сторон» формы и смысла, то такую же возможность надо предусмотреть и для валентности. Наряду с дуалами на схеме 4 появляется еще один дуал на схеме 5.

5. Перейдем к проблеме транзитивности. В словосочетании '*рублю дрова*' элемент '*рублю*' связан с элементом '*дрова*' формально и по смыслу (имеет на него формальную и смысловую валентность). При этом в смысловом плане действие, выраженное словом '*рублю*', переходит на объект, выраженный словом '*дрова*', а в формальном плане словоформа '*дрова*' подчиняется словоформе '*рублю*' посредством связи «прямое управление винительным падежом».

В словосочетании '*нарубил дров*' элемент '*нарубил*' также имеет формальную и смысловую валентность на элемент '*дров*'. В смысловом плане здесь действие также переходит на объект, но в формальном плане связь «прямого управления винительным падежом» отсутствует.

В словосочетании '*сидел целый час*' один элемент словосочетания '*сидел*' имеет формальную и смысловую валентность на другой

элемент ('целый час'). При этом наличествует формальная связь «прямого управления винительным падежом», хотя в смысловом плане действие и не переходит на элемент, обозначенный посредством сочетания 'целый час'.

Глагол 'рубить' обычно называют транзитивным, а глаголы 'нарубить' и 'сидеть' – нет (см. таблицу 1).

Таблица 1

Смысловой план: действие, переходящее на объект	Формальный план: прямое управление винительным падежом	Глаголы	Транзитивность
+	+	'рубить'	+
+	-	'нарубить'	-
-	+	'сидеть'	-

В русской грамматике транзитивным называется только такой глагол, для которого соблюдаются одновременно два требования: переходность на объект в смысловом плане и прямое управление в формальном плане.

Наличие одного из этих требований не является достаточным условием для отнесения глагола в русском языке к разряду транзитивных. Поэтому можно предположить, что в русском языке транзитивность – двусторонний¹ лингвистический элемент, одной стороной которого является формальная транзитивность («прямое управление винительным падежом»), а другой – смысловая транзитивность («действие, переходящее на объект»)².

Следовательно, возникает еще один дуал:

¹ Если бы транзитивность в русском языке была смысловой категорией, глаголы 'рубить' и 'нарубить' считались бы транзитивами, а глагол 'сидеть' – интранзитивом. Если бы транзитивность была формальной категорией (управление винительным падежом имени без предлога), глаголы 'рубить' и 'сидеть' признавались бы транзитивами, а глагол 'нарубить' – интранзитивом. Поскольку это не так, остается предположить, что транзитивность в русском языке является формально-смысловой категорией.

² На факт двусторонности обратил внимание лингвистов еще Э. Сэпир. Описывая язык такелма, он отмечал, что транзитивация бывает двух типов: логическая и формальная (E. Sapir. The Takelma Language of South-Western Oregon // F. Boas. Handbook of American Indian Languages. Washington, 1922. P. 138 etc.).

Сравнивая в русском языке категорию валентности с категорией транзитивности, можно сказать, что транзитивные глаголы – это глаголы, которые, будучи сказуемыми, имеют валентность, определяемую как элемент формально-смыслового плана.

Транзитивность как бы синтезируется из двух компонентов при соблюдении следующих условий: 1) требования формально-языкового плана, которое для русского языка состоит в оформлении зависимого слова посредством винительного падежа имени, и 2) требования смыслового плана, в соответствии с которым сказуемое должно описывать действие, непосредственно направленное на объект.

6. Возникает вопрос: во всех ли языках транзитивность определяется аналогично русскому языку, т. е. как элемент формально-смыслового плана.

Отвечая на него, необходимо, исходя из логических возможностей, предусмотреть три случая:

- 1) языки, для которых транзитивность определяется как формально-смысловой элемент;
- 2) языки, для которых транзитивность определяется как формальный элемент;
- 3) языки, для которых транзитивность определяется как смысловой элемент.

Обращаясь к исследованиям разноструктурных языков, можно отметить, что описание большинства из них строится в соответствии с первой логической возможностью. В качестве примера таких языков можно привести славянские, романо-германские, банту, многие индейские¹ и другие языки.

¹ См.: M. Barker. Klamath texts. Berkeley, Los Angeles. 1963. W. Bright. The Karok Language. Berkeley, Los Angeles. 1957. S. Broadbent. The Southern Sierra Miwok Language. Berkeley, Los Angeles. 1964. W. Shipley. Maidu Grammar. Berkeley, Los Angeles. 1964.

7. Если транзитивность рассматривается как формально-смысловой элемент, требования формально-языкового плана о типе оформления зависимого слова являются специфическими для каждого языка (так, в русском языке – это винительный падеж имени без предлога, в языке зулу – основная форма имени и т. д.)¹.

8. Условие смыслового плана, позволяющее считать тот или иной глагол транзитивным в любом из этих языков, является универсальным и дает возможность сравнивать между собой глаголы этих языков и конструкции, образуемые ими. Это – явление, инвариантное для описаний группы языков.

Переходя к реализации второй логической возможности и рассматривая языки, в которых транзитивность определяется как формальный элемент, обратимся к грамматике языка такелма Э. Сэпира.

Сравнивая каузативные формы глаголов с комитативными, Э. Сэпир отмечает, что каузативы являются транзитивами и формально, и по смыслу, тогда как комитативы – это транзитивы только по форме, но не по смыслу². Учитывая, что комитативы описываются им под рубрикой «транзитивные формы глаголов»³, можно сказать, что транзитивность выступает как формальный элемент. Другими словами, требований формального плана Э. Сэпиру достаточно для отнесения той или иной глагольной формы к разряду транзитивов.

9. С аналогичной картиной мы сталкиваемся и, например, в работах по курдскому языку⁴.

¹ Требования формально-языкового плана при всей своей специфичности имеют то общее, что, по-видимому, формальная транзитивность во всех языках предполагает управление формой имени без предлога.

² „While the action of a causative verb is logically transitive, that of a comitative is really intransitive, and the verb is only formally transitive. In the former case the subject of the verb does not undergo the action that would be expressed by the intransitive stem...; in the latter it does”. E. Sapir. *The Takelma Language of South-Western Oregon*. // F. Boas. *Handbook of American Indian Languages*. Washington, 1922. P. 138.

³ “Comitatives, i. e. transitive forms...” (Там же. С. 137).

⁴ См., например: И. О. Цукерман. *Очерки курдской грамматики* // Труды Института языкознания. Вып. VI. 1956; *Иранские языки*. II. М.; Л., 1950. И. А. Смирнова. О характере спряжения переходных глаголов в прошедшем времени в курдских диалектах центральной группы // *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Исследования и материалы*. Л., 1967.

В так называемой местоименно-посессивной конструкции иранских языков, и в частности курдского языка, некоторые глаголы, эквиваленты к которым мы привыкли считать в русском языке интранзитивами, образуют синтаксические конструкции такого же формального типа, как и «обычные» транзитивы. Так, 'У меня умер отец' по-курдски звучит как *Emin babim mirdûe*, а 'Я съел свой хлеб' – как *Emin nanim xwardûe*.

В курдских предложениях в формальном плане сказуемые обоих предложений связаны с зависящими от них словами по одному и тому же типу, т. е. имеют одинаковые формальные валентности. Таким образом, если исходить из того, что транзитивность – формальная категория, можно признать, что оба глагола транзитивы. Если же считать, что транзитивность – смысловая или формально-смысловая категория в курдском языке, глагол *xwardûe* можно рассматривать как транзитив, а глагол *mirdûe* – как интранзитив.

То же справедливо и для других языков, в которых мы сталкиваемся с примерами этого рода.

Примеров реализации третьей логической возможности в нашем распоряжении нет, но, конечно, не исключено, что существуют языки, описание транзитивности в которых нельзя произвести, не рассмотрев эту категорию как явление смыслового плана¹.

¹ Работа опубликована в виде одноименной статьи в сборнике «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969. С. 244–250.

Формальные связи в русском языке (дефиниции)

1. Исследование проблематики перевода (в частности, автоматического перевода) показывает, что синтагматическую структуру предложения следует представлять в виде означаемого (смысловой структуры предложения) и означающего (его формальной структуры).

Означаемое в процессе перевода остается неизменным и выступает как структурно-синтагматический инвариант, а означающее варьирует от языка к языку и обуславливается специфическими свойствами конкретных формально-языковых механизмов. Это позволяет рассматривать перевод в плане синтагматических отношений как «перелив» одного и того же структурно-синтаксического содержания в различные формальные «заготовки».

Сопоставляя существующие типы синтаксических анализов, можно отметить, что в них содержится различное количество информации.

Например, синтаксическая информация, которая имплицитно присутствует в схеме 1, может быть вербализована посредством фраз: «Местоимение 'я' согласуется с глаголом 'начал', инфинитив 'читать' примыкает к глаголу 'начал'. 'Начал' и 'читать' – компоненты составного сказуемого ('читать' примыкает к 'начал', 'начал' служит аспектным показателем для 'читать'), подлежащее 'я' связано со сказуемым предикативной связью (согласуется с 'начал' и является агентом деятельности, название которой передается инфинитивом 'читать')».

Схема 1

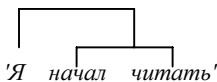
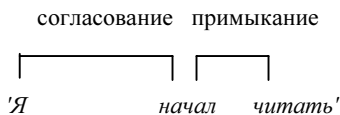

Схема 2

Поэтому, прежде чем говорить о дуализации синтаксической структуры, надо указать, структуру какого типа мы собираемся представлять в виде означаемого и означающего. Очевидно, что расщеплять на форму и смысл целесообразно только те структуры, при построении которых оба компонента (и смысл и форма) учитываются. Традиционный анализ по членам предложения является формально-смысловым, различные типы формалистских анализов – нет. Не апеллируя к результатам формалистских анализов, мы воспользуемся данными традиционных разборов по членам предложения, например, схемой 1.

3. При «расщеплении» синтагматической структуры предложения '*Я начал читать*' можно руководствоваться следующими соображениями. Информацию, фиксируемую в схемах традиционного анализа, можно рассматривать как заданную (см. описанную выше вербализацию схемы предложения '*Я начал читать*'). При наличии метода определения информации об одном компоненте структуры (формальном или смысловом), становится также заданным способ разделения всей информации на две части и определения второго компонента (аналогично тому, как по сумме Σ и одному из слагаемых x находят второе слагаемое y в виде разности $y = \Sigma - x$). Так, если удастся сформулировать принципы фиксации формальных связей, смысловые связи можно определить как те, что остаются от вычитания формальных связей из схем формально-смысловых.

Например, если указано, как определить, что '*читать*' примыкает к '*начал*' и '*я*' согласуется с '*начал*', то означающее структуры '*Я начал читать*' можно представить в виде формальной структуры '*Я начал читать*' на схеме 2.

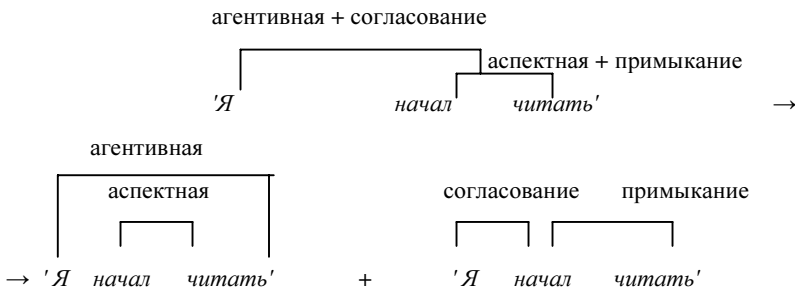
Означаемым структуры '*Я начал читать*' оказывается набор смысловых связей, которые остаются за вычетом формальных: аспектная связь между '*начал*' и '*читать*' и агентивная связь между '*я*' и '*читать*'.

Схема 3

Дуализация синтагматической структуры предложения '*Я начал читать*' приводит к построению двух схем – схемы формальной структуры этого предложения и схемы его смысловой структуры:

Схема 4

Полученные схемы говорят о том, что изоморфизм между формальными и смысловыми связями не является необходимым условием дуализации (ср. агентивную связь и согласование) – именно этим и объясняется тот сложный метод «вычитания», который приходится применять для получения второго компонента дуалистических схем.

Словосочетание, фиксируемое в традиционной грамматике как синтаксическая единица в составе сложного целого, является в соответствии с дуалистическим анализом результатом такого объединения слов, которое появляется тогда, когда с одним и тем же словом (*C*) два других слова (*A* и *B*) связаны – одно смысловой связью, а второе – формальной. Например, в схеме 4 со словом '*я*' слово '*читать*' связано по смыслу, а слово '*начал*' – по форме.

В этом плане анализ предложений по словосочетаниям разного типа (например, по членам предложения) при отработанном аппарате распознавания формальных связей может выступать как средство «вскрытия» смысловых связей. В силу этого для экспликации означаемых может быть введен метод дуализации синтаксических структур, которые устанавливаются в традиционной лингвистике на основании информации, содержащейся в школьном анализе по членам предложения и смысловым группам.

4. Изложенные соображения показывают, что практическое использование метода дуализации связано с двумя проблемами:

1) наличием схем традиционного анализа (умением исследователя для каждого предложения строить такие формально-смысловые схемы, в которых фиксировались бы все его словосочетательные возможности);

2) обоснованием процедуры построения формальных связей между означающими, т. е. между формами слов без учета их значений, на основании только возможностей слов к формообразованию.

Разработке второй проблемы посвящена данная статья.

Обоснование процедуры построения формальных связей проводилось так. Целью была экспликация интуитивного процесса построения таких определений формальных связей, которые давали бы возможность опознавать формальные связи и фиксировать их типы в любой паре русских слов без обращения к значениям. Поэтому описывались не только исходные данные процесса исследования и его конечные результаты, но и все промежуточные этапы построения определений.

Анализ этих этапов дает возможность выделить приемы, с помощью которых можно формализовать определения связей (например, приемы приписывания слову индекса о величине парадигмы, в которую входит словоформа).

Полученные определения во многом близки к определениям, с которыми работают другие лингвисты¹. Непосредственно воспользоваться их результатами и не проводить собственное исследование было невозможно, потому что, как показано выше, исходные тезисы данной теории (в частности, положения о дуализме синтаксической структуры и синтагматических связей) отличаются от аксиоматики, принятой в других работах.

Тезис о дуализации синтагматических связей дает возможность рассматривать управление, согласование и примыкание как чисто формальные связи, не имеющие отношения к смыслу тех слов, между которыми они устанавливаются. При построении определений понятий об этих связях можно работать не со словами в единстве их форм и значений, а только с означающими этих слов, и весь процесс

¹ См., например: И. И. Ревзин. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967. С. 239–241.

построения определений организовать так, чтобы соблюсти этот исходный принцип.

Другими словами, определения, полученные в результате описываемой в статье процедуры, важны не сами по себе, а как определения, которые строятся при учете ограничений, наложенных на исходные объекты. Вводимые ограничения (расщепление всех определяемых объектов на форму и смысл) обладают такой степенью общности, что могут быть применены к любому языку. Повидимому, то же имеет место и в отношении описываемой процедуры, поскольку она базируется только на закономерностях, которые можно установить между элементами пары при соотнесении их с множествами разной мощности.

Степень общности, которая характеризует результаты, является не случайной (см. применимость результатов, полученных на материале русского языка, к фактам языков, не родственных русскому ни в типологическом, ни в генетическом плане: тюркским и банту). Эти вопросы требуют специального рассмотрения. В данной статье приводятся только отдельные иллюстрации, показывающие правдоподобность высказанной гипотезы, но не доказывающие ее истинность.

6. Характеризуя общий метод построения определений понятий о формальных связях, можно отметить следующее. На основании анализа конкретно-языковых примеров в статье выделяются элементарные операции и условия, необходимые для построения определений. В терминах этих операций и условий фиксируются тождества и различия формальных связей в русском языке. После этого приводятся типологические параллели.

7. Перейдем к описанию процесса исследования и его результатов. Выпишем следующие примеры: 1) *'шумною толпою'*, 2) *'весна пришла'*, 3) *'читаю книгу'*, 4) *'чтение книги'*, 5) *'читаю быстро'*, 6) *'полет вслепую'*, 7) *'настроенный патриотически'*, 8) *'очень крепко'*, 9) *'могу читать'*, 10) *'девочка-пионерка'*, 11) *'взгляд на жизнь'*, 12) *'он казался больным'*.

В примерах 1–10 мы имеем дело с бинарными сочетаниями, между элементами которых установлены связи, в примерах 11 и 12 – с сочетаниями из трех связанных между собой слов. Временно отбросим 11–12 и займемся рассмотрением примеров 1–10. Среди них

выделим примеры 1–7 как те, которые не вызывают никаких разногласий среди русистов относительно типа связей между их элементами, и примеры 8–10, которые такие разногласия вызывают ('*Могу читать*' – примыкание или управление? '*Девочка-пионерка*' – согласование или приложение?). Примеры 8–10 также временно исключим из рассмотрения и остановимся на тех случаях, которые представляются несомненными.

Посмотрим, на каком основании '*шумною толпою*' противопоставлено '*читаю книгу*' как согласование и управление. Затем аналогично поставим вопрос относительно противопоставления согласования и примыкания (на примере оппозиции '*шумною толпою*' – '*читаю быстро*'), а также относительно управления и примыкания (на примере оппозиции '*читаю книгу*' – '*читаю быстро*'). Выяснив основания противопоставлений, перейдем к остальным примерам и посмотрим, как можно интерпретировать их с точки зрения этих оснований.

8. Когда говорят, что между элементами бинарного сочетания (БС) '*шумною толпою*' установлена связь согласования, под этим понимают следующее: а) слово '*шумною*' входит в парадигму '*шумная, . . . , шумною, . . . , шумных*', б) слово '*толпою*' входит в парадигму '*толпа, . . . , толпою, . . . , толпах*', в) между каждым элементом первой парадигмы ($A = \{A_1, A_2, \dots, A_n\}$) и каждым элементом второй парадигмы ($B = \{B_1, B_2, \dots, B_n\}$) в языке установлено соответствие (например, '*шумная*' – '*толпа*', '*шумною*' – '*толпою*' и т. п.). В силу этого соответствия при употреблении элемента A_i из парадигмы A в речи автоматически выбирается элемент B_i из парадигмы B , к которому A_i «прикреплен» в языке ('*шумною толпою*').

Иначе говоря, в языке как бы записаны два набора – элементы парадигм A и $B/(A_1 \& A_2 \& \dots \& A_n) \& (B_1 \& B_2 \& \dots \& B_n)/$ и правило, в соответствии с которым каждый элемент набора A сопоставлен с одним определенным элементом набора B , например, правило: $A_1 \rightarrow B_1, A_2 \rightarrow B_2, \dots, A_n \rightarrow B_n$. При переходе к речи осуществляется выбор одного из элементов парадигмы A ($A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n$), а это в силу имеющегося правила о сопоставлении с элементами парадигмы B приводит к выбору соответствующего элемента парадигмы B ($B_1 \vee B_2 \vee \dots \vee B_n$).

Символически эти операции можно описать так:

условия в языке: $\langle (A_1 \& A_2 \& \dots \& A_n) \& (B_1 \& B_2 \& \dots \& B_n) \rangle^1$

реализация в речи: $\langle (A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n) \& (B_1 \vee B_2 \vee \dots \vee B_n) \rangle$; $\langle (A_1 \rightarrow B_1) \vee (A_2 \rightarrow B_2) \vee \dots \vee (A_n \rightarrow B_n) \rangle$

Аналогично при выборе по элементу из парадигмы B элемента из парадигмы A .

Поэтому можно сказать, что в языке как бы записаны два элементарных формальных условия (соотношение между членами обеих парадигм «с точки зрения» членов каждой из них в отдельности):

1) $\forall_i \exists_j (A_i B_j)^2$, $A = \{A_1, A_2, \dots, A_n\}$, $B = \{B_1, B_2, \dots, B_n\}$, $n > 2$; $i = 1, \dots, n$; $j = 1, \dots, n$

2) $\forall_j \exists_i (A_i B_j)$, $A = \{A_1, A_2, \dots, A_n\}$, $B = \{B_1, B_2, \dots, B_n\}$, $n > 2$; $i \leq n$; $j \leq n$.

При переходе к речи происходит следующее. Когда в речь вводится элемент парадигмы A (например, A_1), при нем фиксируется место, на котором может стоять элемент парадигмы B , соотношенный с ним в языке в силу условия (1), – например, B_1 . Аналогично: когда в речь вводится элемент парадигмы B (например, B_1) в силу условия (2) фиксируется место для соответствующего элемента парадигмы A (т. е. место для A_1). В результате оказывается, что A_1 предполагает B_1 и наоборот: возникает связь согласования как двусторонняя зависимость, при которой форма одного элемента (т. е. выбор A_i из A или B_j из B) обуславливает выбор формы другого элемента.

Назовем совокупность условий 1 и 2 координирующим формальным условием α и будем его рассматривать как операционное определение понятия о согласовании в словосочетании '*шумною толпою*'.

9. Перейдем к БС '*читала книгу*'. Если мы говорим, что '*читала*' управляет '*книгу*', это означает следующее: а) слово '*читала*' входит в парадигму '*читаю, . . . , читала, . . . , читали*'; б) слово '*книгу*' вхо-

¹ & «и», \vee «или», \rightarrow «если, то».

² \forall «для всякого», \exists «существует».

дит в парадигму 'книга, . . ., книгу, . . ., книгах'; в) между любым из элементов первой парадигмы ($A = \{A_1, A_2, \dots, A_n\}$) и одним из двух элементов (B_2, B_n) второй парадигмы ($B = \{B_1, B_2, \dots, B_n\}$), B_1 – 'книгу', B_2 – 'книгу' в языке установлено соответствие (например, 'читала' – 'книгу', 'читает' – 'книгу'); в силу этого соответствия при употреблении элемента A_i ($i = 1, 2, \dots, n$) из парадигмы A в речи автоматически выбирается либо элемент B_1 , либо элемент B_2 , к которым A_i прикреплен в языке ('читаю книгу' или 'читаю книги').

Другими словами, в языке как бы записаны два набора – элементы парадигм A и B ($A_1 \& A_2 \& \dots \& A_n$) & ($B_1 \& B_2 \& \dots \& B_k$) и правило, в соответствии с которым каждый элемент набора A сопоставлен с одним из двух элементов набора B , например, правило: $A_1 \rightarrow B_1, A_2 \rightarrow B_1, A_1 \rightarrow B_2, A_2 \rightarrow B_2, \dots, A_{n-1} \rightarrow B_1, A_n \rightarrow B_2$. При переходе к речи осуществляется выбор одного из элементов парадигмы A ($A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n$), а это в силу имеющегося правила о сопоставлении с элементами парадигмы B приводит к выбору одного из двух элементов парадигмы B (B_1 или B_2). Символически эти операции можно описать так:

условия в языке:

$\{A_1 \& A_2 \& \dots \& A_n\} \& (B_1 \& B_2 \& \dots \& B_k)$; $(A_1 \rightarrow B_1) \& (A_1 \rightarrow B_2) \& \dots \& (A_n \rightarrow B_k)$

реализация в речи:

$(A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n) \& (B_1 \vee B_2)$; $(A_1 \rightarrow B_1) \vee (A_1 \rightarrow B_2) \vee \dots \vee (A_{n-1} \rightarrow B_1) \vee (A_n \rightarrow B_2)$

Аналогично при выборе по элементу на парадигмы B элемента из парадигмы A .

Поэтому можно сказать, что в языке как бы записаны два следующих элементарных формальных условия (соотношение между членами обеих парадигм «с точки зрения» членов каждой из них в отдельности):

1) $\forall_i \forall_j (A_i B_j), A = \{A_1, \dots, A_i, \dots, A_n\}, B = \{B_1, \dots, B_j, \dots, B_k\}, i < n; j = 2; n > 2; k > 2; j < k$

2) $\forall_i \forall_j \lceil (A_i B_j)^1, n > 2; k > 2; i < n; j > 2 (2 < j \leq k)$.

¹ \lceil «неверно, что».

При переходе к речи происходит следующее. Когда в речь вводится любой элемент парадигмы A (например, A_1), при нем фиксируется место, на котором может стоять один из элементов парадигмы B (B_1 или B_2), т. е. один из тех двух элементов, которыми может управлять A_1 . Если в речь вводится один из элементов парадигмы B , причем именно тот (B_1 или B_2), который может управляться одним из элементов парадигмы A , то при нем как бы фиксируется место, на котором может стоять управляющее (один из элементов A_i парадигмы A).

В результате оказывается, что A управляет элементом B_1 (или B_2), а B_1 (или B_2) управляется элементом A_i : возникает связь управления как двусторонняя зависимость, при которой форма одного элемента (т. е. выбор B_1 или B_2 из парадигмы $\{B_1, B_2, \dots, B_i, \dots, B_k\}$) обусловлена вторым элементом бинарного сочетания A_i . Форма A_i , в отличие от этого, не обусловлена формой другого элемента (из парадигмы A может быть выбран любой элемент A_i).

Назовем совокупность условий 1 и 2 координирующим формальным условием β и будем его рассматривать как операционное определение понятия об управлении в словосочетании 'читаю книгу'.

10. Перейдем к БС 'читаю быстро'. Аналогично случаям, рассмотренным выше, получим: а) слово 'читаю' входит в парадигму 'читаю, . . ., читали', б) слово 'быстро' – в парадигму (Б), состоящую из одного этого слова ($B = \{B_1\}$), в) между любым из элементов первой парадигмы ($A = \{A_1, A_2, \dots, A_n\}$) и единственным элементом второй парадигмы ($B = \{B_1\}$) в языке установлено соответствие, в силу которого при употреблении элемента A_i ($i = 1, 2, \dots, n$) выбирается тот единственный элемент B_1 , с которым A_i связан в языке ('читаю – быстро', 'читали – быстро' и т. п.).

Иначе говоря, в языке как бы записаны два набора – элементы парадигм A и B / $\{A_1 \& A_2 \& \dots \& A_n\}$ & (B_1) / и правило, в соответствии с которым каждый элемент набора A сопоставлен с одним элементом набора B , например, правило: $A_1 \rightarrow B_1, A_2 \rightarrow B_1, \dots, A_n \rightarrow B_1$. При переходе к речи осуществляется выбор одного из элементов парадигмы A ($A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n$), а это в силу имеющегося правила о сопоставлении с элементами парадигмы B приводит к выбору этого

единственного элемента парадигмы (B_1). Символически эти операции можно представить так:

условия в языке:

$$/(A_1 \& A_2 \& \dots \& A_n) \& (B_1)/; /(A_1 \rightarrow B_1) \& (A_2 \rightarrow B_1) \& \dots \& (A_n \rightarrow B_1)/$$

реализация в речи:

$$/(A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n) \& (B_1)/; /(A_1 \rightarrow B_1) \vee (A_2 \rightarrow B_1) \vee \dots \vee (A_n \rightarrow B_1)$$

Аналогично: при выборе по элементу из парадигмы B элемента из парадигмы A .

На основании этого можно говорить о следующем элементарном формальном условии в языке, имеющем место при примыкании (γ):

$$\forall_i (A_i B_j), A = \{A_1, \dots, A_i, \dots, A_n\}, B = \{B_1, \dots, B_j, \dots, B_k\}, k = l$$

Переход к речи в этом случае можно смоделировать так. Когда в речь вводится любой элемент парадигмы A (например, A_1), при нем фиксируется место, на котором может стоять элемент B_1 , примыкающий к A_1 . Если в речь вводится элемент B_1 , при нем фиксируется место для элемента парадигмы A , который господствует над B_1 при примыкании. В результате оказывается, что B_1 примыкает к A_i : возникает связь примыкания как двусторонняя зависимость, при которой постановка одного элемента (B_1) обусловлена постановкой другого элемента (A_i).

Форма B_1 обусловлена не формой A_i , а «собственными свойствами» B_1 – устройством парадигмы B (в ее состав входит единственная форма B_1); форма A_i также не обусловлена формой B_1 : при B_1 может стоять любой элемент из парадигмы A , и выбор A_i из A обусловлен требованиями не B_1 , а требованиями A_i или требованиями элементов, не входящих в $BC A_i B_1$, а связанных с A_i за пределами $A_i B_1$.

Условие γ будем рассматривать как операционное определение понятия о примыкании в словосочетании '*читаю быстро*'¹.

¹ Рассмотрение парадигмы слова '*быстро*' в виде '*{быстро, быстрее}*' представлено ниже.

11. Определим формальную связь «таксема порядка слов» как связь, которая имеет место между элементами БС в тех случаях, когда их порядок взаимообусловлен. Таксема порядка слов – это формальная связь, для констатации которой необходимо, чтобы одновременно выполнялись два условия: 1) $A = f(B)$ для элемента A и 2) $B = f(A)$ для элемента B , где f – функция «обусловленность линейного упорядочения».

На основании этого можно установить следующее элементарное формальное условие для любого бинарного словосочетания BC_i , между элементами которого установлена формальная связь «таксема порядка слов»:

$$\forall_i(A_i \uparrow B_i)^1$$

Назовем это условие координирующим формальным условием δ и зафиксируем его как операционное определение понятия о формальной связи «таксема порядка слов в русском языке».

12. Вернемся к примерам 2 и 4. '*Весна пришла*', по мнению русистов, – согласование, '*чтение книги*' – управление, а '*полет вслепую*' – примыкание. Посмотрим, соблюдаются ли для этих примеров условия α , β и γ .

Аналогично '*шумною толпою*', '*читаю книгу*' и '*читаю быстро*' можно построить парадигмы:

A^1, A^2, A^3, B^1, B^2 и B^3 , где $(A^1 = \{A^1_1, A^1_2, \dots, A^1_i\})$, т. е. {'я, . . . , весна, мы, . . . , весны'}, $B^1 = \{B^1_1, B^1_2, \dots, B^1_n\}$, т. е. {'прихожусь, . . . , пришла, . . . , пришли'}, $A^2 = \{A^2_1, A^2_2, \dots, A^2_k\}$, т. е. {'чтение, . . . , чтениях'}, $B^2 = \{B^2_1, B^2_2, \dots, B^2_r\}$, т. е. {'книга, . . . , книги, . . . , книгах'}, $A^3 = \{A^3_1, A^3_2, \dots, A^3_n\}$, т. е. {'полет, . . . , полетах'}, $B^3 = \{B^3_1\}$, т. е. {'вслепую'}),

и найти l -одно-однозначных соответствий для согласования (т. е. соответствий типа '*я прихожусь*', '*ты приходишь*' и т. д.), два много-однозначных соответствия типа '*чтение, чтения, . . . , чтениях книг*' и '*чтение, чтения, . . . , чтениях книги*' для управления и одно много-однозначное соответствие типа '*полет, . . . , полетах вслепую*' для примыкания.

¹ \uparrow «Линейно упорядочены».

Поэтому связи в примерах 2, 4 и 6 можно определить с помощью тех же условий α , β и γ , которые были зафиксированы для связей в примерах 1, 3 и 5.

13. Посмотрим, какие операционные определения понятий о согласовании, управлении и примыкании в русском языке можно построить, исходя из условий α , β и γ , выделенных применительно к примерам 1–6.

Начнем с согласования. В соответствии с определением α , полученным выше, согласование – это формальная связь, для образования которой в речи необходимо наличие взаимного одно-однозначного соответствия в языке между элементами двух парадигм A и B :

$$A_1 \longleftrightarrow B_1$$

$$A_2 \longleftrightarrow B_2$$

.....

$$A_n \longleftrightarrow B_n$$

Отсюда следует, что количество элементов в одной парадигме ($A = \{A_1, \dots, A_n\}$) должно быть равно количеству элементов во второй парадигме ($B = \{B_1, \dots, B_n\}$).

Значит, если мы сталкиваемся со случаем, когда это требование не соблюдается (например, $A = \{A_1, \dots, A_l\}$, $B = \{B_1, \dots, B_m\}$, $l \neq m$), но указанный случай мы все же хотим подвести под согласование, определенное на основании условия α , то разбор такого случая следует начинать с выравнивания парадигм A и B .

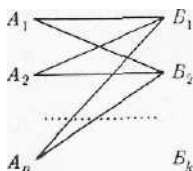
Так, если $l > m$, выравнивать A и B можно, построив парадигму B на $(l - m)$ – членов за счет $(l - m)$ – дублирования отдельных членов парадигмы B .

Например, если $A = \{\text{'черное, черного, . . . , черных'}\}$, $B = \{\text{'пальто'}\}$, то здесь $l = 8$ (*'черное, черного, черному, черным, черном, черные, черных, черными'*), $m = 1$ (*'пальто'*). Для установления l -одно-однозначных соответствий парадигму B надо построить на 7 элементов $(l - m)$: *'черное пальто', 'черного пальто', . . . , 'черными пальто'*.

Такой подход к соотношению индексов l и m дает возможность применить условие α к любому случаю, называемому согласованием в русском языке, и рассматривать α как операционное определение понятия о согласовании (а не только о согласовании в словосочетаниях 'шумною толпою' и 'весна пришла').

Перейдем к управлению. В соответствии с определением β , управление – это формальная связь, для образования которой в речи необходимо наличие в языке между элементами двух парадигм соотношения следующего типа:

Схема 5

Существенным здесь является следующее. Количество элементов в парадигме B (k) обязательно больше, чем количество элементов, участвующих в управлении (l). В рассмотренных примерах это – B_1 и B_2 , т. е. $j = 2$.

Возможен также случай, когда $j = 1$ или $j = 3$ (например, 'режу ножницами', 'хочу сыра, сыру, сыров').

Переходя к индексам при A (i, n), надо особо рассмотреть случай 'читать книгу': если считать инфинитив самостоятельной частью речи, парадигма A окажется равной одному элементу 'читать' ($A = \{A_1\}$), т. е. $i = n = 1$.

Следовательно, в общем случае для элементарных формальных условий мы должны определить:

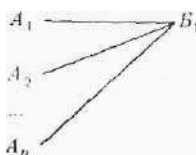
- 1) $\forall_i \forall_j (A_i B_j), j \leq 3, k > j (j \leq 3 < k), i \leq n, n \geq 1$
- 2) $\forall_i \forall_j \neg (A_i B_j), j \leq 3, k \leq j; j > 3, k \geq j (3 < j \leq k), i \leq n, n \geq 1$

Принятие указанных условий означает, что для случая 'вижу пальто' необходимо достраивать парадигму B , чтобы сохранить соотношение $j < k$ и признать связь между элементами этого BC управлением. Парадигму A можно в любом случае (см., например,

'читать') оставить без изменений: для определения понятия об управлении количество элементов в парадигме A оказывается irrelevantным (в отличие от понятия о согласовании, при котором обнаруживается двусторонняя обусловленность количества элементов в парадигмах A и B).

Рассмотрим примыкание. В силу условия γ , примыкание – это формальная связь, для образования которой в речи необходимо наличие в языке следующего соотношения между элементами двух парадигм:

Схема 6

Однако рассмотрение '*быстрее*' как элемента, входящего в ту же парадигму, что и '*быстро*' ($B = \{\text{'быстро', 'быстрее'}\}$), несколько меняет картину: существенным при формулировке условия γ оказывается не то, что $k = 1$, а то, что $j = k$ (этим отличается примыкание от управления). Количество элементов (n) в парадигме A для определения понятия о примыкании, аналогично управлению, оказывается несущественным ('*читать быстро*').

Поскольку возможен случай одно-однозначного соответствия, когда $B = \{B_1\}$ и $A = \{A_1\}$ (например, '*рисовать мастерски*'), то для отграничения этого случая от согласования в определение согласования, о котором шла речь выше, необходимо ввести указание: $n \geq 2$.

Подводя итоги, условия α , β и γ можно представить в таком виде: ($A = \{A_1, \dots, A_i, \dots, A_n\}$, $B = \{B_1, \dots, B_j, \dots, B_k\}$):

$$\alpha) \forall_i \exists_j (A_i B_j), \forall_j \exists_i (A_i B_j), i \leq n, j \leq k, n = k, n \geq 2$$

$$\beta) \forall_i \forall_j (A_i B_j), i \leq n, n \geq 1, j \leq 3 < k$$

$$\forall_i \forall_j \neg (A_i B_j), i \leq n, n \geq 1 ((3 < 1 \leq k) \vee ((j \leq 3) \& (k \leq j)))$$

$$\gamma) \forall_i \exists_j (A_i B_j), i \leq n; n \geq 1, j = k$$

Эти условия мы будем рассматривать как операционные определения понятий о согласовании, управлении и примыкании в русском языке.

14. Рассмотрим *БС* '*настроенный патриотически*'. Здесь $A = \{A_1, \dots, A_n\}$, т. е. {'настроенный, настроенного, . . . , настроенных'}, $B = \{B_1\}$, т. е. {'патриотически'}. В терминах формальных условий α , β , γ и δ – это примыкание. Оно, однако, отличается от примыкания в *БС* '*читаю быстро*' следующим образом.

В *БС* '*читаю быстро*' позиция '*быстро*' при '*читаю*' является факультативной, а позиция '*читаю*' при '*быстро*' – обязательной (можно сказать просто '*читаю*' без '*быстро*', но нельзя '*быстро*' без '*читаю*' или какого-либо другого хозяина). В *БС* '*настроенный патриотически*' и позиция '*настроенный*' при '*патриотически*', и позиция '*патриотически*' при '*настроенный*' является обязательной (нельзя сказать '*настроенный*' без указания «как» и нельзя сказать '*патриотически*' без '*настроенный*' или какого-либо другого хозяина).

Таким образом, на примере оппозиции '*читаю быстро*' – '*настроенный патриотически*' можно выделить факультативное и обязательное примыкание аналогично тому, как это делается на примере оппозиции '*читаю ему*' – '*читаю книгу*' для управления.

Согласование в этом плане не отличается от управления и примыкания. Сказав '*шумною*', надо добавить '*толпою*'. Обратное не обязательно. Значит, в *БС* '*шумною толпою*' позиция '*шумною*' при '*толпою*' является факультативной, а '*толпою*' при '*шумною*' – обязательной. В *БС* '*весна пришла*' обе позиции друг друга взаимообуславливают, т. е. позиция '*весна*' при '*пришла*' является такой же обязательной, как и '*пришла*' при '*весна*'.

Поскольку все три формальные связи (согласование, управление и примыкание) в русском языке не отличаются друг от друга в плане «обязательности – факультативности позиций», занимаемых элементами *БС*, можно предположить, что характеристика обязательности – факультативности позиции иррелевантна для отграничения указанных связей друг от друга и в определении понятий о них может не вводиться.

15. Обратимся к *БС* 8–10 и посмотрим, какие связи в них можно зафиксировать с точки зрения условий $\alpha - \delta$.

Если для *БС* – 8 '*очень крепко*' составить парадигмы $A = \{A_1\}$, т. е. '*очень*', $B = \{B_1\}$, т. е. '*крепко*', то для *БС* – 8 можно зафиксировать примыкание ($i = k$). Если признать, что $B = \{B_1, B_2\}$, т. е. '*крепко, крепче*', придется отметить, что в *БС* – 8 регистрируется управление: из парадигмы $\{B_1, B_2\}$ выбирается по требованию A_i элемент B_j ($j < k$).

Таким образом, вопрос об установлении типа связи в *БС* – 8 упирается в проблему построения парадигм для элементов бинарных сочетаний. При рассмотрении оппозиции '*крепко – крепче*' как словообразования, в *БС* – 8 можно зафиксировать примыкание. Признавая ту же оппозицию фактом словоизменения, нужно считать *БС* – 8 словосочетанием, в котором '*очень*' управляет '*крепко*'.

Контроверзу «управление или примыкание» в *БС* – 8 можно снять только с помощью указания на состав парадигмы B . При таком указании фактическая сторона дела становится ясной, и разногласия о типе связи приобретают терминологический характер. Если указания на состав парадигмы B нет, тип связи в *БС* – 8 остается невыясненным, потому что соотнести *БС* – 8 с условиями $\alpha - \delta$ невозможно.

Аналогично можно решить вопрос и в отношении *БС* – 9. Если считать, что инфинитив – самостоятельная часть речи и парадигма $B = \{B_1\}$, перед нами случай примыкания. Если инфинитив рассматривать как глагольную форму в числе других глагольных форм, т. е. задавать B в виде $\{B_1, \dots, B_j, \dots, B_k\}$, где $k > 1$, а $j = 1$, то в *БС* – 9 представлено управление.

Анализируя *БС* – 10 '*девочка-пионерка*', можно построить парадигмы $A = \{A_1, \dots, A_n\}$, $B = \{B_1, \dots, B_k\}$, такие, что $n = k$, как при согласовании. Но в отличие от *БС* – 1 порядок элементов в *БС* – 10 взаимообусловлен (нельзя поменять местами '*девочка*' и '*пионерка*'). Формальная связь в *БС* – 10 равна сумме двух формальных связей: согласования и таксемы порядка слов ($\alpha + \delta$).

16. Представим словосочетания 11–13 как тройки *БС*, например, '*взгляд на жизнь*' как ($БС_1 =$ '*взгляд на*', $БС_2 =$ '*на жизнь*', $БС_3 =$ '*взгляд жизнь*'). Отметим, что $БС_1$ и $БС_2$ – связанные *БС*, а $БС_3$ – не

связанное BC (между элементами BC_1 и BC_2 есть формальные связи, а между элементами BC_3 таких связей нет). Проанализируем BC_1 и BC_2 с точки зрения установленных выше условий.

Для BC_1 можно зарегистрировать: $A = \{A_1, \dots, A_n\}$, $B = \{B_1\}$, т. е. примыкание. Кроме того, в BC_1 строго фиксирован порядок элементов, и значит, между элементами BC_1 установлена формальная связь, для которой должны выполняться условия $\gamma + \delta$. Для BC_2 : $A = \{A_1\}$, $B = \{B_1, \dots, B_k\}$, $j < k$ ($j = 2, k > 2$), т. е. управление (осложненное таксемой порядка слов), – и значит, словосочетание 11 в целом представляет собой комплекс, реализующий формальные связи управления (между 'на' и 'жизнь'), примыкания (между 'взгляд' и 'на') и таксемы порядка слов (между всеми тремя элементами):

$$\beta + \gamma + \delta.$$

Рассмотрим словосочетание 'он казался больным'. Разобьем его на три BC : $BC_1 =$ 'он казался', $BC_2 =$ 'казался больным', $BC_3 =$ 'он больным'. Между элементами каждого из этих BC есть формальные связи: согласование между 'он' и 'казался' ($A = \{\text{'я, . . . , он, . . . , они'}\}$, $B = \{\text{'казался, . . . , казалась, . . . , казались'}\}$, $n_1 = k_1$), между 'он' и 'больным' ($A = \{\text{'он, она, они'}\}$, $B = \{\text{'больным, больной, больными'}\}$, $n_2 = k_2$), управления между 'казался' и 'больным' ($A = \{\text{'кажусь, . . . , казался, . . . , кажутся'}\}$, $B = \{\text{'больной, . . . , больным, . . . , больных'}\}$, $j < k, j = 2$: 'больным, больными').

Следовательно, для $BC - 12$ должны быть соблюдены условия $\alpha + \alpha + \beta$ (α для 'он' и 'казался', а также для 'он' и 'больным', β для 'казался' и 'больным'). Взаимодействие требований, возникающих при реализации перечисленных условий, приводит к появлению между элементами $BC - 12$ связи, называемой русистами «тяготением».

17. Аналогично п. 9–10 в терминах условий $\alpha - \delta$ можно описать формальные связи и в других словосочетаниях русского языка.

Сформулированные условия $\alpha - \delta$ являются достаточно общими для фиксации формальных связей не только в русском языке. Изменения, которые приходится при этом вносить в условия $\alpha - \delta$, связаны с вариацией индексов (i, j, n, k) и на сути определений не отражаются (тип вариации априорно установить нельзя, он должен определяться в результате исследования конкретного языка).

Например, в языке зулу согласование и примыкание можно описать с помощью тех же условий α и γ , что и в русском языке, а управление – с помощью условия β^1 , отличающегося от β требованиями $j = 1 < k$ (вместо $j \leq 3 < k$) и $((1 < j \leq k) \vee ((j = 1) \& (k = j)))$ вместо $((3 < j \leq k) \vee ((j \leq 3) \& (k \leq j)))$ при описании элементов оппозиции типа *umuntu–abantu* как форм словообразования, либо требованиями $j \leq 2 < k$ (вместо $j \leq 3 < k$) и $((2 < j \leq k) \vee ((j < 2) \& (k \leq j)))$ вместо $((3 < j \leq k) \vee ((j \leq 3) \& (k \leq j)))$ при признании элементов той же оппозиции формами словоизменения.

Остальные формальные связи, которые можно установить в различных словосочетаниях языка зулу, описываются в терминах α , β^1 , γ и δ аналогично тому, как выше это было сделано для словосочетаний русского языка (в том числе и те связи, которые лежат в основе словосочетаний, называемых «синтетизмом», «инкорпорацией», «субъектно-объектной согласовательной рамкой» и т. п.).

Картина формальных связей в других языках банту отличается от зулу только вариацией индексов в условиях $\alpha - \gamma$. Все формальные связи в этих языках можно представить как разновидности связей, по-разному реализующих различные комплексы условий $\alpha - \delta$ или их модификаций, полученных на основе вариации i, j, n, k . Повидимому, то же имеет место для индоевропейских и тюркских языков. Например, изафет можно представить как реализацию следующих условий: δ (изафет в сочетании *дэмир јол*), β (изафет в сочетании *ушаг ота ы*, где осуществляется выбор аффикса принадлежности 3-го лица для определяемого (B_i из $\{B_1 \dots, B_j, \dots, B_k\}$), в словосочетании *атанын китабы* β используется дважды: при выборе B_j (*китабы*) из парадигмы B по A_i и при выборе A_i (*атанын*) из парадигмы A по B_i .

Способы, которые применяют различные языки для фиксации формальных связей и выражения формальными средствами синтаксической информации, в принципе одинаковы и в значительной степени описываются в терминах тех же простейших условий и операций, которые были выделены при анализе формальных связей в русском языке. Различаются языки не тем, реализуют они или нет указанные операции, а тем, как они специфицируют эти операции и какими из них они пользуются чаще, какими – реже. Так, например, известно, что в китайском языке примыкание и порядок слов это доминирующие формальные приемы выражения синтаксической

информации, а в русском языке, наоборот, эти приемы играют значительно меньшую роль, чем, скажем, управление и согласование¹.

Обращаясь в поисках иных способов фиксации синтаксической информации к данным различных грамматик, остановимся на следующем замечании Г. Пауля: «Для выражения связи представлений в языке существуют следующие средства: 1) простое соположение слов, соответствующих определенным представлениям; 2) порядок слов; 3) различия в силе произношения отдельных слов, сильное или более слабое ударение...; 4) модуляция высоты тона; 5) темп речи, обычно тесно связанный с силой произношения и с высотой тона; 6) служебные слова, то есть предлоги, союзы, вспомогательные глаголы; 7) флективное изменение слов, где можно выделить два случая: а) когда сами формы флексии обозначают характер связи между словами..., б) когда соотнесенность форм (согласование) указывает на принадлежность слов друг к другу...»².

Формальные приемы, которые перечисляет Г. Пауль, исходя из материала индоевропейских языков, – это те средства, которые используются в устной речи. В письменной речи некоторые из них (п. 3, 4, 5) утрачиваются. Те, что остаются, моделируются с помощью описанных выше формальных операций. Эти операции являются достаточными для описания формальных средств письменной речи, о которых говорит Г. Пауль.

В связи с этим возникает вопрос: не являются ли указанные элементарные операции универсальными компонентами, в терминах которых описываются любые формальные связи любых языков, т. е. универсальными средствами, использование которых дает возможность сопоставлять между собой способы передачи синтаксической информации в различных языках и фиксировать их в общих единицах измерения.

Автор пользуется случаем выразить благодарность С. Ю. Маслову и Ю. А. Шрейдеру за ценные советы и замечания³.

¹ Ср., например: отношение двух существительных в русском языке передается управлением (*'устье реки'*), в китайском и валлийском – порядком слов (постановка определяемого перед определяющим в китайском – *Хань⁴ чао* 'династия Хань' и определяющего перед определяемым в валлийском – *aber yr afon 'устье реки'*).

² Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960. С. 145–146.

³ Работа опубликована в виде статьи под тем же названием в сборнике «Проблемы структурной лингвистики 1972». М., 1973. С. 527–542.

Части речи и члены предложения в аналитической лингвистике

1. Концептуальный аппарат любой науки, в том числе и языкознания, описывается в терминологических словарях. Термины в них систематизированы по чисто «внешнему» признаку – алфавиту. Это упорядочение не отражает ни логики развития концептуального аппарата, ни значимости каждого термина в системе, поскольку при составлении словарей понятия рассматриваются не по отношению к процессу их развития и формирования в науке, а как результат этого процесса, зафиксированный исследователем в момент создания словаря. Совокупность терминов при таком подходе – статическая система, абстрагированная от процесса ее развития.

Понятийный аппарат можно рассматривать не только статически, но и динамически – по отношению к тому процессу, в результате которого образуются понятия. Для этого, фиксируя тот или иной концепт, надо описывать динамику его формирования и вскрывать движущие силы этого процесса. Например, выбрав в качестве объекта исследования понятие о синтаксической структуре предложения, предстоит обнаружить его внутренние противоречия, отразившиеся в различных определениях, и показать динамику взаимодействия противоположностей в процессе формирования данного концепта.

Надо не только отметить двуединую сущность исследуемого объекта (при соотнесении с дихотомией *форма – содержание* синтаксическая структура выступает как формально-смысловое целое), но и установить, как именно осуществляется процесс вычленения каждой из сторон концепта (понятия о *формальной структуре предложения* отдельно от *смысловой*). В терминах пост-Соссюровской лингвистики это – анализ понятий означающего и означаемого синтаксической структуры предложения.

После этого можно перейти ко второму этапу – показать объединение и снятие противоположностей как основу развития концепта в процессе синтеза (ср. с гегелевским саморазвитием идеи). Третий этап – сравнение результатов предпринятых анализа и синтеза с исходными данными. Здесь задачей исследователя является выяснение, тождественна ли полученная синтаксическая структура тому

естественному языковому прототипу, с которого снимался слепок и к которому применялась процедура анализа – синтеза.

В случае тождества появляется возможность рассматривать проведенные операции в качестве динамических характеристик исходного объекта и считать, что полученный концепт *синтаксическая структура предложения* является единством понятий о *формальной* и *смысловой структуре предложения*, установленных посредством анализа – синтеза. В противном случае надо начинать процедуру анализа – синтеза сначала, – и так до достижения искомого тождества обоих понятий.

Закончив первый цикл, можно перейти ко второму: вскрыть новое противоречие в концепте (анализирующая процедура), показать его синтез из составляющих, затем осуществить сравнение конструкта и прототипа. Итогом второго цикла будет новое определение исходного концепта, обогащенное результатами этой процедуры.

После второго цикла можно перейти к третьему, четвертому и, если потребуется, следующим, – до тех пор, пока все внутренние противоречия интересующего нас концепта, вскрытые наукой на сегодняшний день, не будут исчерпаны. Это – движение по спирали, с помощью которого моделируется развитие понятия в системе концептуального аппарата данной науки. Каждый виток добавляет новое знание о концепте, соответствующее тому свойству, которое вскрывается в данный момент.

Так, для определения понятия о слове, существующего в современном языкознании, достаточно¹ шести витков. Первый осуществляется на основании дихотомии *форма/содержание*, второй – *узлы/связи*, третий – *синтагматика/парадигматика*, четвертый – *потенция/реализация*, пятый – *язык/речь*, шестой – *дискретный/не дискретный характер структуры языкового элемента*.

Получив динамические определения лингвистических понятий, можно поставить вопрос об их упорядочении в систему и о фиксации того внутреннего механизма, который определяет ее развитие и

¹ Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970. С. 218–223.

функционирование. Его описание и есть динамическая модель концептуального аппарата лингвистики¹.

Если в таких построениях исходить из опыта одного ученого, получится динамическая модель понятийного аппарата одного ученого. Если материалом исследований является опыт всех лингвистов, разрабатываемая система является динамической моделью концептуального аппарата языкознания в целом.

В последнем случае можно говорить о моделировании *коллективной лингвистической интуиции* и о создании универсальной лингвистической теории как совокупности процедур, с помощью которых исследуются языки, строятся их грамматики и создаются описания, соизмеряющие явления разных языков в терминах одной и той же системы исследовательских приемов.

2. Концептуальный аппарат любой науки можно представить как систему, внутренний механизм которой определяет ее развитие и функционирование. Моделирование этой системы дает возможность вскрыть логику развития процесса познания в науке, а также зафиксировать его диахронию (логику образования отдельных элементов концептуального аппарата или перестройку его частей) и синхронию (потенциально возможную на данный момент систему упорядочения концептов и ее реализацию в виде множества теорий).

Для языковедов это означает, что можно создать механизм, порождающий, в соответствии с логикой развития процесса познания, любую из возможных лингвистических концепций. Этот механизм может рассматриваться как универсальная лингвистическая теория. Он может быть построен на основании анализа результатов функционирования «коллективной лингвистической интуиции», – тех грамматических концепций, которые созданы в языкознании. Методика конструирования одного из фрагментов такого механизма демонстрируется ниже.

3. Вопрос о классификации частей речи (ЧР) и членов предложения (ЧП) всегда интересовал лингвистов. Различные ученые решали

¹ Она может быть не только динамической, но и исторической – для этого оппозиции, определяющие эволюцию модели, следует выстраивать в том порядке, в котором они возникали в истории науки.

его по-разному. В результате появилось множество таксономических систем. Они отличаются количеством и типом классов, – как для разных языков, так и для одного.

Например, для русского языка Д. Н. Ушаков построил пятнадцатиклассную систему ЧР¹, А. А. Шахматов – четырнадцатиклассную², а в одной из нормативных грамматик современного русского языка количество ЧР признается равным десяти³.

Самыми известными в традиционной грамматике являются девяти- и десятиклассные системы ЧР: глагол, существительное, прилагательное, местоимение, числительное, наречие, предлог, союз, артикль, междометие⁴. Есть также системы, состоящие из меньшего или большего количества классов. Можно привести примеры двухклассных, трехклассных и других⁵.

Одной из самых остроумных, по мнению О. Есперсена, является четырехклассная схема Варрона, который «различает четыре части речи: часть речи, имеющую падежи (имена), часть речи, имеющую времена (глаголы), часть речи, имеющую падежи и времена (причастия), и часть речи, не имеющую ни того, ни другого (частицы)»⁶.

С системами ЧП дело обстоит так же. Наибольшей популярностью пользуется пятиклассная схема: подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство⁷. Не менее распространена

¹ Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. М., 1929. С. 73–74.

² А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941. С. 422. В перечне ЧР указаны 12 типов слов: существительное, глагол, прилагательное, наречие, местоимение, числительное, местоименное наречие, предлог, союз, префикс, частица, междометие. Затем вместо местоимения А. А. Шахматов ввел «местоимение – существительное» и «местоимение – прилагательное», а перед союзом проставил: «связка». Далее он написал: «Надо все переработать ввиду того, что ниже я говорю о грамматических категориях. Кроме того, местоимение – существительное отделить от местоимения – прилагательного. Отдельно поставить перед союзом «связку»».

³ Русская грамматика. Т. 1. М., 1982. С. 457.

⁴ «Традиционный синтаксис различает десять типов слов, которые он называет частями речи и которые он обнаруживает в большем или меньшем количестве в большинстве языков» (L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959. С. 51–52. Перевод мой – Л. С.).

⁵ Подробно эти материалы рассмотрены в книге: Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970. С. 47–80.

⁶ О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958. С. 62.

⁷ Например, Ф. И. Буслаев. *Историческая грамматика русского языка*. М., 1869.

трехклассная иерархия: субъект, предикат, связка¹. Есть и более дробные классификации. Так, для русского языка А. А. Потебня установил шестиклассную систему², Н. И. Греч – восьмиклассную³, А. А. Шахматов – десятиклассную⁴.

Многообразие теорий ЧР и ЧП наталкивает на мысль, что единой теории быть не может. Исследователь должен каждый раз заново, в зависимости от своей языковой интуиции и специфики материала, решать, как классифицировать слова данного языка и выделять в нем ЧР и ЧП.

Отсутствие единой теории грамматики как системы, в составе которой соединены обе подсистемы (теория ЧР и теория ЧП), кажется тем оправданнее, что при ее конструировании мы имеем дело с двумя множествами: концепциями ЧР и концепциями ЧП. При сложении этих множеств, в силу того, что количество комбинаций значительно превышает количество исходных явлений, первоначальное многообразие должно увеличиваться, а вероятность существования единой теории уменьшаться.

Отсутствие общего подхода и скептическое отношение к «смутному и бесплодному эмпиризму»⁵ частных решений заставляет многих исследователей рассматривать вопрос о соотношении ЧР и ЧП как псевдопроблему и исключать его из грамматики. Так, во многих работах представителей структурализма оппозиция «ЧР/ЧП» не фигурирует вовсе, а грамматическая теория строится в терминах подклассов слов и образуемых из них синтагматических цепочек (структур, конфигураций)⁶.

Многие таксономические системы в языкознании, действительно, представляют несоизмеримые статические описания, поскольку

¹ Arnauld et Lancelot. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Paris, 1803.

² Если учитывать только более крупные объединения слов, или в терминах А. А. Потебни – подлежащее, сказуемое, определение (непосредственный, или грамматический атрибут), предикативный атрибут (атрибут в сказуемом), дополнение (грамматический объект) и обстоятельство, регистрируя связку и составное дополнение, выделяемые А. А. Потебней, как разновидность сказуемого и дополнения (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Ч. 1–2. Изд. 2. Харьков, 1888. С. 83–128).

³ Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб, 1834.

⁴ А. А. Шахматов. Цит. соч.

⁵ L. Tesnière. Цит. соч. С. 52.

⁶ Например, Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

они построены на разных основаниях (разнопорядковые в одном и том же языке, – скажем, пятичленная и восьмичленная системы ЧР в русском языке) или соотнесены с разным материалом (однопорядковые в разных языках).

Чтобы избежать этого, можно перейти от статического описания ЧР и ЧП к динамическому. Выделив операции построения таксономических систем, можно попытаться сконструировать на их основе универсальную теорию классов слов, пригодную для описания всех языков.

Чтобы установить операции, с помощью которых создаются статические системы, надо проанализировать грамматические концепции и выделить параметры, в терминах которых их можно сравнивать, а затем зафиксировать эти параметры в виде динамических категорий как результатов применения цепочек операций к исследуемым объектам.

4. Изучение грамматических теорий показывает, что многообразие существующих систем ЧР и ЧП может быть описано в терминах четырех оппозиций: одной четырехмерной (*тип интерпретации*) и трех бинарных – *синтагматика/парадигматика*, *форма/значение*, *язык/речь (потенция/реализация)*¹.

Говоря о типах интерпретации ЧР и ЧП, можно выделить такие разновидности:

1. логическую (в ее основе лежит операция соотнесения контрольного объекта с логико-понятийными категориями);
2. денотатную (для ее осуществления фиксируется операция сопоставления с явлениями объективной действительности);
3. грамматическую (одни языковые явления описываются на фоне других, поэтому вводится операция установления языковых соответствий);
4. психологическую (в качестве системы отсчета выступают результаты психологической реакции индивидов, и разрабатывается операция соотнесения языковых классов с этой системой отсчета).

Эти типы интерпретаций представлены в грамматиках. Научные разработки можно классифицировать в зависимости от того, с какими интерпретационными типами они соотносятся. Так, граммати-

¹ Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970. С. 47–101.

ку Пор-Рояля можно привести в качестве примера исследования, в котором ЧР и ЧП дается логическая интерпретация¹. Работы М. Н. Петерсона основаны на денотатной интерпретации², грамматическая интерпретация дана ЧР у А. А. Потебни³, а психологическая – например, у Г. Габеленца⁴.

Некоторые грамматики построены при совмещении нескольких интерпретационных типов. Иллюстрацией служат работы Ф. Ф. Фортунатова⁵ и Ф. И. Буслаева⁶, в которых главные ЧП соотнесены с одним типом интерпретации, а второстепенные – с другим: у Ф. Ф. Фортунатова главные ЧП выделены на основании грамматического критерия, второстепенные – логического, а у Ф. И. Буслаева – наоборот.

Это – примеры классификаций, построенных на различных основаниях. Есть также исследования, в которых классы слов выделены в соответствии с одними и теми же принципами, но каждое основание представляет собой совмещение двух или нескольких интерпретационных типов.

Например, Л. В. Щерба противопоставляет служебные слова знаменательным в терминах логико-грамматической интерпретации этих классов⁷. Легко представить классификацию, в которой каждому классу слов дается характеристика на основании каких-либо трех или даже четырех интерпретационных типов.

Такое положение вещей свидетельствует, что с помощью данного параметра фиксируются взаимодополнительные свойства одного и того же объекта. Различные комбинации значений параметра используются, когда объекты характеризуются с разных сторон. Объекты противопоставлены друг другу не потому, что один из них может иметь логическую интерпретацию, а второй – денотатную

¹ Arnauld et Lancelot. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Paris, 1803.

² М. Н. Петерсон. О частях речи в русском языке // Вопросы грамматического строя. М., 1965.

³ А. А. Потебня. Цит. соч. Например, с. 67.

⁴ G. Gabelentz. Ideen zu einer vergleichenden Syntax // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Bd. VI. Berlin, 1869.

⁵ Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. 1. М., 1956.

⁶ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1869.

⁷ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 67–68.

или какую-нибудь другую, а потому, что при фиксации всех интерпретаций становятся явными их различия по одним и тем же аспектам.

Учет всевозможных комбинаций интерпретационных типов дает 15 значений параметра «тип интерпретации»: 1) логическая, 2) денотатная, 3) грамматическая, 4) психологическая, 5) логико-денотатная, 6) логико-грамматическая, 7) логико-психологическая, 8) денотатно-грамматическая, 9) денотатно-психологическая, 10) грамматико-психологическая, 11) логико-денотатно-грамматическая, 12) логико-денотатно-психологическая, 13) логико-грамматико-психологическая, 14) денотатно-грамматико-психологическая, 15) логико-денотатно-грамматико-психологическая.

Классифицируя грамматики на основании этих значений, можно увидеть, что различные языки, действительно, допускают соотнесение с одним и тем же интерпретационным типом. Например, на основании логической интерпретации можно построить трехчленную систему «субъект – предикат – связка» не только для французского языка, как это сделано в грамматике Пор Рояля, но и для русского, английского и любого другого.

Возможность соотнесения с каждым из интерпретационных типов не зависит от специфики языка. Она определяется «лабораторией» исследователя. Поэтому операции по установлению интерпретаций применимы ко всем языкам, и их можно рассматривать в качестве универсального инструмента, входящего в аппарат лингвиста.

Остальные параметры обладают такими же свойствами: оппозиции *язык/речь*, *парадигматика/синтагматика*, *форма/значение* являются средством для характеристики любых грамматических систем независимо от их специфики. Это особенность не объекта (языка) или не только объекта, как полагают многие исследователи, а инструмента его описания. Например, классы слов могут быть установлены на основании учета парадигматики как в русском, так и в любом другом языке. При этом могут фиксироваться не только возможности, реализованные в речи, но и потенциально существующие в языке, не только формальные признаки, но и смысловые.

Релевантность или иррелевантность этих факторов определяется не спецификой каждого языка, а методикой исследования языка как

объекта. Поэтому операции, с помощью которых осуществляется характеристика явлений по каждому из указанных параметров, могут быть включены в универсальный исследовательский аппарат. Он служит для подготовки классифицируемого материала к препарированию, в результате которого вскрываются связи внутри объекта, обуславливающие выбор операций анализа – синтеза.

При распределении слов по частям речи (ЧР) и членам предложения (ЧП) каждый из параметров: *язык/речь, форма/значение, синтагматика/парадигматика*, – принимает по три значения. Например: 1. 1. ЧР как явления *языка*; 1. 2. ЧР как явления *речи*; 1. 3. ЧР как явления *языка и речи*; 2. 1. ЧР как явления плана *выражения*; 2. 2. ЧР как явления плана *содержания*; 2. 3. ЧР как явления планов *содержания и выражения*; 3. 1. ЧР как *парадигматические* единицы; 3. 2. ЧР как *синтагматические* единицы; 3. 3. ЧР как единицы *парадигматики и синтагматики*.

Эти параметры, как и «тип интерпретации», могут употребляться для описания взаимодополнительных свойств объектов. Поскольку характеристики, формулируемые на основании указанных оппозиций, являются взаимодополнительными и могут быть соотнесены с одними и теми же объектами, перечисленные параметры можно объединить в систему.

Так, ЧР русского языка могут быть выделены как явление парадигматики (параметр 2), на основании логической интерпретации (параметр 1), при учете только формальных характеристик слов (параметр 3), а также их реализованных, а не потенциальных возможностей (параметр 4). Результатом объединения параметров в систему и фиксации их значений является таблица 1.

Эту таблицу можно рассматривать как характерологическую опись всех возможных таксономических систем, в которых объекты выделены на одних и тех же основаниях, а в качестве принципов классификации выступают значения четырех перечисленных выше оппозиций. Пятый столбец таблицы 1 представляет собой краткую характеристику одной из таксономических систем.

Их описания составлены в одних и тех же терминах, в силу чего являются соизмеримыми.

Таблица 1

Типы оппозиций и операции, определяющие процедуру классификации				Результаты классификации (тип таксономической системы)
Интерпретационный тип (15 вариантов)	Синтагматика / парадигматика (3 варианта)	Язык / речь (3 варианта)	Форма / значение (3 варианта)	
1. Корреляция с системой логических категорий	Отбор единиц, соотносенных с синтагматической осью (единиц, упорядоченных во времени процесса говорения)	Учет потенциальных возможностей	Выделение и классификация формальных единиц	Синтагматический класс формальных единиц языка, имеющий логическую интерпретацию
2. Корреляция с экстралингвистической действительностью (денотатами)	Отбор единиц, соотносенных с парадигматической осью (единиц, irrelevantных к времени процесса говорения)	Учет речевых образцов	Выделение и классификация смысловых единиц	Парадигматический класс смысловых единиц, встреченных в проанализированных отрезках речи, имеющий денотатную интерпретацию
3. Корреляция с внутриязыковыми явлениями	Отбор единиц, соотносенных с синтагматической осью	Учет потенциальных и реализованных возможностей	Выделение и классификация формально-смысловых единиц	Синтагматический класс формально-смысловых единиц языка, реализующих потенцию в проанализированных отрезках речи и имеющий грамматическую интерпретацию
.....
i. Корреляция с четырьмя интерпретационными типами	Отбор единиц, соотносенных с синтагматической и парадигматической осями	Учет потенциальных и реализованных возможностей	Выделение и классификация формально-смысловых единиц	Синтагматико-парадигматический класс формально-смысловых единиц языка, реализующих потенцию в проанализированных отрезках речи, имеющий логико-денотатно-грамматико-психологическую интерпретацию

Термины задаются операционно – через строки таблицы («Типы оппозиций и операции, определяющие процедуру классификации»): в строках четырех столбцов слева фиксируется динамика построения статических систем, регистрируемых как ее результаты в пятом столбце.

Другими словами, характерологическая таблица представляет собой список логически возможных теорий ЧР и ЧП, при построении классов слов, в которых оказываются релевантными параметры и их значения, перечисленные выше (они, и только они). Каждая строка таблицы 1 (данные пяти столбцов в одной горизонтали) соответствует концепции, которая существует или может возникнуть в лингвистике.

Характерологическую таблицу, в свою очередь, можно рассматривать как результат некоторой процедуры. Возникает вопрос о механизме, отвечающем за нее, т. е. о механизме, порождающем совокупность грамматических теорий, указанных в таблице 1. Его можно определить как модель коллективной лингвистической интуиции, обуславливающую построение многообразия концепций ЧР и ЧП таблицы 1.

5. Составив опись всех логически возможных концепций ЧР и ЧП, можно поставить вопрос об их сравнении и выборе из них той, которая способна служить эталоном теории ЧР и ЧП в любом языке.

Чтобы ответить на него, можно использовать различные критерии. Например, выделить класс задач, для решения которых годится теория ЧР, построенная по типу x , и теория ЧП – по типу y . Комбинация теорий x и y как совокупность операций по классификации объектов каждого языка выступает в роли эталонной теории для решения данного класса задач. Для задач другого класса в роли эталонной может выступать иная комбинация теорий ЧР и ЧП. Эталонных теорий при таком подходе столько, сколько классов задач выделяет исследователь.

Классификации ЧР и ЧП, полученные в результате применения того или иного набора операций, обуславливаются требованиями, зависящими от специфики решения каждой задачи. Другими словами, это классификации, «навязываемые языку» теми целями, для которых они используются. Кроме таких классификаций, могут

быть и другие – те, которые отражают структурные закономерности самих языков, или «навязываются исследователю языковой системой»¹.

Для таксономий последнего типа можно также поставить вопрос об эталонной теории – совокупности операций, с помощью которых они эксплицируются в каждом языке. Ответ на него покажет, какие горизонтальные строки таблицы 1 могут служить для описания универсальной теории ЧР и ЧП, вскрывающей, как говорят лингвисты, «сущностные» характеристики языка.

6. Остановимся на этом подробнее. Проанализируем требования к системе, в состав которой входят подсистемы ЧР и ЧП, – требования, формулировка которых зависит только от внутрисистемных связей и ограничений, вызываемых их взаимодействием в составе целого (языка).

Граматики показывают, что и ЧР и ЧП выступают везде как классы единиц, соизмеримых со словами: любой элемент, входящий в эти классы, равен целому числу слов (одному слову, двум, трем и т. д.), а не какой-нибудь его части (скажем, половине или трети). Это означает, что в обоих случаях – при построении как систем ЧР, так и ЧП, – исследователи работают с результатами одной и той же процедуры: разбиением продукта речевой деятельности на отрезки, которые они называют словами. Иначе говоря, классифицируются одни и те же объекты – слова.

Поскольку и ЧР и ЧП являются совокупностями слов и не противопоставляются по характеру таксономических объектов, для их различения необходимо, чтобы классификации были построены на разных основаниях². Принципы классификации слов по ЧР должны не зависеть от ЧП (требование 1).

¹ «...в вопросе о частях речи исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается языковой системой». Л. В. Щерба. Цит. Соч. С. 64.

² Например, если и ЧР и ЧП выделены на основании одного и того же критерия (чаще всего им является синтагматическая дистрибуция слов), одна из подсистем либо дублирует вторую, либо является ее укрупнением. При этом одна из систем оказывается избыточной (См.: А. А. Холодович. О второстепенных членах предложения (из истории и теории вопроса) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959, № 4).

Количество признаков, используемых для классификации, должно быть ограниченным, поэтому основания классификации должны быть абстрагированы не от конкретных элементов, а от их типов (требование 2)¹.

Основания каждой классификации должны быть однородными: все классы, которые получаются в результате нее, должны быть охарактеризованы в терминах одних и тех же признаков (требование 3). Пренебрежение этим принципом является одним из главных недостатков, которые отмечают в традиционных классификациях² их последующие критики³.

Члены одной и той же иерархии (например, ЧР) должны взаимно исключать друг друга, чтобы одно и то же слово не попадало в ее различные классы (требование 4)⁴.

7. Это – «общеметодологические» ограничения, не зависящие от характера классифицируемых объектов. Кроме них, есть требования, обуславливаемые языковой спецификой. Они основаны на корреляции классифицируемых объектов с оппозициями, приведенными выше (*форма / значение, язык / речь, синтагматика / пара-*

¹ Л. З. Сова. Цит. соч. С. 79.

² Пример такой классификации был приведен выше, когда я писала, что у Ф. Ф. Фортунатова подлежащее и сказуемое выделены на основании грамматических критериев, а дополнение, определение и обстоятельство – на основании логических. См.: «...грамматическим сказуемым является та часть словосочетания, которая заключает в себе форму сказуемости, а грамматическое подлежащее есть та часть словосочетания, с которой сочетается грамматическое сказуемое». Ф. Ф. Фортунатов. Цит. соч. С. 186. «Дополнением называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает самостоятельный предмет мысли в данном его отношении к другому предмету мысли в части предложения». Ф. Ф. Фортунатов. Цит. соч. С. 184.

³ Например, Л. Теньер пишет, что традиционная классификация, «которая основана на смутном и бесплодном эмпиризме, а не на строгой и плодотворной теории», не выдерживает никакой критики. Традиционная классификация на 10 видов слов основана в одно и то же время на трех критериях, относящихся к сущности объекта, его функции и позиции. Так, глагол, существительное, артикль и причастие определены и названы по их собственной сущности. Местоимение (замещает имя), прилагательное (сопровождает существительное), наречие (сопровождает глагол) и союз (соединяет слова) определены и названы с учетом их функций. Предлог, который ставится перед существительным, и междометие, которое вводится в предложение, определены и названы на основании их позиции (L. Tesnière. Цит. соч. С. 52 и др.).

⁴ См.: М. И. Стеблин-Каменский. Спорное в языкознании. Ленинград, 1974. С. 57.

дигматика, тип интерпретации), а также на решении вопроса о соотношении морфологии и синтаксиса. Перейдем к ним. Зафиксируем требования, которые предъявляют к классификациям ЧР и ЧП лингвисты.

При группировке одних и тех же объектов можно построить столько различных систем, сколько различных оснований классификации (и их комбинаций) можно предложить. Однако лингвисты фиксируют только две системы: ЧР и ЧП. Бинарность этой оппозиции объясняется, по-видимому, так. При описании любых двух объектов есть два аспекта: рассмотрение их *изнутри* и *снаружи*. Когда мы исследуем объект *изнутри*, мы фиксируем его «в самом себе и для себя» – как некое целое, состоящее из компонентов, безотносительно к соседям. Глядя на объект *снаружи*, мы, наоборот, отвлекаемся от его внутреннего состава и изучаем его связи с соседями. Объект выступает не как система, состоящая из компонентов, а как элемент, который сам является компонентом системы.

Каждое слово можно рассматривать *снаружи* и *изнутри*. В первом случае оно выступает как компонент предложения и элемент макроструктуры – в связи с другими словами, по отношению к ним. Во втором случае то же самое слово предстает как микроструктура и система, состоящая из компонентов, – вне связи с другими словами, но лишь при учете отношений внутри микроструктуры.

При таком объяснении логически оправданы два (и только два) типа классификации слов: 1) слова как элементы макроструктур, 2) слова как микроструктуры.

Описание любого объекта можно считать полным, только если дана его характеристика как *снаружи*, так и *изнутри*: обе классификации слов выступают как необходимые при построении грамматики, которая претендует на полноту и адекватность. Поэтому, если мы хотим, чтобы основания классификации слов по ЧР не зависели от оснований классификации слов по ЧП, но учитывали оба принципа рассмотрения слова, одну классификацию следует строить на характеристиках, эксплицируемых при первом подходе, а вторую – на характеристиках, выявляемых при втором.

Выделение ЧП обычно основано на учете связей данного слова с другими словами, т. е. на рассмотрении слова *снаружи*. Поэтому классификация слов по ЧР должна основываться на противополож-

ном подходе – анализе слова *изнутри*. Так это и делается во многих грамматиках. Например, когда говорят «'иду' – это сказуемое», имеют в виду рассмотрение слова 'иду' как ЧП (элемента одной из макроструктур типа 'я иду полем'), и значит, изучают отношения между 'я' и 'иду' или 'полем' и 'иду'. Произнося «'иду' – это глагол», подразумевают второй тип классификации – по частям речи, т. е. на основании фиксации слова 'иду' как микроструктуры, безотносительно к 'я' или 'полем', но только в плане упорядочения компонентов внутри самой микроструктуры (например, 'ид' + 'у', т. е. корень + окончание).

Эксплицируя интуицию, на основании которой происходит отделение ЧР от ЧП в традиционной лингвистике, можно отметить, что основным классификационным критерием для противопоставления этих двух языковых подсистем является метод, определяющий позицию исследователя по отношению к анализируемому объекту. Для фиксации *внутренних* свойств исследователь вводит один набор операций (следствием его применения к языковому материалу является выделение в нем классов слов в виде ЧР), для регистрации *внешних* свойств используется другой набор операций (его применение к языку дает возможность зарегистрировать ЧП).

Определение дальнейших операций, входящих в классификационные наборы, основывается на варьировании значений тех параметров, о которых говорилось выше. Проанализируем этот процесс.

Рассматривая слово при построении системы ЧР как микроструктуру, мы фиксируем его как цепочку упорядоченных во времени процесса говорения элементов, т. е. исследуем синтагматику формантов, или микросинтагматику, но не учитываем при этом макросинтагматику (или просто синтагматику) – отношения слов в составе предложения. Наоборот, при классификации слов по ЧП нас интересует только синтагматика слов, а микросинтагматика формантов остается вне поля зрения. Иначе говоря, для классификации как ЧР, так и ЧП оказываются релевантными синтагматические связи, однако соединяют они разные узлы: в одном случае это форманты (внутри слова), в другом – слова (внутри предложения).

Аналогично тому, как это делается в макроструктуре, можно выделить и в микроструктуре ядро и окружение ('ид' и 'у'). Окружение может быть обязательное ('у') и факультативное ('про' в 'пойду'),

потенциально возможное в языке (*'про, . . ., пере + ид + у, . . ., ут'*) и реализованное в речи.

В зависимости от типов микроокружения можно также зафиксировать и типы отношений внутри микроконтекста: микровалентность разных видов и микросвязь. Типы классификаций микроядер в морфологии могут быть так же, как в синтаксисе, различными. Например, классификация может строиться лишь при учете формальных типов микроокружения, или обязательных валентностей, или семантических типов микроокружения, или всех валентностей. Все зависит от целей ее создания.

'Иду', 'пройду', 'перейду' называют глаголами, а *'белый', 'беленький', 'беловатый'* – прилагательными, потому что микроядро *'ид'* относят к одному классу, а *'бел'* – к другому. Но как узнают, что это разные классы ядер? Возможны два ответа: 1. Тип ядра маркирован в самом ядре (*внутри* ядра); 2. Тип ядра вычисляется по его микроокружению (*снаружи* ядра).

Наличие *'белый' – 'белеть'* заставляет отказаться от первого предположения, потому что *'белый'* и *'белеть'* имеют одно и то же ядро, и если бы маркировка была в ядре, эти слова должны были бы относиться к одному и тому же классу. Значит, о типе ядра судят не по ядру (или не всегда по ядру), а по его микроокружению (в данном случае, аффиксам и окончаниям). Так обстоит дело в приведенных выше примерах. В отличие от них, в словах типа *'печь'*, где микроядро имеет нулевое омонимичное микроокружение, нельзя сказать, с чем соотносится этот «языковой» нуль, – с речевой цепочкой *'печка'* или *'печешь'*. Поэтому, «вырвав» слово *'печь'* из контекста, мы бессильны. Приходится обращаться к его связям с другими словами в парадигматике. Делать это надо для того, чтобы, восстановив потенциально возможную конфигурацию, соотнести ее с реальным речевым явлением.

Исследователь судит о типе ядра не по его реальному микроокружению, а по соотношению реализованной микроконфигурации с потенциально возможной. Так, потенциально существующая в языке микроконфигурация *'печка'* дает возможность зафиксировать ядро *'печь'* как существительное, а потенциальная микроконфигурация *'печешь'* – как глагол. Тип микроядра в этих примерах опознается

опять-таки по микроокружению, но не реализованному, а потенциально возможному¹.

На поставленный выше вопрос, можно дать ответ: 'иду' – это реализация потенциально возможной микроконфигурации одного типа, а 'белый' – другого. Или, попросту, 'иду' – слово такого же типа, как 'пройду', 'перейду', 'выйду', а 'белый' – такое же, как 'беловатый', 'беленький', 'белесый'.

Из этих примеров видно, что ЧР – это определенные классификации микроядер. К одной и той же ЧР относятся микроядра, образующие одинаковые микроконфигурации. Определить ЧР как грамматическую категорию значит охарактеризовать микроконфигурацию, которую способны порождать слова, относящиеся к данной ЧР.

Например, чтобы дать определение глагола как грамматической категории, надо зафиксировать тип микроконфигурации, которую могут образовывать все корни, выступающие в роли ее ядер. Для этого надо описать все типы микроокружений, которые имеют глагольные корни, и эти типы упорядочить в виде цепочек соподчиненных друг с другом элементов.

Выделяя ЧР указанным образом, мы фиксируем, с одной стороны, встречаемость формантов, их микросинтагматику, и с другой стороны, их взаимоисключаемость, выявляемую в микропарадигматике. Учитывается также и парадигматика слов. При классификации слов по ЧР в языке принимается во внимание парадигматика синтаксических конструкций или их отдельных элементов как частей этих конструкций. Микропарадигматика формантов и парадигматика слов при этом оказываются факторами, не влияющими на классификацию.

¹ Чтобы выявить парадигму данного слова ('печь – печка' в противовес 'печь – печешь'), приходится обращаться к макросинтагматике – установлению связей между словами в предложении. В случаях омонимии мы сначала обращаемся к макросинтагматическим связям данного слова в предложении и с их помощью ее снимаем. Затем, на основании макросинтагматики, мысленно фиксируем «нужную» для данного речевого ядра языковую микропарадигму, соотносим ее с речевым вариантом и устанавливаем искомые парадигматические связи микроядра. Для не омонимичных ядер корреляция речевой микроцепочки и ее языковой парадигмы осуществляется, по-видимому, в мозгу непосредственно, без обращения к макросинтагматике.

Итак, противопоставление ЧР и ЧП в терминах оппозиции *синтагматика / парадигматика* выглядит так. В обеих классификациях представлены как парадигматика, так и синтагматика, но в одном случае (ЧП) учитывается синтагматика слов и парадигматика конструкций, элементами которых являются слова, а во втором случае (ЧР) исследуется парадигматика слов и формантов, а также синтагматика формантов. Для классификации слов по ЧР в языке оказываются иррелевантными их синтагматические связи¹, а для классификации слов по ЧП – их парадигматические связи².

При задании оснований классификации должна учитываться как синтагматика, так и парадигматика, потому что и ЧР и ЧП имеют как синтагматику, так и парадигматику (ср. с общепринятым мнением, что ЧР – это явления парадигматики, а ЧП – синтагматики). Синтагматика данного ЧП это те ЧП, с которыми он связан в одной и той же макроструктуре. Его парадигматика – набор ЧП, которые могут заменять его в синтагматической цепи (макроструктуре). Синтагматика ЧР – те микроэлементы, с которыми связано ядро микроструктуры. Парадигматика ЧР – это микроэлементы, которые могут замещать друг друга в микросинтагматической цепи³.

Перейдем к дихотомии *язык/речь (потенция/реализация)*. Приведенные выше примеры показывают, что при выделении ЧР должны учитываться не только те признаки, которые реализованы контрольными словами в доступных исследователю отрезках речи, но и те, которые в них не реализованы. Поэтому ЧР следует описывать как

¹ Речь идет о классификации ЧР в языке. При распознавании их представителей в речи информация о синтагматических связях слов, как показано выше, может быть необходимой.

² Ср. Л. З. Сова. Цит. соч. С. 79. Если термины *синтагматика* и *парадигматика*, употребляемые в этой работе, снабдить аргументом «слово» (*синтагматика слов* и *парадигматика слов*), тогда ее положения можно рассматривать как частный случай тезисов, формулируемых в данной статье.

³ Если проблемы ЧР относить к морфологии, а ЧП – к синтаксису и считать, что оппозиция *морфология / синтаксис* основана на противопоставлении *парадигматика слов / синтагматика слов*, можно согласиться с Ф. де Соссюром, что все содержание грамматики распределяется по двум ее естественным осям: синтагматика и ассоциативные ряды. Однако утверждение «Все явления синтаксиса относятся к синтагматике» (Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 131) оказывается все-таки сомнительным, потому что одни явления синтаксиса (синтагматика слов) относятся к синтагматике, а другие (парадигматика синтаксических конструкций) – к ассоциативным рядам.

классы обоих планов – и речи, и языка. Аналогично обстоит дело и с ЧП¹

Каждому языковому элементу, участвующему в классификации, приходится сопоставлять его потенциально возможное окружение: при распределении слов по ЧП надо регистрировать все типы «слуг», «хозяином» которых может быть слово в различных макроструктурах. В случае ЧР следует регистрировать все форманты и категории, которые могут соподчиняться друг с другом в микроструктуре, ядром которой является корень классифицируемого слова. Для каждого слова должен быть построен его языковой эталон, учитывающий все возможные макроконтексты, в которые оно входит, и все микроконтексты, образуемые его корнем. При наличии такого эталона любая речевая цепочка, в составе которой есть данное слово, рассматривается как реализация одной из возможностей эталона.

Следующей оппозицией, которая будет нас интересовать, является противопоставление: *форма/значение*. Исследуя микроокружения, их можно описывать с трех позиций: как элементы плана формы, плана содержания или как формально-смысловые единицы. В зависимости от точки зрения будут выделяться и микроконфигурации – их количество и типы. В первом случае получится формальная классификация слов (по типам формального упорядочения морфем в эталоне), во втором – смысловая (по пучкам категорий, передаваемых разными эталонами), в третьем – формально-смысловая.

Принимая цепочку формантов в качестве манифестации категории, которая выражена посредством них, можно построить парадигму формантов, передающих одну и ту же категорию, обозначить ее некоторым символом и рассматривать впоследствии этот символ как один из элементов потенциального окружения микроядра. Эту процедуру можно проделать со всеми парадигмами. В результате появятся абстрактные микроконфигурации как цепочки *мест*, потенциально возможных при ядрах данного типа. Места в таких цепочках задаются как формально-смысловые элементы: значением *места* является некоторая грамматическая категория (например,

¹ См. Л. З. Сова. Цит. соч. С. 70–76.

темпоральность или каузальность), а формой – парадигма формантов, посредством которых она выражается.

При классификации слов как формально-смысловых единиц по ЧР можно, абстрагируясь от их *внешних* характеристик, принимать во внимание только *внутренние* характеристики, которые позволяют фиксировать слово как формально-смысловое целое. Его означающим является микросинтагматическая цепочка формантов, а означаемым – пучок категорий, которые ею передаются. При выделении ЧП придется также работать со словами как формально-смысловыми единствами. И система ЧР, и система ЧП должна строиться при учете характеристик обоих планов (содержания и выражения), позволяющих представить классифицируемые единицы как совокупности означаемых и означающих.

Поэтому процедуру построения системы классов в языке можно формализовать лишь после формализации означающих. Пока это не сделано, задача о формализации таксономических процедур для языковых элементов, рассматриваемых как знаки, имеющие означаемые и означающие, не разрешима в принципе.

И, наконец, последнее требование. Каждому из полученных классов должна быть дана интерпретация по отношению ко всем перечисленным выше интерпретационным типам, поскольку теории, учитывающие конъюнкцию различных значений, выступают как более общие по сравнению с теми, в которых она не учитывается. Последние можно рассматривать как их частный случай.

8. Подведем итоги фиксации требований к классификациям ЧР и ЧП, определяемых не общеметодологическими основаниями, а спецификой языка как особого явления объективной действительности, которое изучают лингвисты.

И ЧР и ЧП должны фиксироваться как классы единиц, соизмеримых со словами (требование 5).

При создании таксономических систем следует учитывать как *внешние*, так и *внутренние* характеристики слов (требование 6).

Чтобы основания одной таксономической системы не зависели от оснований другой, необходимо при построении системы ЧР сосредоточить внимание на *внутренних* характеристиках слов (рассмотрении слов как микроструктур), а при установлении системы

ЧП – на *внешних* (анализе слов как элементов макроструктур). Это требование 7.

При выделении ЧР следует учитывать парадигматику слов, а также парадигматику и синтагматику формантов. Для ЧП релевантными должны быть синтагматика слов и парадигматика синтаксических конструкций (требование 8).

И ЧР и ЧП должны фиксироваться как классы и языка и речи. В случае ЧР происходит конструирование языковых эталонов как абстракций от потенциальных возможностей корней слов к сочетаемости с формантами и к образованию микроструктур. Если речь идет о ЧП, оказывается целесообразным задавать языковые эталоны потенциально возможных для данного языка синтагматических цепочек (макроструктур).

ЧР – это классы языковых эталонов, имеющих одинаковые микроструктуры. ЧП – абстракции от одинаковых *мест* макроструктур. В речи (тексте) ЧР конституируется посредством того или иного конкретного слова (микросинтагматической цепочки формантов), а ЧП – посредством макроструктуры: цепочки слов, или словосочетания (требование 9).

В частном случае макроструктура может быть равна одному слову, т. е. микроструктуре. Благодаря этому свойству макроструктуры можно рассматривать как эманацию внутренних микроструктурных свойств во внешнее пространство, т. е. в макроструктуру. Каждый элемент макроструктуры (реализация члена предложения в речи) обуславливается связями на микроструктурном уровне (требование 10).

Обе классификации (ЧР и ЧП) должны базироваться на рассмотрении слов и словосочетаний как формально-смысловых единиц. Означающим слова как микроструктуры является цепочка формантов, между которыми зафиксированы формальные микроструктурные связи, его означаемым – пучок связанных друг с другом смысловых категорий, которые передаются посредством означающего.

Означающим словосочетания (или слова как элемента макроструктуры) является цепочка словоформ (или одна словоформа), которая вступает в формальные связи с другими элементами макроструктуры. Означаемым словосочетания является значение данного

ЧП как узла смысловой синтагматической структуры, семантически связанного с другими элементами макроструктуры (требование 11).

Каждая из классификаций должна быть соотнесена с логической, денотатной, грамматической и психологической интерпретационными системами. Всем классам слов должны быть даны характеристики в их терминах (требование 12).

9. Перечисленные требования однозначно определяют процедуру построения систем ЧР и ЧП в соответствии с принципами, изложенными в традиционной грамматике. Эта процедура может быть проведена в любом языке, поскольку требования 1–12 зафиксированы в абстракции от специфики конкретных языков и основаны только на свойствах языка вообще, языка как особого явления объективной действительности, исследованием и описанием которого занимается лингвистика.

Это – требования, которые предъявляет коллективный лингвистический опыт к созданию ЧР и ЧП в каждом языке, независимо от его индивидуальных свойств. При работе с конкретным языком требования 1–12 должны быть дополнены ограничениями, налагаемыми на процедуру выделения ЧР и ЧП специфическими свойствами, присущими конкретному языку¹.

В общих чертах это исследование можно представить так.

Зафиксируем какое-нибудь слово данного языка. Выделим в нем корень как ядро микроконфигурации, которую образуют форманты, входящие в состав слова. С помощью метода субституции установим, какие форманты являются взаимозависимыми в одной и той же микроцепочке. Сравним значения микроцепочек, которые различаются только одним элементом, и определим значения, по которым они противопоставляются. Это – дифференциальные признаки плана содержания, аналогичные тем, которые выделяются в плане выражения на основании анализа минимальных фонологических пар.

¹ Результат применения этой процедуры к языку зулу представлен в работах: Л. З. Сова. Глагол как грамматическая категория в языке зулу // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5. СПб, 1998. С. 68–88. См. также: Л. З. Сова. Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе // *Archív Orientální*. 1980. № 48. Ч. 3. С. 217–240.

Представив значение слова как совокупность семантических компонентов, упорядочим их по *местам* относительно ядра, которым является значение корня¹. Отделим обязательные места от факультативных. Иерархия обязательных компонентов является стабильной системой, конституирующей данное слово. Система обязательных мест может быть расширена за счет факультативных, которые их конкретизируют. При этом каждый обязательный формант, зависящий от ядра, может, в свою очередь, становиться *хозяином* элементов, которые играют роль его спецификаторов.

Пополнив иерархию обязательных компонентов факультативными, мы получим совокупность элементов, которую можно рассматривать как означаемое микроконфигурации, потенциально возможной у данного слова. Означающим этой микроконфигурации является цепочка соподчинимых элементов, каждый из которых равен либо одному форманту, либо парадигме взаимозаменяемых формантов.

Зафиксировав микроконфигурацию как единство означающего и означаемого данного слова, можно заняться остальными словами и выбрать из словаря те, которые имеют такую же микроконфигурацию. Их совокупность является, по определению, одним из классов системы ЧР данного языка. Распространив этот процесс на все слова и проведя их разбиение в зависимости от типов микроконфигураций, которые они образуют, мы получим систему ЧР².

Следующий этап – классификация ЧП. Выделив одно предложение, найдем в нем ядро. Остальные слова распределим в две группы: 1) непосредственно зависящие от ядра; 2) непосредственно не зависящие. Рассматривая слова первой группы как реализацию потенциальных возможностей ядра, для каждого слова, зависящего от ядра, найдем формант микроструктуры, «отвечающий» за появление данного слова в макроструктуре. Корреляцию элементов микро-

¹ Ср. с моделью атома в физике, в состав которого входят электроны и ядро.

² В зулу выделяется десять различных микроконфигураций (соответственно десять ЧР). О категории «глагол» см.: Л. З. Сова. Глагол как грамматическая категория в языке зулу // Структурная и прикладная лингвистика, вып. 5. Санкт-Петербург, 1998. С. 68–88. Описание микроконфигурации «Идеофоны» см.: Л. З. Сова. Идеофоны в языке зулу // Основные проблемы африканистики». М., 1973. С. 372–378. Характеристика всех микроконфигураций дана в монографии: Л. З. Сова. Аналитическая морфология языка зулу (рукопись).

и макроструктур можно рассматривать как основание для фиксации типов макроокружения. Полный для данного языка набор корреляционных пар можно принять в качестве системы ЧП и основания для классификации слов по ЧП.

10. Покажем, что результаты указанной процедуры, действительно, удовлетворяют перечисленным требованиям к построению систем ЧР и ЧП.

Классификация слов по ЧР проводится на основании списка микроконфигураций, а классификация слов по ЧП – перечня элементов макроструктур. Поэтому оба набора являются различными абстракциями от языковых единиц: первый – от *внутренних* характеристик слов, второй – от *внешних*. Основания обеих классификаций не зависят друг от друга (ср. *требование 1*).

При проведении классификации слов по ЧР объектом исследования являются форманты. Их список для каждого языка сравнительно невелик (200–300 штук). Метод субституции дает возможность выделить классы взаимозаменяемых единиц и вместо списка формантов построить набор их репрезентативных классов. Из элементов этого списка впоследствии создаются микроконфигурации. Количество единиц, из которых строятся микроконфигурации, является конечным. Оно в несколько раз меньше числа формантов. Так, для зулу процедура абстрагирования репрезентантов сокращает количество рассматриваемых элементов примерно в пять раз.

Метод дистрибуции помогает установить классы формантов, соподчинимых друг с другом в одной микросинтагматической цепи. Это – процедура абстрагирования. В ее ходе нескольким элементам сопоставляется термин одного класса. Поэтому происходит дальнейшее сокращение количества рассматриваемых единиц. Для зулу оно оказалось равно десяти. Эти элементы принимаются в качестве оснований классификации. И значит, характер процедуры, проводимой для выделения оснований классификации («двухъярусное» обобщение исходных данных), обуславливает ограниченность списка элементов, которые принимаются в качестве оснований классификации слов по ЧР.

Поскольку классификация слов по ЧП строится на основании корреляции слов и словосочетаний с элементами микроконфигураций, то типов слов и словосочетаний (ЧП) может быть выделено не

больше, чем элементов микроконфигураций – репрезентантов взаимозаменяемых формантов. Последних существует строго ограниченное для каждого языка количество. Поэтому список ЧП также является конечным. И значит, основания классификации слов по ЧР и ЧП, а также списки ЧР (микроконфигураций) и ЧП удовлетворяют *требованию 2*.

Приняв список микроконфигураций в качестве основания классификации слов по ЧР и проведя процедуру классификации, мы должны проверить все слова на идентичность с каждой микроконфигурацией. В этом случае классы, которые получатся, будут охарактеризованы в терминах одних и тех же признаков, каковыми выступают микроконфигурации.

Аналогично: проверяя контрольное слово на соотносимость с каждым элементом из списка ЧП, мы можем и при распределении слов по ЧП характеризовать классифицируемые объекты в терминах одних и тех же признаков, которыми являются элементы системы ЧП. *Требование 3* в этом случае соблюдено.

Результатом построения оснований классификации слов по ЧР и ЧП являются, как показано выше, списки микроконфигураций и мест макроструктур, существующих в данном языке. Все элементы обоих списков, в силу самой процедуры, являются различными, поскольку тождественные единицы объединяются на первом или втором шаге абстрагирования. Если ввести правило, в силу которого каждое слово может образовывать лишь одну микроконфигурацию, можно получить, при указанных выше основаниях классификации, только неперекрещивающиеся классы ЧР и ЧП. При корреляции какой-либо языковой единицы с несколькими микроконфигурациями можно говорить о ее омонимии и рассматривать как совокупность нескольких классифицируемых элементов. *Требование 4* также удовлетворяется¹.

¹ Особый вопрос – как опознать в случае омонимии принадлежность контрольного слова к одной из возможных микроконфигураций при классификации слов по ЧР или к одному из возможных мест макроструктуры при распределении слов по ЧП. Ответ на него могут дать только конкретные исследования, цель которых – построить для всех омонимов (или их разновидностей) процедуры по их разведению.

Требование 5 о соизмеримости таксономических единиц со словами выполняется в силу процедуры задания оснований классификации и выбора таксономических объектов.

Аналогично обстоит дело и в отношении *требований 6 и 7*, поскольку совокупность систем ЧР и ЧП создается так, что слова фиксируются в двух аспектах – с точки зрения их *внутренних* (ЧР) и *внешних* (ЧП) характеристик, а построение каждой из классификаций на основании учета только одного из этих аспектов обуславливает взаимодополнительный характер обеих классификаций и необходимость их объединения в одну таксономическую систему.

Процедура классификации слов по ЧР, описанная выше, основана на анализе микропарадигматики (взаимозаменяемые форманты), микросинтагматики (соподчинимые форманты) и парадигматики (слова, имеющие одну и ту же микроконфигурацию). Классификация слов по ЧП базируется на исследовании иного типа. Здесь рассматривается синтагматика слов (слова, зависящие от ядра) и парадигматика элементов синтагматических цепей (парадигмы слов и словосочетаний, которые могут выступать в роли одних и тех же ЧП). Это обеспечивает реализацию условий, предъявляемых *требованием 8*.

Построение микроконфигураций и системы ЧР в описанной процедуре осуществляется в плане языка, поскольку исходит из анализа потенциалов микроядер к сочетаемости с формантами. Наоборот, распределение слов по ЧР осуществляется в плане речи. Речевые единицы (слова) соотносятся с их языковыми прообразами (эталонными словами, каждое из которых это реализация микроконфигурации посредством конкретного корня и связанных с ним формантов) и классифицируются в зависимости от того, представителями каких микроконфигураций они являются.

Совокупность ЧП как система потенциально возможных мест в синтаксических структурах также выделяется в плане языка, а распределение синтагматических элементов по ЧП происходит в плане речи¹. И значит, при построении обеих систем (ЧР и ЧП) используются оба языковых плана – и язык, и речь (*требование 9*).

¹ Поскольку потенциалы ядер к сочетаемости с окружением (в микро- и макроконфигурациях) фиксируются на основании фактов речи, а классификация производится в зависимости от корреляции элементов языка и речи, возможно и более

Каждый элемент макроструктуры определяется на основании корреляции с элементами микроструктур. Макроструктура в целом рассматривается как развертывание свойств микроядра (*требование 10*).

Фиксируя микроконфигурацию, мы начинаем работать с элементами плана формы – цепочками букв, посредством которых записываются ядра и морфемы, а затем переходим к компонентам плана содержания – категориям, передаваемым формантами, и смысловым отношениям между ними¹. В итоге получается система ЧР как набор формально-смысловых единиц. Слова конкретного языка классифицируются в зависимости от их соотношения с этим набором, поэтому они выступают как формально-смысловые единицы.

При построении системы ЧП мы исходим из единиц смыслового плана и в значениях синтагматических формально-смысловых цепей выделяем части, которые коррелируют со значениями мест микроструктур. Затем переходим к плану выражения – тем словоформам, посредством которых передаются эти значения. Поэтому ЧП, как и ЧР, оказываются формально-смысловыми элементами, и слова распределяются по ЧП как единства означаемых и означающих (*требование 11*).

Полученные таким образом системы ЧР и ЧП представляют собой стабильные для данного языка образования с четко фиксированными границами между входящими в их состав классами. Классы могут быть охарактеризованы как по отношению друг к другу, так и к посторонним системам отсчета. В первом случае можно го-

сильное утверждение: в плане и языка и речи, во-первых, задаются обе системы, и во-вторых, по классам распределяются слова.

¹ Предложенная процедура объединяет два пути: 1) по типам микросинтагматических цепей, существующих в языке; 2) по типам пучков грамматических категорий. Первый путь целесообразней использовать при построении грамматики агглютинативных языков, второй – флективных и изолирующих. Объединение обоих путей позволяет применять данную процедуру ко всем языкам, – агглютинативным, флективным и изолирующим, поскольку предлагаемая методика основывается лишь на одном свойстве классифицируемых единиц – их представлении в виде двусторонних элементов, состоящих из цепочки формантов (в частном случае, из одного форманта) и пучка грамматических категорий. Универсальность этого свойства определяется всеобщностью операций, с помощью которых оно фиксируется в любом языке (этими операциями являются дуализация элементов на означаемое и означающее и выделение дискретных единиц).

ворить о внутрисистемной характеристике классов, т. е. о значимостях классов по отношению друг к другу, или об их грамматической интерпретации. Во втором случае речь может идти об экстрасистемной интерпретации – денотатной, логической и психологической. Поэтому *требование 12* также не противоречит построенной теории и может быть к ней применено.

Подводя итоги, можно отметить, что зафиксированная процедура для выделения и описания ЧР и ЧП во всех языках, действительно, основана на ограничениях, которые были сформулированы выше (*требования 1–12*).

11. Применение ее к материалам конкретных языков, позволяет получать по две таксономические системы (ЧР и ЧП). Являясь результатами классификаций, они оказываются соизмеримыми во всех языках, поскольку соотносятся с одной и той же процедурой их построения. Она выступает в качестве единообразного инструмента, необходимого для решения вопроса о соотношении ЧР и ЧП в каждом языке. В результате может быть создана универсальная теория ЧР и ЧП, сформулированная в терминах операций по выделению классов слов.

Возвращаясь к таблице 1, можно отметить, что универсальная теория представляет собой объединение двух подсистем (ЧР и ЧП), соответствующих горизонтали *i*. Объяснить этот факт можно так. На механизм, способный порождать многообразие грамматических теорий, зафиксированных таблицей 1, коллективная лингвистическая интуиция накладывает ограничения, представленные списком «*требований 1–12*». В результате, все возможности, кроме одной, оказываются нереализованными¹. Полученная теория является не

¹ Коллективная лингвистическая интуиция сформировалась не сразу. Одни ограничения, например, указанные в *требованиях 1–6, 12* в явной (1–4) или неявной (5, 6, 12) форме были представлены уже у античных ученых, другие возникли недавно. Так, появление *требования 7* стимулировала полемика о второстепенных членах предложения в языкознании прошлого века, *требований 8, 9, 11* – обсуждение проблематики, связанной с идеями Ф. де Соссюра. *Требование 10* в применении к ЧР и ЧП, как мне кажется, ранее не обсуждалось.

Генезис формирования ограничений иллюстрирует «саморазвитие понятия» о грамматической теории в лингвистике. Моделируя коллективную интуицию и конструируя механизм, отвечающий за нее, результаты его деятельности следует рассматривать как состояние понятия о грамматической теории на сегодняшний день, представленное таблицей 1 и двенадцатью *требованиями*. Кроме того, нас должна

только универсальной (пригодной для всех языков), но и единственной (при учете данного набора ограничений).

12. Введение иного набора требований приводит к конструированию иной универсальной теории. Каждый тип ограничений отражает какое-то определенное понимание языка и его сущности. Признание того, что сущность языка является объективной данностью, лежит в основе предположения, что среди всех возможных «ее пониманий» представлено также то, которое наиболее адекватно ее отражает. Теория, эксплицирующая это «понимание», в отличие от остальных, может быть признана *истинной*.

По-видимому, ее можно создать на основании анализа различных теорий путем экстрагирования из них положений, которые правильно фиксируют сущностные характеристики интересующего нас явления¹. Анализ, предпринятый выше, является одной из таких попыток. В ее основе лежит допущение, что антиномии, обсуждаемые грамматистами и отраженные в *требованиях 1–12*, правильно (*истинно*) отражают сущностные характеристики языка как объекта и предмета лингвистических исследований².

интересовать и сама деятельность этого механизма – последовательность операций, которая вводит в действие перечисленные *требования* и, постепенно сужая понятие о грамматической теории, формирует из многообразия строк таблицы 1 однозначное определение искомого понятия.

¹ См.: Л. З. Сова. Цит. соч. С. 78–80.

² Данная статья представляет собой один из разделов («ЧР и ЧП в универсальной грамматике») моей неопубликованной монографии «Проблемы операционной грамматики». Публикуется впервые в сборнике: «Структурная и прикладная лингвистика 7». СПб., 2007. Фрагмент статьи вошел в Предисловие к Интернет-изданию «Аналитической лингвистики» (см. с. 320–324).

Механизм, порождающий синтаксические концепции

1. Рассматривая синтаксическую структуру как некоторое системное образование, в ней можно выделить элементарные единицы – компоненты двух типов: узлы и связи. Определять эти компоненты можно по-разному, – в зависимости от значений следующих пяти параметров:

а) степень абстракции элементарных единиц. Этот параметр принимает два значения: «конкретные – абстрактные» явления. Например, если фиксируется первое значение параметра, в качестве узлов выступают такие конкретные единицы, как 'читаю' или – 'книгу'; если берется второе значение, – такие абстрактные единицы, как сказуемое или дополнение;

б) длина протяженности элементарной единицы. Этот параметр принимает несколько значений. Например, может фиксироваться такое значение параметра, при котором в качестве элементарной единицы принята морфема. Другие значения приведут исследователя к цепочке морфем, слову, цепочке слов и т. д.;

в) соотносительность элементарной единицы с «естественными осями грамматики»¹. Этот параметр принимает два значения: «синтагматика – парадигматика». Например, если элементарная единица соотносится с синтагматической осью, узлами являются члены предложения, если с парадигматической осью – части речи;

г) структура элементарной единицы. Здесь учитывается «природа» элементарной единицы – является она формальной, смысловой или формально-смысловой;

д) порядок «сборки» синтаксической структуры из элементарных единиц.

2. Конкретный тип синтаксической структуры, описываемой тем или иным лингвистом, можно представить как функцию перечисленных пяти параметров. В зависимости от выбора их значений можно построить любую концепцию синтаксической структуры, существующую в лингвистике. Перебор всех значений всех пара-

¹ «Надо научиться сводить... каждое явление к его ряду, синтагматическому или ассоциативному и распределить содержание грамматики по ее двум естественным осям...». Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 131.

метров является перечнем логически возможных синтаксических концепций, построенных при их учете, т. е. исчислением логически возможных в языкознании концепций синтаксических структур. Это исчисление можно рассматривать как механизм, порождающий концепции синтаксических структур.

3. Приведем несколько примеров реализации схем этого исчисления. Пусть первая комбинация параметров «*a* – *d*» такова:

a) в качестве узлов приняты термины классов. В качестве связей – отношения между ними;

б) при выборе узла за исходную единицу, подлежащую объединению в класс, принимается цепочка букв от пробела до пробела (словоформа), в качестве связи – дуга (стрелка, черта) между терминами двух классов;

в) и связи и узлы соотнесены с синтагматической осью;

г) при построении узла и связи учитывается только форма исходных единиц, а не их значение;

д) синтаксические структуры строятся как система «матрешек», каждая из которых является синтаксической структурой с убывающим количеством компонентов по отношению к предыдущей.

Любая структура в этой системе это совокупность узлов, каждый из которых представляет термин класса, и связей между ними. В структуре с наибольшим числом компонентов термин «класс» соответствует каждой словоформе предложения, для которого строится синтаксическая структура. Переходы от одной структуры к другой задаются заранее сформулированными правилами.

Если в этой комбинации параметров изменить пункт «*a*» (в качестве узлов принять словоформы, в качестве связей – отношения между ними) и указать в пункте «*d*» на переход от терминов классов к конкретным словоформам, получится концепция синтаксической структуры, вытекающая из теории дескриптивизма и анализа по непосредственным составляющим¹.

Рассмотрим иной случай:

¹ Доказательство применимости такого объяснения в части пунктов «*б* – *д*» см.: Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970. С. 55–56, 157–162. Пункт «*a*» при указанном подходе становится irrelevantным, потому что учитывается любая возможность ответа на вопрос, формулируемый в пункте «*a*» (Доказательство см. там же. С. 88, 133, 139).

- а) аналогично предыдущему (дескриптивистское решение);
- б) объединению в класс подлежат словосочетания (в частном случае словосочетание может быть равно одному слову);
- в) аналогично дескриптивистскому решению;
- г) при построении узлов и связей учитывается форма и значение элементов. Элементы рассматриваются как формально-смысловые целые, не расщепляемые на форму и значение;
- д) синтаксическая структура как совокупность узлов и связей строится на основании метода субституции.

Эта комбинация параметров представлена у Л. Теньера¹.

Третий пример можно построить самостоятельно:

- а) аналогично предыдущим;
- б) аналогично Л. Теньеру;
- в) аналогично Л. Теньеру;
- г) как и у Л. Теньера, при построении узлов и связей учитываются формы и значения элементов, но в отличие от него элементы рассматриваются как формально-смысловые единицы, расщепляемые на форму и значение;
- д) синтаксическая структура строится как совокупность двух равноправных единиц (формальной и смысловой структуры). Формальная структура – это совокупность формальных сторон узлов и формальных связей между ними. Смысловая структура – совокупность смысловых компонентов узлов и смысловых связей между ними. Обе структуры создаются на основании метода субституции.

Комбинируя порядок «сборки» синтаксической структуры, представленные в первом и третьем примерах, можно получить такую формулировку пункта «д» для еще одного – четвертого – примера: синтаксическая структура это совокупность двух равноправных единиц – формальной и смысловой структуры. Каждая из них «собирается» по типу пункта «д» первого примера.

4. Сопоставляя приведенные выше концепции, можно отметить, что они сходны в отношении параметров «а» и «б» и различны в отношении других параметров. Первый пример противопоставлен

¹ L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959. Доказательство см.: Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970. С. 51–52, а также: Э. Р. Атаян. Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1968. С. 61, 67–70.

остальным по параметрам «б» и «г»: здесь решения исключают друг друга. Третий и четвертый примеры противопоставлены второму по параметру «г». Однако решения не исключают друг друга: элементы, не разложимые на форму и значение при одних условиях, могут при других условиях терять это свойство¹. Вторая и третья концепции противопоставлены первой по параметру «д». Здесь также нет антиномии. Более того, взаимодополнительность концепций подтверждается четвертым примером.

Материал, которым иллюстрировалось изложение, показывает, что общая теория синтаксической структуры не может быть непротиворечивой при объединении исключających друг друга различных решений по пунктам «б» и «в». Наоборот, она может стать таковой при объединении взаимодополнительных решений по пунктам «г» и «д».

Утверждение о взаимодополнительности решений по пункту «д» влечет тезис о взаимодополнительности синтаксических структур, выделяемых по методу субституции и НС-анализа, из которого вытекает следствие о том, что Теньеровские структуры строятся на основании экспликации одних свойств синтаксических единиц, а НС-структуры – при учете иных свойств.

Синтаксическая информация, содержащаяся в предложении, может быть представлена как сумма элементарных составляющих, учитываемых при каждом из этих типов анализа, например, как функция от количества информации и характера ее компрессии в Теньеровских структурах и прочности связывания информационных единиц в структурах НС².

¹ Доказательство см.: Л. З. Сова. Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 1. Ленинград, 1968. С. 4–9.

² Работа опубликована в виде статьи под тем же названием в сборнике «Статистика речи и автоматический анализ текста 1974». Ленинград, 1974. С. 401–404.

ЧАСТЬ 2. ТИПОЛОГИЯ

Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе

В «Философии грамматики» О. Есперсен писал: «При преподавании элементарной грамматики я не стал бы начинать с определения различных частей речи и тем более с обычных определений, которые говорят так мало, а претендуют на многое. Я избрал бы более практический способ. Опытный грамматист, не прибегая к таким определениям, всегда знает, чем является данное слово – прилагательным или глаголом. И подобно тому, как мы с первого взгляда различаем корову или кошку, могут научиться различать части речи и дети... Наблюдая таким образом за различными разрядами, учащиеся приобретут постепенно грамматическое чутье»¹.

Итак, О. Есперсен полагал, что различные разряды слов – это не фикции², они действительно существуют в языке. Сходство слов одного и того же разряда – такая же объективная данность, как, скажем, подобие всех коров. Посмотрим, прав ли был О. Есперсен. Исследуем, на основании каких признаков опытный грамматист узнаёт, что 'иду' и 'белый' – слова различных разрядов, а 'иду' и 'пройду' – одного и того же разряда. Выделим значимости слов одного разряда в противовес значимостям слов другого разряда.

До этого остановимся на более общем вопросе, – какое сходство есть у всех разрядов, о которых мы говорим, т. е. у частей речи, и чем они отличаются от разрядов второго типа, описываемых лингвистами, – членов предложения. Выясним значимость одной системы разрядов (частей речи) по отношению к другой системе (чле-

¹ О. Есперсен. Философия грамматики. Москва, 1958. С. 67–68.

² Ср. следующие две точки зрения: 1) «... в вопросе о частях речи исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается языковой системой» (Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 64); 2) «Мы можем представить себе качество или действие в виде вещи. Мы говорим о «высоте дома» или о «падении яблока», как будто бы эти идеи были параллельны таким, как «крыша дома» или «кожура яблока», забывая, что высота, падение (выраженная именами) не перестали указывать на качество и действие (...) никакая логическая схема частей речи – их число, характер или разграничение – не представляет ни малейшего интереса для лингвиста» (Э. Сепир. Язык. Введение в изучение речи. М., 1934. С. 91–93).

нов предложения) и займемся рассмотрением значимостей внутри системы частей речи.

Вопрос о соотношении частей речи и членов предложения издавна волнует лингвистов. Решения предлагаются разнообразные. Но в них есть и нечто общее: и части речи и члены предложения фиксируются как классы слов, или более точно, как классы единиц, соизмеримых со словами. В обоих случаях классифицируются одни и те же объекты – слова. При группировке одних и тех же объектов может быть построено столько различных систем, сколько различных наборов оснований классификаций можно предложить. Однако лингвисты почему-то фиксируют только две системы: части речи и члены предложения.

Бинарность этой оппозиции легко объяснить, если вспомнить, что при описании любых объектов есть два аспекта: рассмотрение их «изнутри» и «снаружи». Когда объект исследуется «изнутри», он фиксируется как некое целое, состоящее из компонентов, безотносительно к его соседям. Глядя на объект «снаружи», мы, наоборот, отвлекаемся от внутреннего состава и изучаем его связи с соседями. Данный объект выступает не как система, которая состоит из компонентов, а как элемент, который сам является компонентом некоторой системы.

Каждое слово можно рассматривать «снаружи» и «изнутри». В первом случае оно выступает как компонент предложения, т. е. элемент макроструктуры: в связи с другими словами, по отношению к ним. Во втором случае то же самое слово предстает как микроструктура, т. е. система, состоящая из компонентов, – вне связи с другими словами, лишь при учете отношений внутри микроструктуры. Поэтому с этой точки зрения оправданы два (и только два) типа классификаций слов: 1) при фиксации слов как элементов макроструктур и 2) при фиксации слов как микроструктур. Первый тип классификаций приводит нас к различным системам членов предложения, второй – к системам частей речи.

По-видимому, описание любого объекта можно считать полным, только если дана его характеристика как «снаружи», так и «изнутри». Поэтому обе классификации слов [1] по членам предложения и 2) частям речи] выступают как необходимые при построении грамматики, которая претендует на полноту и адекватность.

Когда говорят «*'иду'* – это сказуемое», имеют в виду рассмотрение *'иду'* как члена предложения (т. е. например, как элемента макроструктуры '*Я иду полем'*'), и значит, изучают отношения между *'иду'* и '*я'*' или '*полем'*'. Произнося «*'иду'* – это глагол», подразумевают второй тип классификации – по частям речи, т. е. на основании фиксации *'иду'* как микроструктуры (безотносительно к '*я'*' или '*полем'*', только в плане упорядочения компонентов внутри самой микроструктуры, например, *'ид'* + '*у'*').

Так же, как в макроструктуре (или просто структуре), можно выделить и в микроструктуре ядро (например, *'ид'*) и окружение (например, '*у'*'). Окружение может быть обязательное ('*у'*') и факультативное ('*про'* – ср. *'иду'* и '*пройду'*'), потенциально возможное в языке (например, '*пере'*', '*про'*', '*вы'* + '*йд'* + '*у'*') и реализованное в речи. В зависимости от типов микроокружения можно зафиксировать и типы отношений внутри микроконтекста: микровалентность разных видов и микросвязь. Аналогично синтаксису, можно классифицировать микроядро и в морфологии. Типы классификаций могут быть различные. Например, классификация может строиться лишь при учете формальных типов микроокружения или при фиксации только обязательных микровалентностей: все зависит от целей, ради которых строится данная классификация.

'Иду', '*пройду'*', '*перейду'*' называют глаголами, а '*белый'*', '*беленький'*', '*беловатый'*' – прилагательными. Иначе говоря, микроядро *'ид'* относят к одному классу, а микроядро '*бел'*' – к другому. Возникает вопрос, как узнают, что это разные классы ядер. Возможны два ответа: 1) тип ядра маркирован в самом ядре (т. е. «внутри ядра»), и его опознают при взгляде на микроядро, 2) тип ядра узнают по его окружению (т. е. «снаружи ядра»).

Наличие примеров типа '*белый'* – '*белеть'*' заставляет отказаться от первого предположения ('*белый'*' и '*белеть'*' имеют в письменной речи одно и то же ядро '*бел'*', и если бы маркировка была в ядре, '*белый'*' и '*белеть'*' должны были бы выступать как элементы одного и того же класса). Отсюда следует, что о типе ядра судят не по ядру (или не всегда по ядру), а по его окружению, – по крайней мере, в случаях, аналогичных тем, которые были рассмотрены выше.

Существуют контрпримеры. Достаточно рассмотреть слова типа русск. '*печь'*', англ. *love* или их зулусские эквиваленты – формы на

iki-, и становится очевидно, что одного только взгляда на микроокружение (нулевое) микроядра '*печь*' недостаточно для того, чтобы понять, с чем соотносится этот нуль, – с цепочкой '*печка*' или '*печешь*'. Поэтому можно сказать, что о типе ядра '*печь*' судят не по его реальному микроокружению, а по соотношению данной микроконфигурации с другой микроконфигурацией, вариантом которой она является. Иначе говоря – по соотношению реализованной микроконфигурации с потенциально возможной. Потенциально возможная микроконфигурация '*печка*' дает возможность зафиксировать ядро '*печь*' как существительное, а потенциально возможная микроконфигурация '*печешь*' – как глагол. И здесь тип микроядра опознаётся по окружению, но не реализованному, а потенциально возможному.

Итак, на вопрос: «Как узнать, что '*иду*' – это глагол, а '*белый*' – прилагательное?» можно дать ответ: «'*Иду*' – это реализация потенциально возможной микроконфигурации одного типа, а '*белый*' – реализация потенциально возможной микроконфигурации второго типа». Или попросту говоря, '*иду*' – слово того же типа, что '*пройду*', '*перейду*' и т. д., а '*белый*' – того же типа, что '*беловатый*', '*беленький*' и т. д.

Из этих примеров видно, что части речи – это определенные классификации микроядер: в одну и ту же часть речи попадают микроядра, способные образовывать одну и ту же микроконфигурацию. Поэтому определить ту или иную часть речи как грамматическую категорию означает охарактеризовать микроконфигурацию, которую способны образовывать слова, относящиеся к данной части речи. Например, чтобы дать определение глагола как грамматической категории, надо зафиксировать тип микроконфигурации, которую способны образовывать все корни, выступающие в роли ядер этой микроконфигурации¹. Необходимо зарегистрировать все типы

¹ На это давно обратили внимание, в бантуистике. Достаточно вспомнить о том интересе, который проявляют все исследователи языка зулу к проблеме морфологической структуры слова. Например, то, что морфемная структура существительного отличается от морфемной структуры глагола, прилагательного и других классов слов, регистрируется постоянно во всех исследованиях, начиная с работ В. Бойса и Дж. Апплеярда. На основании анализа морфемной структуры слова построены различные классификации частей речи в языке зулу, – например, классификации, предложенные А. Т. Коупом (Грамматическая структура языка зулу //

микроокружений, которые могут иметь глагольные корни, и эти типы упорядочить в виде цепочек соподчинимых друг с другом элементов.

При фиксации микроокружения, их можно рассматривать с различных позиций – как элементы плана формы, плана содержания или как формально-смысловые единицы. В зависимости от этого выделяются и микроконфигурации – их количество и типы. В первом случае получается формальная классификация слов (по типам формального упорядочения морфем), во втором – смысловая (по пучкам категорий, передаваемых разными типами микроконфигураций), в третьем – формально-смысловая.

Рассматривая цепочку формантов как манифестацию категорий, которые обозначены посредством них, можно зафиксировать парадигмы формантов, передающих одну и ту же категорию, и затем принять символы категорий в качестве элементов потенциального окружения микроядра. Таким образом, можно построить абстрактные микроконфигурации как цепочки мест, потенциально существующих при ядрах данного типа. Места в таких цепочках – формально-смысловые элементы. Значением каждого места является некоторая грамматическая категория, а формой – парадигма формантов, посредством которых она выражается.

Проиллюстрируем методику микроструктурного анализа на примере построения микроконфигурации «глагол в языке зулу».

Начнем с финитных глаголов. Посмотрим, какую микроструктуру имеет слово *ngihambha* 'я иду'¹. Обычно в его составе выделяют два компонента: основу *-hambha* и субъектный согласователь *ngi-*. Последний служит для передачи двух функций:

1) указывает на связь между подлежащим и сказуемым, т. е. «прикрепляет» действие, выраженное глаголом, к определенному

Африканское языкознание. М., 1963) и Н. В. Громовой (Части речи в языках банту и принципы их разграничения. М., 1966). Необходимость уточнять эти классификации связана с тем, что при их проведении учитываются не микроконфигурации в целом, а только какие-то их части (префиксы согласования у А. Т. Коупа, категории, фиксируемые посредством формантов обязательного микроокружения, у Н. В. Громовой).

¹ В технических целях билабиальный имплозивный звук *b* обозначается через *b*, а билабиальный эксплозивный звук *b* – через *bh* (Ср.: С. М. Doke, В. W. Vilakazi. Zulu-English Dictionary. Johannesburg, 1953).

месту в пространстве, локализует его в некоторой точке (эта точка выступает в роли агента действия или реципиента состояния), – ср. *ngihambha* 'я иду', *sihambha* 'она (старуха) идет';

2) обозначает ориентацию действия во времени, т. е. «прикрепляет» действие, выраженное глаголом, к определенной точке на временной оси. Например, *isalukazi sihambha* 'старуха идет' – *isalukazi sahambha* 'старуха шла' – *isalukazi sohambha* 'старуха пойдём'.

Это противопоставление (*si* – *sa* – *so*) дает возможность рассматривать в структурном плане субъектный согласователь как композиту, состоящую из двух самостоятельных частей (каждая передает отдельную категорию):

а) аллитеральный согласователь с классом существительных (например, *s* в префиксе *si-*, коррелирующий с *s* в префиксе существительного *isalukazi*),

б) показатель времени протекания действия (*a* в префиксе *sa-* как показатель прошедшего времени, *i* в префиксе *si-* как показатель настоящего времени и т. д.).

Иначе говоря, *s* как бы осуществляет пространственную ориентацию действия, а *i/a/o* – временную.

Аллитеральный согласователь является членом десятимерной оппозиции, отражающей деление в языке зулу на классы, а местоимений – на лица: *ng, s, w, n, b, j, l, a, z, k*; показатель времени реализует свою значимость в трехмерной оппозиции: *i/a/o*¹.

Глагольная основа не является неизменной при спряжении глагола: ср. *si-hambha* 'она идет', *asi-hambhi* 'она не идет'. Чередования конечной гласной основы, которые можно наблюдать при переходе от одного типа спряжения (позитив *sihambha* – негатив *asihambhi*) или наклонения (изъявительное *sihambha* – зависимое *sihambhe*) к другому типу, позволяют выделить в основе две части:

¹ Структурное членение не соответствует этимологическому: в истории языка при образовании форм *si* – *sa* – *so* чередование *i* – *a* – *o* не имело места. Возникновение оппозиции *si* – *sa* – *so* объясняется на основании таких соответствий: *si* / *si* + *a* → *sa/si* + *ya* + *uku* → *siyauku* → *siyoku* → *siyo* → *so*. В диахронии тоже представлена тернарная оппозиция, но она материально отличается от той, которая выявляется в синхронном плане.

hambh- и *-a(-i, -e)*. Первую часть основы называют корнем, вторую – конечным гласным¹.

Конечный гласный основы – это формант, с помощью которого передается отношение говорящего к событию: рассмотрение его как истинного (позитивное спряжение) или ложного (негативное спряжение), как главного (изъявительное наклонение) или второстепенного (зависимое наклонение). Конечный гласный основы, как и охарактеризованные выше форманты, является элементарным: членению на составляющие он не подлежит.

С помощью корня фиксируется тип деятельности, описываемой глаголом, т. е. указывается, что речь идет, например, о ходьбе, а не о чтении, или рисовании, или каких-либо иных типах деятельности. Корень передает специфическое значение данного глагола в отличие от других глаголов². Но не только его.

На первый взгляд, кажется, что корень – это элементарная составляющая слова, ни формально, ни по смыслу не разбирающаяся на компоненты. Однако сравнение глагола *-hambha 'идти'* с таким

¹ Процесс перехода от *-hambha* к *-hambhe* или *-hambh* можно было бы описать и по-другому, например, как: *-hambhi + ∅, -hambhi + a, -hambhi + e → -hambhi∅, -hambhia, -hambhie → -hambhi, -hambha, -hambhe*, и форму *-hambha* рассматривать (аналогично $sa = si + a$) как результат слияния $i + a = a$. При любом подходе вывод относительно соотношения частей основы *-hambha* будет одним и тем же: есть часть *-hambh-*, не изменяющаяся при данных процессах, а также часть, стоящая после *-hambh-* и подверженная преобразованиям (оговорка «при данных процессах» необходима, так как при других процессах может изменяться и *-hambh-*, – об этом см. далее).

² Говоря о специфическом значении данного глагола в противовес другим глаголам, я имею в виду только значимость данного корня (на фоне других корней), но не его денотатное значение. Такая осторожность вызвана следующим соображением. Сопоставляя, например, *-hambha 'идти'* и *-lala 'спать'*, можно представить денотаты этих глаголов с помощью картинки или вербальной характеристики субъектов, деятельность которых описывается глаголами. Кроме этих (полнозначных) глаголов, есть служебные. Их значение сводится к тому, что они передают различные грамматические значения полнозначных глаголов (см., например, *-lokhu 'все еще'*, *-bonange 'никогда не быть ранее'* и т. д.), либо указывают на связь между субъектом и его деятельностью. Субъект выступает в роли подлежащего, деятельность фиксируется инфинитивом полнозначного глагола, а связь между ними – посредством служебного глагола. Для глаголов этого типа денотаты подобрать не представляется возможным, и денотатную характеристику глагола приходится рассматривать как факультативную, а характеристику его значимости – как обязательную.

глаголом, как *-hlala 'сидеть'*, говорит о следующем: при образовании перфекта эти глаголы ведут себя по-разному; корень глагола *-hambha* остается неизменным (ср. *-hambha – -hambhile*), а корень глагола *-hlala* подвергается модификациям (ср. *-hlala – -hlezi*).

Иначе говоря, у таких глаголов, как *-hlala* (их обычно называют стативными), выделяются два типа глагольных основ: перфектная и простая. Общее у них – начало корня, различное – конец: конечная гласная основы (ср. *-ma – -mi 'стоять'*), две гласных основы – конечная и внутрикорневая (ср. *-lala – -lele 'сидеть'*), гласные и согласные (ср. *-hlala – -hlezi 'сидеть'*). Поэтому в основах *-ma – -mi*, *-lala – -lele*, *-hlala – -hlezi* можно выделить общие части *m*, *l – l*, *hl* и различные *a – i*, *a/a – e/e*, *ala – ezi*. Общие части передают специфическое значение, о котором говорилось выше и которое остается неизменным при спряжении глагола во всей парадигме, – как в области времен, образующихся от простых основ, так и времен, образующихся от перфектных основ. Различные части служат для характеристики аспекта действия. Формы, образованные от простых основ и не имеющие дополнительных аспектных аффиксов, фиксируют время как точку, а формы, образованные от перфектных, – как отрезок, ограниченный двумя временными пределами (например, моментом в прошлом и моментом речи: действие начинается в прошлом и обрывается в момент речи).

Глагол *-hambha*, как и *-hlala*, участвует в оппозиции: простые/перфектные формы спряжения. Но в отличие от *-hlala*, образование регулярного перфекта от *-hambha* (*-hambhile*) не связано с изменением корня. Это позволяет предположить, что у *-hambha* (и ему подобных) аспектная характеристика формализована не посредством корня (как у глаголов типа *-hlala*), а посредством постфикса *-ile*, и корень к аспектной характеристике индифферентен.

Ошибочность этого предположения становится очевидной, как только мы вспоминаем о правилах деривации так называемого сокращенного перфекта. Сокращенный перфект образуется постановкой долгого ударного *é* вместо конечного гласного простой основы. Например, от глагола *-hambha* можно образовать регулярный перфект *-hambhile* и сокращенный перфект *-hambhé*. Форма *-hambhé* не обычна по типу ударения. Ударение в зулу падает на второй слог от конца слова, но при образовании сокращенного перфекта это правило нарушается. Создается эффект внутренней флексии: вместо

ударного *a* в простой основе *-hambha* регистрируется неударное *a* в перфектной основе, хотя слоговой тип основ остается тем же.

На этом примере видно, что неизменность корня – явление кажущееся и что аспектные характеристики, на самом деле, всегда грамматикализованы посредством корня. В любом глагольном корне можно выделить две части: неизменяемую (она отвечает за фиксацию типа деятельности, выраженного данным глаголом) и изменяемую, которая передает аспектную характеристику деятельности. Для корня *-hambh-* неизменяемой частью являются согласные *hmbh*, а изменяемой – гласный *a*.

Суммируя изложенное, можно сказать, что микроконфигурация, образуемая морфемами слова *ngihambha*, состоит из пяти компонентов: 1) консонантной части корня, указывающей на тип деятельности, фиксируемой глаголом, – *ngihambha*; 2) вокалической части корня, передающей аспектные характеристики деятельности, – *ngihambha*; 3) конечной гласной основы, с помощью которой указывается модальность – отношение говорящего к деятельности: рассмотрение ее как истинной (позитивное спряжение) или ложной (негативное спряжение), как главной (изъявительное наклонение) или второстепенной (зависимое наклонение), – *ngihambha*; 4) префиксного аллитерального согласователя, фиксирующего пространственную ориентацию деятельности, т. е. локализирующего деятельность по отношению к некоторому субъекту, – *ngihambha*, и, наконец, 5) инфикса, посредством которого обозначается локализация деятельности во времени, – *ngihambha*. Ни один из этих формантов нельзя опустить, это – обязательные элементы микроконфигурации.

Используя полученные результаты, слово *ngihambha* можно представить в виде следующей композиты:

Схема 1

$$ng + i + h[a]mbh + a$$

Линейное упорядочение элементов этой композиты вступает в противоречие с ее структурным составом. Переход от линейного упорядочения к структурному дает микроконфигурацию на схеме 2.

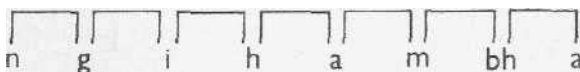
Схема 2

$$M_1 + M_2 + M_3 + M_4 + M_5$$

Все элементы микроконфигурации, как было показано выше, – формально-смысловые единицы: формой является буква (или цепочка букв), значением – грамматическая категория, которая посредством нее манифестируется. На первом месте микроконфигурации стоит элемент M_1 , его формой является цепочка букв *ng*, а значением – категория локальной ориентации действия, формой M_2 служит буква *i*, значением – категория темпоральной ориентации действия, формой M_3 – буква *a*, значением – аспектная характеристика действия, формой M_4 – цепочка букв *h-mbh*, значением – характеристика специфики данного типа деятельности в отличие от других типов деятельности, формой M_5 – буква *a*, значением – категория модальности. Это узлы микроконфигурации.

Переходя к отношениям между узлами, можно выделить связи двух типов: формальные (линейного упорядочения) и смысловые. Формальные связи устанавливаются между формальными составляющими цепочки (т. е. буквами или в устной речи звуками, слогами), смысловые – между элементами, каждый из которых передает ту или иную смысловую категорию. Система формальных связей для данной микроконфигурации (в ее письменном варианте)¹ имеет вид:

Схема 3

Здесь начальная буква – это ядро формальной микроструктуры, следующая за ней – ее окружение, третья – окружение второй и т. д.² Применительно к этой формальной микроструктуре можно говорить об анализе по непосредственным составляющим (аналогично анализу по НС в синтаксисе). Например, учитывая фузию

¹ В устном варианте представлены, по крайней мере, две формальные системы: а) элементарные узлы – это слоги; связи устанавливаются между слогами; аналог этой системы на письме:

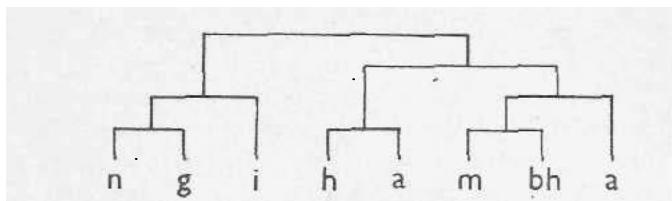

б) элементарные узлы – это звуки; связи устанавливаются между звуками (аналог этой системы на письме приведен выше);

² Для устного варианта конфигурации этот вопрос можно решить так: ядром является ударный слог (*ha*), а его окружением – связанные с ним два других слога (*ngi*, *mbha*).

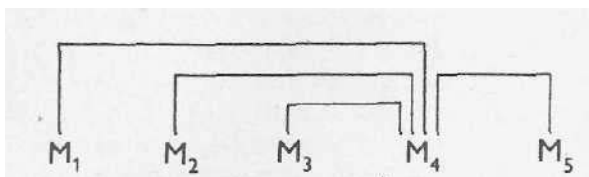
внутри слога, слогоразделы, линейное упорядочение, тон, длину пауз между слогами и ударение, для микроконфигурации *ngihambha* можно получить такую схему анализа по микроструктурным НС:

Схема 4

В системе смысловых связей выделяются, как указывалось выше, компоненты: M_1, M_2, M_3, M_4, M_5 . При этом M_1, M_2, M_3 и M_5 выступают как локальная, аспектная, темпоральная и модальная характеристики деятельности. Сама деятельность фиксируется элементом M_4 . Поэтому естественно признать M_4 ядром смысловой микроструктуры, а M_1, M_2, M_3 и M_5 – его окружением.

Схема 5

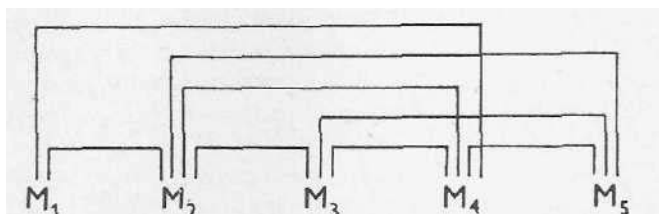

Кроме того, можно отметить корреляцию между аспектным (M_3) и темпоральным (M_2) компонентами (одни временные формы образуются от совершенных основ, другие – от простых). Такая же корреляция наблюдается между M_2 и M_5 : разные наклонения (см. M_5) имеют разные парадигмы временных форм (см. M_2), между M_1 и M_2 (в инфинитиве префикс *uku-* фиксирует одновременно как отсутствие локализации действия, так и его вневременной характер, т. е. единую пространственно-временную неориентированность действия), между M_3 и M_5 (положительное и отрицательное спряжения по-разному реагируют на совершенную и несовершенную основы). В итоге для смысловой микроструктуры получается схема б.

Наложение смысловых связей на формальные, по-видимому, и дает формально-смысловую единицу, которая изображена на схеме 1. Фактически, корень ($M_3 + M_4$) – это та часть основы, в которой

собрана наибольшая часть потенции слова к микросвязям (формальным и смысловым). Поэтому корень (*-hambh-*) можно зафиксировать как стержень слова, а его неизменяемую часть (*-h-mbh-*) как ядро этого стержня, или, несколько иначе, неизменяемую часть корня слова можно принять за микроядро, остальные форманты – за его микроокружение.

Схема 6

Кроме обязательных элементов микроконфигурации, встречаются факультативные. Например, в микроструктуру глагола могут входить форманты *-sa-* и *se-*, с помощью которых передается значение, лучше всего интерпретируемое русской оппозицией 'еще'/ууже' (ср., например, *si-sa-hambha* 'она еще путешествует' и *se-si-hambha* 'она уже путешествует'). Примеры этого типа позволяют бантуистам говорить о противопоставлении прогрессивной (*-sa-*) и инклюзивной (*se-*) импликаций в зулу. В ряде случаев это противопоставление соответствует оппозиции «несовершенный (*-sa-*) – совершенный (*se-*) вид» в русском языке.

Формант *se-* часто употребляется вместе с формантами *be-* и *-ile*, например, *be-se-si-hambha* 'она уже пришла (недавно, только что)', *si-hambh-ile* 'она пришла (и теперь здесь)', *be-se-si-hambh-ile* 'она уже пришла (только что и теперь здесь)'. Формант *-ile* указывает на констатацию действия по отношению к какому-то определенному моменту (ср. англ. Perfect Tenses). В примерах, приведенных выше, этот формант передан в русских эквивалентах словом 'сейчас'. Формант *be-* передает процессуальность действия: действие как бы фиксируется в виде линии, а не точки. В тех случаях, когда надо выразить процессуальность действия в момент речи, употребляется формант *-ya-*: *si-ya-hambha* 'она идет' (ср. с англ. Present Continuous Tense).

Другими словами, форманты *-sa-*, *se-*, *-ya-*, *be-*, *-ile* передают категории, характеризующие деятельность в том же направлении, что

аспектно-темпоральная составляющая обязательного окружения ($M_2 + M_3$). Форманты *-sa-*, *se-*, *-ya-*, *be-*, *-ile* коррелируют с этой составляющей и в формальном плане: например, постановка темпорального *-a-* «запрещает» употребление форманта *ya-*, а темпоральное *-i-* «разрешает» его. Форманты *-sa-*, *se-*, *-ya-*, *be-*, *-ile* выступают как слуги обязательных мест M_2 и M_3 : они специфицируют значение этих мест и дают возможность передавать все то богатство видо-временных оттенков, которыми отличается зулусский глагол.

В зависимости от конкретных типов корреляции всех аспектных и темпоральных формантов, которые входят в обязательное и факультативное окружение микроядра, образуется система форм видо-временного спряжения глагола.

Аналогично тому, как строится видо-временная характеристика ядра, специфицируется и модальная составляющая. Оппозиция «негатив/позитив», о которой шла речь при исследовании обязательного окружения ядра, характеризует «крайние точки» модальности. Между ними находятся различные промежуточные этапы, фиксируемые формантами факультативного окружения. К ним относятся такие различные типы «смягченного негатива», как возможность, долженствование, желание. Например, с помощью префикса *ta-* образуется форма *ta-so-hambhe* 'пусть она путешествует', которую можно рассматривать как форму желательного наклонения. Аналогично инфикс *-nga-* можно считать показателем потенциального наклонения (*si-nga-hambha* 'она может путешествовать').

Все факультативные форманты, используемые для выражения различных аспектов модальности, зависят от M_5 в формальном и смысловом плане (например, постановка конечной гласной *-a* в обязательном окружении не дает вводить в факультативное окружение префикс *ta-*) и коррелируют с факультативными формантами, которые служат для конкретизации мест $M_2 + M_3$. Факультативные форманты и здесь выступают как слуги обязательных формантов, смысловыми спецификаторами которых они являются. Каждый член обязательного окружения как бы «обрастает» факультативными элементами и выступает в качестве ядра подструктуры, функционирующей для его уточнения.

Выше говорилось о наличии связи между M_3 и M_5 , M_2 и M_3 , M_1 и M_2 , M_2 и M_5 . Факультативные форманты, конкретизирующие эти

места, также связаны между собой. В результате их взаимодействия и образуется парадигма спряжения глагола в зулу. Кратко эту систему можно охарактеризовать так.

Правила линейного упорядочения формантов, в результате применения которых строятся конкретные типы микроструктур, дают возможность говорить о наличии шести наклонений: инфинитива, императива, изъявительного, зависимого, ситуативного и потенциального. Каждое наклонение состоит из двух подсистем: негативного и позитивного типов спряжения. Подсистемы характеризуются определенными наборами времен, специфицируемых аспектными категориями. Времена имеют парадигмы изменения глаголов по лицам, числам и именным классам¹.

Особое место в парадигме спряжения занимают инфинитив и императив. Инфинитив начинается с префикса *uku-*, аналога субъектного согласователя для этой формы. Префикс *uku-* показывает, что связь с субъектом отсутствует и что время деятельности никак не фиксируется. Говорящий не производит локализацию действия во времени и пространстве, а лишь отмечает ее возможность, т. е. дает деятельности название, соотнесенное с пространственно-временным континуумом в целом, а не с его конкретной точкой или отрезком.

В отношении остальных обязательных мест микроструктура инфинитива не отличается от финитных глаголов: инфинитив передает модальность (ср. *ukuhamba 'идти'* и *ukungahambi 'не идти'*),

¹ Например, для настоящего времени изъявительного наклонения позитивного типа спряжения эта парадигма состоит из 18 форм – четырех для первого и второго лиц единственного и множественного числа и четырнадцати форм, специфицирующих третье лицо ед. и мн. числа по грамматическим классам имен существительных (ср. с соответствующей русской парадигмой, в состав которой входит только шесть форм, поскольку в третьем лице отсутствует спецификация по родам, аналогами которых в зулу являются грамматические классы). Чтобы составить представление о количестве форм, из которых состоит парадигма спряжения глагола в изъявительном наклонении позитивного типа, надо 18 сначала умножить на 5 (таково количество времен: настоящее, два прошедших – отдаленное и близкое, два будущих – отдаленное и близкое), затем на 8 (количество аспектных спецификаций в каждом времени) – 720 форм. В негативном типе изъявительного наклонения форм меньше – 504. Итого для изъявительного наклонения получается 1224 формы. При учете спряжения по другим наклонениям, парадигма расширяется на 1586 форм. В результате существует 2810 типов микроконфигураций, реализующих взаимодействие описанных выше формантов.

аспект (ср. *ukungasahambhi* 'больше не иди' и *ukungakahambhi* 'еще не иди') и специфику деятельности (ср. *ukuhambha* 'иди' и *ukuhlala* 'сидеть').

Для императива показатель связи с субъектом выражается нулевым¹ префиксом и варьированием окончания, присоединяемого к основе (нуль в случае второго лица единственного числа и *ni-* для второго лица множественного числа). Нулевой префикс имеет еще одно значение: он показывает соотношение деятельности с моментом речи, т. е. аналогично финитным глаголам, формант, предшествующий основе, передает и в императиве пространственно-временную ориентацию действия. Остальные обязательные места микроконфигурации императива описываются подобно инфинитиву.

Кроме морфем, участвующих в спряжении глаголов по видам, временам, лицам, числам, грамматическим классам и наклонениям, есть и другие форманты, которые могут входить в микроструктуру глагола. Прежде всего, это – группа аффиксов, которые стоят между корнем и конечным гласным основы. В бантуистике они описываются как суффиксы залогов или деривационных глагольных форм: *-an-*, *-ek-*, *-el-*, *-is-*, *-w-*. Например, вместо *ngihambha* 'я иду' можно сказать *nginhambhisa* 'я заставляю его идти, я веду его'.

Значения, которые передают залоговые суффиксы, разнообразны. Но в них есть и нечто общее: они специфицируют деятельность по отношению к времени и пространству, соотносят точки обоих континуумов друг с другом. При этом каждый залоговый суффикс передает определенный, только ему присущий тип такого соотношения. Например, суффикс *-an-* фиксирует наличие двух (или более) точек в пространстве, сопоставленных с одним и тем же моментом времени. Конкретная реализация этого типа соотношения в зависимости от контекста дает разные виды совместных и ассоциа-

¹ Глагол *ukuhambha* 'иди' имеет основу *-hambha*. В составе слова основа имеет значение, которое по-русски удобнее всего передать корнем 'ид-'. Если *-hambha* употребляется как отдельное слово (*hambha!*), русский перевод будет иным: 'иду!'. Формальная фиксация самостоятельности отражает добавление к смыслу 'ид-' частицы, которой 'ид-' отличается от 'иду!'. Несамостоятельность фиксируется слитностью с предыдущим формантом, поэтому отсутствие такой слитности (т. е. нулевой префикс) можно рассматривать как показатель самостоятельности основы, т. е. употребления ее как слова с нулевым префиксом.

тивных действий (ср. *Usebenza emasimini* 'Он работает в поле' и *Basebenzana emasimini* 'Они вместе работают в поле'; *Ngimthanda* 'Я люблю его' и *Siyathandana* 'Мы любим друг друга').

С помощью суффикса *-is-* регистрируется¹ соотношение деятельности с двумя точками во времени (начальной и «не начальной») и указывается состояние деятельности по отношению к начальному моменту. В зависимости от контекста выявляются следующие частные значения суффикса *-is-*:

1) репититив – отмечается момент начала деятельности и некоторый момент до него; с каждым из них соотносится один и тот же субъект (одна и та же точка в пространстве), – см., например, в оппозиции: *Ngaqina* 'Я был крепким, сильным' – *Ngaziqiniza* 'Я поправился после болезни', т. е. 'стал крепким снова, после того, как некоторое время крепким не был';

2) интенсификация – как следствие того, что фиксируются момент начала деятельности и точка после него; с каждым из этих моментов соотносится один и тот же субъект (см., например, в оппозиции: *Ngiqina* 'Я настойчив (в работе)' – *Ngiqinisile* 'Я очень настойчив', т. е. 'я настаиваю и настаиваю с некоторого момента и далее'. Еще более ярко это значение каузативного суффикса проявляется в других языках банту, – например, в суахили: *Walizima moto* 'Они погасили огонь' – *Walizimisha moto* 'Они энергично гасили огонь', *Walichanja kuni* 'Они нарубили дров' – *Walichanjisha kuni* 'Они кололи и кололи дрова';

3) имитатив – как результат того, что выделяется момент начала деятельности, некоторый момент до него и с каждым из них связываются разные субъекты (ср. *Balwa* 'Они дерутся' – *Balwisa okwezinja* 'Они дерутся, как (дрались) собаки', т. е. деятельность одних субъектов, происходящая в момент речи, сравнивается с аналогичной деятельностью других субъектов, осуществлявшейся ранее);

4) каузатив, содействие, предворяющее деятельность, ингрессив и другие типы действия, в которых можно выделить «зачинателя» и «продолжателя». Этот тип значения появляется у суффикса *-is-* вследствие того, что регистрируется момент начала деятельности и момент после него. С каждым из них соотносятся разные субъекты.

¹ См.: Л. З. Сова. Функции суффикса *-isa* в языке зулу // *Africana IX*. Ленинград, 1971.

Например, *Ngamakhisa indlu* 'Я помог ему построить дом' (скажем тем, что ссудил его деньгами заранее; идея совместной одновременной деятельности, как отмечалось выше, передается иными средствами, – с помощью суффикса *-an-*, ср. *Sakhana indlu* 'Мы вместе строили дом', т. е. 'Я помогал ему в процессе строительства'); *Ngamhlawulisa* 'Я заставил его уплатить налог'; *Ngamphuzisa* 'Я напоил его', т. е. 'сделал так, чтобы он напился'; *Ngamkhulumisa* 'Я заговорил с ним'. Во всех этих примерах начало деятельности связано с одним субъектом, а ее продолжение – с другим, т. е. фиксируются два деятеля, каждый из которых скоординирован с определенной точкой на временной оси.

Суффикс *-ek-* (или его алломорф *-akal-*), как и *-is-*, служит для фиксации двух точек во времени, но в отличие от *-is-*, суффикс *-ek-* регистрирует не начало деятельности, а ее конец, т. е. соотношение конечной точки деятельности с неконечной. Если конечная точка указывается по отношению к предыдущей, и деятельность в обеих точках сопоставляется с одним и тем же субъектом, возникает возможность изобразить потенцию субъекта к деятельности или состоянию (см., например, *Iyabongeka* 'Она достойна похвалы'). Если конечная точка соотносится с последующей (при одной и той же пространственной ориентации), возникает значение реализованности, исчерпанности свойства, которое ранее было присуще субъекту, и появления у него с данного момента противоположного свойства (см. например, *Ingubo yonakele* 'Одежда износилась').

Если пространственных ориентиров два, один из них выступает как причина деятельности второго (проявленная или могущая реализоваться в дальнейшем). Поскольку деятельность сопряжена с конечной точкой, то все, что предшествует этой точке или следует за ней, воспринимается как вспомогательная характеристика деятельности, сама же конечная точка – как главная. Поэтому субъект, соотношенный с конечной точкой, оформляется как подлежащее, а субъект, выступающий в роли каузатора (причины), – как дополнение (см., например: *Ngabhaxeka ngodaka* 'Я испачкан грязью'). В других языках банту дело обстоит так же – ср., например, в суахили: *Maembe yalivundika kiva joto* 'Плоды манго испортились от жары'. В отношении фиксации причины суффикс *-ek-* прямо противоположен суффиксу *-is-*: в одном случае (суффикс *-is-*) подлежащее

имеет значение каузатора (причины), в другом (суффикс *-ek-*) – каузируемого объекта.

Суффикс *-el-*, как *-is-* и *-ek-*, фиксирует деятельность по отношению к отрезку на временной оси. Но теперь речь идет о *трех* точках – «срединной» и тех, между которыми она находится. Соотношения между пространственными и временными координатами могут быть нескольких типов. Например, начало деятельности помещается в одну точку пространства, ее конец – в другую, а деятельность как бы «протягивается» в промежутке между ними (см. *Ngagijimela eUganda* 'Я бежал в Уганду': 'Когда я начал деятельность, я был не в Уганде, а когда кончил ее, оказался в Уганде').

Возможен случай, когда три временные точки соотносятся с тремя различными пространственными координатами, и наоборот, когда им всем соответствует только одна пространственная координата. В последнем случае возникает значение рефлексива – возвращения действия на субъект: от первой точки к промежуточной действие как бы идет в одну сторону («от субъекта»), а от промежуточной поворачивает в обратную сторону и направляется «к субъекту» (ср. *Ngambambha* 'Я схватил его' и *Ngazibambhela* 'Я спохватился').

Когда мы говорим о начале, продолжении и конце деятельности, то имеем в виду, что направление движения времени («отсчет начала») задано. В зулу этой цели (фиксации направления отсчета времени) служит оппозиция «актив/пассив»: пассив меняет направление, фиксируемое активом, на противоположное. Начало, середина и конец деятельности, регистрируемые по отношению к одной оси (активу), теряют смысл по отношению к оси противоположного направления (пассиву). Этим, по-видимому, объясняется, что суффиксы *-ek-*, *-el-*, *-is-* не присоединяются к суффиксу пассива *-w-*. Наоборот, после того как какая-либо точка зафиксирована, можно «пустить время в любом направлении» и рассматривать эту точку либо слева направо, либо наоборот. Поэтому к любому из суффиксов *-ek-*, *-el-*, *-is-* можно присоединить суффикс пассива *-w-*.

По характеру отсчета времени пассив в языке противопоставлен не только активу, но также медиальному, каузативному и направительному залогам. При таком подходе последние выступают как разные типы актива. Взаимный залог индифферентен к направленности временной оси (он фиксирует только одну точку на этой оси,

а не отрезок). Поэтому суффикс *-an-* может стоять после суффикса пассива и до него, после любого из суффиксов активных залогов и до них (ср. например, *-bonanwa* – *-bonwana*, *-sebenzelana* – *-sebenzanela*, *-hlalisana* – *-hlalanisa* и др.).

Участие залоговых показателей в фиксации пространственно-временной ориентации, типы которой были охарактеризованы выше, представлено в зулу с помощью различных формальных средств. Главным из них является корреляция залоговых показателей с субъектным согласователем (выше было показано, что тот передает пространственно-временную ориентацию деятельности в составе обязательного окружения микроядра). Например, при переходе от исходной формы *Ngisebenza* 'Я работаю' к его деривату с суффиксом *-ana-* приходится отмечать множество действующих субъектов, что чаще всего отражается на изменении формы субъектного согласователя (вместо префикса единственного числа *ngi-* ставится, например, префикс множественного числа *si-*: *Sisebenzana* 'Мы работаем друг с другом').

Другим формальным средством является введение в микроструктуру еще одного факультативного форманта – объектного согласователя: как и субъектный согласователь, он служит для фиксации точки, с которой соотносится данная деятельность в пространственном континууме. В отличие от субъектного согласователя, объектный согласователь не передает темпоральной характеристики. Он указывает на локализацию деятельности по отношению к некоторому объекту. Объектный согласователь занимает место, непосредственно предшествующее основе. Вместе с субъектным согласователем он образует субъектно-объектную рамку глагольных префиксов. Постановка объектного согласователя, как и субъектного, коррелирует с залоговыми формантами. Например, прибавление к глагольной основе суффиксов *-el-* и *-is-* приводит, как правило, к введению объектного согласователя в микроструктуру, а суффиксов *-ek-*, *-an-* и *-w-* – к изъятию объектного согласователя из микроструктуры.

Спряжение глагола по видо-временной и модальной парадигме осуществляется автоматически – от специфики типа деятельности, передаваемой согласной частью корня, оно непосредственно не зависит. В противоположность этому изменение глагола по «залоговой парадигме» со спецификой типа деятельности связано: дерива-

ционные формы глаголов образуются не от всех основ. Различные основы имеют разные наборы залоговых суффиксов. Значение, возникающее при присоединении того или иного суффикса, зависит не только от значения суффикса, но и от значения корня. Этим объясняется многообразие оттенков, которые фиксируются у каждого деривационного суффикса в зависимости от его контекстного употребления. Залоговые форманты выступают не только как сателлиты мест M_1 , и M_2 в окружении ядра, но и как непосредственные слуги самого этого ядра (M_4).

По-видимому, еще более тесно связаны с ядром морфемы *-ph-*, *-am-*, *-ath-*, *-ul-*, *-uk-* и т. п. Большинство исследователей рассматривают их как реликты формантов, которые по функциям были близки *-an-*, *-el-*, *-ek-*, *-is-*, *-w-*, но в настоящее время либо полностью слились с корнем, либо образовали с ним лексико-грамматическое единство, в составе которого отдельные категориальные значения компонентов вычленить трудно.

Эти суффиксы передают значения реверсива, контактива, дисперсива (дистрибутива), перфектива (завершенности, полноты деятельности) либо постепенности ее развития, т. е. все параметры деятельности, которые, как и характеристики, фиксируемые суффиксами *-an-*, *-el-*, *-ek-*, *-is-*, *-w-*, можно описать в терминах пространственной и темпоральной составляющей, соотносенных с различными моментами деятельности. Однако эти суффиксы не обладают регулярностью и выделить их семантические составляющие аналогично тому, как это было сделано для регулярных залоговых суффиксов, трудно. Единственное, что можно сделать, это констатировать, что они, как и залоговые суффиксы, специфицируют места M_1 , M_2 и M_4 и что их лексикализация свидетельствует о тесной связи с M_4 .

Среди способов модификации элементов обязательного окружения можно отметить еще один – редупликацию основы, т. е. мест M_3 + M_4 + M_5 . Если значение нередулицированного форманта принять за единицу, можно сказать, что редупликация дает возможность зафиксировать не всю единицу в целом, а только какую-то ее часть. Редупликация выступает как средство уменьшения, ограничения объема значения исходного элемента. Например, если исходный формант передает значение реализации деятельности, редупликация позволяет выразить частичность этой реализации. Если исходный формант обозначает процесс, его удвоение свидетельствует о том,

что процесс описывается не весь, а только в отношении какой-то определенной части. Если исходный формант служит для фиксации качества, его редупликация говорит о том, что качество взято не в полном объеме.

Поэтому при редупликации основы, форманты которой передают перечисленные исходные характеристики, появляется возможность описывать малый объем качества, неполноту его реализации и частичность процесса этой реализации. В результате формируется то значение, которое исследователи зулу фиксируют как категорию диминутивности (ср., например, такие пары: *-fa* 'умереть' – *-fayifa* 'чувствовать себя плохо', *-gijima* 'бежать' – *-gijigijima* 'едва бежать', *-enza* 'делать' – *-enzaenza* 'делать слегка'). Поскольку при образовании диминутива удваивается не каждый из перечисленных формантов в отдельности, а их группа в целом (происходит редупликация основы или ее части, включающей все перечисленные форманты), можно считать, что здесь представлено средство для спецификации еще одной композиты обязательных мест: $M_3 + M_4 + M_5^1$.

Подведем итоги. Среди формантов факультативного окружения можно выделить несколько подсистем в зависимости от того, какие места обязательного окружения они уточняют. Во-первых, это группа видо-временных формантов, специфицирующих M_2 и M_3 . Во-вторых, модальные морфемы, связанные с M_5 . Обе группы коррелируют между собой и служат для характеристики композиты $M_2 + M_3 + M_5$. В-третьих, залоговые форманты; они дополняют $M_1 + M_2 + M_4$. И, наконец, редупликация как средство спецификации основы позволяет выделить общность $M_3 + M_4 + M_5$.

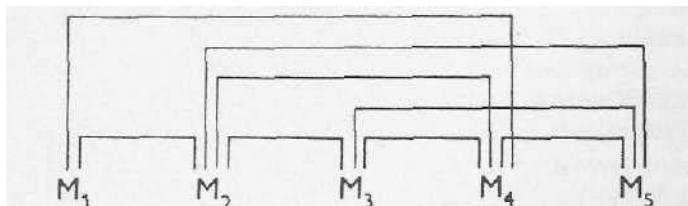
Исследование взаимодействия факультативных морфем друг с другом позволяет обязательные разбить на три подсистемы, элементы которых «спаяны» в единства, т. е., благодаря изучению связей между факультативными формантами, появляется возможность говорить о следующих связях между обязательными: M_2 и M_3 , M_2 и M_5 , M_3 и M_5 (на основании композиты $M_2 + M_3 + M_5$), M_2 и M_3 , M_1 и

¹ В отличие от диминутива, интенсив в зулу образуется на базе залоговых аффиксов, т. е. служит для характеристики другого комплекса обязательных мест: $M_1 + M_2 + M_4$.

M_2 , M_1 и M_4 (на основании $M_1 + M_2 + M_4$), M_3 и M_4 , M_3 и M_5 , M_4 и M_5 (на основании $M_3 + M_4 + M_5$).

Переноса эти связи на микроструктуру, состоящую из обязательных мест, получаем схему 7.

Схема 7

Сравнение со схемой 6 говорит о полном совпадении результатов, полученных при исследовании обязательного окружения микроядра и факультативного. Это означает, что слово как некоторая структура, т. е. иерархия микросинтагматических связей между микроузлами, имеет четко фиксированный облик, сохраняющийся во всех процессах модификации, которым оно подвергается без превращения его в другое слово.

Факультативные форманты «укрепляют» связи между обязательными формантами, но не меняют их: они как бы прорисовывают контур, который создается обязательными. Поэтому исследование факультативных формантов становится важным средством экспликации элементарных составляющих категорий, передаваемых обязательными формантами, присутствие которых в слове не всегда ощущается исследователем.

Еще более действенным средством для экспликации этих категорий является макроструктурный анализ, т. е. анализ слов как членов макросинтагматической цепи. Категории, которые выражаются описанными выше морфемами, могут фиксироваться в языке и иными способами, например, с помощью лексических или синтаксических средств. Так, значение, которое передается морфемой *-sa-*, можно выразить с помощью глагола *-lokhu* (ср. взаимозаменяемые выражения *sisahambha – silokhu sihambha* 'она все еще путешествует'). Формант *-sa-* и глагол *-lokhu* находятся в отношении дополнительной дистрибуции: в синтагматической цепи для выражения указанного значения употребляется либо тот, либо другой. Существует

определенный тип корреляции между лексическими и морфологическими средствами выражения грамматической категории. Его можно назвать корреляцией тождества. Аналогично можно установить и корреляцию различия. Например, постановка дефективного глагола *-bonange* 'никогда не' «запрещает» употребление главного глагола в формах настоящего и будущего времени, т. е. морфемы настоящего – будущего времени и слово *-bonange* в синтагматической цепи «отрицают» друг друга.

Корреляции тождества и различия можно назвать парадигматическими. Они позволяют судить об отношениях между элементами, в силу которых оказывается невозможной их со-встречаемость в речевой цепи. В противовес этому можно выделить в качестве причины со-встречаемости элементов их синтагматическую корреляцию. Например, введение дефективного глагола *-bonange* в предложение заставляет оформлять главный глагол морфемами прошедшего времени. Форманты прошедшего времени и слово *-bonange* предсказывают друг друга в синтагматической цепи.

Среди синтагматических зависимостей есть много конкретных типов, но их, в общем, можно свести к двум корреляциям: односторонней и двусторонней. Примером двусторонней корреляции между элементами формального плана является согласование. Управление и примыкание чаще всего в грамматиках определяют как односторонние зависимости.

Исследуя синтагматические корреляции в предложениях, обычно говорят о связях между словами. Однако, как было показано выше, каждое слово – это определенным образом упорядоченная иерархия. Поэтому возникает вопрос, какие из элементов иерархии отвечают за ту или иную корреляцию. В некоторых случаях ответ очевиден. Сравнивая пары 'я читаю' – 'ты читаешь', нетрудно заметить, что замена 'я/ты' отражается на формантах 'ю/ешь' и не отражается на форманте 'чита'.

В большинстве примеров, чтобы выделить корреляционные пары, требуется специальное исследование. Ср. например, 'я катил ребенка по дороге' и 'я вкатил коляску с ребенком на дорогу', но не *'я вкатил ребенка на дорогу': между морфемой 'в' и типом прямого дополнения существует определенный вид корреляции, следствием чего является конкретизация прямого дополнения. Аналогично оп-

позиция видовых морфем в глаголах *'рассмотреть/рассматривать'* отражается на смысловых связях между словами, входящими в окружение этих глаголов, – ср. *'я рассматривал картинку'* (т. е. *'детали на картинке'*: фиксируется целое по отношению к частям) и *'я рассмотрел картинку'* (например, *'в темноте'*; фиксируется картинка по отношению к окружающему ее пространству, т. е. часть по отношению к целому).

Организуя исследование корреляционных пар, можно пойти по такому пути. Если сказуемое каждого предложения рассматривать в качестве ядра, а зависящие элементы – в качестве окружения ядра, классифицировать элементы окружения можно на основании того, с какими формантами ядра они коррелируют.

Как было отмечено, глагол как часть речи в зулу характеризуется в терминах пяти обязательных микроэлементов – категорий времени, пространства, аспекта, качества, модальности. Выступая в роли сказуемого, глагол сохраняет свой категориальный статус (см. описание микроконфигураций, образуемых финитными глаголами). Поэтому окружение сказуемого можно рассматривать как расширение микроядерных элементов, т. е. как детализацию обязательных формантов микроконфигурации посредством отдельных слов. В соответствии с этим члены предложения, зависящие от сказуемого, можно разбить на типы, – на основании того, какие из указанных пяти категорий они передают. Каждый член предложения может коррелировать не только с какой-то одной грамматической категорией, а с несколькими. Поэтому разбиения системы членов предложения могут быть различными.

Возможно, например, следующее упорядочение системы членов предложения (ЧП):

- 1) ЧП, передающие локализацию действия, описываемого сказуемым,
- 2) ЧП, которые фиксируют темпоральные характеристики действия,
- 3) ЧП, которые характеризуют аспект действия,
- 4) ЧП, которые описывают действие с точки зрения присущих ему качеств,
- 5) ЧП, которые обозначают модальные характеристики действия.

Внутри каждой группы выделяются подтипы, – в зависимости от специфики каждой категории и ее корреляции с другими категориями. Так, группу ЧП, регистрирующих время, можно разбить на два подтипа:

1) ЧП, характеризующие «абсолютное» время, т. е. время данной деятельности по отношению к некоторой фиксированной шкале отсчета времени,

2) ЧП, фиксирующие «относительное» время, т. е. время данной деятельности по отношению к некоторой другой деятельности.

Каждый подтип имеет по три разновидности, выделяемые на основании того, совершается ли измеряемая деятельность *до* эталонной деятельности, *после нее* или *одновременно* с ней. Например, в предложении '*Я был у него 5 июня 1971 г.*' время деятельности, фиксируемой сказуемым, соизмеряется с точкой '*5 июня 1971 г.*' на хронологической шкале, принятой в определенном коллективе; точка мыслится как одновременная с данной деятельностью. В предложении '*Я был у него после 5 июня 1971 г.*' точка на хронологической шкале мыслится как предшествующая данной деятельности, а в предложении '*Я был у него до 5 июня 1971 г.*' – как следующая за ней.

Аналогично упорядочиваются события и в случае относительных времен. Ср., например, три следующих предложения, иллюстрирующих относительную одновременность и разновременность двух типов: '*Читая книгу, я думал о нем*', '*Я надел пальто перед тем, как вышел на улицу*', '*Я снял пальто после того, как вошел в комнату*'.

ЧП первого подтипа известны в грамматиках как обстоятельства времени. ЧП второго подтипа описываются обычно под рубрикой различных второстепенных действий, сопровождающих главное действие. И первые, и вторые – «чисто темпоральные» ЧП. При их выделении исследователь пользуется только свойствами, которые приписываются времени (упорядочение элементов в терминах «до, после, одновременно»).

Классифицировать ЧП, коррелирующие с локальной характеристикой микроядра, труднее. Для этого приходится обращаться не только к свойствам, которые приписываются пространству (например, дискретность – недискретность), но и к свойствам, которые

фиксируются у времени (например, упорядочение локализаторов в терминах темпоральных отношений «до, после, одновременно»). Иначе говоря, при описании локализаторов мы работаем с ними не как с «чисто локальными» категориями, а как с темпорально-локальными.

При этом выделяются три типа временных соотношений и соответственно три типа времени: экстралингвистическое, языковое и речевое. Экстралингвистическое время («внешнее по отношению к данной деятельности») фиксирует соотношения между денотатами слов в объективной действительности. В отличие от него, языковое и речевое времена являются «внутренними» для описания данной деятельности, – в их терминах регистрируются отношения на языковом плане безотносительно к отношениям в объективной действительности.

Например, предложение *'Я заставляю его читать книгу'* фиксирует такую ситуацию объективной действительности, в которой денотаты слов *'я'*, *'его'*, *'книгу'* сосуществуют во времени. В терминах экстралингвистического времени можно сказать, что они «прикреплены» к одной и той же точке на хронологической шкале. Однако при фиксации посредством предложения эффект одновременности исчезает. Речевая деятельность протекает во времени, и время ее развертывания как бы налагается на время осуществления той деятельности, для фиксации которой используется речь. Поэтому одновременности в объективной действительности соответствует разновременность на языковом уровне. Объекты, выступающие в экстралингвистической действительности как одновременные, упорядочиваются в языке в терминах следования («до – после»: первый, второй и т. д.). Первым оказывается объект, выраженный словом *'я'*, вторым – объект, выраженный словом *'его'*, третьим – объект, выраженный словом *'книгу'*.

В соответствии с этим «растягивается» и деятельность. В объективной действительности все три участника находятся в отношениях, каждое из которых представлено как одновременное с остальными. При переходе к языковому плану одновременность связей заменяется разновременностью. Объекты мыслятся как вступающие в деятельность в определенной последовательности, – ср. трансформ, который соответствует данному предложению и который

эксплицирует эту разновременность: *'Сначала я заставил, потом он начал читать книгу'*.

На основании темпоральной последовательности, в которой перечисляются участники ситуации, упорядочиваются и отдельные участки деятельности, описываемой сказуемым. Прежде всего, в деятельности фиксируется направление развития, а затем, по отношению к нему, – начало деятельности, ее продолжение и конец. Соответственно этим этапам деятельности оформляются и участники ситуации. Например, в русском языке именительный падеж «начинает» вербальную характеристику деятельности, винительный (прямого дополнения) «продолжает» ее, и, наконец, дательный регистрирует конечную точку (ср. с положением, описанным при характеристике залоговых формантов).

На языковое время, обуславливающее расстановку форм слов вокруг каждого сказуемого, накладывается «время говорящего». Явления этого порядка обычно описываются в грамматиках в связи с проблемой актуального членения предложения, т. е. в связи с вопросом о выборе говорящим темы и ремы. Например, на языковое время, представленное в предложении *'Я заставляю его читать'*, говорящий может «наложить» свое собственное время и сказать не *'Я заставляю его читать'*, а *'Его я заставляю читать'*. Средства регистрации «собственного» времени (речевого) отличаются от средств передачи языкового времени. Языковое время пользуется, как правило, стандартизацией форм для фиксации соотнесенности с определенной точкой временной шкалы (см. стандартные формы подлежащего и прямого дополнения в разных языках, показатели различных залогов и т. д.), о речевом времени чаще всего сигнализирует порядок слов.

Проведенное выше подразделение «темпоральных членов предложения» отражает соотнесенность деятельности, описываемой сказуемым, с экстралингвистическим («внешним») временем. Если в этом внешнем времени зафиксировать пространственный ориентир и соотнести с ним деятельность, получатся новые два типа ЧП: ЧП, фиксирующий локализатор, который предшествовал данной деятельности (был ее причиной или предпосылкой), и ЧП, который обозначает локализатор, являющийся ее следствием (целью, результатом). Оба ЧП известны в грамматиках: один – как обстоятельство причины, второй – как обстоятельство цели.

Упорядочение локализаторов во внутреннем времени (языковом), дает три ЧП, соответствующие началу деятельности, ее продолжению (по отношению к началу) и концу (опять-таки по отношению к началу). Этим трем ЧП в грамматиках чаще всего соответствуют подлежащее, прямое дополнение и дополнение адресата. По отношению к каждому из них может быть выделен локализатор, существующий по меркам языкового времени одновременно с ним (см., например, ЧП, фиксирующий комитативный объект как сосуществующий с подлежащим). Кроме того, может идти речь о локализаторе, одновременном со всеми тремя ориентирами, на которые «натягивается» деятельность. Этот ЧП обычно описывается в грамматиках как обстоятельство места. Например, в предложении *Дома я заставлял его читать книгу* слово 'дома' фиксирует локализатор, одновременный и с 'я', и с 'его', и с 'книгу'.

На основании спецификации локальной и темпоральной характеристик глагольного действия получают девять типов ЧП. Еще два ЧП можно выделить на основании корреляции с модальным и аспектным¹ формантами обязательного окружения микроядра. Итого одиннадцать ЧП можно установить только на основании корреляции с M₁, M₂, M₃ и M₅.

Перейдем к ЧП, служащим для спецификации качества. Это – ЧП, которые в определенном отношении ограничивают объем деятельности. Здесь есть две разновидности: ограничение «за счет деятельности» и «за счет деятеля». В первом случае в деятельности выделяется только один четко определенный ее аспект. Деятельность фиксируется по отношению к этому аспекту. Например, *занимаюсь музыкой* – из всех возможных аспектов деятельности *заниматься* выбирается только один – тот, который определен словом *музыкой*. Во втором случае ограничительный аспект фиксируется у деятеля, т. е. выделяется в «составе деятеля» часть, непосредственно связанная с данной деятельностью. Например, *я пишу пером*: трансформация *мое перо пишет* говорит о том, что посредством слова *пером* язык фиксирует «часть субъекта», связанную с деятельностью непосредственно, и описываемая деятельность ограничивается только этой частью.

¹ По-видимому, аспект описывается в терминах той же локализации объектов во внутреннем времени, что и залог, но типы пространственно-временных соотношений у обеих категорий разные.

Общим для всех ЧП первой разновидности является то, что они как бы изменяют соотношение главной и дополнительной характеристик у элементов предложения: главным по смыслу оказывается не сказуемое, а спецификатор его качества. Спецификация деятельности по второму типу изменяет соотношение главной и зависимой характеристик не у всего предложения в целом, а только у отдельных его членов; например, у подлежащего (в предложении '*Я пишу пером*') или у дополнения (в предложении '*Я заставляю его работать головой*'). Поэтому при спецификации деятельности по второму типу мы имеем дело со средством уточнения ядра через детализацию его непосредственного окружения.

Иначе говоря, здесь представлена зависимость второго порядка (по сравнению с зависимостями, рассмотренными выше). К зависимостям этого типа можно отнести также различного рода определения, – все это ЧП, которые можно назвать модификаторами непосредственного окружения сказуемого. В отличие от них, ограничители аспектов деятельности попадают в непосредственное окружение сказуемого и могут быть разбиты на типы в зависимости от языковых форм, посредством которых они выражаются¹.

В итоге получается иерархия ЧП, состоящая из ядра (сказуемого), ЧП, непосредственно зависящих от сказуемого, и слуг этих последних. ЧП, непосредственно зависящие от ядра, выступают как расширения на лексическом уровне морфологических элементов, входящих в состав ядра. Эти морфологические элементы фиксируются в терминах универсальных операций по их выделению. Вся иерархия описывается в тех же терминах.

Благодаря этому оказываются типологически соизмеримыми как части речи в разноструктурных языках, так и члены предложения. Вопрос об универсалиях в языках ставится в зависимость от проблемы открытия и построения универсальных процедур описания этих языков на базе универсальных процедур их исследования².

¹ Конкретная реализация этого плана представлена в работах: Л. З. Сова. Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. Ч. 1–2. Ленинград, 1968–1969. О. З. Авербух. Формально-смысловые структуры английского языка. Автореферат кандидатской диссертации. Калинин, 1970. О. З. Авербух, Систематика английских глагольных структур // Статистика речи и автоматический анализ текста. 1974. Ленинград, 1974.

² Данная работа является одним из разделов моей неопубликованной монографии

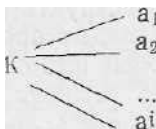
Залог как грамматическая категория

1. В последнее время о залогах пишут много. Существует не менее десятка различных определений термина «залог». Некоторые из них противоречат друг другу, иные являются взаимно дополнительными. Однако вопрос о том, какое понятие надо (и почему) связывать с термином «залог», по-прежнему остается открытым. Не касаясь полемики, попробуем разобраться в существе вопроса. Начнем с методологических замечаний.

2. Определение терминов, как известно, можно вводить двояко: а priori и а posteriori. В первом случае исследователь начинает работу с того, что фиксирует некоторое определение и затем из имеющегося в его распоряжении материала отбирает объекты, попадающие под него. Во втором случае он идет противоположным путем: отбирает группу интересующих его явлений, выделяет общие для нее свойства (инвариант группы) и постулирует инвариант как идеальный объект, по отношению к которому изученные объекты выступают как его естественные интерпретации.

В первом случае исследователь постулирует некий конструкт и фиксирует его свойства с помощью априорного определения (K), а затем наблюдаемые объекты ($a_1, \dots, a_i, \dots, a_n$) исследует на наличие этих свойств и в зависимости от результатов исследования проводит классификацию объектов («подгоняет материал под теорию»). Например, он отмечает, что a_1, \dots, a_i подпадают под данное определение, т. е. обладают свойствами постулируемого идеального объекта, а $a_{i+1}, \dots, a_k, \dots, a_n$ – нет:

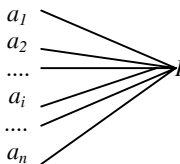
Схема 1

Во втором случае исследователь идет от материала и «теорию подгоняет под факты»: изучая объекты (a_1, \dots, a_n), он фиксирует их свойства и отбирает объекты (a_1, \dots, a_j) с одинаковыми свойствами.

Затем набор одинаковых свойств он рассматривает как некий общий признак, позволяющий данные объекты собрать в один класс, а классу сопоставить термин – конструкт, определение которого отражает этот общий признак:

Схема 2

Определения конструктов K и I в частном случае могут совпасть, – например, если $i = n$, т. е. если определение K таково, что ему удовлетворяют объекты $a_1 - a_i$ (они и только они), и если объекты $a_1 - a_i$ имеют набор всех тех инвариантных свойств (их, и только их), которые фиксировались в определении I . В других случаях совпадения определений нет. Когда определения K и I совпадают, обычно говорят: «автор догадался о сущности данного явления», «а priori установил закон, впоследствии подтвердившийся экспериментально», и т. п.

В истории естественных наук явления этого типа – дело сравнительно редкое. Большая часть естествоиспытателей строит определения a posteriori (на основании изучения свойств интересующих их объектов). Лингвисты, как правило, стремятся к определениям a priori. В итоге любая грамматика состоит из правил и исключений. Правилom является определение введенного автором конструкта K , а исключениями – те объекты a_{i+1}, \dots, a_n , которые не подпадают под него, но составляют с объектами a_1, \dots, a_i (в соответствии с «интуицией автора») некую общность. Поскольку общность a_1, \dots, a_n на деле устанавливается a posteriori, а правило (определение) вводится a priori, то и появляется указанный разрыв между эксплицитными знаниями об объектах a_1, \dots, a_n , фиксируемыми в определении конструкта K , и имплицитными знаниями, т. е. «интуицией автора», которой он руководствуется при группировке в некую общность объектов a_1, \dots, a_n (а не только объектов a_1, \dots, a_i , соотнесенных с K).

Множественность определений, если они противоречат друг другу, свидетельствует о том, что вводятся конструкты, которые соотносятся с различными группами объектов, причем такими

группами, которые имеют разный набор инвариантных свойств. Множественность определений, если они дополняют друг друга, говорит, что постулируемые конструкты соотносятся с такими группами объектов, которые имеют один и тот же набор инвариантных свойств. Ликвидировать множественность второго типа нетрудно: для этого достаточно построить определение, объединяющее свойства, которые были отражены в дефинициях, полученных ранее. С множественностью первого типа бороться труднее.

По-видимому, здесь есть только один конструктивный способ: показать, каким группам объектов соответствует каждое определение. Для этого можно перечислить объекты, которые соответствуют определению₁, затем объекты, которые соответствуют определению₂, после этого объекты, которые соответствуют определению₃, и т. д. Только после сравнения групп объектов (тождественны они или нет) можно переходить к анализу определений (проверке их на адекватность и испытанию на взаимосогласованность). Среди известных определений залога есть взаимоисключающие друг друга¹, и нет ни одного, для которого в явном виде были бы зафиксированы все те объекты, которые ему удовлетворяют. Поэтому, оставив в стороне анализ существующих в лингвистике априорных определений залога, я попытаюсь построить определения залога a posteriori.

2. Когда говорят о дефинициях a priori и a posteriori, обычно имеется в виду процесс построения теории (извлечение тезисов, совокупность которых должна впоследствии составить теорию), а не результат этого процесса (формирование тезисов в систему). Независимо от того, как получены тезисы, – a priori или a posteriori, – их можно упорядочить в виде дедуктивной системы. Если тезисы теории (все исходные дефиниции) созданы a posteriori, есть гарантия того, что совокупность объектов, исследованных при построении определений, будет выступать впоследствии как естественная интерпретация теории. При априорном задании дефиниций такой га-

¹ Вот что пишет по этому поводу А. А. Холодович: «Предложенное определение залога расходится с теми определениями, которые даются в классических работах по русскому залогоу. Наше определение основывается на понятии соответствия между элементами синтаксического уровня и элементами семантического уровня. Классические определения либо игнорируют этот принцип соответствия, либо явно его отрицают». А. А. Холодович. Залог. // Категория залога. Ленинград, 1970. С. 21–22.

рантии нет. Может случиться, что для полученной теории нельзя найти никакой естественной интерпретации.

Теории, дефиниции в которых заданы а *posteriori*, отличаются от теорий, дефиниции в которых введены а *priori*, следующим образом: для теорий первого типа проблема истинности имеет два аспекта – верифицируемость (проверка на внутреннюю непротиворечивость) и адекватность (соответствие фактам объективной действительности). Для теорий второго типа существенным оказывается только один аспект – проверка теории на внутреннюю непротиворечивость.

Все эмпирические науки относятся к теориям первого типа. В отношении «чистой математики» мнения расходятся. Есть математики, которые не соглашаются с тезисом: «критерием истинности теории является практика (адекватность теории) и ее внутренняя непротиворечивость» и отстаивают тезис: «критерием истинности теории является только ее внутренняя непротиворечивость»¹. Возможно, в отношении лингвистики дело обстоит так же, как в отношении «чистой математики». Для тех, кто с тезисом Рассела не согласен и строит лингвистическую теорию как теорию второго типа, определения а *posteriori* приобретают особую важность, ибо именно они позволяют вопрос об истинности теории рассматривать в обоих аспектах.

3. При построении определений грамматических категорий лингвист сталкивается с ситуациями двух типов:

1) интересующая исследователя грамматическая категория формирована морфологическими средствами данного языка, т. е. имеется формант или набор формантов, специально предназначенных для ее выражения; на мысль о ее существовании наталкивает прямое наблюдение материала – сама форма; категория как бы лежит на поверхности;

2) грамматическая категория не формирована в языке, для ее выражения используются синтаксические или лексические средства; о ее существовании, исследователь догадывается, как правило, кос-

¹ «Чистая математика состоит исключительно из утверждений следующего типа: если такое-то предложение верно по отношению к чему бы то ни было, то какое-то другое предложение верно также по отношению к этому чему-то. Ни вопрос о том, верно ли первое предложение, ни вопрос о том, что такое то, по отношению к которому это предложение верно, не касается чистой математики». Б. Рассел. Новые идеи в математике. Санкт-Петербург, 1913. С. 83.

венно, – на основании фактов тех языков, в которых она выступает в эксплицитной форме.

В ситуациях первого типа можно принять за исходное форму, в ситуациях второго типа приходится идти от значения. Выбирая в качестве исходного элемента форму, лингвист фиксирует некоторый формант, исследует поле его значений и затем инвариант всех точек рассматривает как значение данного форманта. После этого строится определение грамматической категории как формально-смысловой единицы, значение которой приравнивается к инварианту исследованного поля, а форма отождествляется с формантом, посредством которого выражается инвариант. В ситуациях второго типа лингвист принимает за исходное принять некоторое значение и затем ищет формы его выражения в данном языке. Установить это значение можно, либо «догадавшись» о нем (т. е. зафиксировав a priori), либо почерпнув из результатов наблюдения над ситуациями первого типа.

При построении апостериорных определений грамматических категорий всегда приходится начинать с анализа фактов того языка, в котором данная категория морфологически формирована, и только после этого переходить к языкам, которые не располагают специализированными средствами для ее выражения. Проверив, существуют ли в них приемы для передачи значения этой категории, можно двигаться дальше. Если таких «приемов» нет, придется отметить, что искомой категории в контрольном языке нет. При их наличии можно зафиксировать их в виде парадигмы и указать, что данная категория существует и манифестируется посредством найденной парадигмы.

Значение, установленное в первом языке, выступает в качестве эталона, с помощью которого в остальных языках фиксируется значение, присутствующее в них в скрытой форме, т. е. находится в не вычленном, аморфном состоянии.

4. Фиксируя грамматическую категорию как формально-смысловую единицу, можно выделить два компонента – форму и значение. В качестве формы категории предлагают рассматривать некую языковую субстанцию, воспринимаемую зрением или слухом, – формант или парадигму формантов, посредством которых манифестируется данная категория. Значение категории обычно

связывают со значимостью, которую имеет ее форма. Денотатное значение у ряда языковых элементов (таких, как служебные слова или морфемы) установить либо невозможно, либо очень трудно, а описание значимостей тех же элементов затруднений не вызывает.

Поэтому при определении залога как грамматической категории мы будем работать только с контекстуальными значениями форм, а к их денотатному значению обращаться не будем. Слова «значение», «смысл» употребляются далее только как синонимы слова «значимость». Процедуры, с помощью которых фиксируются и измеряются значимости, базируются на принципе: «так можно или нельзя сказать (в соответствии с нормами словоупотребления в данном языке)». Синонимы при этом рассматриваются как элементы с разными формами и одинаковой значимостью, омонимы – как элементы, которые за одной и той же формой скрывают разные значимости (один и тот же формальный элемент имеет разные потенциально возможные контексты).

5. Когда употребляются такие термины, как, например, «залог» и «каузативный залог», они должны относиться друг к другу как родовое и видовое понятия. Поэтому определение термина «каузативный залог» должно быть частным по отношению к термину «залог». Все характеристики, которые вводятся в определение термина «залог», должны оставаться истинными и при определении термина «каузативный залог». Переход от термина «залог» к термину «каузативный залог» осуществляется по линии спецификации первого определения, а не по линии его изменения.

Если упорядочение терминов в теориях отражает степень их генерализации (при апостериорном подходе) или степень их конкретизации (при априорном подходе), теории можно сравнивать. «Идеальной» должна быть теория, в которой движение по линии генерализации является обращением движения по линии конкретизации, т. е. теория, апостериорное построение которой можно заменить зеркальным по отношению к нему априорным построением, или наоборот

6. Изложенные соображения заставляют работу над определением термина «залог» организовать следующим образом. Выберем язык, в котором сформированы категории различных залогов (например, каузативного, взаимного, медиального, пассивного и др.).

Зафиксируем значения, передаваемые формантами каждого из залогов, из значений каждого форманта отберем инвариантное значение как значение данного залога, сравним полученные инварианты и выделим то общее, что за ними стоит. Это общее постулируем как значение залога в данном языке. После этого перейдем к другим языкам и займемся выяснением того, насколько универсальным является данное определение.

7. Исследование начнем с языка зулу.

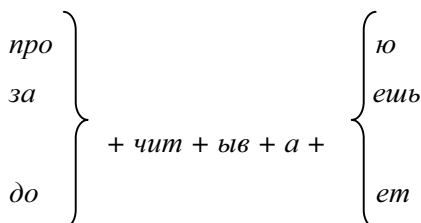
Свяжем с оппозицией «синтагматика/парадигматика» противопоставление того, что упорядочено во времени, тому, что таким признаком не обладает. Соответственно в характеристике любой грамматической категории выделим два аспекта: синтагматический и парадигматический. Зафиксируем синтагматический аспект как характеристику тех элементов, с которыми данная категория, реализуемая в виде конкретных языковых элементов, соподчиняется в одной синтагматической цепи, а парадигматический аспект – как характеристику элементов, с которыми она образует одну парадигму (т. е. элементов, которые могут замещать ее в одной и той же синтагматической цепи).

Посмотрим, какую синтагматическую составляющую категории «залог» можно зафиксировать, исходя из анализа синтагматических цепочек языка зулу. Для этого выясним, с какими категориями она соседствует в одной микросинтагматической цепи и для каких из этих соседей она выступает в роли хозяина, а для каких – в роли слуги.

В зулу, как и в любом другом языке, можно выделить такие синтагматические единицы, как предложения, слова и морфемы. Предложение можно рассматривать как макроструктуру (т. е. структуру, состоящую из слов), а слово – как микроструктуру (т. е. структуру, состоящую из морфем). В микроструктуре, как и в макроструктуре, можно выделить ядро и окружение (например, в качестве ядра микроструктуры '*прочитаю*' можно рассматривать корень '*-чит-*', а в качестве окружения ядра – форманты '*про-*', '*-а-*', '*-ю*'). Окружение можно охарактеризовать как обязательное (форманты '*-а-*', '*-ю*' в слове '*прочитаю*') и факультативные (формант '*про-*' в слове '*прочитаю*', – ср. '*читаю*'/'*прочитаю*'), потенциально возможное в языке и реализованное в речи. Потенциально возможной микроструктурой,

например, является конструкт на схеме 3, слово 'прочитаю' выступает как его конкретная реализация в речи.

Схема 3

Все слова можно разбить на классы (части речи) в зависимости от того, какие потенциальные микроструктуры способны образовывать их ядра. Одним из таких классов в зулу являются глаголы¹.

Микроструктура любого глагола в зулу состоит из пяти обязательных компонентов: 1) ядра, указывающего на тип деятельности, фиксируемой глаголом, 2) внутренней флексии, передающей аспектные характеристики деятельности, 3) префиксного аллитерального согласователя, фиксирующего пространственную ориентацию деятельности, т. е. локализирующего деятельность в отношении некоторого субъекта, 4) инфикса, посредством которого обозначается локализация действия во времени, 5) конечной гласной основы, с помощью которой характеризуется модальность – отношение говорящего к деятельности: рассмотрение ее как истинной (позитивное спряжение) или как ложной (негативное спряжение), как главной (изъявительное наклонение) или как второстепенной (ситуативное наклонение).

Например, эти компоненты в микроструктуре слова *sihlala* 'мы сидим' можно зафиксировать следующим образом: конечный гласный *-a* – на основании оппозиции *sihlala* (позитив 'мы сидим') – *asihlali* (негатив 'мы не сидим'), темпоральный инфикс *-i-* – на основании оппозиции *sihlala* 'мы сидим' – *sahlala* 'мы сидели', субъектный локализатор *s-* на основании оппозиции *sihlala* 'мы сидим' – *ngihlala* 'я сижу', внутреннюю флексию *-a/e-* на основании оппозиции простой (*-hlala*) и перфектной (*-hlezi*) основ, и, наконец, корень – трансфикс *-hl-l* в слове *-hlala*.

¹ См. Л. З. Сова. Глагол как грамматическая категория в языке зулу // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5. Санкт-Петербург, 1998. С. 68–88.

Порядок образования микроструктуры из этих компонентов таков: ядро и внутренняя флексия образуют единство, называемое корнем (*-hlal-*), корень и конечная гласная составляют основу (*-hlala*), темпоральный инфикс и субъектный локализатор в совокупности дают префикс, который в бантуистике называют субъектным согласователем (*si-*).

С помощью скобок порядок образования микроструктуры слова *sihlala* из пяти перечисленных компонентов можно зафиксировать в виде схемы 4.

Схема 4

Все это, как отмечалось выше¹, – обязательные компоненты микроструктуры глагола в зулу. Их можно встретить в составе любой глагольной формы. Кроме них, могут быть факультативные форманты. Как и обязательные компоненты, факультативные имеют четко фиксированные места и функции в микроструктурах. Есть факультативные компоненты, которые предшествуют субъектному согласователю, которые вклиниваются между ним и корнем, и, наконец, такие, которые удлиняют основу.

Среди последних можно назвать пять формантов *-an-*, *-ek-*, *-el-*, *-is-*, *-w-*, которые обладают следующими общими формальными признаками:

- 1) каждый из них может стоять на одном и том же месте микроструктуры глагола – между корнем и конечным гласным основы (взаимозаменяемость формантов),
- 2) внутри занимаемого места они в разном порядке сочетаются друг с другом, в том числе дублируются (соподчинимость формантов).

Для каждого из этих формантов приходится фиксировать в синтагматической цепи место не только по отношению к корню и ко-

¹ См. с. 128.

нечной гласной, но и по отношению друг к другу. Структурные связи существуют не только между ними и формантами основы, но и между ними самими, т. е. в микроструктуре глагола они образуют некоторую подсистему¹. Эту подсистему, вслед за другими исследователями зулу, мы будем называть залоговой, а перечисленные форманты – суффиксами залогов: взаимного (-*an-*), медиального (-*ek-*), направительного (-*el-*), каузативного (-*is-*) и пассивного (-*w-*). Иначе говоря, залог – это категория, формируемая в зулу посредством особой системы формантов, которая функционирует в структуре глагола как некая общность, обладающая специфическими характеристиками.

Формальная составляющая синтагматической характеристики залога в зулу может быть описана с помощью структурных связей внутри микроконфигурации, образуемой глаголами как представителями особой части речи. Внутри этой структуры категория залога определенным образом соотносена с другими категориями (соподчинима с ними в одной цепи в соответствии с правилами образования микроструктуры). Она занимает по отношению к ядру микроконфигурации факультативную позицию и выступает в роли определенной характеристики ядра.

Спецификация этой характеристики является смысловой составляющей синтагматической характеристики залога. Чтобы ее описать, было проведено обследование употребления каждого из пяти перечисленных формантов в текстах на языке зулу и построено пять апостериорных определений залогов. На основании их анализа было выведено обобщающее определение залога в зулу². С отдельными результатами этой работы можно ознакомиться ниже (см. статью «Иерархия грамматических категорий при построении теории залога»).

¹ После корня могут стоять не только перечисленные форманты, но и ряд других (например, -*atha*, -*pha*, -*ama*, -*aya*, -*ula*, -*uka*, -*za*, -*ala*), но указанными структурными признаками они не обладают.

² Данная работа основана на материалах моих неопубликованных монографий «Аналитическая морфология языка зулу» (1973) и «Проблемы операционной грамматики» (1976). Опубликована частично в виде статьи: Л. З. Сова. Априоризм и апостериоризм при построении лингвистических определений // Структура предложения и классы слов в романо-германских языках. Вып. 3. Калинин, 1974. С. 185–189.

Иерархия грамматических категорий при построении теории залога

Цель работы: построить определение залога как грамматической категории языка зулу и на примере трех терминов («каузативный залог в зулу», «залог в зулу», «залог в любом языке») показать, какими возможностями мы располагаем при создании типологии в виде иерархии лингвистических определений.

Методы работы: а) использование индукции при фиксации комплексов значений каждого из залогов языка зулу, б) выделение с помощью метода трансформаций инвариантной и специфической частей каждого комплекса, в) генерализация инвариантов при построении определения залога как морфологической категории языка зулу, г) дедуктивное упорядочение терминов категорий, полученных методами «а»–«в».

Этапы работы.

1. Исследование начинается с построения определения термина «каузативный залог в зулу». Фиксируется формант каузативного залога *-is-* и отбираются примеры, иллюстрирующие его употребление в конкретных предложениях языка зулу (около 1000 примеров). На основании сопоставления употреблений глаголов с суффиксом *-is-* и тех же глаголов без суффикса *-is-* регистрируются значения, которые имеет суффикс *-is-* в различных контекстах¹.

При этом выделяются две группы примеров: 1) примеры, в которых суффикс *-is-* имеет «ясное» значение, 2) примеры, в которых значение суффикса *-is-* остается неясным. Условно роль суффикса *-is-* в этих примерах можно свести к транзитивации, повышению валентности или «лексикализующей» функции. Вторая группа примеров на время исключается из рассмотрения, и работа строится на материале примеров первой группы.

В этих примерах суффикс *-is-* имеет следующие значения:

понуждение [1. *Ngahlawula (I). 'Я (I) заплатил (I) налог (I)'. – 2. Wangihlawulisa 'Он (I) заставил (I) меня (I) заплатить (I) налог (I)']*,

¹ Этот этап работы освещен в статье: Л. З. Сова. Функции суффикса *-isa-* в языке зулу // *Africana*. Т. VIII. Л., 1971 (под названием «Каузативный залог в зулу» публикуется в моей монографии «Африканистика и эволюционная лингвистика»).

содействие [3. *Ngakha (1) indlu (2)*. 'Я (1) построил (1) дом (2)'. – 4. *Wangakhisa (1) indlu (2)*. 'Он (1) помог (1) мне (1) построить дом (2)'],

имитация [5. *Balwa (1)*. 'Они (1) дерутся (1)'. – 6. *Balwisa (1) okwabantwana*. 'Они (1) дерутся (1), как (2) дети (2)'],

репититивность [7. *Waqina (1)*. 'Он (1) был (1) крепким (1)'. – 8. *Waziqinisa (1)*. 'Он (1) поправился (1) после (1) болезни (1)', букв.: «Он снова стал крепким»],

интенсификация [9. *Waqina (1)*. 'Он (1) был (1) настойчив (1)'. – 10. *Waqinisa (1)*. 'Он (1) был (1) очень (1) настойчив (1)'].

Установленные значения суффикса *-is-* анализируются с целью выявления инвариантного признака, присущего суффиксу *-is-* в любом употреблении, т. е. инвариантного компонента всех перечисленных значений. Средством выявления и регистрации тождественных и различных значений являются трансформации (в широком смысле).

Процедура поиска инварианта организована следующим образом. Сначала с помощью перифразов и трансформаций анализируются предложения, соответствующие ситуациям, в которых реализуется идея понуждения. Отмечается, что действие в этих ситуациях локализуется относительно двух пространственных точек S_1 и S_2 , которые соотнесены с различными моментами во времени t_1 и t_2 : одна пространственная точка фиксируется как зачинатель (инициатор) действия, а вторая – как продолжатель (исполнитель инициативы) – $S_1t_1 + S_2t_2$, $S_1 \neq S_2$, t_1 до t_2 . В русском эквиваленте (см. предложение 2 первая точка фиксируется с помощью местоимения 'он', вторая – с помощью местоимения 'меня').

Идея содействия имеет место в двух случаях: а) когда фиксируются две пространственные точки S_1 и S_2 , соотнесенные с одной и той же временной точкой (одновременное исполнение действия) – $S_1t_1 + S_2t_2$, где $S_1 \neq S_2$, а t_1 одновременно t_2 ; ср. понимание предложения 4, регистрируемое русским предложением 'Он помог мне при постройке дома';

б) когда фиксируются две пространственные точки S_1 и S_2 , соотнесенные с различными точками во времени – $S_1t_1 + S_2t_2$, где $S_1 \neq S_2$, а t_1 до t_2 ; ср. понимание предложения 4, регистрируемое русским эквивалентом: 'Он помог мне построить дом' (например, *тем, что ссудил меня деньгами*). В случае «а» референты слов 'я' и 'он' дейст-

вуют одновременно (соотнесены с одной и той же временной точкой), в случае «б» – не одновременно (соотнесены с различными временными точками).

Идея имитации с помощью трансформаций или перевода на русский язык раскрывается как соотнесение двух одинаковых действий, осуществляемых двумя различными деятелями (субъектом действия S_1 и субъектом сравнения S_2) в разное время – $S_1t_1 + S_2t_2$, причем $S_1 \neq S_2$, а t_2 до t_1 .

Репититивность предполагает, что одно и то же действие совершается одним и тем же субъектом дважды, т. е. в моменты времени t_1 и t_2 ; здесь опять-таки $S_1t_1 + S_2t_2$, но $S_1 = S_2$, а t_1 до t_2 .

При интенсификации мы имеем дело с увеличением количества действия. Если в качестве эталона принимается действие одного деятеля за некоторое время, интенсификация означает выполнение за то же время действия, превышающего эталонное (например, равное деятельности двух деятелей за тот же отрезок времени – $S_1t_1 + S_2t_2$, где $S_1 = S_2$, а t_1 одновременно t_2), или выполнение за меньшее время действия, равного эталонному (например, равное деятельности одного деятеля за вдвое меньший отрезок времени).

Анализ первой группы примеров показывает, что во всех ситуациях, регистрируемых в зулу с помощью суффикса *-is-*, присутствует один и тот же инвариант: наличие двух пространственных и двух временных точек. Однако различные контексты неодинаково реализуют возможности соотношения локализации этих точек во времени и пространстве. Характеризуя каузативный залог в языке зулу как систему этих соотношений, можно составить таблицу 1.

Таблица 1

Инвариант	Спецификаторы ситуаций (контекстов)	
$S_1t_1 + S_2t_2$	$S_1 \neq S_2$, t_1 до t_2	понуждение
	а) $S_1 \neq S_2$, t_1 одновременно t_2	содействие
	б) $S_1 \neq S_2$, t_1 до t_2	
	$S_1 \neq S_2$, t_2 до t_1	имитация
	$S_1 = S_2$, t_1 до t_2	репититивность
	$S_1 = S_2$, t_1 одновременно t_2	интенсификация

2. После первого этапа работы – построения методом последовательной генерализованной индукции определения термина «каузативный залог в зулу», необходимо перейти к проверке полученного результата.

Этой цели служит вторая группа примеров¹. Каждый пример второй группы методом трансформаций проверяется на правомерность его интерпретации путем соотнесения с таблицей 1. После этого фиксируется окончательное определение каузативного залога в языке зулу.

Определение дает возможность отметить, что каузативный залог в зулу является морфологической категорией, позволяющей представлять действие как некий объект, «растянутый» во времени и пространстве процесса отражения (говорения) и локализованный в этом процессе с помощью «меток» о начале и конце действия, из которых каждая связана с определенной пространственной координатой.

На это общее значение в том или ином контексте наслаивается дополнительное, и получается каждое конкретное значение, отмеченное выше. Например, наслоение смысла «против воли исполнителя» дает значение понуждения, прибавление смысла «согласно воле исполнителя» порождает значение содействия, предваряющего деятельность исполнителя; ср. первую и вторую строки «б» в таблице 1.

Дополнительные значения обуславливаются контекстом и к специфике самого суффикса *-is-* отношения не имеют. Реализация обобщенного значения суффикса *-is-* на синтаксическом уровне приводит либо к повышению валентности исходного глагола (случай двух различных точек в пространстве), либо к изменению его лексического значения в таком аспекте, который позволяет фиксировать «растягивание» действия во времени – увеличение его продолжительности, объема, интенсивности.

3. Третий этап работы состоит в построении определения залога в языке зулу. Этот этап начинается после того, как каждый из залогов зулу (взаимный, медиальный, направительный и пассив) иссле-

¹ См. Л. 3. Сова. Указ. соч. С. 147–148.

дуются аналогично каузативу¹. Процесс этого исследования позволяет составить характерологические таблицы каждого из залогов – по типу таблицы 1, построенной для каузатива.

Сравнение инвариантов характерологических таблиц дает возможность выделить инвариант более высокого порядка – признак, регистрируемый каждой таблицей. Этот признак, абстрагированный от признаков всех залогов, может быть принят в качестве определения залога как грамматической категории в зулу.

Залог – это потенциально существующая морфологическая категория, реализация которой вызывает изменение не только внутренней структуры исходного слова, но и того синтаксического пространства, в которое вводится данное слово при связывании с другими словами в предложении. Данная категория позволяет фиксировать действие как некий объект, «растянутый» во времени и пространстве процесса отражения и локализованный в пространстве с помощью меток о начале, середине и конце явления, а во времени – с помощью индекса о направлении отсчета пространственных меток: от третьей метки к первой – в пассиве и от первой к третьей – в остальных залогах. Пассив является средством ретроспективного описания процесса деятельности, остальные залогов – проспективно-го.

Пространственные и временные точки определенным для каждого залога образом соотнесены друг с другом. Тип такой соотнесенности обуславливает специфику каждого залога в конкретных языках. Например, в одном языке сопряженными оказываются значения понуждения и имитации, в другом – понуждения и инструментальности, в третьем – дистрибутивности и интенсивности и т. д., – каждый язык по-своему членит мир, закрепляя за тем или иным формантом определенную сферу его употребления и порождаемый этой сферой набор значений².

4. После того, как построение определения залога в одном языке закончено, возникает вопрос о формировании определения залога в

¹ Описание этого исследования см.: Л. З. Сова. Глагол как грамматическая категория языка зулу // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5. Санкт-Петербург, 1998. С. 68–88.

² Подробно см.: Л. З. Сова. Индукция и дедукция при построении лингвистической теории // Теория языка и инженерная лингвистика. Л., 1973.

любом языке, т. е. об определении залога как грамматической категории.

Здесь есть три возможности:

а) строить аналогичное исследование для всех языков, по отношению к которым создается универсальное определение залога; результирующее определение получится как инвариант последующего этапа генерализации лингвистических определений;

б) анализировать определение залога в одном языке и путем перебора логических возможностей создавать схему гипотетического определения, частным случаем которой является исходное определение;

в) проводить анализ нескольких разноструктурных языков одним и тем же методом и конструировать гипотетический инвариант определения залогов в этих языках. Последняя возможность объединяет предыдущие.

Только в первом случае мы можем получить определение, достоверность которого не подлежит сомнению, потому что оно будет объяснять любой факт, учтенный при его создании, т. е. будет выступать как научная абстракция, построенная методом полной индукции. Во втором и третьем случаях полученные определения можно рассматривать как рабочие гипотезы, подлежащие опытной проверке. Как исходные данные лингвистической теории они могут фиксироваться только условно.

Лингвистическая теория должна конструироваться таким образом, чтобы изменения в этих определениях могли быть внесены во все отделы теории, связанные с данными определениями. Этому требованию, по-видимому, удовлетворяют только теории, определения понятий в которых задаются конструктивным путем¹.

5. Переходя к вопросу об организации отдельных частей лингвистической теории, процедуру генерализации, описанную выше, можно заменить зеркальной по отношению к ней процедурой конкретизации и упорядочить дефиниции таким образом, чтобы в вершине иерархии стоял термин «залог в любом языке», в качестве конкретизации определения этого термина (следствия из более обобщенного тезиса) выступало определение термина «залог в зу-

¹ О теориях этого типа см.: Л. З. Сова. Принципы лингвистического конструктивизма // Лингвостатистика и автоматический анализ текстов. Минск, 1974.

лу», на следующем этапе конкретизации – определение термина «каузативный залог в зулу», и, наконец, на последнем этапе – те частные значения, которые имеет суффикс *-is-* в языковых контекстах¹.

Другими словами, предлагается создать своего рода алгоритм – динамическое описание грамматических категорий на основании процедуры их абстрагирования от конкретных языковых элементов и обращения этой процедуры. Такое построение теории дает возможность достраивать верхние ярусы (за счет добавления абстракций более высокого порядка), не внося изменений в определения, которые служат их конкретизациями и находятся на более низких уровнях иерархии.

На основании этого типология может быть представлена как иерархия определений терминов грамматических категорий, элементы которой упорядочены в виде дедуктивной системы (хотя каждый из элементов получен с помощью метода генерализованной индукции)².

¹ Ср. апостериорное определение залога, представленное выше, с априорными определениями, известными в лингвистике [например, с определением, которое лежит в основе работы: И. А. Мельчук, А. А. Холодович. К теории грамматического залога (Определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4].

² Работа использует материалы моей неопубликованной монографии «Аналитическая морфология языка зулу» (1973). Она была напечатана в виде статьи: Л. З. Сова Иерархия грамматических категорий при построении теории залога // Народы Азии и Африки. 1975. № 1. С. 181–185.

Дуализм лингвистических знаков

I. Общие положения

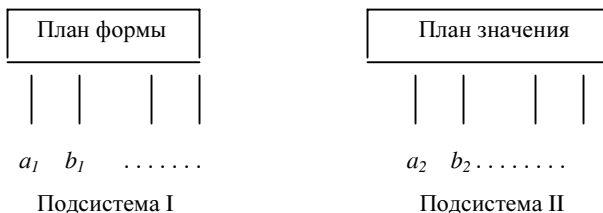
1. Обычно говорят, что языковые единицы должны исследоваться в двух планах – с точки зрения их формы и с точки зрения их значения. Возведя этот тезис в основной методологический принцип, получаем, во-первых, что любая языковая единица должна рассматриваться как элемент, имеющий двухкомпонентную структуру; и, во-вторых, что на некотором этапе работы эти компоненты «разнимаются» и могут быть изучены отдельно.

Иными словами, выделив две «системы отсчета» (схема 1), каждую языковую единицу можно «расчленить» на два компонента (например, a_1 – форма a , a_2 – значение a , b_1 – форма b , b_2 – значение b и т. д.) и затем соотнести эти компоненты с системами отсчета (схема 2).

Схема 1

Схема 2

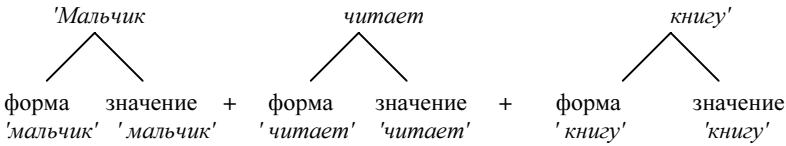
2. Результатом этой процедуры является построение двух предметов исследования. Для описания каждого из них необходима «своя» лингвистическая теория: 1) лингвистическая теория, занимающаяся описанием законов подсистемы I, и 2) лингвистическая теория, описывающая законы подсистемы II. От двухкомпонентного строения языковых единиц осуществляется переход к двухкомпонентному строению описания этих единиц (лингвистической теории).

3. Если единственно существенным в знаке считать то, что он соединяет означающее и означаемое (т. е. «форму» и «значение»),

исходным принципом исследования можно принять представление любой языковой единицы в виде двустороннего знака, «разнимающегося на части».

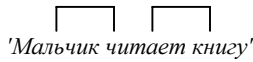
4. Применим этот принцип на практике. Возьмем предложение: 'Мальчик читает книгу'. Оно состоит из слов: 'мальчик', 'читает', 'книгу'. Учитывая дуализм лингвистических знаков, можно записать структуру каждого слова в виде схемы 3.

Схема 3

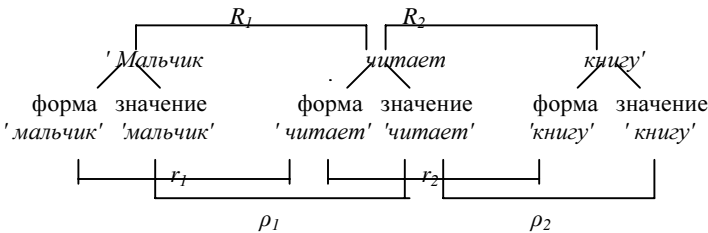
Известно, что предложение состоит из слов, но что множество слов еще не есть предложение: все зависит от связей между словами. Обозначая связь стрелкой и рассматривая предложение как определенную цепочку слов в единстве их форм и значений, можно записать этот факт в виде схемы 4.

Схема 4

«Разнимая слова на форму и значение» и говоря о двух системах отсчета, при построении логически непротиворечивой теории нужно перенести этот принцип и на связи между словами, т. е. «раздвоить» связи между словами на связи между формами слов и связи между их значениями:

Схема 5

Если связь между словами в единстве их формы и значения (R_1 , R_2) назвать синтаксической, связь между формами слов (r_1 , r_2) – формальной, а связь между значениями слов (ρ_1 , ρ_2) – смысловой, то

каждую синтаксическую связь можно представить в виде совокупности формальной и смысловой связей.

Схема 6

Другими словами, синтаксическая связь (R_i) здесь рассматривается как знак, формой которого является формальная (r_i), а значением – смысловая связь (ρ_i).

Называя совокупность синтаксических связей любого конкретного предложения его синтаксическим составом, совокупность формальных связей – формальным составом, а совокупность смысловых связей – смысловым составом, можно прийти к тому, что синтаксический состав – тоже знак; его формой является формальный состав, а значением – смысловой состав

Схема 7

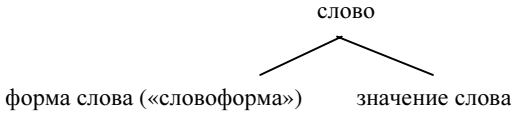

Вводя для изображений составов предложения термины: синтаксическая, формальная и смысловая структуры, можно прийти к тому, что синтаксическая структура является знаком, форму которого образует формальная структура, а значение – смысловая структура.

Схема 8

'Мальчик', 'читает', 'книгу' являются конкретными элементами, а «слово», «предложение» и т. п. – абстрактными (терминами классов, в которые объединены конкретные элементы). Переход на более высокую ступень абстракции, где описываются не конкретные языковые элементы, а их классы, позволяет построить схему 9.

Предложение – это, с одной стороны, формальная цепочка, т. е. цепочка словоформ, между которыми установлены формальные связи, и с другой, – смысловая цепочка (цепочка значений слов, между которыми существуют смысловые связи).

Схема 10

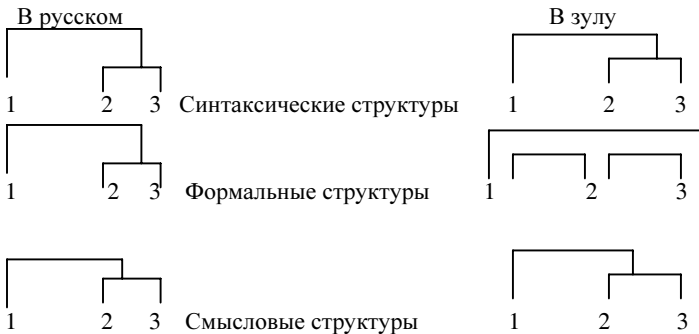

Аналогично обобщается понятие знака как абстракции от конкретных связей, составов и структур.

Исходный принцип приводит сначала к представлению конкретных языковых элементов в виде двуединых сущностей, а затем – к изображению классов этих элементов в виде все тех же билатералов.

5. Рассмотрим предложение на русском языке: 1. *Девушка (1) снова (2) замолчала (3')* и его эквивалент на языке зулу: 2. *Yabuye (2) yathula (3) intombi (1)*. Построим синтаксические, формальные, смысловые структуры этих предложений.

Схема 11

Анализ синтаксических связей между словами в единстве форм

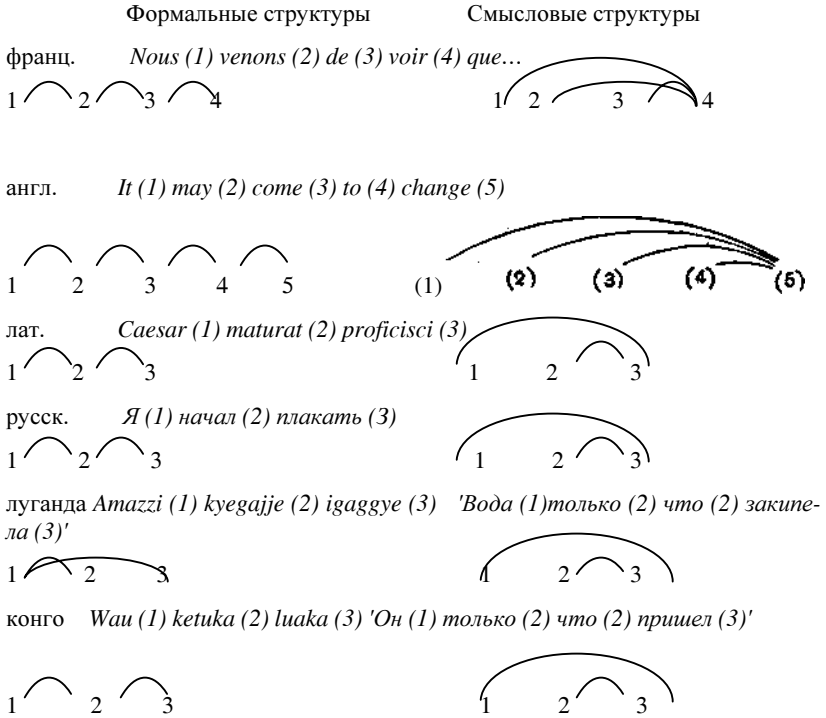
и значений известен из школьной грамматики. Понятие об этих связях обычно смутное и у разных людей разное. Исходя из рассмотрения синтаксических связей как результата «сложения» смысловых и формальных связей, можно попытаться построить строгую теорию синтаксических связей.

Так, можно договориться, что смысловые связи проводятся, если слова связаны по смыслу. Формальные связи устанавливаются в тех случаях, когда форма одного слова зависит от формы другого слова (или формы обоих слов имплицитно друг друга). В примере 1 словоформа '*девушка*' согласуется в роде и числе со словоформой '*замолчала*' (нельзя, скажем, заменив '*девушка*' на '*девушки*', оставить без изменения '*замолчала*'; подобным образом изменение '*замолчала*' на '*замолчали*' влечет за собой замену '*девушка*' на '*девушки*'). Словоформа '*снова*' не связана со словоформой '*девушка*': никакие изменения словоформы '*девушка*' (вплоть до замены ее «пустой» словоформой) не отражаются на словоформе '*снова*'. Однако если словоформу '*замолчала*' заменить «пустой» словоформой, то надо аннулировать и словоформу '*снова*'. Поэтому мы говорим о наличии формальной связи между словоформами '*снова*' и '*замолчала*'.

В примере 2 формы *yabuue* и *yathula* зависят от формы *intombi*: в глаголы *-buue* и *-thula* введены субъектные согласователи *ya-* по классу *intombi*. Формы *yabuue* и *yathula* зависят друг от друга (например, нельзя заменить форму *yathula* на форму *ukuthula*: постановка именно данной формы диктуется формой *yabuue*, нельзя также форму *yabuue* употребить без формы *yathula*¹: наличие формы *yabuue* обусловлено формой *yathula*).

Для иллюстрации можно сравнить также смысловые и формальные структуры фраз на схеме 12: *Nous venons de voir que...* (франц.), *It may come to change* (англ.), *Caesar maturat proficisci* (лат.), '*Я начал плакать*' (русск.), *Amazzi kyegajje igaggye* (луганда), *Wau ketuka luaka* (конго).

¹ Опуская форму *yathula*, мы переходим от дефективного глагола *-buue* '*снова*' к глаголу движения *-buu* '*возвратиться*', имеющему некоторые омонимичные формы с первым.

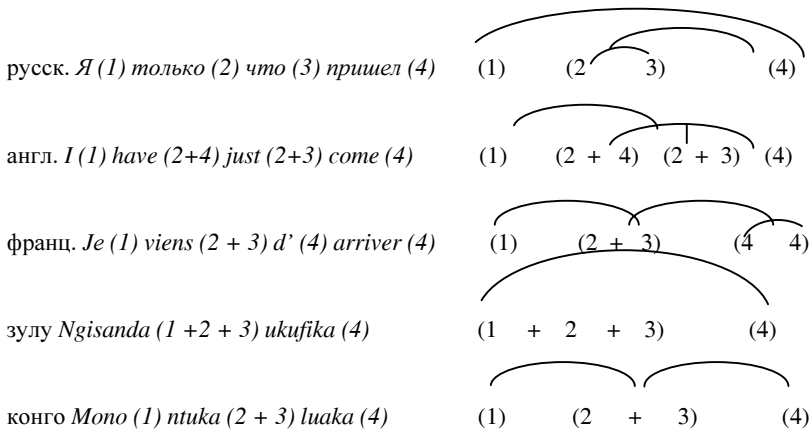
7. Сравнение синтаксических разборов¹ одного и того же предложения, написанного на различных языках, показывает, что в рамках системы синтаксических связей² типология синтагматических отношений невозможна. Ср., например, синтаксический разбор предложений³ на схеме 13.

Наоборот, в терминах системы формально-смысловых связей типология синтагматических отношений становится реальностью.

¹ Разборов по «синтаксическим связям».

² Т. е. без перехода к системе формально-смысловых связей, в терминах которой любая синтаксическая связь представляется как синтез формальной и смысловой.

³ Единицы (синтаксические, формальные и смысловые), на которые можно «разложить» предложение при изображении его структуры, взяты в скобки. Естественно, что эти единицы не обязательно должны совпадать друг с другом при делении предложения на синтаксические, формальные или смысловые компоненты.

Она может быть разбита на два раздела:

1) типология, изучающая соотношения систем смысловых связей и смысловых элементов, между которыми они устанавливаются в различных языках. Целью этой типологии является нахождение смысловых инвариантов («универсальных значений», которые передаются во всех языках) и смысловых детерминантов, отличающих языковое мышление различных народов друг от друга;

2) типология, изучающая соотношения систем формальных связей и формальных элементов, между которыми выявляются формальные связи. Целью этой типологии является изучение различных языков с точки зрения теории формальных типов, посредством которых оформляются те или иные значения.

8. Для иллюстрации сопоставим, например, тождественность смысловых структур и различие формальных структур у предложений, представленных на схеме 13 (см. схему 14).

9. Указанная теория дает возможность построить две классификационные шкалы языков:

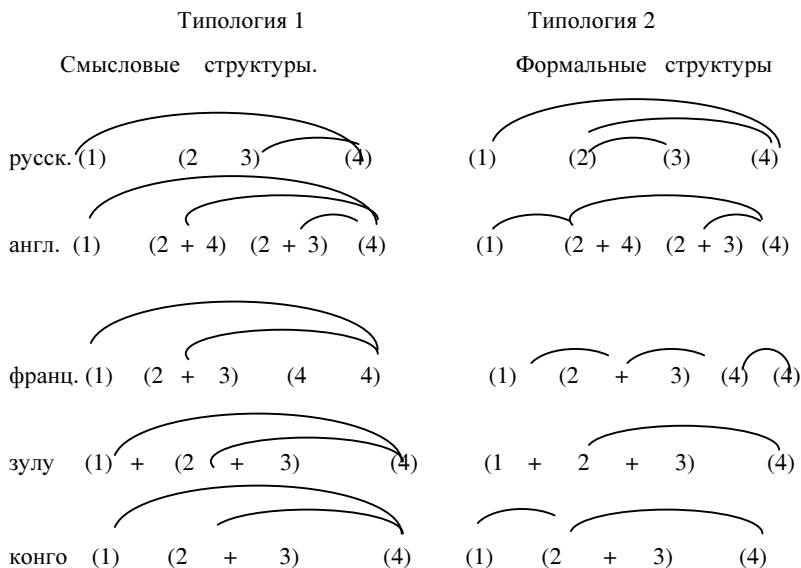
1) шкалу, регистрирующую соотношение смысловых инвариантов и детерминантов в различных языках, и

2) шкалу формальных типов, обнаруженных в каждом языке.

При регистрации типов оформления смысла представляется целесообразным тематический, а не хаотический анализ формальных типов, т. е. анализ не формальных типов вообще, но формальных

типов, являющихся выражением одного и того же смысла («универсального значения») в различных языках.

Схема 14

Если каждое универсальное значение рассматривать как функцию смысловых связей, можно составить набор универсальных значений, присущих любому языку. Выделив из этого набора какое-либо одно значение, можно затем обратиться к изучению формальных типов, посредством которых это значение выражается в каждом языке¹.

¹ Работа является одним из фрагментов моей неопубликованной монографии «Проблемы операционной грамматики». Она вошла в состав статей, напечатанных под названиями «Дуализм лингвистических знаков» (Народы Азии и Африки. 1966. № 6. С. 91–98) и «Лингвистика – ветвь семиотики» (Автоматический анализ текстов. Минск, 1976. С. 6–13).

Описание и классификация языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний

1. Допустим, мы рассматриваем некоторый искусственный язык¹, который представлен в виде бинарных цепочек слов. Каждое предложение такого языка имеет вид $A_1 + A_2$. Предположим, что слово может в тексте один раз выражать информацию о своей синтаксической функции, т. е. каждое слово можно записать в следующем виде:

$A = at$, где t – информация о синтаксической функции слова, синтаксема, a – информация о лексико-морфологическом значении слова, лексема².

Рассмотрим все логически возможные сочетания t_i и a_i в таком языке, т. е. логические возможности способов выражения синтаксической информации внутри бинарной системы. Решим вопрос о том, как может быть распределена синтаксическая информация между двумя словами, если она выражается один раз.

1. Вся информация о синтаксической функции данного слова сосредоточена в нем самом, и предложение имеет вид:

$$a_1t_1 + a_2t_2.$$

Чтобы судить о функции каждого слова, не надо обращаться к другому члену бинарной системы: его функция ясна из него самого. Внутри данной бинарной системы существуют две равноправные независимые симметричные подсистемы с синтаксической информацией, равно распределенной между ними.

2. Вся информация о синтаксических функциях данных слов (обоих) сосредоточена вне них, т. е. система представляет совокупность двух подсистем, в одной из которых содержится информация о синтаксических функциях, а в другой – информация о лексико-морфологическом значении:

$$t_1t_2 (a_1 + a_2).$$

¹ Искусственными называются языки, созданные человеком для решения каких-то прикладных задач, – например, для облегчения общения (эсперанто, идо и др.), для создания компьютерных программ (так называемые языки программирования ассемблер, ада, кобол и т. п.), для записи формул, уравнений, исчислений в логике, математике, физике, химии, биологии и других науках.

² В частном случае t или a может быть отсутствовать.

Для того чтобы судить о функциях каждого слова, достаточно посмотреть на извлеченную из него синтаксическую информацию, не обращаясь к лексемам. Внутри данной бинарной системы существуют две неравноправные независимые подсистемы с информацией, не равно распределенной между ними.

3. Вся информация о синтаксических функциях обоих слов сосредоточена внутри одного из них:

$$a_1 + a_2 t_1 t_2.$$

Чтобы судить о синтаксической функции второго слова, надо обратиться к нему самому, но о синтаксической информации первого слова ничего сказать нельзя – для этого необходимо исследовать a_2 . Назовем такое явление односторонней зависимостью (селекцией). Внутри данной бинарной системы представлены две неравноправные несимметричные подсистемы с односторонней зависимостью, при которой синтаксическая информация распределена неравномерно.

4. Аналогично: $a_1 t_1 t_2 + a_2$.

5. Возможен, наконец, и такой вариант, когда каждое слово содержит в себе только информацию о другом:

$$a_1 t_2 + a_2 t_1.$$

О функции слова можно судить, лишь обратившись к его соседу. Назовем такое явление двусторонней зависимостью (комбинацией). Внутри бинарной системы функционируют две равноправные симметричные подсистемы с двусторонней зависимостью, при которой синтаксическая информация распределяется равномерно между компонентами.

Этим перебором исчерпываются все логические возможности. О частных случаях, когда t_i или a_i равно нулю, сказано выше.

Итак, примем аксиому: любая бинарная языковая система может быть однозначно описана с помощью пяти приведенных соотношений, если синтаксическая информация о слове передается один раз.

II. Перейдем к реальным языковым системам, где каждое предложение состоит из n -слов и каждое слово может выражать синтаксическое отношение не один, а k -раз.

Предположим, что синтаксическую информацию можно выражать столько раз, сколько есть слов в предложении. Введем правило редукции, по которому $t_i \times t_i = t_i^I$. Умножив полученные пять сочетаний на t_1 и t_2 и воспользовавшись правилом редукции, получим десять соотношений, в которых реализуются все логические возможности выражения синтаксической информации внутри бинарной языковой системы:

1. $a_1 t_1 + a_2 t_2$
2. $(a_1 + a_2) t_1 t_2$
3. $a_1 + a_2 t_1 t_2$
4. $a_1 t_1 t_2 + a_2$
5. $a_1 t_2 + a_2 t_1$
6. $a_1 t_2 + a_2 t_1 t_2$
7. $a_1 t_1 t_2 + a_2 t_1$
8. $a_1 t_1 + a_2 t_1 t_2$
9. $a_1 t_1 t_2 + a_2 t_2$
10. $a_1 t_1 t_2 + a_2 t_1 t_2$

Подсистемы 6–10 избыточные в отличие от 1–5, подсистемы 6, 7 – зависимые несимметричные с неравно распределенной синтаксической информацией, подсистемы 8, 9 – независимые несимметричными, с неравно распределенной синтаксической информацией, а подсистема 10 – независимая симметричная, с информацией, равно распределенной между компонентами.

Не останавливаясь на доказательстве, приведем следующую теорему: любая языковая бинарная система может быть описана однозначно с помощью десяти указанных соотношений, причем нельзя найти ни одного добавочного соотношения, которое, не дублируя названные, описывало бы систему в соответствии со сформулированными выше требованиями.

Назовем соотношения 1–10 типами.

Любое предложение любого языка допускает описание (однозначное) в терминах 10 названных типов, если его проводить как фиксацию всех бинарных сочетаний, которые можно построить из данного предложения.

¹ Если под t_i понимать некоторый вектор, а под $t_1 \times t_2$ – векторное умножение двух векторов, можно предположить, что языковые поля, для которых определение операции векторного умножения включает равенство $t_i \times t_i = t_i$, обладают иными закономерностями, чем поля чисел.

Иллюстрации названных типов на материале русского языка:

1. 'Человек	<i>стоит в лесу'</i>	<i>'стоит'</i>	
a_1t_2	$a_2t_1t_2 \quad a_3t_3$	$a_2t_1t_2$	
2. 'Человек	<i>плохо видит'</i>	<i>'видит'</i>	} $a_2t_1t_2t_3$
a_1t_2	$a_3t_3 \quad a_2t_1t_2$	$a_2t_1t_2$	
2а. 'Человек	<i>видит дом'</i>	<i>'видит'</i>	
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3 \quad a_3t_2$	$a_2t_1t_2t_3$	
3. 'Человек	<i>разбивает вазу'</i>	<i>'разбивает'</i>	
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3 \quad a_3t_2$	$a_2t_1t_2t_3$	
4. 'Человек	<i>дошел до предела'</i>	<i>'дошел до'</i>	
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3 \quad a_3t_2$	$a_2t_1t_2t_3$	
5. 'Стакан	<i>разбил графин'</i>	<i>'разбил'</i>	
$a_1t_1t_2$	$a_2t_1t_2t_3 \quad a_3t_2t_3$	$a_2t_1t_2t_3$	
6. 'Мать	<i>видит дочь'</i>	<i>'видит'</i>	
$a_1t_1t_2$	$a_2t_1t_2t_3 \quad a_3t_2t_3$	$a_2t_1t_2t_3$	

В каждом языке можно найти словосочетания, которые соответствуют всем типам или большинству из них. Одни встречаются с большей частотностью, другие – с меньшей. Это отличает языки друг от друга.

Чтобы классифицировать языки на основании учета имеющихся в них бинарных сочетаний, надо, чтобы для сравнения, привлекались не любые части систем или не все системы целиком, а изофункциональные части. Изофункциональными будем называть такие части различных систем, которые в каждой иерархии выполняют одну и ту же функцию по отношению к другим ее частям.

Если существует процедура выделения изофункциональных подсистем, последние могут быть описаны в терминах бинарных словосочетаний.

Основываясь на материале изученных языков, примем следующую аксиому: подсистемы, которые включают предложения, соот-

ветствующие конфигурации $N_1N_2V_fN_3$, в каждом языке, изофункциональны¹.

Следовательно, к ним применимы сформулированные выше принципы описания в терминах десяти типов синтаксических отношений.

Для иллюстрации рассмотрим в каждом из интересующих нас языков по шесть бинарных сочетаний $N_1N_2V_fN_3 = N_1V_f + N_1N_2 + N_1N_3 + V_fN_2 + V_fN_3 + N_2N_3$, на которые можно разложить конфигурацию $N_1N_2V_fN_3$. Каждой паре поставим в соответствие один тип.

Предварительно введем следующее уточнение. Многие конфигурации объединяют такие виды предложений, синтаксические отношения между членами которых реализуются по-разному. Например, в зулу существует следующая синонимия выражения синтаксических отношений в конфигурации $N_1N_2V_fN_3$:

1. *Umuntu wasishayisa isalukazi ikati*

$a_1 t_1 \quad a_2 t_1 t_2 t_3 \quad a_3 t_3 \quad a_4 t_4$

'Кто-то заставил старуху ударить коша'

2. *Umuntu washayisa isalukazi ikati*

$a_1 t_1 \quad a_2 t_1 t_2 \quad a_3 t_3 \quad a_4 t_4$

'Кто-то заставил старуху ударить коша'

3. *Umuntu wamshayisa umfana ikati*

$a_1 t_1 \quad a_2 t_1 t_2 t_3 \quad a_3 t_3 \quad a_4 t_4$

'Кто-то заставил мальчика ударить коша'

Поэтому при классификации языков в зависимости от типов выражения синтаксических отношений можно принять следующие упрощения:

а) каждый язык описывается через его репрезентанта – конфигурацию $N_1N_2V_fN_3$. Этим ограничением нарушается полнота описания, добиться которой снова можно будет только после фиксации всех конфигураций языка;

¹ По-видимому, подсистемы $N_1N_2V_f$ (в отличие от $N_1N_2V_fN_3$) не будут изофункциональными.

б) поскольку в каждом языке можно статистически установить вид предложения, типичного для конфигурации, то в целях экономии описания каждая конфигурация представляется в виде одной типичной строки. Так как допускаемая погрешность примерно одинакова для всех языков, на общую картину группировки языков этот фактор должен повлиять незначительно;

в) для упрощения описания рассматриваются не шесть бинарных сочетаний, а только три, в которых участвует финитный глагол. Учитывая возможность повторения показателя синтаксического отношения в имени и в глаголе, получим матрицу из шести столбцов. В каждом столбце может быть двоякий ответ, поэтому матрица дает не более $2^6 = 64$ языковых групп. Значит, мы сможем получить классификацию языков, в которой они располагаются по 64 уровням шкалы, отражающей способы передачи синтаксической информации в бинарных словосочетаниях каждого языка. Фрагмент такой классификации¹ приводится в таблице 1.

III. В более общем виде вопрос об описании предложений в терминах бинарных словосочетаний можно представить так².

Если бы в естественных языках показатель формальной связи между X и Y представлял собой формант, который входил бы и в X и в Y , описание нужной информации можно было бы построить как регистрацию, при которой отмечался бы номер пары и показатель формальной связи между ее компонентами (в случае наличия такой) или номер пары и отсутствие показателя формальной связи (в противном случае).

Однако в естественных языках положение осложняется тремя факторами. Во-первых, показатели связи между X и Y не обязательно введены в сами X и Y . Во-вторых, показатель формальной связи, который введен в X , может быть материально не тождествен показателю той же формальной связи, который введен в Y . И, наконец, в-третьих, одна и та же формальная связь может передаваться не обязательно с помощью только двух (и именно двух) меток, свиде-

¹ Эта часть работы опубликована в виде статьи: Л. З. Сова. Опыт классификации языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний // Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965. С. 229–234 (См. также: L. Z. Sova. Versuch einer Klassifikation der Sprachen auf der Grundlage von Typen binärer Wortverbindungen // Linguistics. № 53. The Hague, 1969. S. 93–99).

² См. Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970. С. 187–190.

тельствующих о двух местах ее прикрепления. Возможны случаи, когда формальная связь передается с помощью одного форманта, двух формантов и даже с помощью количества формантов, равного количеству слов в предложении.

Таблица 1

Языки	Субъектное N_1V_f		Первое объектное V_fN_2		Второе объектное V_fN_3	
	имя	глагол	имя	глагол	имя	глагол
Адыгейский	+	+	+	+	+	+
Абазинский	+	+	+	+	+	+
Шумерский	+	+	+	+	+	+
Эскимосский	+	+	+ (-)	+	- (+)	+
Чеченский	-	+	-	+	+	+
Чукотский	-	+	-	+	+	+
Нивхский	- (+)	+	- (+)	+	-	+
Грузинский	+	+	-	+	-	+
Японский	+	+	-	+	-	+
Персидский	+	+	-	+	-	+
Таджикский	+	+	-	+	-	+
Зулу	+	- (+)	+	- (+)	-	+
Ганда	+	- (+)	+	-	-	+
Коса	-	- (+)	+ (-)	- (+)	-	+
Каранга	+	-	+ (-)	- (+)	- (+)	+ (-)
Шона	+	- (+)	- (+)	+ (-)	-	+
Ламба	+	- (+)	- (+)	+ (-)	-	+
Хауса	-	+	-	+	-	+
Турецкий	-	+	-	+	-	+
Татарский	-	+	-	+	-	+
Монгольский	-	+	-	+	-	+
Якутский	-	+	- (+)	-	-	+
Аварский	- (+)	+	+ (-)	+	-	+

Учитывая эти соображения, фиксацию нужной информации следует предварить процессом разбора указанных случаев с целью выработки методов описания, которые дают возможность охватить все случаи целиком в виде единой системы.

Любое предложение можно представить как совокупность бинарных словосочетаний (БС). Относительно каждого из них можно сказать, связаны или нет между собой его компоненты формально и

по смыслу. В качестве необходимого условия для установления формальной связи принято считать, что изменение формы одного слова влечет за собой изменение формы второго слова.

Допустим, словоформа C_1 связана со словоформой \mathcal{C}_1 формальной связью, т. е. изменение словоформы C_1 на C_2 приводит к замене \mathcal{C}_1 на \mathcal{C}_2 (и наоборот). Из этого следует, что словоформы C_1 и C_2 содержат общие части A , а также различные части a_1 и a_2 : $C_1 = Aa_1$, $C_2 = Aa_2$ (заменяя C_1 на C_2 , мы сохраняем неизменной часть A и преобразуем a_1 в a_2). Аналогично: $\mathcal{C}_1 = Bb_1$, $\mathcal{C}_2 = Bb_2$.

Рассматривая бинарное словосочетание $C + \mathcal{C}$ ($Aa + Bb$), мы принимаем в качестве критерия формальной связности его элементов некоторое соотношение между a и b ($a \supset b$, $b \supset a$): b является показателем слова C в слове \mathcal{C} , а a – показателем слова \mathcal{C} в слове C . Наличие $a\&b$ дает право говорить о связи между C и \mathcal{C} , т. е. совокупность $a\&b$ выступает в роли разрывного показателя связи (n) между элементами бинарного сочетания. Другими словами, мы предполагаем, что существует показатель связи n , который расчленен на две формы a и b и введен в каждую из словоформ.

На основании изложенных соображений попробуем построить систему, с помощью которой можно представить соотношение формальных связей и их показателей.

Пусть нам задано: C , \mathcal{C} – элементы бинарного сочетания, n – показатель связи между C и \mathcal{C} ; $C + \mathcal{C}$ – связанное бинарное словосочетание. Рассмотрим все возможные присоединения показателя n к элементам бинарного сочетания.

Предположим, что связь между C и \mathcal{C} может обозначаться посредством показателя связи n , который присоединяется к любому элементу бинарного сочетания, а также к любому элементу, внешнему по отношению к данному бинарному сочетанию – \mathcal{Z} ($B\&$). Предположим также, что n , присоединяемый к C , и n , присоединяемый к \mathcal{C} или \mathcal{Z} , – материально тождественны друг другу. Тогда реализуются следующие возможности:

1. $A_n + B_n + B_n$
2. $A_n + B + B_n$
3. $A + B_n + B_n$
4. $A + B + B_n$

В частном случае $B = 0$ или n (при $3 = 0$) = 0 (т. е. либо вся рассматриваемая совокупность ограничивается двумя элементами C и $Ц$, либо показатель связи присоединяется только к A и B). Элемент 3 может представлять собой слово (в том числе и «пустое» слово), все значение которого сводится к тому, что оно является показателем связи между C и $Ц$, т. е. $B = 0$, например, когда 3 – это таксема порядка слов.

Перечислим частные случаи [n (при $3 = 0$) = 0]:

5. $A_n + B_n$
6. $A_n + B$
7. $A + B_n$

Расширим систему, введя более общее допущение. Предположим, что показатель связи, присоединяемый к A , материально не тождествен показателю связи, присоединенному к B , т. е. показатель связи n может быть представлен как функция от двух формантов: a и b .

В этом случае связь может обозначаться посредством показателей связи, присоединяемых к любому из членов БС, а также к любому элементу, внешнему по отношению к данному БС:

1. $Aa + Bb + Vab$	11. $Aab + B + Va$	20. $Aa + Bab + Va$
2. $Aa + Bb + Ba$	12. $Aab + B + Bb$	21. $Aa + Bab + Bb$
3. $Aa + Bb + Vb$	13. $Aab + Bb + Vab$	22. $Ab + Bab + Vab$
4. $Ab + Ba + Vab$	14. $Aab + Bb + Va$	23. $Ab + Bab + Va$
5. $Ab + Ba + Va$	15. $Aab + Bb + Bb$	24. $Ab + Bab + Bb$
6. $Ab + Ba + Bb$	16. $Aab + Ba + Vab$	25. $Aab + Bab + Vab$
7. $A + Bab + Vab$	17. $Aab + Ba + Va$	26. $Aab + Bab + Va$
8. $A + Bab + Va$	18. $Aab + Ba + Bb$	27. $Aab + Bab + Bb$
9. $A + Bab + Bb$	19. $Aa + Bab + Vab$	28. $A + B + Vab$
10. $Aab + B + Vab$		

В частном случае $B = 0$ или a (при $B = 0$) = 0 и b (при $B = 0$) = 0, т. е. либо вся рассматриваемая совокупность ограничивается двумя элементами C и $Ц$, либо показатель связи присоединяется только к элементам бинарного сочетания (БС). Элемент 3 может также представлять собой слово (в том числе и «пустое» слово), все значение которого сводится к тому, что оно является показателем связи между C и $Ц$, т. е. $Va = a$, или $Vb = b$, или $Vab = ab$.

Частные случаи [a (при $B = 0$) = 0 & b (при $B = 0$) = 0]:

29. $Aa + Bb$	32. $Aab + B$	35. $Aa + Bab$
30. $Ab + Ba$	33. $Aab + Bb$	36. $Ab + Bab$
31. $A + Bab$	34. $Aab + Ba$	37. $Aab + Bab$

Назовем каждую из перечисленных возможностей формальным типом, а их совокупность – набором формальных типов.

Сформулируем утверждение: любое бинарное словосочетание любого языка может быть описано с помощью набора формальных типов, перечисленных выше (т. е. нельзя указать ни одного предложения, которое нельзя было бы записать в терминах набора формальных типов).

Проиллюстрируем регистрацию предложений в терминах набора формальных типов.

Запишем предложение '*Девушка снова замолчала*' в виде трех БС: а) '*девушка снова*', б) '*девушка замолчала*', в) '*снова замолчала*'. Отметим, что б) и в) – формально связанные БС, а а) – формально несвязанное БС. Рассмотрим БС: '*девушка (С) замолчала (Ц)*'. На связь между С и Ц указывает формант именительного падежа '-а', введенный в словоформу '*девушка*', и формант '-а' финитной формы глагола '*замолчала*': '*девушка (Аа) замолчала (Бб)*'. Материально $a = \bar{b}$, т. е. $n = a$, и мы имеем формальный тип 5 ($An + Bn$)¹.

Обратимся к его эквиваленту на языке зулу *Intombhi yabuye yathula*. Запишем его в виде трех БС: а₁) *intombhi yabuye*, б₁) *intombhi yathula*, в₁) *yabuye yathula*. Рассмотрим БС *intombhi (С) yathula (Ц)*. На связь между С и Ц указывает формант *ya-*, введенный в *yathula*: *intombhi (А), yathula (бБ)*, т. е. мы имеем формальный тип 7 ($A + Bn$).

Используя данные о способах передачи синтаксической информации в бинарных словосочетаниях каждого языка и соотнося их с перечисленными 37 типами, можно построить классификацию языков аналогично тому, как это было продемонстрировано выше для 10 типов.

¹ Очевидно, что $Bn = 0$, поскольку n (при B) = 0 в этом и следующем примере.

Versuch einer Klassifikation der Sprachen auf der Grundlage von Typen binärer Wortverbindungen¹

Gegeben sei eine künstliche Sprache in der Form binärer Wortketten. Jeder Satz einer solchen Sprache hat die Form $A_1 + A_2$. Wir setzen voraus, dass jedes Wort der Sprache einmal im Text Information über seine eigene syntaktische Funktion ausdrücken kann. Jedes Wort kann damit folgendermaßen notiert werden: $A = at$, wobei t die Information über die syntaktische Funktion des Wortes, das Syntaxem, und a die Information über die lexiko-morphologische Bedeutung des Wortes, das Lexem, ist.²

Wir betrachten alle logisch möglichen Verbindungen t_1 und a_1 in unserer Sprache, also die logischen Möglichkeiten der Mittel, syntaktische Information in einem binären System zum Ausdruck zu bringen. Wir geben, mit anderen Worten, eine Antwort auf die Frage, wie die syntaktische Information zwischen zwei Wörtern verteilt werden kann, wenn sie nur einmal ausgedrückt wird.

(1) Alle Information über die syntaktische Funktion eines gegebenen Wortes ist in dem Wort selbst konzentriert. Der Satz hat die Form:

$$a_1t_1 + a_2t_2.$$

In diesem Fall braucht man kein anderes Glied des binären Systems heranzuziehen, um die Funktion jedes einzelnen Wortes zu beurteilen: seine Funktion wird an ihm selbst deutlich. Dann haben wir im Rahmen des gegebenen binären Systems zwei gleichrangige, unabhängige und symmetrische Untersysteme mit gleichmäßig verteilter syntaktischer Information.

(2) Alle Information über die syntaktischen Funktionen (beider) gegebener Wörter ist außerhalb der Wörter konzentriert, d. h. das System ist ein Komplex aus zwei Untersystemen, deren eines die Information über die syntaktischen Funktionen, deren anderes die Information über die lexiko-morphologische Bedeutung enthält:

$$t_1t_2(a_1 + a_2).$$

Um die Funktionen jedes einzelnen Wortes zu beurteilen, ist es hin-

¹ Die Arbeit befaßt sich mit der Beschreibung vorgegebener Objekte und Klassifikationen von Sprachen auf der Basis eines Vergleichs analoger Beschreibungen.

² Als Spezialfall können t und a gleich 0 sein.

reichend, die aus ihnen extrahierte syntaktische Information zu betrachten, wobei die Lexeme vernachlässigt werden können. Hierbei bestehen im Rahmen des gegebenen binären Systems zwei nicht-gleichrangige sowie unabhängige Untersysteme mit nicht-gleichmäßig verteilter Information.

(3) Alle Information über die syntaktischen Funktionen der beiden Wörter ist in einem der Wörter konzentriert:

$$a_1 + a_2t_1t_2.$$

Um die syntaktische Funktion des zweiten Wortes zu beurteilen, muß man dieses Wort selbst betrachten, während über die syntaktische Information des ersten Wortes nichts ausgesagt werden kann; man muß dazu notwendig a_2 heranziehen. Wir nennen eine solche Erscheinung einseitige Abhängigkeit (Selektion). Dann haben wir es im Rahmen des gegebenen binären Systems mit zwei nicht-gleichrangigen, nicht-symmetrischen Untersystemen mit einseitiger Abhängigkeit zu tun, bei der die syntaktische Information nicht-gleichmäßig verteilt ist.

4. Analog: $a_1t_1t_2 + a_2$.

5. Schließlich ist noch die Variante möglich, dass jedes Wort die Information über das jeweils andere Wort enthält:

$$a_1t_2 + a_2t_1.$$

Hier kann man die Funktion jedes einzelnen Wortes nur beurteilen, nachdem man das andere Wort bestimmt hat. Wir nennen diesen Sachverhalt zweiseitige Abhängigkeit (Kombination). Im Rahmen des gegebenen binären Systems haben wir dann zwei gleichberechtigte, symmetrische Untersysteme mit zweiseitiger Abhängigkeit, bei welcher die syntaktische Information gleichmäßig auf die Komponenten verteilt ist.

Mit diesem Katalog sind alle logischen Möglichkeiten erfaßt. Auf die Sonderfälle t_1 oder $a_1 = I$ wurde oben hingewiesen.

Wir können das folgende Axiom formulieren: Ein beliebiges binäres sprachliches System kann mit Hilfe der fünf aufgeführten Beziehungen eindeutig beschrieben werden, sofern die syntaktische Information über ein Wort nur einmal übertragen wird.

Gehen wir nummehr zu realen sprachlichen Systemen über, in denen jeder Satz aus n Wörtern besteht und jedes Wort eine syntaktische Bezie-

hung nicht ein-, sondern k -mal ausdrücken kann.

Wir machen die Annahme, dass man die syntaktische Information nicht weniger oft ausdrücken kann, als es Wörter im Satz gibt. Als reinervention führen wir eine Reduktionsregel ein, nach der $t_1 \times t_1 = t_1^1$ ist.

Nach Multiplikation unserer fünf Verbindungen mit t_1 und t_2 und Anwendung der Reduktionsregel erhalten wir im ganzen zehn Beziehungen, in denen alle logischen Möglichkeiten des Ausdrucks syntaktischer Information in einem binären sprachlichen System realisiert sind:

1. $a_1 t_1 + a_2 t_2$
2. $(a_1 + a_2) t_1 t_2$
3. $a_1 + a_2 t_1 t_2$
4. $a_1 t_1 t_2 + a_2$
5. $a_1 t_2 + a_2 t_1$
6. $a_1 t_2 + a_2 t_1 t_2$
7. $a_1 t_1 t_2 + a_2 t_1$
8. $a_1 t_1 + a_2 t_1 t_2$
9. $a_1 t_1 t_2 + a_2 t_2$
10. $a_1 t_1 t_2 + a_2 t_1 t_2$

Wir nennen die Untersysteme 6–10 (zum Unterschied von 1–5) redundant. Die Untersysteme 6 und 7 sind abhängig und nicht-symmetrisch mit nicht-gleichmäßig verteilter syntaktischer Information; die Untersysteme 8 und 9 unabhängig und nicht-symmetrisch mit nicht-gleichmäßig verteilter syntaktischer Information; das Untersystem 10 schließlich ist unabhängig und symmetrisch mit gleichmäßig auf die Komponenten verteilter Information.

Ohne hier einen Beweis geben zu können, führen wir das folgende Theorem ein: Ein beliebiges binäres sprachliches System kann mit Hilfe

¹ Wenn man t_1 als Vektor und $t_1 \times t_1$ als vektorielles Produkt zweier Vektoren auffaßt, dann kann man sagen, dass sprachliche Felder (für die eine Definition der vektoriiellen Produktbildung als Operation die Gleichung $t_1 \times t_1 = t_1$, einschließt) anderen Gesetzmäßigkeiten unterliegen als Zahlenfelder.

der angeführten zehn Beziehungen eindeutig beschrieben werden. Es ist dabei unmöglich, auch nur eine zusätzliche Beziehung zu finden, die das System gemäss den oben formulierten Postulaten beschreiben würde, ohne ein Duplikat von einer der angeführten Beziehungen zu sein.

Die Beziehungen 1–10 heißen Typen.

Derart läßt ein beliebiger Satz einer beliebigen Sprache eine (eindeutige) Beschreibung in terminis der 10 Typen zu. Die Beschreibung wird auf alle binären Verbindungen angewendet, die aus einem gegebenen Satz konstruiert werden können.

Illustration der Typen am Beispiel des Russischen:

1. <i>Čelovek</i>	<i>stoit</i>	<i>v lesu</i>	<i>stoit</i> 'steht'
a_1t_2	$a_2t_1t_2$	a_3t_3	$a_2t_1t_2$
'(Der) Mensch steht im Wald'			
2. <i>Čelovek</i>	<i>ploxo</i>	<i>vidit</i>	} <i>vidit</i> 'sieht'
a_1t_2	a_3t_3	$a_2t_1t_2$	
'(Der) Mensch sieht schlecht'			
2a. <i>Čelovek</i>	<i>vidit</i>	<i>dom</i>	} <i>vidit</i> 'sieht'
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3$	a_3t_2	
'(Der) Mensch sieht (das) Hans'			
3. <i>Čelovek</i>	<i>razbivaet</i>	<i>vazu</i>	<i>razbivaet</i> 'zerschlagt'
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3$	a_3t_3	$a_2t_1t_2t_3$
'(Der) Mensch zerschlägt (die) Vase'			
4. <i>Čelovek</i>	<i>došel do</i>	<i>–predela</i>	<i>došel –do</i> 'ging –bis'
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3$	a_3t_2	$a_2t_1t_2t_3$
'(Der) Mensch ging bis zu (der) Grenze'			
5. <i>Stakan</i>	<i>razbil</i>	<i>grafin</i>	<i>razbil</i> 'zerschlug'
$a_1t_1t_2$	$a_2t_1t_2t_3$	$a_3t_2t_3$	$a_2t_1t_2t_3$
'(Das) Glas zerschlug (die) Karaffe'			
6. <i>Mat'</i>	<i>vidit</i>	<i>doč'</i>	<i>vidit</i> 'sieht'
$a_1t_1t_2$	$a_2t_1t_2t_3$	$a_3t_2t_3$	$a_2t_1t_2t_3$
'(Die) Mutter sieht (die) Tochter'.			

Es liegt auf der Hand, dass man in jeder Sprache Wortverbindungen finden kann, die allen oder vielen der zehn Typen entsprechen. Einige davon findet man jedoch in einer bestimmten Sprache mit größerer, andere mit geringerer Häufigkeit, und die Sprachen unterscheiden sich in dieser Hinsicht. Um nach einem solchen Prinzip Sprachen klassifizieren zu können, darf man nicht beliebige Teile der Systeme oder alle Systeme

im ganzen, sondern muß isofunktionelle Teile verschiedener sprachlicher Systeme zum Vergleich heranziehen. Isofunktionell werden wir Teile verschiedener Systeme nennen, die in jedem der Systeme im Verhältnis zu anderen Systemteilen ein und dieselbe Funktion erfüllen. Wenn mithin eine Prozedur der Ausgliederung isofunktioneller Untersysteme existiert, können letztere auf die angegebene Weise beschrieben werden. Auf dem Hintergrund des Materials untersuchter Sprachen können wir folgendes Axiom aufstellen: Untersysteme, die einer Konfiguration $N_1N_2VfN_3$ entsprechende Sätze umfassen, sind in jeder Sprache isofunktionell.¹

Folglich sind die oben formulierten Prinzipien einer Beschreibung in terminis der zehn Typen syntaktischer Beziehungen auf sie anwendbar.

Entsprechend unseren früheren Darlegungen werden in allen Sprachen jeweils sechs binäre Verbindungen zu betrachten sein – $N_1N_2VfN_3 = N_1Vf + N_1N_2 + N_1N_3 + VfN_2 + VfN_3 + N_2N_3$ – in welche man die Konfiguration zerlegen kann. Jedem Paar entspricht ein Typ. Aber zweifellos vereinigt auch eine einzelne Konfiguration Arten von Sätzen zwischen deren Gliedern die syntaktischen Beziehungen auf verschiedene Art realisiert werden. Beispiel (Zulu):

Umuntu wasishayisa isalukazi ikati
 $a_1 \quad a_2t_1t_2t_3 \quad a_3 \quad a_4t_4$

'Jemand veranlaßte die Greisin, die Katze zu schlagen'

Umuntu washayisa isalukazi ikati
 $a_1 \quad a_2t_1t_2 \quad a_3t_3 \quad a_4t_4$

'Jemand veranlaßte die Greisin, die Katze zu schlagen'

Umuntu wamsshayisa umfana ikati
 $a_1t_1 \quad a_2t_1t_2t_3 \quad a_3t_3 \quad a_4t_4$

'Jemand veranlaßte den Jungen, die Katze zu schlagen'

$a_1 \quad a_2t_1t_2t_3 \quad a_3t_3 \quad a_4t_4$

$a_1 \quad a_2t_1t_2 \quad a_3t_3 \quad a_4t_4$

$a_1t_1 \quad a_2t_1t_2t_3 \quad a_3t_3 \quad a_4t_4$

Es gibt also kein einzelnes Mittel der Kundgabe syntaktischer Information in einer gleichen Konfiguration, sondern eine Synonymie der Ausdrucksmittel. So hat die Notierung eines einzelnen Satzes einer gegebenen Sprache die Form:

¹ Augenscheinlich werden die Untersysteme N_1N_2Vf (zum Unterschied von $N_1N_2VfN_3$) nicht isofunktionell sein.

3	2	1	4	1	1
---	---	---	---	---	---

wobei in jedem Kästchen die Nummer des Typs steht, der der gegebenen binären Wortverbindung entspricht. Notierung der Konfiguration:

1	3	2	1	4	1	1
2	3	1	1	1	1	1
3	8	1	1	9	1	1
....						
....						
S						

S ist die Anzahl der Satzarten (s. oben), die in der gegebenen Konfiguration vereinigt sind.

Wir stellen eine Reihe von Vereinfachungen zusammen, die bei der Klassifikation der Sprachen nach Typen des Ausdrucks syntaktischer Beziehungen gemacht wurden:

(a) Jede Sprache läßt sich durch ihren Repräsentanten, die Konfiguration $N_1V_fN_2N_3$, beschreiben. Dadurch wird die Fülle der Deskription geschmälert, die erst wiedererlangt werden kann, wenn alle Konfigurationen der Sprache erfaßt sind.

(b) Da sich in jeder Sprache die für eine Konfiguration typische Satzart statistisch feststellen läßt, wird jede Konfiguration aus Ökonomiegründen durch eine einzige typische Zeile dargestellt. Indem der zugelassene Fehler für alle Spracher annähernd gleich ist, wirkt sich dieser Faktor im allgemeinen Bild von der Gruppierung der Sprachen nicht wesentlich aus.

(c) Zur Vereinfachung der Beschreibung werden nicht alle sechs binären Verbindungen betrachtet, sondern nur die drei, in denen das Verb vorkommt. Berücksichtigt man die Möglichkeit einer Wiederholung des Indikators der syntaktischen Beziehung im Nomen und Verb, so erhält man eine Matrix aus sechs Spalten. Da jede Spalte eine Alternative darstellt, ergibt die Matrix nicht mehr als $2^6 = 64$ Sprachgruppen: wir erhalten eine Klassifikation der Sprachen, in deren Rahmen sich alle Sprachen auf 64 Stufen der in der beschriebenen Weise gewonnenen Skala verteilen.

Sprachen	Subjektiv $N_f V_f$		Erstes Objektiv $V_f N_2$		Zweites Objektiv $V_f N_3$	
	Nomen	Verb	Nomen	Verb	Nomen	Verb
Adygisch	+	+	+	+	+	+
Abasinisch	+	+	+	+	+	+
Sumerisch	+	+	+	+	+	+
Eskimo	+	+	+(-)	+	-(+)	+
Tschetschenisch	-	+	-	+	+	+
Tschuktschisch	-	+	-	+	+	+
Niwuchisch (Giljakisch)	-(+)	+	-(+)	+	-	+
Grusinisch	+	+	-	+	-	+
Japanisch	+	+	-	+	-	+
Persisch	+	+	-	+	-	+
Tadschikisch	+	+	-	+	-	+
Zulu	+	-(+)	+	-(+)	-	+
Ganda	+	-(+)	+	-	-	+
Kosa	+	-(+)	+(-)	-(+)	-	+
Karanga	+	-	+(-)	-(+)	-(+)	+(-)
Schona	+	-(+)	-(+)	+(-)	-	+
Lamba	+	-(+)	-(+)	+(-)	-	+
Hausa	-	+	-	+	-	+
Türkisch	-	+	-	+	-	+
Tatarisch	-	+	-	+	-	+
Mongolisch	-	+	-	+	-	+
Jakutisch	-	+	-(+)	+	-	+
Avarisch	-(+)	+	+(-)	+	-	+

Aus dem Russischen von Brigitte Richter.¹

¹ Linguistics. 1969. № 53. P. 93–99.

Typology and semiotics

1. It has long been known that any particular word has both a form and a meaning. It was F. de Saussure who turned this commonly observed empirical fact into an illustration of a principle, universal in nature. He formulated this principle to be a postulate on the nature of the word as sign and the possibility of looking at it in two ways: as signified and signifier. F. de Saussure laid down one more principle: each word is an element of a system. It is language that makes up this system. Each element of a system (language element) possesses a certain value, a characteristic feature which defines the role (i. e. place and function) the word plays with regard to other elements in the system. Treatment of the word as a linguistic element and its inclusion in the set of other linguistic elements permits to generalise a method for the study and description of other elements of the system.

L. Hjelmslev made the next step. He pointed out that signs (formal – meaning entities) are composed of figures (unilateral units of the expression plane or the content plane). Every linguistic element can manifest itself either as a sign (formal – meaning entity) or as a figure (unilateral unit), belonging either to the plane of expression or to that of content. This gave rise to the question of the practical application of the theory. If an object is to be viewed as a linguistic element, it must be either a sign or a figure, according to Saussure – Hjelmslev's postulates and their implications. So we are faced with the problem of what kind of objects may be treated as linguistic elements, i. e. what of the actually existing linguistic phenomena can be interpreted as signs and figures.

It is obvious that words, morphemes or sentences may be interpreted as signs. A lot has been said about the relationship between the signified and the signifier in these cases. But Saussure – Hjelmslev's postulates on the sign nature of linguistic objects for a long time have not been applied to the field of 'pure relationships' (connections, structures, functions). To apply these postulates on the sign nature of linguistic objects to syntactic connections and structures, we must uncover in syntax the formal and meaning connections and structures. The formal connection serves as the signifier of a certain meaning connection and the meaning connection does as the signified of a certain formal connection. These two components make up a formal – meaning element (sign) which is the unity of both the signified and the signifier.

For example, the predicative connection between the subject and the predicate fixed in traditional syntax might be regarded as the sign where the agentive semantic connection is its signified and the formal connection of agreement is its signifier. Tesnière's anaphoric connections can be interpreted as the signified (the signifier of these connections is the registration of transformations by means of which they are explicated). If we take agreement, government, adjoining, and the taxeme of the word order as connections on the expression level (regardless of word meaning), they can manifest themselves as signifiers contrary to anaphoric semantic connections.

2. The extension of Saussure – Hjelmslev's postulates to the whole body of linguistic elements brings forth the problem of the universality of these postulates: relative either to the universal essence of the *objects* in question or to the universal regularities of the research *methodology*. The former presupposes that all the linguistic elements (independently of the method of investigation) are of bilateral (sign) nature. Accordingly, any description where the nature of linguistic objects is represented in any other way must be viewed as inadequate.

In the second case it would presuppose to go from epistemological problems to those of methodological character and to describe *laterality* as something that a linguist contributes to the object under investigation and not as something given by the object. The second approach permits a natural experiment in the process of which one and the same linguistic element can manifest itself now as a monad, now as a diad, now as a triad, etc., – if that should be necessary in order to reveal its intrinsic characteristics. An experiment of this type may serve as a means of penetrating into the nature of the object, since epistemological problems cannot be solved *ad hoc*, but only on the basis of the linguistic material and technique applied in the process. Apparently this also holds true for the other branches of semiotics, indeed, for semiotics as a whole.

Similarly, Saussure's postulate of the signified and the signifier as *components* of linguistic units leads to the postulate of a *method* by means of which we form a *representation* of these units. The relativity of this idea, its dependence not on the properties of the object under study but on the characteristics of the subject, i. e. on the particularities of the researcher's technique, is evident.

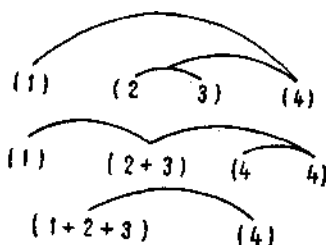
Thus, there is no question of whether linguistic elements are signs but only of which *characteristics* of the language units will be revealed if these components are viewed as signs. The representation of linguistic units as signs becomes a useful tool for their cognition as well as for their description. Accordingly, we shall be able to speak of the sign (semiotic) method of the representation of language instead of its sign nature. And only with the results, provided by this approach, we shall be able to state that the objects obtained during our procedures have a sign nature.

Comparing these objects with those given in particular languages, we can formulate questions about similarities and differences between the two kinds of objects and examine the nature of the phenomena under study through these tests. This investigation could result in a new conceptual apparatus based upon the description of the procedures and the operations, which serve to represent linguistic elements in the different approaches.

3. Let us apply the theory described above to research in typology. In works, devoted to the syntagmatic relations, the syntactic structure is usually treated as a set of connections between words, where every word is a single unit which cannot be represented as a sum of word – form and word – meaning.

According to this tradition, the syntactic structures of the Russian sentence 1. Я(1) только(2) что(3) пришел(4), its French 3. Je(1) viens(2+3) d'(4) arriver (4) and Zulu 3. Ngisanda (1+2+3) ukufika (4) equivalents may be represented as follows:

Diagram 1

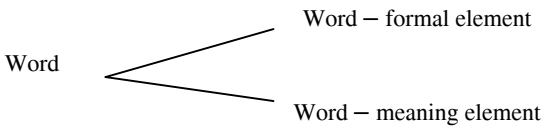

But to formulate a thesis about linguistics as a branch of semiotics is to consider a set of language units as a sign system with each member of

the set being a sign or a figure. So, assuming a set of words is such a set, we should postulate that any word in the set is a sign, i. e. a two-sided element consisting of a formal component and a meaningful component.

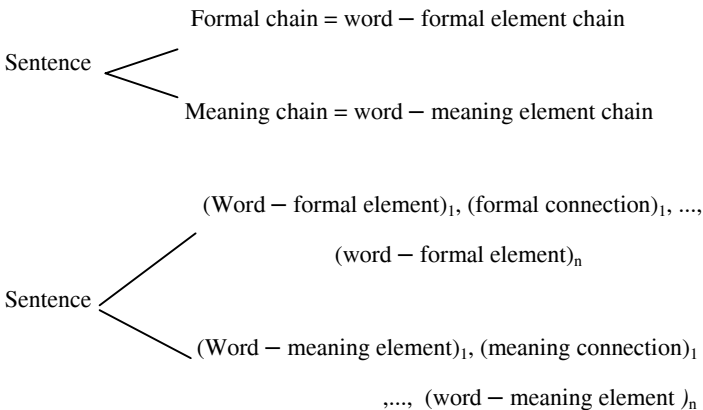
Accordingly, let us choose a sentence having the role of a larger unit. Let us postulate that it is a syntagmatic chain of elementary units mentioned above, i. e. a chain of two-sided elements connected syntactically: sentence = word₁, connection₁, word₂, connection₂, ..., word_i, connection_i. Let us suppose that a syntagmatic chain consists of elements with a structure of the same type, i. e. that the component 'connection' has the same structure as the component 'word'.

Diagram 2

Then the component 'connection' should be treated also as a sign (a two-sided element), consisting of a formal component and a meaningful component. On the basis of these assumptions any sentence may also be represented as a sign: one of its aspects is a meaning chain (a chain of word – meaning elements) and another is a formal chain (a chain of word – formal elements):

Diagram 3

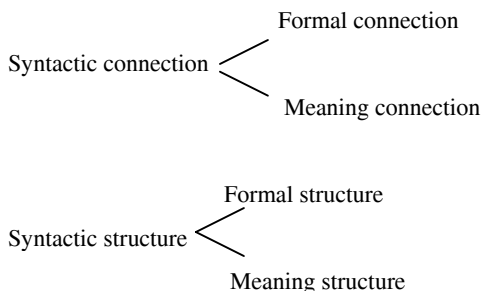

It follows that the syntactic connection may be described as the synthesis of two components, i. e. the formal and the meaning connections

(the formal connection being by definition a connection between two word – formal elements, the meaning connection being a connection between two word – meaning elements).

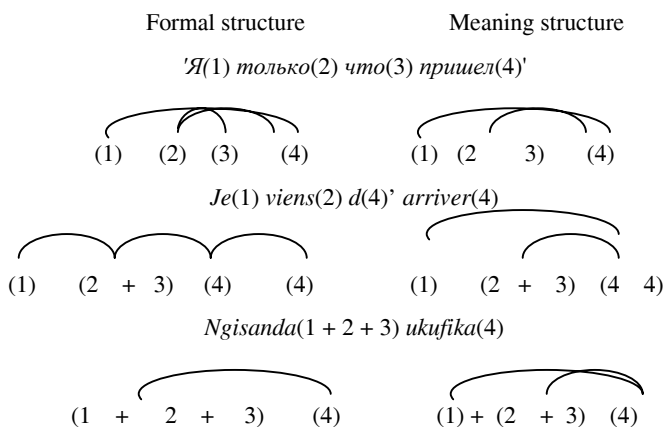
The syntactic structure of a sentence may be represented as the synthesis of two structures, i. e. the formal and the meaning structures (the formal structure being a set of the formal connections, and the meaning structure being a set of the meaning connections). So, the syntactic connection and the syntactic structure are:

Diagram 4

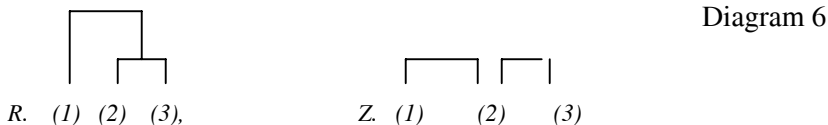
For the sentences given above the formal and the meaning structures are as follows:

Diagram 5

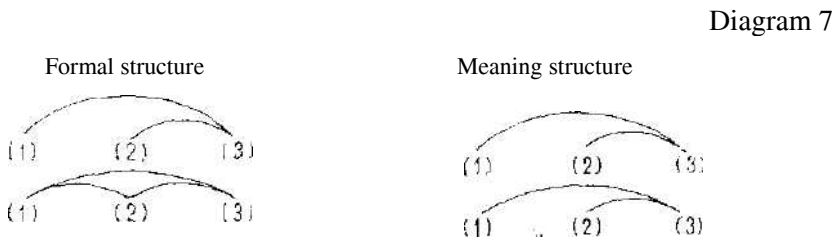

4. Let us consider the next example. In works devoted to the syntagmatic relations, the syntactic structure is usually treated as a set of connections between words where every word is a single unit, which cannot

be represented as a sum of word – form and word – meaning. According to this tradition, the syntactic structure of the Russian sentence (R) – 'Девушка (1) снова (2) замолчала (3)' and its Zulu equivalent (Z) – *Intombi (1) yabuye (2) yathula (3)* may be represented as follows:

For the sentences given above the formal- and the meaning-structures are as follows:

Here we find the meaning connections only when there are some semantic relations between the words. And we speak about formal connections when there is interdependence of word – forms or when they are implicit.

Thus in the Russian sentence the word – form 'девушка' agrees with 'замолчала' in number and case (here we cannot use 'девушки' instead of 'девушка' without changing the word – form 'замолчала', and vice versa). The word – form 'снова' has no connection with the word – form 'девушка'; all changes of the word – form 'девушка' do not affect the word – form 'снова'. But if we take an empty word – form instead of 'замолчала', then the word – form 'снова' would be excluded. For this reason we say that there exists a formal connection between the word – forms 'снова' and 'замолчала'.

In Zulu sentence the word – forms *yabuye* and *yathula* depend on the word – form *intombi*; here the subject concord *ya-* (the *intombi* class) is incorporated into verbs *buye* and *thula*. The forms *buye* and *thula* depend on each other, so that we cannot use the form *yabuye* without *yathula*. The choice of the form *yabuye* is caused by the form *yathula*.

5. Thus any sentence may be apparently represented as a binary combination of word components, each of which being connected in regard to form and meaning. Accordingly we have postulated the formal connection to be a connection type when the change of one word is followed by the change of another. Let us consider this condition more closely.

Let us assume that the word – form \mathcal{A} is formally connected with the word – form \mathcal{B} , or the change of \mathcal{A} into \mathcal{A}' is followed by the change of \mathcal{B} into \mathcal{B}' and vice versa. Studying the examples mentioned above we find out that the word – forms \mathcal{A} and \mathcal{A}' both contain the element A , while a_1 and a_2 are their different parts: $\mathcal{A} = Aa_1$; $\mathcal{A}' = Aa_2$. The same holds for $\mathcal{B} = Bb_1$ and $\mathcal{B}' = Bb_2$.

In binary word – combination $\mathcal{A} + \mathcal{B}$ ($Aa + Bb$) we take as the connection criterion a certain relation between a and b ($a \supset b$, $b \supset a$); b being an \mathcal{A} -word marker in the \mathcal{B} -word and a being a \mathcal{B} -word marker in the \mathcal{A} -word. In other words the a & b use for indicating a certain relation between \mathcal{A} and \mathcal{B} , or we may call the a & b a discrete marker of the connection between the binary word combination elements: this discrete connection element exists in two forms a & b , each being incorporated into every word – form.

Thus we produce the following formal theory. We have, \mathcal{A} , \mathcal{B} - the elements of the binary word combination (BC), r – connection marker of \mathcal{A} and \mathcal{B} , $\mathcal{A} + \mathcal{B}$ – binary word combination. Let us consider all the combination cases of the r – marker and BC-elements.

Let us assume that the connection of \mathcal{A} and \mathcal{B} is designated by the r – marker added to any BC-element and also to any element C , not included into BC. Let us assume, that r added to \mathcal{A} and r added to \mathcal{B} or C – are identical. The cases that we shall have to deal with are: 1) $Ar + Br + Cr$, 2) $Ar + B + Cr$, 3) $A + Br + Cr$, 4) $A + B + Cr$.

In the special case of $C = 0$ or r (if $(C = 0) = 0$), i. e. when the set combination is represented by \mathcal{A} and \mathcal{B} only, or the marker is added to A and B only. The C -element here may be a word (including an empty word) with only a connective function of \mathcal{A} and \mathcal{B} , for example, $C = 0$ when C is a word-order taxeme.

The special cases are as follows : 5) $Ar + Br + r$, 6) $Ar + B + r$, 7) $A + Br + r$, 8) $A + B + r$, 9) $Ar + Br$, 10) $Ar + B$, 11) $A + Br$.

6. Let us give a more abstract summation of our theory. Let us assume that the connection marker added to A is not the same as the one added to B (in other words, the r – marker may be represented as a function of two factors, a and b). What are the cases that we shall have to deal with?

The connection is evidently to be designated by the markers added to any BC element and to any not included element as well. Then:

1. $Aa + Bb + Cab$	15. $Aab + Bb + C$
2. $Aa + Bb + Ca$	16. $Aab + Ba + Cab$
3. $Aa + Bb + Cb$	17. $Aab + Ba + Ca$
4. $Ab + Ba + Cab$	18. $Aab + Ba + Cb$
5. $Ab + Ba + Ca$	19. $Aa + Bab + Cab$
6. $Ab + Ba + Cb$	20. $Aa + Bab + Ca$
7. $A + Bab + Cab$	21. $Aa + Bab + Cb$
8. $A + Bab + Ca$	22. $Ab + Bab + Cab$
9. $A + Bab + Cb$	23. $Ab + Bab + Ca$
10. $Aab + B + Cab$	24. $Ab + Bab + Cb$
11. $Aab + B + Ca$	25. $Aab + Bab + Cab$
12. $Aab + B + Cb$	26. $Aab + Bab + Ca$
13. $Aab + Bb + Cab$	27. $Aab + Bab + Cb$
14. $Aab + Bb + Ca$	28. $A + B + Cab$

When $C = 0$ or a (for C) = 0 and b (for C) = 0, all the set is confined to only two elements, or the marker is added to the BC elements only. C may be a word (or an empty word) to serve as a connective for \mathcal{A} and \mathcal{B} , i. e. $Ca = a$, $Cb = b$ and $Cab = ab$.

The special cases here (if a (for C) = 0 and b (for C) = 0) are: 29) $Aa + Bb$, 30) $Ab + Ba$, 31) $A + Bab$, 32) $Aab + B$, 33) $Aab + Bb$, 34) $Aab + Ba$, 35) $Aa + Bab$, 36) $Ab + Bab$, 37) $Aab + Bab$.

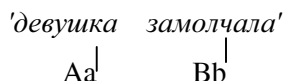
7. We sign each of the cases mentioned above as a formal type, and their combination as a set of formal types. Now the statement will run as

follows: any binary word formation of any language may be described with the set of formal types given above. There is no sentence, which cannot be described in terms of the set of formal types.

8. Here is a case in point.

Let us write the sentence '*девушка снова замолчала*' as three BC: a) '*девушка снова*', b) '*девушка замолчала*', c) '*снова замолчала*'. Here b) and c) are connected BC's and a) is a non-connected BC. For the BC, '*девушка (A) замолчала (B)*', the connection of A and B is shown by the nominal case ending '-a' and the ending of the verb form '*замолчала*' also '-a':

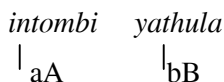
Diagram 8

Here $a = b$, i. e. b is equal to a , and the formal type is № 9 (cf. the special cases)¹.

The sentence *Intombi yabuye yathula* may be written as three BC: a₁) *intombi yabuye*, b₁) *intombi yathula*, c₁) *yabuye yathula*. Let us take BC *intombi (A) yathula (B)*. The connection of A and B is designated by *ya-* in *yathula* and *in-* in *intombi*:

Diagram 9

or here the formal type is № 1-3 ($Cr = 0$ because r (of C) = 0).

9. A comparison of the syntactic analysis of the same sentence in different languages, depicted by the traditional and the dualistic diagrams (i.e. Diagrams 1 and 5), makes conclude that the typology of syntagmatic relations as the theory of language invariants and specifiers is impossible within the framework of a non-dualistic approach.

Diagram 5 explicates the meaning invariant (cf. the meaning structures of the sentences in Diagram 5) and the formal specifiers (cf. the

¹ It is obvious that $Cr = 0$ because r (of C) = 0.

formal structures of the sentences in Diagram 5), while Diagram 1 does not.

On the contrary, the syntagmatic relations' typology is quite a real thing if it described in form – meaning terms according to the representation of the linguistic elements as the synthesis of the signified and the signifier.

This typology may be subdivided into two branches:

1) the typology studying the systems of the meaning connections and meaning elements in different languages (its aim is the meaning invariants and the meaning specificators which characterise the language thought of different peoples),

2) The typology studying the systems of formal connections and formal elements. The aim of this typology is the formal means to express the same meaning in different languages.

10. The theory allows us to postulate the following classification system of languages:

1) the first classification scale, for the registration of meaning invariants and specific features of any language;

2) the second one, for the registration, of formal types. It is recommended to pay more attention to the analysis of formal types expressing identical meaning in different languages (or the meaning invariants).

So, if the universal meaning is the function of meaning – connections, then we can compile a set of universal semantic relations for any language. Having picked out any given language, we may start studying the formal types expressed in that language¹.

¹It's the summary of my report at the X-th International Congress of Linguists (Typology and semiotics // Actes du X-e Congrès International des Linguistes. Bucarest, 28 Aout – 2 Septembre 1967. V. 3. Bucarest, 1970. P. 557–563) and of my article: Linguistics as a branch of semiotics// A semiotic landscape. Ed. by S. Chatman, U. Eco, J.-M. Klinkenberg. Approaches to Semiotics 29. The Hague. P. 407–411. Some fragments of the report were discussed at the conference on typology of oriental languages (Moscow, 1961) and at the conference on areal and universal features of languages (Moscow, 1966). Its general suggestions were published as a separate article: The dualistic character of linguistic signs // Narody Azii i Afriki. Moscow, 1966. N. 6.

Границы и возможности типологии

1. «Что могут дать типологические исследования сравнительно-историческому языкознанию?» – спросил на VIII-ом Международном лингвистическом конгрессе Р. Якобсон¹. Десять лет спустя Г. Бирнбаум этот вопрос переформулировал так: «Что может генетическая лингвистика как составная часть типологической лингвистики дать для более полного и лучшего понимания лингвистической типологии в целом?»².

Г. А. Климов в связи с той же проблемой пишет: «... методика ... и ... вся проблематика генетического языкознания ... отчетливо обособляется от методики и проблематики как типологических, в частности сравнительно-типологических, так и ареальных исследований. Если генетические штудии имеют дело с языковым родством, то типологические связаны с изоморфизмом, а ареальные – со сродством языков. Им соответствует три принципиально различных типа лингвистического объяснения – генетическое, типологическое и ареальное (на этом основании трудно согласиться с точкой зрения, согласно которой сравнительно-генетическое исследование может быть представлено как некоторый предельный случай типологического)»³.

И, наконец, дадим слово А. Рона–Таш: «...типология и историческая лингвистика – это два аспекта одной и той же науки, имеющие один и тот же объект и один и тот же метод»⁴.

Итак, налицо четыре разных мнения по одному и тому же вопросу⁵. На первый взгляд, кажется, что на основании суждений Р. Якобсона и Г. Бирнбаума можно сформулировать дилемму: гене-

¹ Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.

² H. Birnbaum. Problems of Typological and Genetic Linguistics Viewed in a Generative Framework. The Hague, 1970. P. 62.

³ Г. А. Климов. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Ленинград, 1971. С. 7.

⁴ A. Róna-Tas. Historical Linguistics, Linguistic Typology, Linguistic Relationship // Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages. Budapest, 1970. P. 149.

⁵ Конечно, если термины *генетическая*, *историческая* и *сравнительно-историческая* лингвистики считать синонимами. Так эти термины в работе и употребляются.

тическая лингвистика – часть типологии или, наоборот, типология – часть генетической лингвистики. Но Г. А. Климов как бы снимает проблему выбора обобщающим *tertium datur*: генетическая лингвистика и типология – это две самостоятельных, обособленных друг от друга дисциплины, а А. Рона–Таш опровергает и это решение.

Возникает вопрос: кто из исследователей прав – как соотносятся генетическая лингвистика и типология? Естественно предположить, что различие в мнениях относительно соотношения обеих лингвистик вызвано различиями в определениях этих дисциплин, а это обусловлено тем, как понимаются цели, задачи и объект каждой науки. Посмотрим, какое понимание объекта лингвистики может объяснить различие в точках зрения у цитированных выше авторов.

2. Начнем с дихотомии *план содержания – план выражения*, в соответствии с которой объект языкознания (все языковые единицы) можно разбить на два класса: единицы плана содержания и единицы плана выражения. Выясним, релевантна ли эта дихотомия для противопоставления генетической лингвистики и типологии, а также занимается ли каждая лингвистика своим классом единиц или обе они имеют один и тот же (с точки зрения данной дихотомии) общий объект.

В работе «Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства» А. И. Смирницкий¹ писал, что при сравнительно-исторических исследованиях мы имеем дело не с языковыми формами как таковыми, а с формами, которые соотносятся с определенным значением. Иначе говоря, при генетических исследованиях учитываются оба плана – план содержания и план выражения, а также корреляция между ними.

Другой лингвист, М. Гасри, подробно останавливаясь на методике компаративных исследований, которые проводил он сам для установления праформ языков банту и которые не отличаются по методике от исследований других лингвистов, работающих в области компаративистики, отмечал, что существуют три возможности при составлении серий соответствий, необходимых для выводов о языковом родстве:

¹ А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955. С. 25.

1. исходить из формы сравниваемых элементов; в этом случае можно получить, например, такую серию форм в языках банту:

яо	<i>-pet-</i>	<i>веять</i>
бемба	<i>-pet-</i>	<i>связывать</i>
лози	<i>-pet-</i>	<i>достигать</i>
зезуру	<i>-pet-</i>	<i>платить налог</i>

2. исходить из значения сравниваемых элементов; тогда серия будет, например, такой:

яо	<i>-pet-</i>	<i>веять</i>
макуа	<i>-vet-</i>	<i>веять</i>
бемба	<i>-el-</i>	<i>веять</i>

3. исходить из корреляции формы и значения у сравниваемых элементов; одной из серий, которые при этом можно получить, является, например, серия:

	<i>быть потушенным</i>	<i>хоронить</i>
бемба	<i>-jim-</i>	<i>-jiik-</i>
суахили	<i>-zim-</i>	<i>-ziik</i>
мфину	<i>-dim-</i>	<i>-dijux</i>

Только в последнем случае, отмечает М. Гасри формируются те факты, на основании которых можно реконструировать формы пра-банту и описать законы перехода от них к формам современных языков (см., например, закон соответствия \int (бемба) – z (суахили) – d (мфину))¹. При компаративных исследованиях того типа, о которых пишет М. Гасри, следует изучать корреляцию плана содержания и плана выражения при тождестве содержания и такой вариации выражения, для которой можно установить одну и ту же функцию плана выражения (например, закон перехода $\int \rightarrow z \rightarrow d$).

В сравнительно-исторических исследованиях может быть представлен и другой случай. Если речь идет о поиске этимонов, объектом исследования является корреляция плана содержания и плана выражения при тождестве выражения и такой вариации содержания, для которой можно зафиксировать одну и ту же функцию плана содержания. Этой функцией является этимон, сохраняющийся во всех словах, из внутренних форм которых он извлекается.

¹ M. Guthrie. Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Gregg International publications. Gregg Press Ltd, Westmead. V. 1–4. 1967–1971.

Поэтому можно сказать, что при сравнительно-исторических исследованиях фигурируют корреляции трех типов:

1. соотношение плана содержания и плана выражения при тождестве содержания и различии выражения;
2. соотношение плана содержания и плана выражения при тождестве выражения и различии содержания;
3. соотношение плана содержания и плана выражения при тождестве и содержания и выражения.

Аналогично обстоит дело и при типологических исследованиях. Анализ различных видов типологических исследований, показывает, что в них решаются задачи двух типов:

1) каковы способы выражения некоторой функции плана содержания в разных языках (например, какими средствами оформляется в разных языках категория времени или пространства¹),

2) какие значения передает один и тот же тип техники. Например, если аффикс выражает одно значение, его рассматривают как средство агглютинирующей техники². Если он выражает много значений, он попадает в инвентарь фузионной техники, и языки затем классифицируются в зависимости от того, являются они агглютинативными или фузионными.

При решении задач первого типа устанавливается корреляция плана содержания и плана выражения при тождестве содержания и вариации выражения. При решении задач второго типа вызывает интерес иная корреляция, – учет тождества плана выражения и вариации плана содержания.

И генетическую и типологическую лингвистику в равной мере интересуют корреляции тождеств и различий планов содержания и

¹ См., например: G. Guillaume. Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. Paris, 1929. Б. Л. Уорф. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. Д. А. Ольдерогге. Определение времени и пространства в языках банту // Памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, и др.

² Ср.: «... однозначное отношение, между модулями и ключами модулей необязательно (термин „модуль" употребляется по отношению к значению модулирующей категории, а термин „ключ модуля" – для обозначения формы выражения грамматической категории, – прим. переводчика). Если имеется очень высокая степень такого однозначного соответствия, язык часто красочно, но не слишком научно называют „агглютинативным"». Б. Л. Уорф. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 54–55.

выражения. С точки зрения дихотомии *план содержания* – *план выражения* обе науки имеют одинаковый объект. По этому параметру обе лингвистики не отличаются друг от друга.

3. Не противопоставлены они и в отношении дихотомии *форма* – *субстанция*.

И при типологических, и при генетических исследованиях проводятся следующие операции. Выбирается несколько языковых элементов и производится их сравнение. В результате выделяется нечто общее, присущее всем сравниваемым элементам, и нечто различное, отличающее их друг от друга. Наличие одного и того же у двух различных элементов позволяет рассматривать их не изолированно, каждый сам по себе, а по отношению к основанию сравнения.

Это общее выступает как некоторая субстанция, существующая в форме каждого из элементов. Элементы отличаются друг от друга, – общее существует в различной форме. Поэтому различия элементов, если эти элементы рассматриваются как разные формы существования одного и того же элемента¹, вызывают интерес, если изучается форма, а тождество тех же элементов, – при исследовании субстанции. Например, сравнивая грамматические категории в разных языках, можно установить то общее, что связывается с одной и той же категорией, и затем по отношению к нему зафиксировать то, что свойственно форме проявления этого общего в каждом языке в отличие от других языков.

Грамматические категории – это элементы плана содержания. Общее у них – субстанция плана содержания, для формирования которой каждый язык пользуется своими средствами. Конкретная манифестация этого общего – это и есть та форма плана содержа-

¹ Оговорка «если эти элементы рассматриваются как разные формы существования одного и того же элемента» важна. Если какие-то элементы описываются как разные объекты (а не разные формы одного и того же объекта), исследование их тождеств и различий не связано с дихотомией *форма* – *субстанция*, потому что и форма и субстанция может в этом случае анализироваться на предмет как тождеств, так и различий. При этом имеется в виду тождество элементов формы по отношению к элементам формы или тождество элементов субстанции по отношению к элементам субстанции. Описываемый случай иной: речь идет о тождестве элементов формы по отношению к элементам субстанции, т. е. о тождестве субстанции, стоящей за различными формами ее реализации.

ния, с помощью которой данный язык членит окружающую нас действительность.

Различные языки выступают как различные формы существования одной и той же субстанции плана содержания. Ее можно рассматривать как аналог объективной действительности в языковом мышлении. Чтобы судить о ней, приходится фиксировать языковые элементы, которые можно рассматривать как разные формы существования одной и той же субстанции плана содержания. Сравнивая эти формы, можно выделить то общее, что за ними стоит. Оно регистрируется как субстанция, формируемая посредством данных форм.

Аналогично обстоит дело и с элементами плана выражения. Сопоставляя, например, такие формы плана выражения, как $\int im$ - в языке бемба, $-zim$ - в суахили и $-dim$ - в мфину, можно поставить вопрос о том общем, что позволяет рассматривать эти три языковых формы как разные формы одного и того же. Фиксация \int, z, d в виде трех разных форм одного и того же означает, что мы признаем, будто в каждом из элементов \int, z, d присутствует некая одна и та же субстанция и эту субстанцию можно каким-то образом зарегистрировать.

Например, ее можно описать с помощью правила $\int \rightarrow z \rightarrow d$. Возможен и иной способ регистрации. Так, можно предварительно выделить параметры (например, степень глухости – звонкости, твердости – мягкости и т. д.). В их терминах можно зафиксировать каждый из элементов \int, z, d . Затем, установив общее в записях трех элементов, рассматривать его запись как регистрацию той субстанции плана выражения, которая остается неизменной при переходе \int, z, d друг в друга и которая обуславливает возможность такого перехода и возможность рассмотрения \int, z, d как разных форм одной и той же субстанции.

При анализе и плана содержания, и плана выражения, если мы не обращаемся к экстралингвистической действительности, то судим о субстанции не непосредственно, а опосредствованно: по тем конкретным формам, в которых она существует. Метод, в соответствии с которым различные элементы рассматриваются как различные состояния одного и того же элемента и в этих различных состояниях фиксируются тождества элементов, является косвенным методом

наблюдения языковой субстанции¹. Метод, в соответствии с которым различные языки рассматриваются как различные состояния одного и того же элемента, но в различных состояниях фиксируются не тождества элементов, а их различия, является методом (прямым) наблюдения языковых форм.

И генетическая и типологическая лингвистика в равной мере пользуются обоими методами – как методом тождеств, так и методом различий, причем оба метода применяются для анализа как формы, так и субстанции. Поэтому дихотомия *форма – субстанция*, равно как и дихотомия *план содержания – план выражения*, оказывается иррелевантной для противопоставления генетической и типологической лингвистики.

В силу того, что бо́льшая часть генетических исследований проводится над явлениями плана выражения и эти явления изучаются с точки зрения субстанции, а бо́льшая часть типологических исследований связана с явлениями плана содержания и они описываются с точки зрения формы, создается подчас впечатление, что генетическая лингвистика интересуется субстанцией плана выражения, а типологическая лингвистика – формой плана содержания, и обе лингвистики противопоставлены друг другу как науки, которые имеют различные объекты, различные цели и различные методы.

Здесь возникают такие псевдоантиномии. Генетическая лингвистика – это наука, объектом которой является план выражения, а в типологической лингвистике объектом является план содержания. Генетическая лингвистика – это наука, целью которой является описание языковой субстанции, а целью типологической лингвистики – описание языковой формы. Генетическая лингвистика – это наука, метод которой состоит в фиксации тождеств элементов, рассматриваемых как разные состояния одного и того же явления (например, праязыка), а методы типологической лингвистики фиксируют различия элементов, рассматриваемых как разные состояния одного и того же явления (например, инварианта какой-либо категории или системы инвариантов всех категорий всех языков).

¹Отсюда следует: интерес к субстанции связан с проблемой тождеств. Верно и обратное: исключение языковой субстанции из сферы объектов лингвистики коррелирует с исключением из лингвистического инструментария метода тождеств (Ср., например: «...в языке нет ничего, кроме различий» и «язык есть форма, а не субстанция». Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 119–120).

4. Перейдем к следующей дихотомии: *единичное – общее* (категориальное). Эту дихотомию для объяснения противопоставления генетической и типологической лингвистики ввел Л. Ельмслев¹. Действительно, большая часть типологических исследований посвящена анализу семантических категорий, а большинство генетических исследований – анализу конкретных звуковых чередований. Однако типологические исследования, как было показано выше, можно проводить не только для элементов плана содержания, но и для элементов плана выражения, притом как в области категорий, так и в области конкретных явлений. Так, агглютинативный или фузионный способ техники – это такие же общие понятия (*категории*), как залог или вид: одни из этих общих понятий относятся к плану содержания, другие – к плану выражения.

Исследуя в типологическом отношении какую-либо категорию плана выражения (в частности, агглютинативный способ техники), можно говорить либо о сопоставлении этой категории с другой категорией (например, об описании агглютинации в противовес фузии), либо о сравнении отдельных представителей этой категории (конкретных языковых элементов, в том числе, элементов чередующегося звукового ряда), посредством которых она реализуется в языке (скажем, о сравнении корней в семитских или тюркских языках). Это означает, что при типологических исследованиях можно работать как с конкретными единицами, так и с категориями.

¹ Л. Ельмслев определяет генетическое отношение между языками на основании фиксации функции, устанавливаемой между ними, когда какой-либо элемент плана выражения в одном языке (например, фонологический сегмент или его графическое выражение) коррелирует с аналогичным (по окружению и позиции внутри слова) элементом в другом языке. В отличие от этого, типологическое отношение между языками Л. Ельмслев определяет как функцию, устанавливаемую между ними, когда определенные категории, существующие в одном языке, коррелируют с аналогичным набором категорий в другом языке. Среди категорий Л. Ельмслев выделяет категории *схемы (структуры)* и категории *узуса*. Например, категориями структуры в плане выражения являются гласные и согласные, различные просодические единицы (с дальнейшими подразделениями), а в плане содержания – грамматические категории, такие, как категория рода, числа, падежа и т. д. В качестве примера категории узуса в плане выражения можно привести категории, характеризующие звуки; примером категории узуса в плане содержания являются категории, характеризующие семантические особенности языка (см.: L. Hjelmslev. *Le langage*. Paris, 1965).

Аналогично: при генетических исследованиях целью анализа может быть сравнение не только конкретных звуковых чередований, но и различных категорий, – например, исследование того, как в семье родственных языков происходит изменение агглютинативной техники в фузионную, замена паратаксиса гипотаксисом, переход эргативного строя в номинативный и т. д. Поэтому, образно говоря, на поверхностном уровне противопоставление генетической и типологической лингвистик связано с противопоставлением единичного и категориального, а на глубинном уровне – нет.

5. Следующая дихотомия, которая нас будет интересовать, это *динамика – статика*.

Описывая, например, родство индоевропейских языков, можно, исходя из того, что др.-инд. *bhrātar* соответствует др.-слав. *братъ*, греч. φρατήρ, тохарск. *pracar*, зафиксировать это родство через ряд фонологических корреспонденции (др.-инд. *bh* ~ балт.-слав. *b* ~ греч. *ph* ~ тохарск. *p*) или через процесс перехода от праязыка к каждому из членов языковой семьи. В первом случае родство фиксируется статически, через описание результатов процесса, во втором случае – динамически, через описание процесса генезиса языков.

Аналогично можно поступать и в типологической лингвистике. Например, можно построить шкалу языков, для каждого из которых задается его индекс синтеза, агглютинации, словосложения, деривации и т. п.¹. Можно подойти к описываемым явлениям с иной точки зрения, – например, с точки зрения развития в языках степени агглютинативности. В первом случае результаты классификации выступают в виде статической системы, во втором случае упорядочение языков изображается динамически – на основании учета степени роста агглютинативности.

На разных этапах развития лингвистики к динамическим и статическим описаниям относились по-разному. Например, для В. Гумбольдта или Г. Шухардта динамический аспект представлялся более важным, чем статический. Так, Шухардт отмечал, что *Werden* более важно, чем *Sein*, Гумбольдт подчеркивал необходимость энергического, а не эргонического описания языка. Еще более непримиримы в этом вопросе наши современники. Здесь можно

¹ См., например: Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.

указать, например, на выступления представителей генеративной грамматики (в частности, Н. Хомского и его последователей) в защиту динамической лингвистики *contra* статической (т. е. таксономической).

Любой языковой элемент, как отмечал еще Ф. де Соссюр, является, с одной стороны, результатом развития, и с другой стороны, сам находится в процессе развития¹, т. е. обладает и динамической и статической природой. Поэтому выбор типа представления обусловливается не природой языковых объектов, а подходом исследователя к их описанию.

Если с дихотомией *динамика – статика* связать противопоставление *фиксация процесса – фиксация результата*, любое языковое явление, будь оно в сфере генетической лингвистики или в сфере типологии, может быть описано либо динамически, либо статически. Выбор типа описания зависит только от целей, которые ставит исследователь.

Если он хочет зафиксировать языковые явления как результат развития, он строит таксономическую (статическую) лингвистику. Если явления описываются через процесс развития (например, через процесс производства из более простых элементов), лингвистика оказывается иной – динамической. Например, частным случаем динамической лингвистики являются генеративные грамматики.

Таким образом, с точки зрения оппозиции *динамика – статика*, как и с точки зрения всех тех оппозиций, которые были рассмотрены выше, противопоставления генетической и типологической лингвистик нет.

6. Нет его и с точки зрения того общего метода, которым пользуются обе дисциплины – метода сравнения как средства фиксации тождеств и различий языковых элементов. Если сопоставлять обе лингвистики по перечисленным выше параметрам, перед нами не две науки, а одна: с одним и тем же методом (методом сравнения) и одним и тем же объектом. Этим объектом является система языковых элементов, каждый из которых рассматривается как единство четырех противоположностей:

¹ «В любую минуту язык есть и живая деятельность и продукт прошлого». Ф. де Соссюр. Цит. соч. С. 34.

1. план содержания – план выражения,
2. форма – субстанция,
3. единичное – общее,
4. процесс – результат.

В этом случае возможен вывод, подобный тому, который был сделан А. Рона–Таш¹.

Отсутствие различий по этим параметрам не значит, что генетическая лингвистика должна быть объединена с типологией в одну науку. Скорее напрашивается другое: более тщательно исследовать основания сравнения обеих дисциплин.

7. Обратимся к анализу объекта каждой из них. Начнем с типологии. Типология имеет дело со сравнением нескольких языков, взятых, как говорят, в каком-то одном синхронном срезе (диахрония срезов при этом не учитывается). Когда к типологическим исследованиям привлекаются разные состояния одного и того же языка², они фиксируются не как разные состояния одного и того же языка, а как различные языки. Каждый из языков при этом соотносится с одной определенной точкой на временной шкале, и все временные точки синхронизируются друг с другом.

Временные точки упорядочиваются не в хронологической последовательности (зависимости), а регистрируются как равноправные, т. е. фактически приравниваются к одной панхронической точке, irrelevantной к хронологической шкале. Поэтому, если рассматривать объект исследования как явление, фиксированное во времени и пространстве, можно сказать, что объект типологического исследования соотнесен с одной единственной точкой на вре-

¹ Иногда генетическую лингвистику и типологию противопоставляют друг другу на основании различия в целях, которые они перед собой ставят: генетическая лингвистика, говорят при этом, должна факты реконструировать, а типологическая лингвистика – конструировать (предсказывать). Однако еще Шлегель указывал, что историк – это пророк, предсказывающий прошлое: предикторную, как и экспланаторную, силу должны иметь обе дисциплины, в этом они не противопоставлены друг другу.

² Об этом случае говорит, например, Р. Якобсон: «Изоморфизм (в терминах изоморфизма Р. Якобсон определяет типологическое родство, – Л. С.) может объединять различные состояния одного и того же языка или два состояния (как одновременных, так и отдаленных во времени) двух различных языков, причем как языков, расположенных по соседству, так и находящихся на далеком расстоянии, как родственных, так и имеющих разное происхождение». Р. Якобсон. Цит. соч. С. 07.

менной шкале и с несколькими точками в пространстве (каждой одной точке в пространстве соответствует область локализации каждого одного языка, привлекаемого к рассмотрению).

Перейдем к исследованиям другого типа, например, тем, которые называют историческими грамматиками какого-либо одного конкретного языка. Здесь объект исследования иной. Фиксируется какой-либо язык (например, русский) в определенный момент его развития и затем описывается не по отношению к другим языкам, а по отношению к иным фазам развития данного языка. Объект исследования в этом случае соотнесен с одной пространственной и с несколькими временными точками.

Известен и такой тип исследований, когда объектом является только один язык в один определенный момент его развития. Например, при составлении дескриптивных грамматик описывается корпус фактов, ограниченных «пространством» данного языка (в отчуждении от остальных языков) и временем его существования на каком-то этапе развития (в отчуждении от остальных этапов). Объект исследования соотнесен с одной пространственной и одной временной точкой¹.

И, наконец, остается последняя логическая возможность: объект соотнесен с несколькими пространственными и несколькими временными точками. Другими словами, речь идет о нескольких языках, «растянутых» во времени, т. е. об объекте, типичном для компаративистики².

Итак, можно выделить четыре типа объектов в зависимости от способа их фиксации во времени и пространстве и каждый тип объектов сделать предметом изучения отдельной науки. Соответственно можно зафиксировать четыре дисциплины (типологическую лингвистику, исторические грамматики, дескриптивные граммати-

¹ По-видимому, реализацию этой логической возможности надо иметь в виду при рассмотрении панхронизма Л. Ельмслева и концепции Ф. де Соссюра о языке как системе *sui generis*. И Соссюра, и Ельмслева упрекают за то, что они сузили объект лингвистики. Корректнее было бы сказать, что они сузили определение термина *лингвистика*.

² В частном случае фиксируются только две темпоральные точки: современное состояние и предыстория (см., например, цит. выше работу М. Гасри, в которой описано состояние 300 современных языков банту по отношению к их предыстории).

ки, генетическую лингвистику), которые различаются на основании разграничения типов объектов, которые они исследуют.

Поэтому, если при определении науки идти от объекта, а методы рассматривать как вторичное явление, то перед нами – четыре различные науки, обладающие, как и отмечает Г. А. Климов, разными методиками и проблематиками.

Можно поступить иначе: начать с методов, а в качестве вторичного явления зафиксировать объект. Для этого методы, сформированные для исследования объектов, о которых шла речь выше, можно абстрагировать от этих объектов и на этой основе выделить четыре возможных подхода к изучению – теперь не четырех разных объектов, а одного и того же.

В результате получится:

1. подход типологический (явления упорядочиваются по отношению к пространственной прямой),
2. подход исторический (ориентация относительно темпоральной прямой),
3. подход дескриптивных грамматик (отсутствие учета пространственной и темпоральной прямых),
4. подход генетический (ориентация относительно пространственно-временной системы).

Четыре названных подхода – это четыре типа линз, через которые можно смотреть на объект и в зависимости от типа линзы воспринимать его по-разному локализованным во времени и пространстве. Используя все подходы в комплексе, мы получаем возможность варьировать исследуемый объект во времени и пространстве.

8. Возникает вопрос: для исследования какого объекта необходима такая вариация и тот сложный комплекс методов, который с ней связан. Этим объектом является язык, его природа, организм, дух, гений, порядок, система, – все то, что конституирует язык как таковой в отличие от других явлений объективной действительности. Именно это и есть тот объект, который всегда был в центре внимания лингвистики и из задачи познания которого исходили

лингвисты, когда они конструировали свои методы и исследовательские приемы¹.

Покажем, что для описания этого объекта (*организма* в терминах лингвистики XIX века и *системы* в терминах лингвистики XX века) действительно нужно объединять методы всех наук, о которых говорилось выше.

Любое образование, выступающее в виде единого целого, можно представить как комплекс элементарных составляющих, комбинация которых в пучки дает исходные, или простые, единицы, а комбинация этих последних дает сложные единицы, – например, такие, которые в лингвистике называют синтагматическими цепочками разных типов.

Это представление объекта возникает как следствие процедуры синтеза. Обратная процедура – анализ дает возможность сформулировать то же самое иначе. Например, можно констатировать, что интересующий нас объект – это сложная единица, которая распадается на простые части (своего рода молекулы), а они членятся на простейшие – элементарные составляющие, или атомы. Отметим, что представление, о котором идет речь, обусловлено не характером исследуемого объекта, а спецификой процесса познания и связано с применением методов анализа и синтеза как универсальных исследовательских приемов.

Чтобы описать законы существования объекта, целостность которого является результатом процедуры синтеза, необходимо зафиксировать, по крайней мере, две вещи:

1. как простые единицы собираются из элементарных составляющих и взаимодействуют между собой,
2. как сложные единицы собираются из простых единиц и взаимодействуют между собой.

¹ Например, В. Гумбольдт ставил задачу: познать язык как внутренне взаимосвязанный организм (W. von Humboldt. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin, 1836. S. 2). Ф. де Соссюр писал: «Язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку» (Ф. де Соссюр. Цит. соч. С. 45) и даже подчеркивал, что при определении языка из понятия языка следует устранить все, что чуждо его организму, его системе (Ф. де Соссюр. Цит. соч. С. 43).

Поэтому для описания языка, если он рассматривается как синтезируемое единое целое, нужны методы, с помощью которых можно найти искомые элементарные составляющие и собрать из них пучки – простые единицы языка, и методы, с помощью которых можно перейти от простых единиц к сложным.

Посмотрим, что дает для решения этих задач каждая из лингвистик, о которых шла речь выше.

Занимаясь типологическими исследованиями, например, фиксируя некоторую грамматическую категорию – времени, аспекта, залога, можно выяснить, что в этой категории есть инвариантного для данной группы языков, а что – специфического. Выделяя явление, инвариантное для всей группы, мы тем самым фиксируем его и в данном языке. Вследствие этого категория, существующая в нем и содержащая установленный нами инвариант, предстает не как нерасчлененное целое, а как комплекс, состоящий из двух компонентов: инвариантного и специфического.

«Расчленение» категорий можно вести как угодно далеко. Это зависит от подбора языков, привлекаемых к сопоставлению. Типологическое исследование оказывается удобным средством для отыскания элементарных составляющих плана содержания, т. е. семантических множителей любого ранга малости, из которых собираются грамматические категории¹ и отдельные лексемы. Поэтому методы типологии нужны при решении задач о том, как простые единицы языка собираются из простейших.

Перейдем к дескриптивным грамматикам. Как известно, наиболее разработанными в них являются разделы, посвященные фонологии и синтаксису. Это не случайно. Именно в этой области методы работы с объектами, которые исследуются как панхронические, оказываются наиболее эффективными. Действительно, изучая некоторое явление «в самом себе и для себя» (безотносительно к другим образованиям такого же типа), его приходится фиксировать как данность, застывшую во времени и пространстве и имеющую определенную протяженность к моменту ее наблюдения. Такой подход предопределяет интерес исследователя к тому, на какие части можно разбить данную последовательность, исходя из ее потенциальных возможностей.

¹ См., например, работы Ельмслева, Гийома, Гринберга и др.

Объект исследования выступает как синтагматическая цепь, в которой предстоит выделить синтагматические узлы различных уровней – от элементарных единиц звукового потока до таких сложных целых, как предложения. В качестве абстракции от элементарной звуковой единицы обычно фиксируется звуковой тип. Абстракцией от элементарной звуковой единицы, на которую накладываются микросинтагматические связи, возникающие в результате взаимодействия между репрезентантами различных звуковых типов, является фонема.

На базе изучения синтагматики были введены и другие абстракции. В качестве обобщения от типов предложений появились в структурном синтаксисе конфигурации (или синтаксические структуры), в качестве обобщения от типов слов – различные синтагматические классы, называемые в дескриптивных и трансформационных грамматиках частями речи. В результате возникли, во-первых, списки таких единиц языка, как фонемы, и, во-вторых, описания процессов перехода от таких единиц, как слова, к таким единицам, как предложения.

Однако фонемы не являются элементарными составляющими плана выражения. Это – простые единицы, но не простейшие. Чтобы установить простейшие единицы плана выражения (дифференциальные признаки фонем), лингвисты, как и в случае с планом содержания, снова обратились к типологии. Для организации поиска дифференциальных признаков, на деле, пришлось изменить исследовательский подход и от дескриптивного («панхронического» и «панспатильного») рассмотрения объекта перейти к типологическому (спатильному). Соответственно методы дескриптивной грамматики (оперирование значимостями языковых элементов) были дополнены методами типологии (выделением инвариантов и спецификаторов)¹.

В сумме методов типологии и дескриптивных грамматик оказалось достаточно для решения задач о поиске элементарных составляющих и о переходе от слова к предложению. Однако с задачей о переходе от фонемы к слову методами синхронных дисциплин (типологии и дескриптивных грамматик) справиться не удалось. Вни-

¹ См., например: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.
188

мание исследователей все сильнее стало концентрироваться на диахронической лингвистике.

Диахроническая лингвистика фиксирует законы, вступающие в действие, когда осуществляется переход от изолированной звуковой единицы к ее реализации в речи. Фиксация этих переходов дает возможность исследователю материализовать результаты взаимодействий элементов на микросинтагматическом уровне.

При синхронном подходе связи выступают как идеальные объекты, создаваемые воображением исследователя. Темпоральная перспектива как бы материализует связи и превращает их в объекты того же типа, что узлы. При этом можно пользоваться не только естественной хронологией, но и искусственной. Генеративная фонология фактически ввела в лингвистику искусственную темпоральную перспективу. С помощью этого метода она попыталась установить микросинтагматические взаимодействия на синхронном срезе и экстрагировать такие узлы, которые могли бы участвовать в этих взаимодействиях.

Редукционные (итерационные) циклы генеративной фонологии – не что иное, как модель искусственных эволюционных процессов, конструируемых для того, чтобы преодолеть панхронизм, характерный для прежней структурной лингвистики, и создать темпоральную перспективу там, где ее, в действительности, нет, но где она нужна для исследования объектов. Это своего рода замедленная съемка, позволяющая увидеть, как каждый объект, который в синхронии выступает как застывшее статическое образование, может быть представлен динамически, – в виде процесса, который ведет к его образованию и развивается во времени.

10. Подведем итоги. Интересующий нас объект (язык как система) имеет при его рассмотрении с позиции *анализа – синтеза* три части:

1. элементарные составляющие и их пучки (дифференциальные признаки фонем, семантические множители и их комбинации: фонемы и категории, соответствующие морфемам),

2. микросинтагматика как результат построения простых элементов из пучков элементарных составляющих (например, результатом образования простых элементов из простейших являются

слова как комплексы, возникающие вследствие «склейки» фонемных цепочек с цепочками значений соответствующих морфем),

3. макросинтагматика, т. е. результаты, обычно фиксируемые в синтаксисе: переход от слова к словосочетанию и предложению.

Каждая из этих частей может быть исследована с помощью определенных методов, притом методов различных. Первую часть наиболее удобно изучать методами типологии, вторую – методами генетической лингвистики и исторических грамматик, третью – методами дескриптивных грамматик. Необходимость варьировать методы связана со спецификой объекта, различные части которого по-разному видны с различных пространственно-временных точек. Если задачей является познать все части объекта (описать законы языка как некоего единого целого), нужно создать инструментарий, представляющий собой комплекс методов всех дисциплин (аналогично тому, как это подчас и делалось представителями традиционной лингвистики) и указать сферу применения каждого из методов, входящих в этот комплекс.

По-видимому, науку, обладающую таким объектом и комплексом методов, имел в виду Ельмслев, когда говорил о создании всеобъемлющей лингвистики, или, как он ее называл, типологии¹. Возможно, так же понимал типологию и Якобсон, когда спрашивал, что могут дать типологические исследования сравнительно-историческому языкознанию².

Если исходить из такого понимания типологии, то на вопрос, сформулированный Якобсоном, можно ответить, например, так. Построив типологию, которая опишет законы языка для единиц

¹ „En réalité, une typologie linguistique exhaustive est la tâche la plus grande et la plus importante qui s'offre à la linguistique. En fin de compte, sa tâche est de répondre à la question: quelles structures linguistiques sont possibles, et pourquoi telles structures sont-elles possibles quand d'autres ne le sont pas? Ce faisant, elle doit, plus qu'aucune autre espèce de linguistique, s'approcher de ce qu'on pourrait appeler le problème de la nature du langage. Et, en dernier ressort, elle s'avérera hiérarchiquement supérieure à la linguistique génétique; seule en effet elle peut permettre de comprendre les lois générales selon lesquelles les langues changent et les possibilités de changement que comporte un type donné. C'est seulement par la typologie que la linguistique s'élève à des points de vue tout à fait généraux et devient une science". L. Hjelmslev. *Le langage*. 1966. P. 128–129.

² Ср.: «Установление структурных законов языка – наиболее близкая и ясная цель типологической классификации и всей описательной лингвистики на новой стадии ее развития». Р. Якобсон. Цит. соч. С. 101.

всех его ярусов и при любом типе их локализации во времени и пространстве, мы будем в состоянии конструировать любой языковой феномен (например, один и тот же синхронный срез двух языков или различные диахронические срезы одного и того же языка). Располагая данными этого рода, можно поставить вопрос о сравнении различных срезов и генезисе языков: расходятся они или, наоборот, сходятся. Типология, заимствуя методы у генетической лингвистики, результаты применения этих методов, сможет передать, в свою очередь, в качестве материала для исследования генетической лингвистике.

Если противопоставление генетической и типологической лингвистик формулируется на основании наших представлений о характере языковых объектов, перед нами – две различные науки: каждая имеет свой объект, свои методы, свои цели. Если, абстрагируя методы от объектов, объединяя их в один комплекс и приспособляя для описания одного сложного объекта, сформировать единую науку и назвать ее типологией, то соотношение этой науки и генетической лингвистики будет иное. Генетическая лингвистика типологии дает методы, а типология генетической лингвистике – результаты, которые можно получить как с помощью этих методов, так и с помощью методов других наук¹.

¹ Работа представляет собой один из разделов моей неопубликованной монографии «Проблемы операционной грамматики». Напечатана в виде статьи: Л. З. Сова. Границы и возможности типологии // *Studies of Linguistic Typology. Acta Universitatis Carolinae. Philologica 5. Linguistica generalia*. Прага, 1977. С. 67–82.

Статический и динамический подходы к проблеме лингвистических универсалий

1. Проблема создания универсальной лингвистической теории – это одна из тех загадок, ключ к раскрытию которых языковедение искало на всех этапах своего развития. Каждая эпоха предлагала свое решение, и следующая эпоха отвергала его.

Общим для всех поисков является стремление создать некоторую систему терминов, пригодную для описания любого языка, и применить эту априорно заданную схему для фиксации конкретного языкового материала. Источники, на основании которых конструировались такие схемы, были различными. Одни исследователи пытались решить проблему создания универсальной теории путем введения «эталонных единиц» и использовали для этого живые или мертвые, искусственные или естественные языки. Другие видели выход в конструировании эталонной грамматики (системы описания) и обращались то к грамматике греческого или латинского языка, то к аппарату математической логики или других наук.

2. Отсутствие универсальной лингвистической теории как результат этих исследований заставляет поставить вопрос о «правильности» тех представлений, которые лежат в основе понимания сущности лингвистического универсализма.

Конкретизируя этот вопрос, выделим 3 дихотомии:

- 1) *a priori* – *a posteriori*;
- 2) статика – динамика;
- 3) тождества – различия.

3. Любая теория может строиться *a priori* или *a posteriori*. Для универсальной лингвистической теории по типу тех, которые создавались в языковедении, апостериорный путь предполагает предварительное обследование всех языков. Несоблюдение этого условия является причиной того, что лингвисты либо становятся на путь априорного создания универсальной теории, либо приходят к компромиссу: результаты апостериорного исследования нескольких языков принимаются *a priori* в качестве базиса универсальной теории (всех языков). В обоих случаях «чисто» апостериорный путь представляется закрытым (на данном этапе развития языковых описаний).

4. Теория может быть динамической или статической. В первом случае она строится как описание некоторых процедур «в сфере объекта» (например, процедур анализа и синтеза объекта, процедур его исследования или моделирования), во втором случае – как описание результатов, абстрагированных от процессов их получения.

Когда исследователь вводит те или иные эталонные единицы, он пользуется либо конкретными элементами какого-то языка, либо конструктами – теми абстракциями, которые являются результатами его наблюдений над языковым материалом. При создании универсальной лингвистической теории в качестве «конкретных эталонов» выбираются, например, корни, слова и лексемы латинского или какого-нибудь другого языка. Примерами эталонов-конструктов являются на лексическом уровне семантические множители, на морфологическом – грамматические категории, на синтаксическом – глубинные структуры.

Несмотря на отмеченное различие в степенях абстракции «эталонных единиц», они характеризуются одним и тем же признаком – статичностью. Каждая единица в создававшихся фрагментах универсальных теорий фиксировалась как некая застывшая данность, в абстракции от тех процессов, с которыми она соотносится (например, эталонные слова – в абстракции от процессов их порождения или извлечения из текста, грамматические категории – в абстракции от процесса их конструирования)¹.

Аналогично обстояло дело и с эталонной грамматикой. Выбиралась какая-либо грамматическая система, т. е. результат применения некоторых процедур некоторым автором к исследованию некоторого языка (например, результат процедуры выделения грамматических классов в латинском языке – так называемая система частей речи). Она принималась в качестве эталонной схемы, накладывалась на другие языки, и они описывались в ее терминах, а результаты совпадения частей эталона и частей конкретного языка (опять-таки статические категории) назывались лингвистическими универ-

¹ Другими словами, внимание уделялось не «динамическому» вопросу *как* (каким образом, вследствие какой процедуры), а «статическим» вопросам *что* и *откуда* (например, фиксировалось, что «термины описания взяты из грамматики № №», «глубинные структуры берутся из интуиции», «семантические множители принимаются ad hoc» и т. д.

салиями. Фактически слово «универсальный» стало синонимом словосочетания «тождественный во всех или нескольких языках».

В соответствии с этим универсальная лингвистическая теория стала пониматься как теория языковых тождеств.

5. Суммируя, можно сказать, что поиски универсальной лингвистической теории были поисками априорной теории языковых тождеств, представленных в виде статических единиц вне процесса их получения. Их безрезультатность обусловлена самой постановкой задачи (задача имеет абсолютное решение только в случае полного совпадения всех описываемых языков). Чем различнее языки, тем меньше, при таком подходе в них универсализма, и значит, тем уже сфера применения универсальной теории.

6. Языковые факты и критика уже имеющихся фрагментов универсальных теорий свидетельствуют, что тождеств в языках значительно меньше, чем различий. Именно при регистрации различий особенно остро чувствуется необходимость инструмента для однотипного их выявления и отделения от тождеств, инструмента, который был бы пригоден для описания любого языка.

Таким инструментом являются процедуры исследования и описания языков (например, процедура отделения означаемого от означающего на всех ярусах языка). Независимо от того, существует или нет система инвариантов, присущая всем языкам, независимо от того, какую степень тождества имеют сравниваемые языки, этот инструмент пригоден для построения сопоставимых описаний любых языков и измерения их тождеств и различий в терминах одной и той же стандартизированной системы. Она представляет собой набор универсальных исследовательских процедур. Ее можно назвать универсальным лингвистическим аппаратом.

Поскольку построение такого аппарата является результатом апостериорного исследования, а получение универсалий – следствием его применения к языковому материалу, появляется возможность создания «чисто» апостериорной теории как в плане конструирования системы сравнения языков, так и в плане описания его результатов.

Любая лингвистическая категория какого-либо языка¹ при таком подходе выступает как результат применения к языковому материалу аппарата ее выделения. Проблема грамматических универсалий состоит в фиксации всех звеньев процедуры их построения, т. е. является возможность создания динамических грамматических категорий в виде инструкций для их выделения в различных языках.

Система таких инструкций для описания единиц всех языковых ярусов может рассматриваться как универсальная лингвистическая теория. И априорность теории или ее апостериорность, и проблема языковых тождеств – различий выступают как следствие того, какой характер имеет данная теория – статический или динамический. Поэтому оппозиция «динамика – статика» при решении вопроса о типе создаваемой теории представляется наиболее важной (определяющей).

7. Подводя итоги, можно сказать, что наше понимание сущности универсализма (идеи всеобщности теорий) может быть эксплицировано посредством требования к созданию апостериорной теории процедур выделения тождеств и различий в языках, т. е. аппарата, в терминах которого единообразно препарировуются все языки и сопоставляются их описания. Универсальную лингвистическую теорию этого типа, в противовес статической теории, охарактеризованной в п. 6, можно назвать динамической (или конструктивной).

¹ Например, конструкт «глубинная структура» может быть создан как результат процедуры отделения означаемого синтаксической структуры от означаемого (См.: Л. З. Сова. Формальные связи в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1973. М., 1974), или как результат процедуры выделения синтагматического инварианта, или как результат процедуры анализа – синтеза предложения (См.: L. Z. Sova. Aspects of deep structure // Proceedings of the XI-th International Congress of Linguists. V. 2. Bologna, 1975). Во всех этих случаях аппарат получения систем глубинных структур в различных языках остается одним и тем же, а результаты его применения к конкретным языкам (списки глубинных структур, имеющих в каждом из них), – разные.

Язык как объект и предмет исследования в семиотике

1. Отмечая, что язык зулу является одним из языков банту, на котором говорит коренное население ЮАР, и что я ставлю перед собой задачу исследовать это существующее в объективной действительности явление, я называю объект исследования. Чтобы перейти к предмету, надо показать, под каким углом зрения рассматривается данный объект. В зависимости от выбора угла зрения одни его качества видны лучше, другие – хуже.

2. Предположим, что язык рассматривается как деятельность и как ее продукт¹.

Для иллюстрации можно предложить следующую аналогию. Допустим, выбраны два простых элемента, обозначенные символами “Λ” и “–”. Кроме того, известна процедура (“→”), которая дает возможность перейти от элементов Λ и – к новому элементу “А”, синтезированному из заданных. Обозначим факт перехода от элементов “Λ” и “–” к элементу А посредством схемы 1.

Схема 1

$$(\Lambda -) \rightarrow A$$

Ставя задачей описать элементы схемы 1, можно выделить разные аспекты ее решения. Так, можно заняться описанием результатов проведенной процедуры (в данном случае, элемента, обозначенного символом “А”) безотносительно к ходу самой процедуры, т. е. можно зарегистрировать продукт деятельности в абстракции от нее самой. Можно выбрать иной путь. Не останавливаясь на «продукте», заняться описанием деятельности (поставить вопрос о том, как именно из элементов “Λ” и “–” возникает элемент А).

Примем определение языка, утверждающее, что язык – это деятельность и ее продукт. Описание языка как продукта деятельности соответствует на схеме 1 задаче описания элемента А, абстрагированного от процедуры его получения. Представление языка как деятельности соотносится с регистрацией процедуры получения элемента А из элементов “Λ” и “–”. Ближайшей целью становится характеристика элементов четырех типов: 1) Λ, 2) –, 3) →, 4) А.

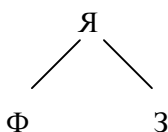
¹ Ср. с точкой зрения В. Гумбольдта, в соответствии с которой язык – это деятельность, а не продукт деятельности.

3. Если результаты описания языка как продукта деятельности должны быть сопоставимы с результатами описания языка как деятельности (т. е. чтобы «продукт» можно было рассматривать как результат деятельности), при регистрации элементов четвертого типа приходится отмечать, что они возникают в результате синтеза из элементов первого и второго типов. Поэтому, фиксируя язык как продукт деятельности, надо четко разграничивать составные части, из которых он может быть собран при рассмотрении его как деятельности.

4. Отметив, что символам “Λ” и “–” для обозначения компонентов, «игра» которых «рождает язык» (A) на схеме 1, содержательная интерпретация дана не была, можно обратиться к ней и сказать, что символ “Λ” употребляется для обозначения формы, посредством которой материализуются наши знания о мире, а символ “–” – для обозначения того значения (смысла, содержания), которое выражается с помощью этой формы.

Угол зрения, который определяет мой взгляд на язык зулу (объект исследования), имплицитно формирует предмет исследования (Я), имеющего сложную структуру. Она, по определению, является результатом синтеза формы (Φ) и значения (З):

Схема 2

Рассматривая Φ как форму интересующего нас явления, а З – как его значение и постулируя связь между Φ и З, посредством которой Φ и З синтезируются в единый элемент Я, не похожий ни на Φ, ни на З в отдельности, а представляющий их единство, мы фактически утверждаем, что постулируем Я как знак, двумя сторонами которого являются Φ и З. Язык выступает в виде семиологического образования, требующего рассмотрения и в качестве деятельности, и в качестве ее продукта.

5. Зафиксировав объект и предмет исследования, можно перейти к его цели. Выделим из всех задач, возникающих при изучении различных видов речевой деятельности, одну – порождение предложе-

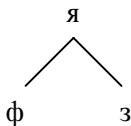
ний на данном языке. Будем рассматривать эту задачу как ту практическую цель, ради которой проводится данное исследование, т. е. цель, которая обуславливает методы нашей работы.

Посмотрим, как изложенные принципы соотносятся с поставленной целью. В качестве первоначального объекта исследования был выбран «язык зулу как один из языков банту, на котором говорит коренное население ЮАР». Теперь мы пришли к постановке вопроса, касающегося только некоторой части этого объекта. Если слово «язык» вначале выступало синонимом к выражению «особый вид деятельности и результат деятельности коренного населения ЮАР», то теперь мы говорим не обо всем коренном населении ЮАР, а только о той его части, которая осуществляет языковую деятельность в соответствии с некоторыми нормами, или о той его части, которая ограничивается несколькими индивидами, «породившими» сотню или тысячу страниц исследуемого текста.

Формулировка цели заставила нас перейти от объекта O к объекту O^1 , такому, что $O^1 < O$. Посмотрим, изменилась ли при этом точка зрения.

6. Поставленная задача привела к рассмотрению в качестве языка зулу некоторой совокупности предложений и деятельности, вследствие которой она порождается (я). В соответствии с принципом, изложенным выше, предмет исследования, сформированный из этого объекта, имеет сложную структуру, которую можно представить в виде схемы 3.

Схема 3

Это означает, что совокупность предложений должна рассматриваться как результат синтеза формы и значения, передаваемого посредством этой формы. Данная концепция согласуется с тезисом о том, что язык – это средство коммуникации, т. е. выражения мыслей в процессе общения. Истинность последнего тезиса принимается без доказательства.

8. Установив, что цель исследования не противоречит принципам, изложенным выше, можно предположить, что либо цель вытекает из них, либо они являются следствием поставленной цели. И в том и в другом случае их можно принять в качестве методологического основания, т. е. постулатов, с которыми должен быть согласован любой тезис нашей теории.

9. Отмечая, что передо мной стоит задача «построить описание, которое научит читателя порождать предложения на языке зулу», я формулирую мысль о том, что элемент, обозначенный выше символом «я», считается не простым, а составным, и может быть «разобран» на более простые. Эти более простые элементы обычно называют предложениями.

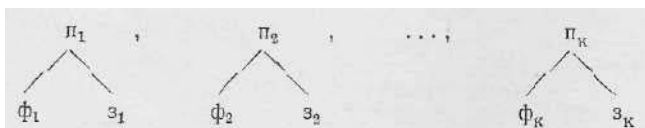
Схема 4

$$я = п_1 + п_2 + \dots + п_k$$

Образно говоря, элементы $п_1, п_2, \dots, п_k$ – это те клеточки, из которых состоит элемент «я», рассматриваемый как продукт деятельности. Поскольку элемент, обозначенный символом «я», – это не только продукт деятельности, но и деятельность, то каждая «клеточка» – предложение также может быть рассмотрена и как деятельность, и как ее результат, поскольку при анализе каждого предложения необходимо соблюдать тот же методологический принцип, который был введен для изучения их совокупности.

Каждое предложение должно рассматриваться, с одной стороны, как процесс синтеза формы и значения, и с другой стороны, – как его результат:

Схема 5

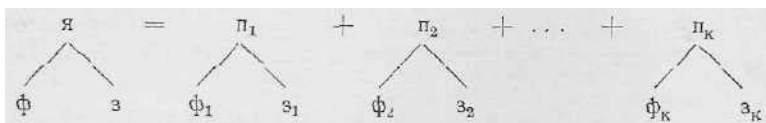

Результатом подстановки элементов $п_1, п_2, \dots, п_k$ в равенство на схеме 4 является схема 6.

Из схемы 6 следует, что «я» рассматривается как совокупность элементов $п_1, п_2, \dots, п_k$, каждый из которых имеет сложную структуру, имплицитную сложность структуры элемента «я», т. е. как

иерархия, каждый элемент которой фиксируется в виде знака. Эту иерархию можно назвать семиотической структурой¹.

Схема 6

¹ Данная работа представляет собой тезисы доклада, прочитанного на конференции «Язык как знаковая система особого рода». Опубликовано в виде статьи: Л. З. Сова. Семиология: язык как объект и предмет исследования // Язык как знаковая система особого рода. М., 1967. С. 69–72.

ЧАСТЬ 3. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Этюды по историографии

50 лет академического лингвистического центра в Ленинграде (в соавт. с А. С. Либерманом)

10–12 ноября 1971 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР происходила юбилейная конференция, посвященная пятидесятилетию академического лингвистического центра в Ленинграде. Конференцию открыл старейший сотрудник Института В. И. Абаев.

Доклад чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкой (Ленинград) был посвящен роли лингвистических институтов Ленинграда в истории советского языкознания. Первый лингвистический институт, созданный 50 лет тому назад в Ленинграде, на протяжении многих лет сосредоточивал в себе основную работу в области теории языкознания. В нем работали крупнейшие советские языковеды – академики Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, Л. В. Щерба, В. М. Жирмунский, В. Ф. Шишмарев, С. П. Обнорский, С. А. Жебелев, И. И. Толстой, члены-корр. АН СССР Д. В. Бубрих, С. Е. Малов, В. И. Чернышев, Б. С. Истрина, Н. В. Юшманов, А. К. Боровков, профессора Б. А. Ларин, Л. П. Якубинский, В. А. Брим, К. Д. Дондуа и ряд других.

Первый лингвистический Институт в системе Академии наук, получивший сначала название Института яфетидологических изысканий, был организован акад. Н. Я. Марром в 1921 г. В 1931 г. он был переименован в Институт языка и мышления. После смерти акад. Н. Я. Марра руководителем Института почти 20 лет был акад. И. И. Мещанинов. Работа Института постепенно расширялась, охватывая все большее число лингвистических специальностей и разную проблематику. Институт усиливал работу по подготовке научных кадров, в том числе для национальных республик.

В 30-е годы в состав Института влились коллективы Словарной комиссии Академии наук, а также Ленинградского научно-исследовательского Института языкознания (бывшего Института речевой культуры). В 30-е годы теоретический профиль Института в значительной мере определялся исследованиями грамматических структур многочисленных языков Советского Союза, в особенности бесписьменных и младописьменных языков северо-востока Сибири, а также Северного Кавказа. Значительно продвинулось изучение истории германских и романских языков. Большая и плодотворная работа проводилась в области изучения русского языка. В Институте были развернуты подготовительные работы по созданию большого академического словаря, академической грамматики, атласа русских народных говоров, а также интересные исследования по исторической лексикологии, имевшие целью создание словаря древнерусского

языка.

В 1950 г. был создан Институт языкознания Академии наук с центром в Москве. Ленинградский лингвистический коллектив сохранился и функционирует как отделение Института языкознания, включая в себя также и словарный сектор Института русского языка Академии наук. Он продолжает традиции, которые создавались трудами и талантами первых поколений советских лингвистов.

В своем докладе «Славистика и русистика в Институте языка и мышления» чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин (Москва) выделил четыре линии исследований в областях «славистика и русистика», проводившихся в Институте языка и мышления: 1) лексикография и лексикология, 2) академическая грамматика, 3) происхождение русского литературного языка, 4) лингвистическая география и затем перешел к их подробной характеристике. Он остановился на дискуссиях, которые велись по вопросу о выборе теоретических основ академической грамматики и по вопросу о литературном языке древней Руси. По его мнению, ни Л. В. Щерба, который продолжал линию А. А. Шахматова, ни С. П. Обнорский не были вполне правы, ибо в древней Руси еще отсутствовал единый полифункциональный литературный язык: религиозная литература основывалась на старославянском, деловая – на народно-разговорном языке. Сложна была история лингво-географических исследований, пионером и главным представителем которых в СССР был акад. В. М. Жирмунский. Много было сделано также Д. В. Бубрихом. Во время войны в работу по составлению атласа включилась группа московских диалектологов во главе с Р. И. Аванесовым. В заключение Ф. П. Филин подчеркнул важность преемственности в науке.

Доклад чл.-корр. АН СССР В. Н. Ярцевой (Москва) был посвящен германистике и романистике в Институте языка и мышления. Хотя романо-германская филология оформилась в Институте языка и мышления позже, чем некоторые другие частные языковедческие дисциплины, ее развитие в стенах академического Института было очень плодотворным. Теоретические положения, разработанные на материале разноструктурных языков, развивались в работах М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона, А. В. Десницкой, В. М. Жирмунского и других романо-германистов. В работе Института принимал активное участие акад. В. Ф. Шишмарев.

Сравнительно с положением романо-германистики в русской науке начала XX в. после Октябрьской революции не только развернулась работа по составлению сравнительно-грамматических исследований, но и интенсивно шло изучение живых языков. Исследования в ИЯМ характеризовались свободой от узкого морфологизма, интересом к содержательной (по-настоящему) стороне конструкций.

В своем докладе «Изучение языков малых народов Севера в Институте

языка и мышления – Институте языкознания» О. П. Суник (Ленинград) говорил о том, что их планомерное изучение началось только в 20-х годах нашего века. Он остановился на истории изучения языков малых народов советского Севера, Сибири и Дальнего Востока в Институте народов Севера, в Ленинградском университете, ЛГПИ им. А. И. Герцена, в Институте языка и мышления. Северные языки чрезвычайно интересовали Н. Я. Марра, который организовал обработку полевых записей, произведенных В. Г. Богоразом. Особенно важной для изучения северных языков была деятельность И. И. Мещанинова, собравшего вокруг себя научный кружок молодых лингвистов-северников. В 1935 г. И. И. Мещанинов прочитал в Ленинградском университете курс лекций с широким привлечением фактов этих языков, а в 1936 г. издал его в виде книги «Новое учение о языке». В «Общем языкознании» (1940) материалы северных языков были использованы еще шире.

В послевоенные годы усилиями И. И. Мещанинова и некоторых его помощников работа по изучению северных языков была продолжена в ИЯМ, а позднее в ЛО ИЯ, где исследования по этим языкам ведутся и сейчас. Свидетельством тому являются многочисленные словари, грамматики, сборники текстов, описания диалектов, обобщающие очерки. Необходимо, как подчеркнул О. П. Суник, более широкое развертывание полевых исследований для фиксации некоторых постепенно исчезающих языков.

В докладе С. Д. Кацнельсона (Ленинград) была дана оценка синтаксической типологии 30-х годов. По его определению, типология как специальная лингвистическая дисциплина – это не обязательно классификация языков и не учение о типах языков, а скорее наука, продолжающая традицию универсальной и философской грамматики XVII–XVIII в.в., т. е. наука о теоретических основаниях единства и своеобразия естественных языков. Анализируя типологические взгляды И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсон отметил, что аналогичную проблематику разрабатывали и многие другие ученые, подчас далекие от взглядов Н. Я. Марра. Вопросы типологии стояли в центре внимания многих советских языковедов и были навеяны более серьезными потребностями науки, чем интересы одного лишь «нового учения о языке». Типологическая концепция И. И. Мещанинова была генетической и, в отличие от многих современных типологических теорий, ставила перед собой цели раскрытия основных исторических стадий в формировании грамматического строя. При этом конструкции брались не изолированно, а как приметы своеобразного синтаксического строя.

Теорию И. И. Мещанинова отличало и то, что его типология ориентировалась на содержание языковых форм (в наиболее позднем варианте учения – на понятийные категории). Крушение стадияльной типологии было вызвано не ошибочностью исходных принципов, а неразработанностью категориального аппарата. Под синтаксисом понимались и синтаксическая

морфология и синтаксическое содержание. Не учитывалось, что форма и содержание в языке не изоморфны. В плане содержания не вполне различались формы сознания, идеологические формы и формы мышления, а в самом языке – формальные и собственно семантические функции.

Доклад М. М. Гухман (Москва) был посвящен универсалиям в лингвистических исследованиях 30–40-х годов, когда универсализму противопоставлялось историко-диалектическое понимание общего и частного. Важно было не столько обнаружить общее, сколько раскрыть специфические черты реализации этого общего. Такой подход к соотношению общего и частного обусловил, например, характер синхронной типологии у И. И. Мещанинова. Другой характерной чертой исследований по универсалиям, проводившихся в Институте языка и мышления, являются поиски общих признаков в самом процессе развития языка. В 30-е годы была выдвинута гипотеза о существовании для каждого стадияльного типа определенной системы взаимосвязанных признаков, т. е. стадияльных универсалий (ср. с импликационными универсалиями, описываемыми в современной лингвистике).

Содержательный аспект универсалий был ориентирован на систему синтактико-смысловых отношений, а не на логико-грамматические категории или типологию поверхностных (формальных) структур. Это определяло, отметила М. М. Гухман, новизну и оригинальность самой постановки вопроса не только по сравнению с более ранними логико-грамматическими схемами, но и сравнительно с универсалиями, выявленными во многих работах последних десятилетий, в которых нередко единичный, подчас мало релевантный, а то и случайный или частный признак возводится в ранг универсалии.

А. П. Евгеньева (Ленинград) в докладе «Работы по исторической лексикологии и лексикографии в Институте языка и мышления» осветила историю подготовки Словаря древнерусского языка, с которой были связаны исследования по исторической лексикологии. В 1925 г. Отделение русского языка и словесности РАН по докладу акад. А. И. Соболевского приняло решение образовать «Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку». Созданную Комиссию возглавил А. И. Соболевский. В ее состав вошли акад. М. Н. Сперанский, акад. Б. М. Ляпунов, С. П. Обнорский, П. К. Симони, А. М. Селищев, В. Ф. Ржига и др. Комиссия начала разработку вопросов об источниках Словаря, его направлении, занялась подготовкой материалов. В 1931 г. она вошла в состав ИЯМ. Особенно широко развернулась работа с 1934 г., когда был создан постоянный штат сотрудников, во главе которого стал Б. А. Ларин. Выдвигаются новые проблемы, значительно расширяются задачи Словаря, ведутся исследования по исторической лексикологии. Создается «Проект» Словаря (1936). Начинается составление Словаря, однако широта и многообразие постав-

ленных задач осложняют работу. Война прервала начатое дело, а послевоенное время выдвинуло новые задачи. Работа продолжается по пересмотренным принципам в Ленинграде до 1953 г. В настоящее время она ведется в Москве.

В докладе Г. Ф. Турчанинова (Ленинград) «Кавказоведение в Институте языка и мышления» шла речь об организации работы по изучению языков Северного Кавказа и Дагестана. В 20 и 30-е годы в ИЯМ велись исследования по таким языкам, как абхазский (Н.Я. Марр, К. Д. Дондуа, А. Н. Генко, Г. Ф. Турчанинов), черкесские (адыгские) (Н. Ф. Яковлев), кабардинский (Г. Ф. Турчанинов), лакский (Г. Б. Муркелинский), дидойский (цезский) (И. В. Мегрелидзе), чамалинский и аварский (А. А. Бокарев), даргинский (С. Л. Быховская), агульский и языки шах-дагской подгруппы яфетических языков Дагестана (Р. М. Шаумян).

По некоторым из этих языков были подготовлены и выпущены в свет грамматики и словари. Традиции кавказоведческой работы в Ленинграде не прерываются. В настоящее время в Ленинградском отделении Института языкознания работает группа кавказоведов, сотрудники которой занимаются изучением абхазского, лакского, грузинского, аварского и адыгских языков.

О картвелистике в Ленинградском яфетическом институте – Институте языка и мышления рассказал член-корр. Грузинской АН Ш. В. Дзидзигури (Тбилиси). К моменту создания Ленинградского лингвистического центра картвелистика стояла на высокой ступени развития. В Институте работа сразу же развернулась по четырем направлениям: 1) текстологии, 2) структуре и лексике картвельских языков, 3) грузинской диалектологии и 4) грузинско-баскским параллелям. Исследования осуществлялись под руководством и при непосредственном участии акад. Н. Я. Марра. Наряду с разработкой теоретических вопросов картвелистики большое внимание уделялось полевой работе. Были исследованы и описаны такие диалекты грузинского языка, как имеретинский (С. Л. Быховская, Л. Г. Башинджаган, Ш. В. Дзидзигури), лехумский (М. Я. Чикавани), гурийский (Н. Я. Марр, И. В. Мегрелидзе, А. А. Глонти), кахетинский (М. П. Чхаидзе), месхский (К. Д. Дондуа, Ш. В. Дзидзигури), говор грузинских евреев Ахалцихского района (Г. В. Церетели) и др.

В. И. Абаев (Москва) выступил с докладом «Яфетический институт. 20-е годы». Он поделился своими интересными воспоминаниями о том периоде в истории Яфетического института, который он назвал «романтическим». В. И. Абаев рассказал о сотрудниках, работавших в Яфетическом институте, о докладах и семинарах, проходивших на квартире у Н. Я. Марра, о том впечатлении, которое произвели на него встречи с Н. Я. Марром и Л. В. Щербой.

Заключительным на конференции был доклад Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой (Ленинград) «Институт речевой культуры и советское языкознание в 20–30-х г. г.». Существовавший с 1921 по 1936 г. научно-исследовательский институт назывался первоначально Институтом сравнительного изучения литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), затем Государственным институтом речевой культуры (ГИРК) и, наконец, Ленинградским научно-исследовательским институтом языкознания (ЛНИИЯ). Ведущими проблемами, разрабатывавшимися в Институте, были история национальных языков, социальная диалектология, развитие синтаксиса в связи с развитием мышления, лингвистическая типология (издание серии «Строй языков» под ред. А. П. Рифтина) и др. В работе над этими вопросами участвовали многие лингвисты Ленинграда, не состоявшие в штате Института.

Конференция вызвала большой интерес самых широких кругов лингвистов. В библиотеке Института языкознания была развернута выставка, на которой были представлены работы сотрудников Института за истекшие 50 лет¹.

Борис Пастернак и его родные в Берлине

В сентябре 1998 г. в журнале «*Berlinische Monatsschrift*» (Heft 9, 1998, S. 39–45) на немецком языке была опубликована статья научного сотрудника Института истории науки имени Макса Планка доктора истории математики Аннетты Фогт о жизни семьи Пастернаков в берлинском районе Шарлоттенбург, который из-за большого количества обитавших там русских называли в двадцатые годы прошлого столетия «Шарлоттенградом» (Annette Vogt. Die Pasternaks in „Charlottengrad“ // *Berlinische Monatsschrift*, Heft 8. Berlin, 1998. S. 39–43). В процессе исследования берлинского периода жизни родственников великого русского поэта доктору А. Фогт пришлось изучить огромный архивный материал. В статье приводятся две фотографии Бориса Леонидовича Пастернака в кругу семьи, а также научный аппарат, по которому можно судить о масштабе проделанной работы.

Ниже излагается содержание статьи, опубликованной доктором А. Фогт. По окончании первой мировой войны в Берлин приехало много граждан из бывшей царской России. Это были представители различных политических, религиозных, социальных, этнических и культурных групп. Нелегкая послевоенная жизнь Европы особенно осложнялась в Германии из-за проигранной войны, огромных репараций и революционного напряжения. Однако инфляция сделала жизнь в Германии до 1924 г. самой дешевой в Европе, и Берлин стал вторым после Парижа центром русской

¹ Работа опубликована в виде хроникальной заметки (Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 156–159).

эмиграции. В период с 1924 по 1933 г. многие из тех, кто проживал в «Шарлоттенграде», мигрировали дальше. Но в двадцатые годы здесь издавались русские ежедневные и еженедельные газеты и журналы, работали театры, музыкальные группы, рестораны. Представители различных политических групп, соперничая друг с другом, соревновались в прогнозах о сроках неизбежного краха правительства в Москве.

Вместе с политическими эмигрантами самых различных мастей – от монархистов и кадетов до либералов и от меньшевиков и народников до бывших большевиков – приехали в Берлин тысячи экспроприированных, которых революция лишила средств к существованию. Все они мечтали о скорейшем возвращении на родину и тешили себя мыслями о получении огромных компенсаций. Среди них были поэты, писатели, художники, архитекторы и журналисты.

Жизнь русской, как ее называли, творческой интеллигенции в Берлине не раз описывалась в литературе.¹ На память приходят имена Максима Горького, Ильи Эренбурга, Владимира Набокова, гастролы Владимира Маяковского и театра Мейерхольда, вернисажи известных художников. Кроме того, в Берлин в разное время приезжали, пока контакты с эмигрантскими кругами не были окончательно запрещены, деятели культуры из Советской России. В силу особого географического положения Берлина, находившегося между Парижем и Москвой, в нем образовалась большая гетерогенная русская колония со своей православной церковью и кладбищем, на котором нашли свой последний приют отец Набокова и отец Сергея Эйзенштейна.

Гости и проживавшие в Берлине русские, как правило, встречались в доме супругов Елены и Николая Тимофеева–Ресовского.² Они обменивались сведениями о родственниках, новостями с родины, вспоминали дореволюционную Россию и пели старинные песни. В августе 1921 г. в Берлин приехала семья Пастернаков: художник Леонид Осипович Пастернак (1862–1945), его жена – пианистка Розалия Исидоровна Кофман (1867–1939), также Роза Кауфман) и две дочери – Жозефина (1900–1993) и Лидия (1902–1989).³ Их братья – Борис Леонидович (1890–1960) и Алек-

¹ Ilja Ehrenburg. *Visum der Zeit*. Leipzig, 1982. *Berliner Begegnungen. Ausländische Künstler in Berlin, 1918 bis 1933*. Dietz-Verlag. Berlin, 1987.

² A. Vogt // *Berlinische Monatsschrift*, Heft 8. Berlin, 1998. S. 17.

³ L. Pasternak. *A Russian Impressionist. 1862–1945*. London, 1974. Ch. Barnes. Boris Pasternak. *A literary biography*. Vol. 1. 1890–1928. Cambridge, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1989. L. Fleishman. *Boris Pasternak. The Poet and His Politics*. Cambridge, Massachusetts, London, 1990. P. J. Mark. *Die Familie Pasternak. Erinnerungen, Berichte, Aufsätze*. Würzburg, 1997. Е. Пастернак. *Борис Пастернак. Материалы для биографии*. М., 1989.

сандр Леонидович (1893–1982) оставались в Советской России. Зимой 1922/1923 г. приезжал в Берлин Борис. Александр навещал родных в 1924/1925 г.

Пастернаки тоже проживали в Шарлоттенбурге и являлись существенной частью русской колонии, хотя не были эмигрантами и сохраняли русское (советское) гражданство. Леонид Пастернак, будучи известным художником, работал в Берлине над портретами своих коллег и ученых – физика Альберта Эйнштейна (1879–1955), а также теолога и президента Общества Кайзера Вильгельма Адольфа фон Харнака (1851–1930). Неоднократно картины Л. Пастернака выставлялись в Берлине и Мюнхене.

Его жена Роза в узком кругу друзей устраивала фортепианные концерты. Дочери изучали философию и химию в Берлинском университете Фридриха–Вильгельма. Лидия Пастернак получила в 1926 г. диплом химика на философском факультете.¹ Свою диссертацию «К вопросу о галогенных производных тирозина» она защитила в Фармацевтическом институте университета, отзывы на нее дали директор института Германн Томс (1859–1931) и Альфред Шток (1876–1946). Устные экзамены она сдала по химии, которая была ее основной специальностью, Томсу, по физике – Вальтеру Нернсту (1864–1941), а также по ботанике и философии. Затем она вернулась в Москву.

С 1919 до 1921 г. Лидия Пастернак училась во втором Московском университете на медицинском факультете, а в 1921 г. перешла на естественно-научный факультет университета им. М. И. Ломоносова, где изучала анатомию, физику, химию, ботанику и сдавала по ним экзамены. Она блестяще, как и другие члены семьи, знала немецкий и французский языки, с детства для обучения детей английскому и немецкому языкам в доме Пастернаков жила гувернантка. На одном из рисунков Леонида Пастернака 1908 г. нарисована немецкая гувернантка и обе его дочери.

Жозефина Пастернак изучала в Берлине философию, затем вышла замуж за своего кузена Федю Пастернака (1880–1976) и уехала вслед за ним в Мюнхен, где тот работал в Лионском кредитном банке. В Мюнхене в 1926 г. Жозефина родила первого ребенка.

21 декабря 1926 г. Лидии Пастернак была присуждена ученая степень доктора. Возникла проблема трудоустройства. Лидия то намеревалась избрать научную карьеру, то думала работать химиком в медицинской лабо-

¹ Archiv Humboldt–Universität, Phil Fak. Nr. 650, Bl. 231–258. Gutachten von Thoms 5.6.1926, Bl.232. Protokoll der Prüfung am 29.7.1926, Bl. 233. Lebenslauf von L. Pasternak, Bl. 236–237.

ратории. Хотелось также заняться фотографией и поэзией.¹ Как химик с докторским дипломом, она имела неплохие шансы найти работу, но она была женщиной, вдобавок иностранкой, и это затрудняло дело. В конце концов, она стала работать на химическом факультете Психиатрического института Кайзера–Вильгельма в Мюнхене под руководством американского химика и медика Ирвина Пэйджа (1901–1991), который был гостевым профессором и создал отдел для исследования обмена веществ в мозге при возникновении атеросклероза.² Финансировал исследования Рокфеллеровский фонд.³

Лидия Пастернак с 1931 по 1935 г. г. регулярно печатала статьи в известном научном журнале «*Biochemische Zeitschrift*». Ее работа была посвящена изучению действия специальных химических препаратов на обмен веществ. Благодаря образованию, полученному в Москве, где она штудировала биологию и анатомию, и своей подготовке как химика, Лидия имела прекрасные перспективы для научно-исследовательской работы, но в 1935 г. после прихода к власти нацистского режима Ирвин Пэйдж вернулся в США, его отдел был закрыт, и Лидии с работы пришлось уйти.⁴ Не было бы счастья, да несчастье помогло: в институте она познакомилась с психологом–медиком Элиотом Слэйтером (1904–1983), который с 1934 до 1935 г. был рокфеллеровским стипендиатом в Берлине и Мюнхене,⁵ и с ним эмигрировала в Великобританию. Они поженились в декабре 1935 г. в Оксфорде.

Еще во время работы у Пэйджа Лидия Пастернак и ее будущий муж часто назначали друг другу встречи в казино Института психиатрии. Там до 1934 г. была размещена выставка картин ее отца. Как вспоминает психиатр Байер, австрийские нацисты, работавшие в институте, выбросили из казино картины Леонида Пастернака и вместо них повесили портрет фюрера.⁶ Свои переживания в связи с приходом к власти коричневой чумы Лидия отразила в стихотворении, которое написала на немецком языке на масленицу 1934 г. Оно чудом уцелело и было опубликовано Маттиасом

¹ Архив Пастернаков в Оксфорде. Письма Л. Пастернак другу (1926–1928), родителям (1934 – начало 1935). Переписка Л. Пастернак с М. Бюлов и Е. Мюллер (1952–1964), а также с И. Пэйдж (1959–1965).

² Tätigkeitsberichte der KWG bzw. des KWI für Psychiatrie // Die Naturwissenschaften, 17 (1929) bis 24 (1936). Poggendorff. Biographisch–Literarisches Handwörterbuch der exakten Naturwissenschaften, Bd. VI. S. 1937 und Bd. VII b. S. 3806–3822.

³ M. M. Weber, E. Rüdin. Eine kritische Biographie. Berlin, 1993.

⁴ K. Macrakis. Exodus der Wissenschaftler aus der Kaiser–Wilhelm–Gesellschaft // W. Fischer u. a. Exodus von Wissenschaften aus Berlin. Berlin, 1994.

⁵ Who is who. Vol. VII: 1981–1990. London, 1991.

⁶ M. M. Weber, E. Rüdin. Eine kritische Biographie. Berlin, 1993. S. 247.

Вебером (М. М. Weber, E. Rüdin. Eine kritische Biographie. Berlin, 1993. С. 238–239).

Переезд Лидии в Оксфорд был для семьи Пастернаков спасением. После прихода нацистов к власти оставаться в Берлине стало невозможно. В 1936/1937 г. родители Лидии переехали к ней и ее мужу в Оксфорд. После погрома 9 ноября 1938 г. в Оксфорд перебралась и Жозефина со своей семьей.

У Лидии родились две дочери и два сына. Жилось семье нелегко, потому что своей специальностью Лидия воспользоваться не могла – шансы на трудоустройство для эмигрантки, притом женщины, в то время были нулевыми.

Когда ее брат Борис Пастернак получил в 1958 г. Нобелевскую премию по литературе, для Лидии появилась новая возможность творческой деятельности, – она стала переводить поэзию брата на английский язык. Эта работа приносила ей признание, радость и удовлетворение, но не деньги. Собственной карьеры ей сделать так и не удалось: в двадцатые–тридцатые годы в Германии и после 1945 г. в Великобритании о Лидии говорили как о дочери русского художника–импрессиониста Леонида Пастернака, затем – как о сестре Нобелевского лауреата Бориса Пастернака. Умерла Лидия Пастернак в Оксфорде в мае 1989 г.¹

Реформа немецкой орфографии в ФРГ

С 1 августа 1999 г. на территории ФРГ вступили в действие новые правила немецкого правописания взамен тех, которые действовали в Германии ранее и были установлены в начале XX в. Они были учтены Дуденом при редактировании 7-го издания «Орфографического словаря», вышедшего в январе 1902 г. С тех пор словарь Дудена являлся официальным справочником немецкой орфографической нормы, учитывающей особенности австрийского и швейцарского языковых стандартов.

Тем не менее, спорные вопросы правописания продолжали существовать, и дискуссия по ним не затухала до нашего времени. Было выработано несколько проектов, в большей или меньшей степени изменявших правила, но ни один не удовлетворял ни лингвистов, ни общественность. Например, в «Штутгартском проекте» предлагалось все нарицательные существительные, стоящие не в начале предложения, писать со строчной буквы,

¹ Работа опубликована в виде статьи: Л. Сова (Аксенова). Борис Пастернак и его родные в Берлине // Нева. 2002. № 6. С. 250–251.

фиксируя также на письме долготу и краткость гласных. В «Висбаденском проекте» регистрация долготы – краткости гласных откладывалась на более позднее время. Аналогичное пожелание исходило от ученых ГДР. Во всех проектах указывалось, кроме того, на необходимость упорядочения правил раздельного и слитного написания слов в пользу раздельного, уточнения принципов слогаделения, переноса слов, калькирования иноязычной лексики, устранения орфографических дублетов, упрощения правил постановки знаков препинания.

Больше всего нареканий вызывали предложения писать существительные со строчной буквы и регистрировать долготу – краткость гласных. В основном, из-за строчной буквы в существительных указанные проекты не были поддержаны в Австрии и Швейцарии. Главный довод немецких филологов, что после реформы датской орфографии в 1948 г. немецкий язык остался единственным, где сохранилась фиксация существительных с заглавной буквы (*Großschreibung*), не выглядел убедительным, потому что написание со строчной буквы (*Kleinschreibung*) затрудняет понимание текста и лишает читателя зрительного восприятия опорных смысловых точек, каковыми являются существительные. На это указывали многие филологи, в том числе российские. Доводы ученых совпали с мнением общественности, и проводимая сегодня реформа немецкого правописания в ФРГ, хотя и появилась на свет в результате многолетних дискуссий, революционных преобразований не содержит.

Дуденовская редакция свела их воедино и для облегчения понимания снабдила примерами. Реформа затрагивает шесть разделов: упорядочение соотношения букв и звуков, раздельное и слитное написание, постановка дефиса, употребление заглавных и строчных букв, пунктуация, правила переноса слов. Для наиболее важных слов, претерпевших изменения, составлен и опубликован словарь (около 900 слов и выражений). Эти правила в переводе на русский язык с незначительными комментариями приведены ниже.

Упорядочение соотношения букв и звуков

1. Вместо *ß* после кратких ударных гласных пишется *ss*: *Fass, Stress, Biss, Missverständnis, Boss, Fluss*, и т. д. взамен принятого написания этих слов с *ß*. Аналогично: *sie muss* (от *müssen*), *er hasst* (от *hassen*), и т. д. Союз *daß* теперь имеет вид: *dass*.

2. Однокоренные слова пишутся однотипно, т. е. различные формы одного и того же слова сохраняют то написание, которое представлено в корне или основе одной из них. Например, следует писать *Ass* (в соответствии с *des Asses, die Asse*) и *Tipp* – из-за *tippen*, *Gämse* – из-за *Gams*, *nummerieren* – из-за *Nummer*, *platzieren* – из-за *Platz*, и т. д. Исключения: *fit, Top*.

3. Если при слитном написании частей слова встречаются подряд три одинаковые буквы, все они сохраняются, поэтому теперь надо писать: *Bestelliste, Schiffahrt, Kaffeeernte, Teeei, Hawaiiinsein*, и т. п. По-прежнему пишутся только три слова: *dennoch, Drittel, Mittag*. Если написание кажется непонятным и неудобным, можно использовать дефис: *Auspuff-Flamme, Tee-Ei*.

4. Диграф *ph* в суффиксах *-phon, -phot, -graph* и других случаях можно заменять буквой *f*; то же относится к *-tial, -tiel, gh, rh, th*: наряду с ними, можно соответственно употреблять *-zial, -ziel, g, r, t*. В силу этого орфографически-правильными признаются теперь два написания: *Delphin* и *Delfin, Photometrie* и *Fotometrie, Diktaphon* и *Diktafon, Geographie* и *Geografie, Differential* и *Differenzial, essentiell* и *essenziell, substantiell* и *substanziell, Spaghetti* и *Spagetti, Katarrh* и *Katarr, Panther* и *Panter, Thunfisch* и *Tunfisch*. Неизменным остается написание слов, которые по-прежнему воспринимаются как иностранные: *Philosophie, Rhetorik, Rheuma, Apotheke, Diskothek, Leichtathletik, Mathematik, Theater*, и т. п.

Раздельное и слитное написание

1. Словосочетания, образованные из существительных и глаголов, должны, в основном, писаться раздельно. По типу *Auto fahren, Klavier spielen* будут фиксироваться словосочетания *Rad fahren, Eis laufen, Halt machen, Maschine schreiben*, и т. п. Слитное написание сохраняется только для сложных слов, в которых произошла лексикализация существительных, т. е. они утратили свое значение и стали играть роль наречий, союзов и других служебных слов. Например: *preisgeben (er gibt preis), standhalten (sie hält stand), stattfinden (die Veranstaltung findet statt), teilhaben (wir haben daran teil)*, и т. д. Если существительное и глагол образуют единое, неделимое на части сложное слово, они пишутся вместе: *schlafwandeln – er schlafwandelte, schlussfolgern – sie schlussfolgerte*.

2. Сложные единства, которые построены из существительных и причастий, приобретают раздельное написание, если таковое имеет место также для инфинитива и если при их образовании не теряются никакие слова. Так, надо писать *Achtung gebietend* подобно *Achtung gebieten, Aufsicht führend (Aufsicht führen), Erdöl exportierend (Erdöl exportieren), Handel treibend (Handel treiben)*, но *mondbeschiene*, потому что оно произошло из словосочетания *vom Mond beschienen*, из которого «испарилось» *vom*.

3. Дериваты, образованные на базе инфинитивов и личных глагольных форм, следует писать только раздельно. Например, *sitzen bleiben (cp. Sie bleibt sitzen), Das Buch/Den erfolglosen Trainer fallen lassen*. Аналогично: *bestehen bleiben, kennen lernen, flöten gehen* и т. д.

4. Словосочетания из причастия и глагола должны фиксироваться как отдельные единицы: не только *getrennt leben*, но и *verloren gehen*, *gefangen halten*, а также им подобные.

5. Композиты из глаголов и местоимений *aneinander*, *aufeinander*, *auseinander* и др. надо фиксировать в виде двух самостоятельных слов, например: *aneinander fügen/ geraten/ grenzen/ legen*, *auseinander biegen/ gehen/ halten/ leben/ nehmen/ setzen*, *gegeneinander prallen/ stoßen*, и т. д.

6. Словосочетания из глаголов и наречий, построенных на базе *-wärts*, пишутся раздельно: *Mit der Firma wird es aufwärts gehen*, *im Beruf vorwärts kommen*, и т. п.

7. Образования от глагола *sein* должны фиксироваться раздельно: *an sein*, *auf sein*, *beisammen sein* и все остальные.

8. Композиты из глагола и прилагательного предлагается регистрировать раздельно, если прилагательные могут быть заменены другими формами или расширены с помощью уточнительных слов: так, *ernst nehmen*, потому что можно вставить слово *sehr* (*sehr ernst nehmen*), *gerade sitzen* – из-за возможности употребить *ganz* (*ganz gerade sitzen*), *gut gehen* – благодаря замене *gut* на *besser* (*besser gehen*), и т. д. Аналогично: *offen stehen*, *schlecht gehen*, *schwer fallen*, *übel nehmen*, и т. д. Вместе пишутся слова, если прилагательные, входящие в их состав, не отделимы от глаголов: *fernsehen*, *festsetzen* (= *bestimmen*) и т. д.

9. Словосочетания из наречий и глаголов пишутся отдельно: *anheim fallen*, *überhand nehmen*, *vorlieb nehmen*. Альтернативно (вместе или раздельно) могут фиксироваться следующие образования: *infrage stellen/ in Frage stellen*, *instand setzen/ in Stand setzen*, *zugrunde liegen/ zu Grunde liegen*, *zustande bringen/ zu Stande bringen*, *zutage fördern/ zu Tage fördern* и другие.

10. Сложные единицы, состоящие из прилагательных и причастий или двух прилагательных, должны писаться раздельно, если первой их частью являются причастия (*drückend heiß*, *kochend heiß*, *leuchtend blau*), формы на *-ig*, *-isch*, *-lich* (*riesig groß*, *mikroskopisch klein*, *bläulich grün*) или слова, которые могут быть заменены эквивалентами и расширены: *dünn besiedelt*, *ernst gemeint*, *schlecht gelaunt*, *unten erwähnt*, *weit verbreitet*, и т. п.

11. Подобно *irgendein*, *irgendwann*, *irgendwer*, будут писаться слитно *irgendjemand* и *irgendwas*. Неизменно раздельной остается фиксация тех словосочетаний, в которых вторая часть может быть расширена (перефразирована): *irgend so ein/ eine/ einer*, *irgend so etwas*.

Изменения в употреблении дефиса

1. В словосочетаниях с числительными цифра отделяется от остальной части дефисом: *8-Acher, 5-Eck, 16-Ender, 6-hebig, 2-jährig, 4-Jährige, 6-monatlich, 14-tägig, 8-Zylinder* и т. д. Дефис не ставится, если цифра соединяется со следующим слогом. Как и прежде, пишется *68er, 100stel, 4fach, 15er* и др.; в сложных словах дефис предваряет вторую часть композиты: *68er-Generation, 15er-Schlüssel*, и т. п.

2. Дефис может ставиться, когда рядом оказываются три одинаковые буквы (*Schiff-Fahrt* наряду с *Schiffahrt, Schiff-Fracht* и *Schifffracht, Teeernte* или *Tee-ernte*) или когда какая-то часть словосочетания отделяется от остальных (*Ichsucht* или *Ich-Sucht, Sollstärke* или *Soll-Stärke, Moselwinzergenossenschaft* или *Mosel-Winzergenossenschaft*).

3. Кальки из английского языка, если первым компонентом является существительное или глагол могут писаться двояко – слитно и раздельно: *Airconditioning – Air-Conditioning, Blackout – Black-Out, Centrecourt – Centre-Court, Chewinggum – Chewing-Gum, Handout – Hand-out, Artdirector – Art-Director, Feedback – Feed-back*, и т. п. Словосочетания, состоящие из прилагательных и существительных, можно также писать вместе или раздельно, но без дефиса. Субстантивный компонент композиты пишется с прописной буквы: *Happyend – Happy End, Highsociety – High Society, Smalltalk – Small Talk* и т. п.

Заглавные и строчные буквы

1. Существительные, которые образуют вместе с предлогами устойчивые структуры, но фиксируются раздельно, выделяются заглавными буквами. Аналогично тому, как употребляется *mit Bezug auf*, будет регистрироваться и *in Bezug auf*. Аналогично: *außer Acht lassen, sich in Acht nehmen*, и т. п.

2. Существительные, которые входят в устойчивые сочетания с глаголами, но функционируют от них отдельно, должны помечаться заглавными буквами: *Rad fahren, Hof halten, Kopf stehen, Leid tun, Maschine schreiben, Pleite gehen, Angst haben, jemandem Angst und Bange machen, sein Eigen nennen, Schuld haben, recht behalten/ bekommen/ haben* и др. Однако в словосочетаниях с глаголом *sein* слова *angst, bange, ernst, recht, gram, leid, pleite, schuld, wert* употребляются как прилагательные, поэтому их следует писать строчными буквами: *mir ist/ wird angst und bange; ich bin es leid; es ist mir recht; du bist selbst schuld; er ist pleite* и т. д.

3. Все субстантивированные порядковые числительные надо писать с прописных букв: *als Erstes, die Rechte Dritter, als Dritter an der Reihe sein; wie kein Zweiter arbeiten* и т. д.

4. Субстантивированные прилагательные во фразеологизмах и устойчивых оборотах речи должны выделяться заглавными буквами: *im Argen liegen, zum Besten geben/ halten, im Dunkeln bleiben/ tappen, auf dem Laufenden halten, sich über etwas im Klaren sein, auf dem Trockenen sich, im Trüben fischen, etwas im Stillen vorbereiten* и др. Исключениями являются следующие словосочетания (они будут писаться по-старому): *von fern, von klein auf, über kurz oder lang, seit langem, von nah und fern, bis auf weiteres* и т. п. Помимо фразеологизмов, субстантивированные названия языков в словосочетаниях с предлогами и названия времени суток в сочетании со словами *vorgestern, gestern, heute, morgen, übermorgen* также пишутся с прописных букв: *ein Referat auf Französisch halten; ein in Englisch abgefasster Brief, gestern/ heute/ morgen Abend, vorgestern Nachmittag* и пр. Прописная буква употребляется также в следующих случаях: *jeder Einzelne, als Einzelner, der Einzige, als Einziger, das Ganze, als Ganzes, nicht das Geringste* и некоторых других. Особо отметим слова, в которых по-старому будет стоять строчная буква: *viel, wenig, eine, andere* во всех формах склонения.

5. В устойчивых словосочетаниях, состоящих из существительного и прилагательного, прилагательное должно писаться строчными буквами. Подобно тому, как ранее фиксировалось *die schwarze Magie, die gelbe Karte, die goldene Hochzeit*, теперь следует писать *die erste Hilfe, das große Los* и другие. Заглавными буквами помечаются только прилагательные, которые употреблены в титулах, названиях учреждений или должностей, почтительных оборотах (*Ihre Königliche Hoheit, der Heilige Vater, Der Regierende Bürgermeister, der Technische Direktor*), классификационных терминах в ботанике и зоологии (*das Fleißige Lieschen, die Gemeine Stubenfliege, der Rote Milan*), календарных датах (*der Heilige Abend, der Erste Mai, der Weiße Sonntag*), названиях исторических событий и эпох (*der Dreißigjährige Krieg, der Deutsch-Französische Krieg 1870/71, der Erste Weltkrieg, die Ältere Steinzeit, die Goldenen Zwanziger*).

6. Прилагательные, образованные от собственных имен с помощью суффиксов *-isch, -sch*, надо писать только со строчной буквы (*goethische/ goethesche Gedichte* от “*Gedichte von Goethe*” или “*Gedichte in der Art Goethes*”, *das ohmsche Gesetz, der ohmsche Widerstand, freudsche Schriften, freudsche Fehlleistung*, и т. п. Выборочно их можно давать с апострофом (при этом с заглавной буквы): *Goethe'sche Dramen, die Grimm'schen Märchen*. Как прежде, будут писаться: *eulenspiegelhafte Possen, eine kafkaeske Stimmung, die Berliner Bevölkerung, die Schweizer Berge* и другие.

7. Местоимения *du, ihr*, употребляемые в прямой речи и в письмах, равно как местоимения *dein, euer*, следует начинать строчной буквой. Заглавная буква резервируется только для местоимения в вежливой форме *Sie* и его деривата *Ihr*.

Знаки препинания

1. В сложносочиненном предложении, части которого связаны союзом *und*, перед союзом *und* запятая ставится по желанию: *Johanna spielte auf dem Klavier und Johannes sang dazu*, наряду с *Johanna spielte auf dem Klavier, und Johannes sang dazu*.

2. Инфинитивные и причастные обороты должны выделяться запятыми только в тех случаях, когда надо избежать двусмысленности. В остальных предложениях запятые могут не ставиться. Например, разрешается писать не только, как прежде: *Sie gingen, ohne sich vom Gastgeber zu verabschieden*, но и без запятой: *Sie gingen ohne sich vom Gastgeber zu verabschieden*. Аналогично: *Etwas Besseres, als eine Urlaubsreise zu gewinnen, konnte mir nicht passieren* или *Mit Wanderkarte und Kompass aufs Beste ausgerüstet, starteten sie in die Berge* и *Mit Wanderkarte und Kompass aufs Beste ausgerüstet starteten sie in die Berge*. Однако запятую следует обязательно ставить, если инфинитивный или причастный оборот отделен от сказуемого указательным местоимением (*Sie erinnerte ihn daran, die Post zu holen*) или когда он выделяется, потому что передает самостоятельную мысль, дополняющую содержание предложения в целом (*Die Weinfreunde, ohne sich zu besinnen, nahmen die Einladung an*).

Правила переноса

1. В противовес правилу, действовавшему ранее, диграф *st* теперь расчленяется при переносе: *Wes-te, Küs-te, meis-tens*, и т. п.

2. Диграф *ck* по новым правилам нельзя разрывать на части: *ba-cken, De-ckel, tro-cken, Zu-cker*, и т. п.

3. В иностранных словах сочетание согласного с *l*, *n* или *r* может разбиваться на компоненты. Наряду с прежним правилом переноса слов *no-ble, Si-gnal* и им подобным, теперь разрешается писать: *nob-le, Sig-nal*, и т. д.

4. Слова, сложность состава которых не ощущается или не распознается говорящими, могут делиться на слоги и переноситься по слогам. Например, можно переносить не только *her-auf, Main-au, Heliko-pter, Päd-agoge*, но и *he-rauf, Mai-nau, Helikop-ter, Päd-agoge*¹.

¹Статья под названием «Орфографическая реформа в ФРГ» опубликована в Материалах конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Десницкой. СПб., 2002. С. 203–209. Ее вариант под названием «Реформа немецкой орфографии в ФРГ» был напечатан в газете «Русский Берлин», № 179/47 (Приложение «Что и как») от 7. 11. 1999 г.

Тезисы докладов

История языкознания: методы и цели

1. Историю языкознания можно описывать двояко: 1) в диахронии, т. е. в соответствии с пространственно-хронологическим упорядочением лингвистических учений (например, лингвистические учения в Европе XIX в., лингвистические учения в Европе XX в., и т. п.); 2) в синхронии, т. е. на основании соотнесения лингвистических концепций с целями, которые ставились в различные эпохи различными лингвистами, и методами, с помощью которых эти цели достигались. В первом случае мы имеем дело с историческим описанием, во втором случае – с типологическим.

2. При синхронно-типологическом подходе к истории языкознания совокупность лингвистических методов и решаемых с их помощью задач оказывается своеобразной системой дифференциальных признаков, в терминах которой сравниваются и «соизмеряются» различные лингвистические концепции. Поэтому первоочередной становится разработка этой «системы отсчета», т. е. упорядочение и классификация лингвистических методов в зависимости от целей, на которые они ориентированы.

3. Можно предложить два типа классификации методов – по цели использования и объектам применения. Классификация лингвистических методов по цели дает деление методов на три группы *а)* методы обучения, *б)* методы контроля над использованием каких-либо иных методов, *в)* методы познания. Распределяя методы по типу объектов, можно прийти к их делению на методы для описания: *з)* языковых явлений, *д)* лингвистической информации о них, *е)* экстралингвистической информации об объектах из п. *з–д)*. Совокупность методов познания (*в)* языковых явлений (*з)* рассматривается как фактор, который определяет границы и возможности научных дисциплин. Поэтому спецификация лингвистических теорий проводится на основании характеристики методов познания, используемых различными учеными (методов, с помощью которых каждая дисциплина исследует свои объекты).

4. Для характеристики методов познания избираются четыре подхода: 1) темпоральный, при котором языковые объекты вводятся в естественную (историческую) темпоральную перспективу (как, например, в исторических грамматиках) или в искусственную (конструктивную), – см., например, итерационные циклы генеративной фонологии, порождающие синтаксические процедуры, динамические модели концептуального аппарата; 2) спатальный, целью которого является создание «языковых пространств» (статических и динамических, – см. Соссюровскую концепцию синхронии, волновую теорию Шмидта, проблематику ареальных и типологических исследований); 3) темпорально-спатальный, при котором языковые объекты пред-

ставляются как системы единиц, локализованных во времени и пространстве (см. теории конвергенции и дивергенции языков, концепции праязыков, но-стратическую гипотезу и др.): 4) не-темпоральный и не-спатиальный, в соответствии с которым языковые объекты абстрагируются от их развития во времени и локализации в пространстве (например, панхронизм Ельмслева).

5. Соответственно выделяются четыре темпорально-спатиальных комплекса методов познания, с помощью которых реализуется каждый подход, и на основании того, каким набором методов пользуется каждая «частная лингвистика», определяются ее границы (тип исследуемых объектов) и возможности (круг решаемых задач). Затем фиксируется объект, для исследования которого применяются методы всех «частных лингвистик». Это язык как система, абстрагируемая от многообразия конкретных языков посредством набора универсальных исследовательских операций. Синхронно-типологическое описание истории языкознания на основе первого подхода рассматривается в докладе как базис теории моделирования «коллективной лингвистической интуиции» и организации процесса познания в лингвистике.

Some methodological problems in the description of the history of linguistics

The paper characterizes principles of diachronic and synchronic typological description of the history of linguistics on the basis of specification of linguistic methods. Two types of method classification are offered tentatively: according to the types of objects and according to how we use results of the application of methods, i. e. according to their purposes. If we classify the linguistic methods according to their purposes we get three groups: *a*) teaching methods, *b*) methods for controlling the usage of other methods, *c*) cognition methods.

Classifying the methods according to the object types we obtain methods for describing: *d*) language units, *e*) linguistic information about them, *f*) extralinguistic information about *d* and *e*. The aggregate of cognition methods (*c*) of language units (*d*) is considered as the factor which determines the boundaries and possibilities of science and its branches, so that specification of linguistic theories is developed on the basis of characteristics of cognition methods, which are used by different scholars.

Four approaches are used for characteristics of cognition methods: 1) a temporal one, by means of which the language objects are introduced into natural (historical) temporal perspective (as in historical grammar) or into artificial (constructive) temporal perspective (as in iterative cycles of generative phonology, in generative syntactic procedures, in dynamic models of conceptual apparatus, etc.); 2) a spatial one, whose aim is the creation of the language “spaces” (static and dynamic, – cf. Saussurian conception of synchrony, Schmidt’s “wave theory”, typo-

logical and arial problems), 3) a temporal-and-spatial one, when the language objects are represented as the systems of units, which are localized in space and time (cf. the theories of language convergence and divergence, the conceptions of Proto-languages, the nostratic hypothesis, etc.); 4) a non-temporal and non-spatial one, in accordance to which the language objects are abstracted from their development in time and localization in space (cf. L. Hjelmslev's panchrony).

Synchronical-typological description of the history of linguistics on the basis of the first approach is considered as a foundation of the theory of modelling "collective linguistic intuition" and of organizing the process of cognition in linguistics.

Лингвистика и металингвистика

1. Превращение лингвистики в точную науку заставляет поставить вопрос о типах объектов, которые исследуются при решении той или иной конкретной задачи. Можно выделить две группы объектов: 1) объекты типа '*человек*', '*видит*', '*хорошо*' и т. п. языковые элементы; 2) объекты типа «слово», «существительное», «глагол» и т. п. лингвистические элементы.

2. В соответствии с этой дихотомией можно говорить о двух типах определений, даваемых лингвистами: 1) определения типа: «'*Человек видит хорошо*' – это предложение»; 2) определения типа: «Предложение – это мысль, выраженная словами». Определения первого типа строятся по образцу: «некоторый языковой элемент есть некоторый лингвистический элемент», определения второго типа – по образцу: «некоторый лингвистический элемент есть некоторое соотношение лингвистических элементов».

3. Если рассматривать теорию как систему определений понятий об объектах, подлежащих исследованию, то выделение указанных двух типов объектов приводит к необходимости построения двух типов теорий: языковой и лингвистической. К языковой теории можно отнести определения понятий о языковых элементах, к лингвистической – определения понятий о лингвистических элементах.

4. Неединственность языковых и лингвистических теорий, а также проблема целесообразного их применения на практике заставляют поставить вопрос о необходимости проведения исследований таких типов: 1) сопоставление между собой различных языковых теорий; 2) сопоставление языковых теорий и целей, для которых они строятся; 3) сопоставление между собой различных лингвистических теорий; 4) сопоставление языковых и лингвистических теорий; 5) сопоставление различных языковых теорий, построенных на основании одной и той же лингвистической теории.

5. Исследования этого типа можно назвать метатеоретическими: мета-

языковыми или металингвистическими, – в зависимости от того, какие теории (языковые или лингвистические) подвергаются анализу. Это, в свою очередь, позволяет, наряду с языковыми и лингвистическими элементами, выделить метаязыковые и металингвистические элементы. Таким образом, формируются четыре предмета исследования (1) исследование языковых элементов; 2) исследование лингвистических элементов; 3) исследование метаязыковых элементов; 4) исследование металингвистических элементов) и, в соответствии с этим, – четыре науки, каждая из которых имеет свой (один) предмет: 1) языковедение, или наука о языковых элементах; 2) лингвистика, или наука о лингвистических элементах; 3) метаязыковедение, или наука о теориях языковых элементов; 4) металингвистика, или наука о теориях лингвистических элементов.

Linguistics and metalinguistics

1. The forming of linguistics as the exact science sets the problem of the types of investigated objects. We can distinguish here two groups of objects:

- 1) the objects of the type: „a man“, „sees“, „well“ and the similar *language* elements;
- 2) the objects of the type: „word“, „noun“, „verb“ and the similar *linguistic* element.

2. In accordance with this dichotomy we can speak about two types of definitions given by linguists:

- 1) definitions of the type: «„A man sees well“ is a sentence»;
- 2) definitions of the type: „The sentence is a thought expressed by words“.

The definitions of the first type are built according to the model: „*a language* element is *a linguistic* element“, the definitions of the second type – according to the model: „*a linguistic* element is some correlation of *linguistic* elements“.

3. If we consider the theory as the system of the definitions of the conceptions of investigated objects, we can research two types of objects resulting in two types of theory: *a language* theory and *a linguistic* theory. As to the language theory it is a system of the definitions of language elements. as to the linguistic one it is the system of the definitions of conceptions of linguistic elements.

4. There are many different language and linguistic theories. So, it is necessary to put the question about the following types of investigations:

- 1) comparison of different language theories;
- 2) comparison between the language theories and purposes they are built for;
- 3) comparison of the different linguistic theories;
- 4) comparison between the language and linguistic theories;
- 5) comparison of different language theories based on the same linguistic theory.

5. It is the investigations of this type that we can call metatheoretical (metalanguage and metalinguistics). In accordance with this subdivision we define the elements observing in metatheoretical investigations as the metaelements (metalanguage and metalinguistic ones). Further we can form four subjects of investigations: 1) of language elements; 2) of linguistic elements; 3) of metalanguage elements; 4) of metalinguistic elements, – and make up four sciences:

- 1) linguistics as a science about language elements;
- 2) linguistics as a science about linguistic elements;
- 3) metalinguistics as a science about metalanguage elements;
- 4) metalinguistics as a science about linguistic elements.¹

Единицы языка и единицы синтаксического описания

1. Когда говорят о типах синтаксических единиц, не совсем понятно, имеются в виду единицы языка или синтаксические термины, в которых они описываются. Задача доклада – выяснить взаимодействие тех и других при построении синтаксической теории.

2. В лингвистике есть антиномия: 1) языковой материал имеет дискретный характер, и деление на языковые единицы исследователю задано; 2) язык – это континуум, и ученый членит его на дискретные единицы в процессе своей работы.

В докладе высказывается предположение, что антиномию можно снять, если ввести следующее условие: существуют такие единицы языка, деление на которые исследователю задано, и такие, для которых это требование не выполняется. Аргументируется, почему к единицам первого типа можно отнести предложение (в устной и письменной речи), словоформу и букву (в стандартизованном печатном тексте), слог и интонационную группу (в устной речи), а к единицам второго типа – морфему (в устной и письменной речи), словосочетание (в письменной речи), отдельный звук и слово (в устной речи). В соответствии с этой аргументацией предложение оказывается единственным элементом, дискретным как в устной, так и в письменной речи, т. е. единственным элементом, который может быть принят в качестве основной единицы языка (язык как потенция к устной и письменной речи).

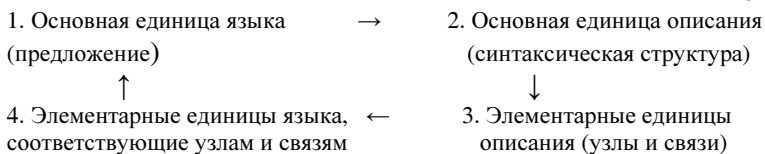
3. Вопрос об остальных единицах решается так. В качестве основной единицы описания предложения в синтаксисе обычно выступает синтаксическая структура: деление ее на компоненты (например, на узлы) дает более мелкие единицы, объединение с другими структурами – более круп-

¹ Доклад был прочитан на X Международном конгрессе лингвистов. Опубликовано в материалах конгресса: *Linguistics & Metalinguistics // Actes du X-e Congrès International des Linguistes*. Bucarest, 28 Aout – 2 Septembre 1967. T. 1. Bucarest, 1970.

ные. Операции с синтаксическими структурами осуществляются на основании критериев двух типов: а) свойств основной единицы языка и б) требований к теории. Поэтому можно сказать, что на компоненты делится не единица языка как таковая, а ее синтаксический прообраз, т. е. единица синтаксического описания. Элементы, которые получаются в результате деления – тоже единицы описания, а не единицы языка.

Следующий этап, описываемый в докладе, – возвращение к языковому материалу. В качестве элементарных языковых единиц принимаются единицы языка, соответствующие элементарным единицам описания, полученным в ходе того или иного синтаксического анализа. Элементарные единицы сопоставляются с основной единицей языка, и цепь замыкается (см. схему 1).

Схема 1

Слева – зона элементов языка, справа – элементов описания. Антиномия снята за счет разделения левой зоны на две области: для одной из них (1) выполняется гипотеза дискретности, для второй (4) – гипотеза континуума¹.

Лингвистика – ветвь семиотики

Доклад состоит из двух частей: 1) теоретической и 2) иллюстративной. Первая часть посвящена общей характеристике развития семиотических исследований по лингвистике, вторая – конкретным результатам, которые можно получить в типологии разноструктурных языков при построении ее как семиотической дисциплины.

Цель теоретической части доклада – показать внутреннюю логику развития лингвистики как одного из разделов семиотики. В основе излагаемой в докладе теории лежит гипотеза о том, что концептуальный аппарат лингвистики может быть смоделирован как саморазвивающаяся система. Один из ее фрагментов описывается в докладе. Его можно представить посредством следующей цепочки тезисов, вскрывающих внутреннюю логику развития лингвистики как семиотической дисциплины.

1) Конкретное слово имеет форму и значение. 2) Слово (любое, т. е. слово как абстракция от всех слов всех языков) является знаком – единст-

¹ Тезисы опубликованы в тезисах докладов конференции «Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков». Ленинград, 1971. С. 25–26.

вом означаемого и означающего. 3) Знак может быть собран из фигур – односторонних единиц плана содержания и плана выражения. 4) Слово – это элемент, определяющей характеристикой которого является его значимость по отношению к другим элементам системы. Нельзя изменить значимость одного элемента, не нарушая значимостей других элементов.

5) Проверка на истинность гипотезы о предполагаемых свойствах одного элемента системы не может считаться законченной, пока не установлена реакция остальных элементов системы на это свойство. Вводя тезисы 1–3, исследователь должен при выяснении вопроса об истинности теории решить, какую они играют роль для положений об остальных элементах системы. 6) Обобщение тезисов 1–3 на случай любой «материальной единицы» языка – слова, словосочетания, морфемы, предложения. 7) Переход к области «чистых отношений» (обобщение тезисов 1–3 на случай связей, структур, функций).

8) Постановка вопроса о том, с чем связана всеобщность тезисов 1–3: с универсальной сущностью исследуемых объектов (т. е. элементов языка) или с универсальными свойствами исследовательского аппарата. 9) Билатеральное представление как средство познания объекта (моделирование объекта в виде монады, дуала или любой иной n -компонентной системы). Стороны объекта, эксплицируемые посредством моделей различного типа. Задачи, для решения которых производится эта экспликация.

10) Построение понятийного аппарата лингвистики как результата абстракции от операций и процедур, применяемых при моделировании языковых объектов¹.

Linguistics as a Branch of Semiotics

The paper consists of two parts: 1) theoretical and 2) illustrative. The first part is devoted to the general characteristics of the semiotic approaches in linguistics, the second one – to the concrete results in typology constructed as a branch of semiotics. The theory under consideration aims to show the inner logic or the development of linguistics as a semiotic science. The paper is built on the basis of the hypothesis on that the conceptual apparatus of linguistics may be modelled as a self-developing system. It is a fragment of this system that is described in the paper. It may be explicated by means of the following sequence of the postulates, which reveals inner logic of progress in linguistics:

1) a concrete word has form and meaning, 2) a word (a word as abstraction from all words of all languages) is a sign being the integrity of both the signified

¹ Работа представляет собой тезисы статьи «Лингвистика – ветвь семиотики», опубликованной в сборнике «Автоматический анализ текстов». Минск, 1976. С. 6–13.

and the signifier, 3) signs are composed of figures (unilateral units of the expression plane or content one), 4) a word is the element the main characteristic feature of which is its value in the system; it is impossible to change the value of an element without the change of the values of other elements, 5) verification of a statement about hypothetical characteristics of an element supposes verification of other elements with regard to these characteristics; if we postulate statements 1–3 and want our linguistic theory to be a non-contradictory we must reveal and describe the function of statements 1–5 concerning the other statements, 6) generalisation of statements 1–3 for any "material units" of language, i. e. for a word, a word group, a sentence, a morpheme, 7) expansion of statements 1–3 on the field of "pure relations" (connections, structures, functions), 8) formation of the problem of universality of these statements – either with universal essence of the objects in question (i. e. language elements) or with universal regularities of the research apparatus, 9) bilateral representation of the language elements as a tool for their cognition (one-component, two-component and any other n-component systems as the models of the linguistic elements: the characteristics of the elements explicated by these models and the purposes of each explication, 10) construction of the linguistic conceptual apparatus on the basis of fixation of the procedures and the operations by means of which the language elements are treated in the different approaches.

Aspects of deep structure

In our attempts to understand what is deep structure, we shall fix certain axes and define it in relation to them. Figuratively speaking, we shall try to describe the deep structure of the problem itself. First of all come the questions of translation. Translation, as it is well known, reorganises the elements of language in such a way that the semantic invariant of a sentence is preserved, while the rest of it radically changed. At the syntactic level they appear to be a structural invariant and specified respectively.

In regard to the opposition meaning vs. form the syntagmatic invariant and the syntagmatic specified present themselves as the meaning structure of a sentence and its formal structure. The syntactic structure of every sentence may be represented as a complex of formal and meaning unit consisting of the signifier and signified. The signifier may be identified as the formal structure of the sentence and the signified – as the meaning structure. So, the syntagmatic invariant and the syntagmatic specified may also be considered as the signifier and the signified. The meaning structure in its turn may be analysed as complex unit. Then it may be represented as the system of meaning constituents and meaning connections between them, such as agentive, temporal, possessive, locative, and so on. The transformational method is used in order to explicate the meaning connections in the syntactic structure of the sentence. The formal structure may be described in the same way. Then it is a set of formal constituents and formal

connections between them, such as government, agreement, adjoining, and so on.

It is possible to look at the meaning structure in relation to the formal structure not only from the point of view of their „antagonistic status“ within a complex whole, but there is also another way of formulating the problem – from the position of the transmutation of the formal and the meaning structures one into the other. This process is made up of several stages. At the 1st stage the meaning structure appears to be amorphous in relation to the language under investigation and is given shape by means of artificial language forms. This phenomenon is usually called deep structure. At the last stage of the transmutation the meaning structure appears to be a substance moulded into the forms of the language under investigation. In this case we are dealing with the surface structure. Each of the intermediate stages is characterised by a specified degree of mutual penetration of form and meaning.

In view of the facts outlined above, it is possible to posit the existence of a linguistic unit, whose different aspects are revealed in correlating with the axes described below:

- 1) Co-ordination with the levels of meaning and form fixed as a static system, which reveals this unit as the meaning structure of the sentence.
- 2) Confrontation of different languages which reveals it as a structural syntagmatic invariant.
- 3) Correlation with more complex units which reveals it as the signified of the syntactic structure.
- 4) Correlation with less complex units which reveals it as a set of meaning constituents and meaning connections.
- 5) Co-ordination with the levels of meaning and form fixed as a dynamic system, which reveals it as deep structure.

Понятие синтаксической структуры в современной лингвистике

1. В каких бы единицах ни строился синтаксис любого языка, в нем всегда присутствует в явной или неявной форме понятие синтаксической структуры предложения. Поэтому любую синтаксическую теорию можно представить как функцию тех определений, которые даются синтаксической теории в современной лингвистике. Покажем, как это можно сделать.

2. Выделим то, что связывают с понятием синтаксической структуры все лингвисты, т. е. эксплицируем ту часть определения понятия синтаксической структуры, с которой согласился бы любой синтаксист. Такое определение было бы, по-видимому, следующим: «синтаксическая структура – это совокупность элементарных единиц: узлов и связей». Теперь представим конкретный тип синтаксической структуры, описываемой каждым

лингвистом, как функцию тех параметров, в зависимости от значений которых определяются узлы и связи.

3. Эти параметры суть:

а) степень абстракции элементарных единиц – оппозиция «конкретные – абстрактные явления» (так, конкретные явления синтаксист имеет в виду, когда описывает связь между такими единицами, как *читаю* и *книгу*, абстрактные – когда говорит о связи между сказуемым и дополнением или между глаголом и существительным (и т. п.);

б) длина протяженности элементарной единицы (в синтаксических построениях этот параметр обычно принимает следующие значения: морфема, слово, словосочетание, предложение);

в) ориентированность элементарной единицы относительно оппозиций «синтагматика – парадигматика» (различные значения этого параметра дают нам возможность отделять, например, те работы, в которых узлы являются членами предложения, от тех, в которых они являются частями речи;

г) структурная характеристика элементарной единицы в терминах формы и значения. Варьирование значений этого параметра в синтаксисе таково: форма (но не значение), значение (но не форма), форма и значение (два подслучая: 1) диффузия, т. е. взаимопроникновение обоих компонентов, при котором форма неотделима от значения; 2) соединение компонентов по типу означаемого и означающего, при котором форма отделима от значения);

д) порядок сборки синтаксической структуры из элементарных единиц, т. е. правила упорядочения узлов и связей в единую иерархию.

4. В зависимости от выбора значений перечисленных пяти параметров можно построить ту или иную концепцию синтаксической структуры и решить вопрос о выборе основной единицы синтаксического описания, поскольку эта единица обычно соотносится либо с синтаксической структурой предложения в целом, либо с какой-то ее частью, соизмеримой с узлами и связями, которые можно определить на основании приведенных в п. 3 характеристик.

5. Перебор всех значений всех параметров является перечнем логически возможных концепций, построенных при учете отмеченных характеристик, т. е. исчислением логически возможных концепций синтаксических структур. Это исчисление может быть рассмотрено как механизм, порождающий концепции синтаксических структур¹.

¹ Тезисы моего доклада «Понятие синтаксической структуры в современной лингвистике» на семинаре по теоретическим проблемам синтаксиса. Опубликовано в материалах семинара (Пермь, 1975. С. 60–63).

Основная единица синтаксического анализа

1. Синтаксическая структура – некая совокупность элементарных единиц. Элементарные единицы бывают двух типов: узлы и связи. Конкретный тип синтаксической структуры, описываемой тем или иным лингвистом, можно представить как функцию параметров, в зависимости от значений которых определяются узлы и связи.

2. Эти параметры суть: *а*) степень абстракции элементарных единиц: оппозиция «конкретные – абстрактные явления» (например, конкретные единицы *читаю, книгу* выступают в качестве узлов или термины классов – «глагол, существительное»), *б*) длина протяженности элементарной единицы (т. е. о чем идет речь при выборе узла – о слове, словосочетании, морфеме или предложении), *в*) с какой осью соотнесена единица – синтагматической или парадигматической (например, в роли узлов выступают части речи или члены предложения), *г*) что учитывается при построении элементарной единицы – форма, значение или и то и другое, *д*) порядок сборки синтаксической структуры из элементарных единиц.

3. В зависимости от выбора значений этих пяти параметров можно построить ту или иную концепцию синтаксической структуры и решить вопрос о выборе основной единицы синтаксического анализа. Перебор всех значений всех параметров является перечнем логически возможных концепций, построенных при учете отмеченных выше характеристик, т. е. исчислением логически возможных концепций синтаксических структур (механизмом, порождающим эти концепции).

Is a set of typological definitions a system?

1. We have some realization of the multiplicity of linguistic theories (and typological theories in particular) since ancient times. Now perhaps there is as many "linguistics" as linguists. However, none of these "linguistics" is linguistics in the strict sense of the term (science of language); each of them is a scientific fragment, not always co-ordinate with others. Is it possible for all these fragments (or anyone of them) to be united in a single whole?

A negative answer would apparently mean that very soon our descendants will be able to tell their children two different versions of the Legend of the Babel Tower: according to one version, God mixed the languages, according to the other – language theories.

In the case of a positive answer, the problem arises, how is it possible to bring in order the linguistic theories for their consolidation.

2. The aim of this paper is to suggest a solution of this problem. To this end, we take three terms "Voice", "Causative Voice", "Causative Voice in Zulu") and raise the question of their arrangement in typology. Considering ty-

pology to be a set of typological definitions (i. e. a set of definitions of notions of different elements existing in real languages), we have decided to arrange all typological terms as a system, in accordance with a system of their definitions.

3. The definitions are organized in the following hierarchy. Linguistic definitions can be classed in two groups: inductive and deductive, depending on the way of their formation. The formation of an inductive definition will be illustrated by constructing the definition of the notion "Causative Voice in Zulu". Accordingly constructing the definition of the notion "The Causative Voice" (in any language) will show the formation of a deductive definition.

4. When a definition is formed by the method of complete (i. e. mathematical) induction, all the language elements with the same category meaning are represented as structural units. The components of these units are classified as invariant and non-invariant ones. Then a definition of the notion of the component's invariant for all registered elements can be constructed, and this will be accepted as a definition of the linguistic category whose classification has been the object of our discussion.

Thus, in order to define the notion "Causative Voice in Zulu", we primarily assemble the verbal derivative forms with the suffix *-isa* or its allomorphs. Then we find all the connotations of the suffix *-isa* in different contexts: "to make somebody do something, to help somebody to do, to imitate, to intensify or to repeat any actions, to make a verb transitive one or to increase the number of its complements".

For example: *wahlawula* 'he paid a fine' – *wamhlawulisa* 'she made him pay a fine'; *waqina* 'he was strong' – *waziqinisa* 'he strengthened after his illness' (lit. 'he became strong again'); *wakha indlu* 'he built a house' – *wamakhisa indlu* 'she helped him to build a house'; *balwa* 'they fight' – *balwisa okwezinja* 'they fight as dogs'; *waqina* 'he was strong' – *waqinisa* 'he was very strong'; *wathaba* 'he was delighted' – *wamthabisa* 'she delighted him'.¹

All these connotations are split into elementary meaningful units. These units are tested with the aim of finding the invariant one (i. e. the connotation which is present in any use of the suffix *-isa*).

It turned out that the invariant feature of the suffix *-isa* lies in its function of marking *structural syntagmatic plurality*, or more precisely, of marking the plural number of syntagmatic connections. In accordance with this result, the "Causative Voice in Zulu" may be defined as a two-sided category consist-

¹More details on this question are given in: L. Z. Sova. The functions of the suffix *-isa* in Zulu // *Africana* VII. Leningrad, 1971. P. 127–150.

ing of a formal and a meaningful component. The formal component may be defined through the suffix *-isa* and its allomorphs, the meaningful one may be defined through the function "to be a sign of plurality of syntagmatic connections".

5. On the basis of the result received in constructing this inductive definition, we can form such deductive definitions as those of the notions "Causative Voice" or "Voice". We should ascertain whether our inductive definition of the notion "Causative Voice *in Zulu*" agrees with the phenomena as observed in some thoroughly studied languages.

In the case of a positive answer, the inductive definition as formed above may be postulated as a true one. It may be accepted as the definition of Causative Voice (in any language). It will give us a possibility to decide if Causative Voice is present or absent in one or another less thoroughly studied languages by juxtaposing the facts in these languages with our definitions. If the facts correspond to our definition of Causative Voice, it will testify to the existence of Causative Voice in the respective languages. In the contrary case – that it is absent.

Thus we shall be able to establish our typological theory with the certainty that we indeed deal with the same phenomena in all languages (i.e. Causative Voice in the sense that has been formulated above).

6. It is reasonable to construct the definition of the notion "The Voice" as a definition that generalizes notions "The Causative Voice in Zulu" and "The Causative Voice". For example, we may form the generalizing definition as follows. The voice is a two-sided category consisting of a formal and a meaningful component. While the former depends on specific features in every language, the latter is the same in all languages. It is defined on the basis of the notion "reorganization (qualificative and quantitative) of the syntagmatic connections".¹

Границы и возможности типологии

1. Фиксируются четыре оппозиции: 1) план содержания/ план выражения, 2) форма / субстанция, 3) единичное / общее (категориальное), 4) динамика / статика (процесс / результат) и показывается, что они являются, вопреки мнению многих исследователей, иррелевантными для противопоставления типологии и генетической лингвистики. Спецификация лингвистических дисциплин осуществляется не по линии перечисленных оппозиций, а по линии тех методов, с помощью которых каждая дисциплина

¹ It's a summary of my report at the conference „Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages“. It appeared in: Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian languages. Budapest, 1970. P. 93–94.

исследует свои объекты: методы определяют границы, возможности и перспективы науки.

2. Для вскрытия сущностных характеристик языковых объектов отмечаются четыре подхода: 1) темпоральный – введение объекта в искусственную (исследовательскую – ср. с итерационными циклами генеративной фонологии) или естественную (историческую) темпоральную перспективу, 2) спатальный – организация статических языковых пространств, 3) темпорально–спатальный (представление объекта в виде системы элементов, распределенных в пространстве и развивающихся во времени), 4) не – темпоральный и не – спатальный (описание объекта в абстракции от его развития во времени и распределения в пространстве).

3. Соответственно выделяются четыре комплекса универсальных методов, с помощью которых реализуется каждый подход, и на основании того, каким набором методов пользуется каждая частная лингвистика, определяются ее границы (тип исследуемых объектов) и возможности (круг решаемых задач). В числе этих дисциплин определяется типология (в узком смысле) как наука, которая использует методы, реализующие второй подход.

4. Затем фиксируется объект, для исследования которого применяются методы всех частных лингвистик: язык как система, абстрагированная от многообразия конкретных языков. В качестве науки, исследующей этот объект методами всех частных лингвистик, постулируется типология (в широком смысле) – «всеобъемлющая лингвистика», о которой писал Л. Ельмслев.

Сравнительно-историческая и типологическая лингвистика

1. В современной науке часто обсуждается вопрос о дифференциации и интеграции тех или иных отраслей знания. Этот вопрос в различной форме ставится и в лингвистике, когда идет речь о соотношении сравнительно-исторической лингвистики и типологии. Ответы на него формулируются различные, в том числе и взаимоисключающие друг друга¹. Цель доклада – найти пути разрешения антиномий, возникающих в процессе дискуссии о соотношении типологии и сравнительно-исторической лингвистики.

2. Рассмотрение дихотомий «план содержания – план выражения», «форма – субстанция», «единичное – общее», «процесс – результат» пока-

¹ См., например: Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. Г. А. Климов. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Ленинград, 1971. Н. Birnbaum. Problems of Typological and Genetic Linguistics Viewed in a Generative Framework. The Hague, 1970. A. Rona-Tas. Historical Linguistics, Linguistic Typology, Linguistic Relationship. Budapest, 1970, etc.

зывает, что они иррелевантны для противопоставления обеих дисциплин, хотя именно эти антиномии используются при построении аргументации в пользу сходства или различия типологии и сравнительно-исторической лингвистики.

В докладе иллюстрируется, что и сравнительно-историческая лингвистика, и типология имеют общий метод – сравнения, при котором фиксируются тождества и различия языковых элементов. Обе дисциплины интересуются корреляциями тождеств и различий как в плане содержания, так и в плане выражения, как для анализа языковых форм, так и для анализа субстанции этих форм. Типологические исследования проводятся и над конкретными единицами, и над категориями; объекты типологии могут выступать и как статические, и как динамические образования. То же самое имеет место и в сравнительно-исторической лингвистике. Поэтому мы и отмечаем, что с позиции указанных дихотомий обе дисциплины не отличаются друг от друга.

3. Сравнительно-историческую лингвистику и типологию можно четко противопоставить друг другу, если выбрать иное основание сравнения: способ представления объектов относительно пространственно-временной системы отсчета.

Логически возможны четыре случая представления объекта:

1) развивающимся («растянутым») во времени и «сплюснутым» в одну точку в пространстве,

2) «растянутым» в пространстве (т. е. описание в виде системы распределенных в пространстве элементов) и «сплюснутым» во времени (абстрагированным от процесса развития),

3) в виде системы элементов, распределенных в пространстве и развивающихся во времени,

4) в абстракции от его развития во времени и распределения в пространстве.

Типология пользуется вторым способом представления объектов, сравнительно-историческая лингвистика – первым и третьим, дескриптивистика – четвертым.

4. Каждый тип представления можно рассматривать как метод конструирования объектов. Используя все четыре метода, можно получить четыре различных слепка одного и того же объекта, т. е. четыре образа объекта, как бы изготовленных различными способами. Совмещение всех образов можно рассматривать как метод вариации представлений.

Этот метод можно абстрагировать от естественной темпоральной перспективы, которая имеет место в сравнительно-исторических исследованиях. Вводя искусственную темпоральную перспективу в представление

объекта, метод вариации можно использовать вне сравнительно-исторических исследований, например, в типологии, аналогично тому, как это было сделано Хомским и Халле, когда они ввели в генеративную фонологию итерационные циклы, развертка которых осуществляется вне реальной исторической перспективы и только в отдельных случаях совпадает с подлинной диахронией.

Дискуссия по «Аналитической лингвистике» (1971–1977)

Д. А. Ольдерогге. О работе Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика»

Работа Л. З. Сова, вышедшая недавно под названием «Аналитическая лингвистика», посвящена проблемам, находящимся в центре интересов современной лингвистики¹. Она представляет собой теоретическое обобщение тех взглядов, которые были уже изложены в предшествующих двух книгах Л. З. Сова, где теория была использована и проверена на конкретном языковом материале, а именно, на материале одного из сложнейших языков группы банту – языке зулу. Я имею в виду два тома, посвященных описанию «Конфигурационного синтаксиса языка зулу»: т. 1, вышедший в 1968 г., и т. 2, вышедший в 1969 г. С их содержанием связана новая работа, представляющая очень интересное и строго логическое изложение принципов аналитического рассмотрения лингвистических проблем.

Л. З. Сова отмечает два методологических подхода, которые она называет аналитическим и синтетическим. Синтетический подход предполагает задание объектов лингвистического исследования в виде неделимых формально-смысловых единств, а при аналитическом подходе те же объекты рассматриваются как знаки, в составе которых можно выделить формальную сторону (означающее) и смысловую (означаемое). Оба подхода, отмечает автор, являются логически равноправными, и построение непротиворечивой лингвистической теории (а именно к этому и стремится автор) может быть осуществлено в рамках любого из них, если данный подход последовательно применяется ко всем объектам, участвующим в построении теорий.

Лингвистическую теорию Л. З. Сова предлагает строить в виде системы. Все лингвистические элементы в соответствии с этим планом, должны быть разделены на исходные и производные, т. е. образованные из исходных по определенным правилам. За исходные автор принимает лингвистические элементы «слово» и «синтаксическую связь» и затем анализирует правила, по которым можно перейти от этих элементов к таким, как словосочетание, предложение, синтаксическая структура, валентность, управление и т. д. При этом учитывается как аналитическое, так и синтетическое рассмотрение всех исследуемых объектов. Определения, которые строит автор, надежно опираются на лингвистическую традицию, отраженную в тщательно проанализированной и досконально изученной автором литера-

¹ Отзыв был зачитан 16.06.1972 на заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, посвященном защите моей монографии «Аналитическая лингвистика» в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук.

туре вопроса.

После выяснения того, какие тезисы лингвистической теории можно получить, если исходить из аналитического рассмотрения, а какие – на основе синтетического подхода, автор ставит вопрос о том, какой подход является предпочтительнее, и показывает, что ответ на этот вопрос диктуется практикой. В «Аналитической лингвистике» подробно исследуются те задачи, решение которых может быть достигнуто только с позиции аналитического подхода и для решения которых синтетический подход оказывается неприемлемым. Сюда относятся, в первую очередь, проблемы межъязыкового перевода, в частности автоматического перевода, вопросы накопления и переработки информации, автоматического реферирования текста, построения порождающих грамматик и типологических описаний разноструктурных языков.

Основные интересы автора связаны с типологией разноструктурных языков, среди которых можно назвать африканские языки (например, языки группы банту и некоторые языки Судана), а также индоевропейские и тюркские. Специфичность формальных синтаксических структур автор рассматривает на сопоставительном материале восьми языков: русского, английского, французского, зулу, луганда, хауса, конго и азербайджанского, – см. стр. 223–232 монографии. Целью автора становится построение теории, удобной для описания разноструктурных языков, теории, которую можно построить только с позиций аналитического подхода, предполагающего расщепление исследуемых объектов (например, таких, как синтаксические структуры) на означаемое и означающее. Таким образом, из двух логически равноправных методологических подходов выбирается тот, который оказывается практически более действенным. Тем самым создаются предпосылки для построения лингвистической теории в виде знаковой, т. е. семиотической системы.

Методам построения этой системы, а также процедурам применения этих методов к лингвистическому материалу посвящена «Аналитическая лингвистика». Результаты применения методов, описанных в этой работе, представлены в двух томах «Конфигурационного синтаксиса языка зулу», вышедших ранее (В них изложена лингвистическая теория типологических исследований, а само исследование проведено на материале русского и зулусского языков). Аналогичное исследование было проведено также на материале английского языка О. З. Авербух в ее диссертации «Формально-смысловые структуры английского языка», руководителем которой была Л. З. Сова. Диссертация на степень кандидата филологических наук была успешно защищена. Таким образом, аналитическая теория, разработанная Л. З. Совой, была проверена на широком языковом материале. То обстоятельство, что такие типологически далекие языки, как английский, русский и зулусский, подтверждают концепцию Л. З. Сова, несомненно, является

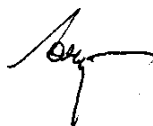
доказательством того, что перед нами солидная и обоснованная теория.

Основное внимание в работе Л. З. Сова уделяется, как я отмечал выше, аналитическому методу, т. е. методу, с помощью которого лингвистические элементы задаются в виде знаков. С позиций этой системы, т. е. в терминах общесемиологического подхода, строится в работе критический анализ различных лингвистических теорий. Исследуются такие «вечные проблемы» лингвистики, как управление, части речи и члены предложения. Эта часть монографии интересна сама по себе, даже вне тех задач, которые ставит перед собой автор. Старый вопрос о соотношении частей речи и членов предложения, о соотношении смысловой структуры и формальной рассматривается здесь в новом освещении.

Мне представляется, что автор правильно отметил неудовлетворительность многих грамматических описаний и построений, смешивающих логические понятия разных видов. Это вызывает (не только в лингвистике, но и в других общественных науках) множество недоразумений и неясностей в определениях. Нередко определения оказываются противоречащими исходным позициям именно потому, что они обоснованы недостаточно логически. Л. З. Сова указывает на те неясности, которые возникают, например, при употреблении термина «управление» и дает свое построение теории управления, свободной от неясностей и противоречий. Строго логическое построение теории, представленной в «Аналитической лингвистике», составляет главное достоинство работы. Здесь нет возможности указывать на все то новое, что вносит в лингвистику исследование Л. З. Сова, но несомненно, что вся система построения «Аналитической лингвистики» точно продумана, последовательна и устраняет какие-либо неясности. С полным правом я могу сказать, что Л. З. Сове удалось создать методику рассмотрения языковых явлений, непротиворечивую по своей сущности, и в этом ее значение.

Мне нет необходимости добавлять, что автор стоит на уровне достижений мировой науки, хорошо знаком с современными как советскими, так и зарубежными теориями и критически их оценил.

Нет никакого сомнения в том, что работа Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика» вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к диссертациям, которые представляются для защиты на степень доктора филологических наук. Уже прежние работы Л. З. Сова давали ей основание претендовать на эту степень. Настоящая работа свидетельствует о дальнейшем развитии ее лингвистических взглядов.

С. К. Шаумян. О монографии Л. З. Совы «Аналитическая лингвистика» (М. Изд-во «Наука», 1970)

Книга Л. З. Совы «Аналитическая лингвистика» – это многоплановое исследование по вопросам теоретической лингвистики¹. Она посвящена разработке процедур, необходимых для построения универсальной лингвистической теории.

Многие идеи книги выражены в ней имплицитно или, во всяком случае, в недостаточно развернутом виде. Поэтому при рассмотрении этой монографии я не буду следовать за ходом изложения автора, а попытаюсь в эксплицитной форме указать на то существенное, что, на мой взгляд, может быть извлечено из нее и приведено в систему.

Допустим, у нас есть некоторая формальная теория. Любой сложный элемент в этой системе должен рассматриваться в качестве результата применения определенных правил к некоторым исходным простым элементам. Элементами формальной системы могут быть либо объекты, либо высказывания. В первом случае мы говорим о построении сложных *объектов* формальной системы из некоторых исходных простых объектов, во втором случае мы говорим о выводе некоторых *высказываний* из исходных простых высказываний (аксиом).

В качестве материала для построения формальной теории можно использовать какую-нибудь неформальную теорию, т. е. систему определений, относящихся к каким-либо лингвистическим объектам. В этом смысле говорят, например, о теории фонемы, теории управления, теории частей речи и т. п. В неформальных теориях мы не имеем ни аксиом, ни правил вывода, однако если мы расположим высказывания такой теории в виде некоторой иерархической системы, то можем одни из этих высказываний принять за исходные, а остальные рассматривать как следствия из них.

Чтобы проиллюстрировать этот подход на конкретном примере, возьмем следующее теоретическое высказывание: «Предложение – это цепочка слов, между которыми есть связи». Это высказывание можно рассматривать как результат вывода из высказываний, служащих для определения терминов «слово» и «связь», а эти последние высказывания могут быть сведены к некоторым исходным высказываниям, которые можно условно назвать аксиомами.

Осуществляя указанную процедуру для нескольких неформальных теорий, мы можем поставить вопрос о соотносительности их аксиоматик (термин «аксиоматика» понимается условно, как и термин «аксиома»). Убедившись в том, что аксиоматики рассматриваемых теорий взаимно

¹ См. примечание 1 на с. 233.

согласуются, мы можем сделать попытку объединить все имеющиеся у нас в наличии аксиомы в одну систему. Перейдя от полученного таким образом сводного списка аксиом к исчислению логических возможностей выбора признаков для объектов, определяемых через аксиомы, мы получим материал, необходимый для построения формальной метатеории.

Эту метатеорию можно построить в виде механизма, порождающего лингвистические теории. В этом случае любую лингвистическую теорию, основанную на учтенных нами аксиомах, можно будет рассматривать как реализацию некоторой комбинации аксиом и примененных к ним правил вывода, зафиксированных в нашей метатеории (в качестве аксиом метатеории будут выступать высказывания, которые были получены нами в результате анализа неформальных теорий и которые в ходе этого анализа аксиомами могли быть названы только условно, что я и отмечал выше).

Можно соглашаться или не соглашаться с замыслом автора, но, во всяком случае, он является интересным и заслуживает пристального внимания.

Отмечая появление в лингвистике идеи о создании механизма, генерирующего лингвистические концепции, мы должны посмотреть, что это дает нам теоретически и практически. Имея в виду теоретический аспект, можно отметить следующее. Дело идет о формировании лингвистических теорий в виде порождающих исчислений с разрешимой проблемой выводимости, т. е. о системах, которые в результате особых преобразований могут быть превращены в формализмы. Для систем этого типа имеет смысл постановка в строгой форме вопроса о корректности (непротиворечивости и полноте). Другими словами, доказательство непротиворечивости и полноты лингвистической теории в этом случае может быть организовано средствами формальной логики.

Следующий шаг – вопрос о том, сколько непротиворечивых формальных теорий (и какого типа) могут быть построены в лингвистике, должна ли строиться единственная универсальная теория или таких теорий может быть несколько – в зависимости от целей, на которые их следует ориентировать (синхронные или диахронные описания, статические или динамические, генеративные или таксономические и т. д.).

Говоря о том, что может дать выдвинутая автором идея практически, надо, как это видно из вышеизложенного, зафиксировать, прежде всего, те факторы, которые связаны с преимуществами, которые мы можем получить, имея универсальную формальную теорию. Среди самых важных можно отметить, например, такие: построение соизмеримых описаний разноструктурных языков при типологических исследованиях и на их основе выработка теоретически обоснованных принципов автоматического перевода и реферирования текстов, рекомендации для построения грамматик и

учебных пособий, решение ряда спорных теоретических вопросов, которые отражаются на изучении и преподавании языков, – таких, как соотношение частей речи и членов предложения, морфологии и синтаксиса и др.

Таков в самых общих чертах круг идей, определяющих замысел автора. Реализация этого замысла целиком зависит от того, какие высказывания будут приняты в качестве аксиом метатеории, а эти аксиомы, в свою очередь, обуславливаются теми процедурами, с помощью которых они могут быть экстрагированы из неформальных теорий. И значит, вопрос о процедурах построения определений лингвистических объектов (таких, как предложение, слово, синтаксическая связь и др.) становится центральным в деятельности исследователя, который ставит перед собой задачу создать универсальную лингвистическую теорию в указанном выше смысле. Именно этим и объясняется то внимание, которое уделено в «Аналитической лингвистике» описанию процедур извлечения аксиом из неформальных лингвистических теорий и описанию процедур построения из аксиом производных высказываний. Первые процедуры автор называет аналитическими, или анализом, вторые – синтезом. Особенное внимание в работе уделено методу проведения аналитических процедур – теоретическому обоснованию этого метода и фиксации его применения.

По замыслу автора, центр тяжести при описании исследований подобного рода лежит в фиксации метода извлечения аксиом, а не в регистрации полученных автором результатов, поскольку если бы этим методом был исследован другой круг неформальных теорий, то результаты были бы иные, чем те, которые получил автор в ходе своих исследований. А так как конечной целью является объединение аксиоматик, полученных в результате анализа всех заслуживающих внимания лингвистических теорий, то для автора наиболее существенным оказывается демонстрация самого метода. В рецензируемой монографии применение аналитического метода демонстрируется на материале теории управления, частей речи, членов предложения, синтагматических и парадигматических связей, предложения, слова, знака, семиотических систем и некоторых других.

Оценивая реализацию авторского замысла, можно ответить, что к анализу был привлечен достаточно широкий круг лингвистических концепций, притом наиболее важных концепций. Поэтому аксиомы, экстрагированные автором, интересны не только как иллюстрация тех результатов, которые можно получить вследствие применения аналитического метода, но и как экспликация идей, обуславливающих именно то состояние развития лингвистики, с которым мы имеем дело в данный момент.

Не менее важно и то, что при фиксации аналитических процедур автору, действительно, удалось зарегистрировать все элементарные шаги, необходимые для перехода от сложных тезисов к все более простым, и полу-

ченные автором аксиомы (см. определение слова и связи на стр. 221–222 монографии) неизбежно вытекают из описанной автором цепочки операций, т. е. целиком, как того и хотел автор, обуславливаются процедурой их вывода. Процесс анализа высказываний, из которых экстрагируются аксиомы, представлен в работе ясно и убедительно.

Перейдем к критическим замечаниям. Мы остановимся только на пунктах, которые нам кажутся наиболее существенными. Замечания более частного порядка оставим в стороне.

Начнем с формы изложения. Обычно характер изложения научной монографии относится к частным вопросам, однако в данном случае это не второстепенный вопрос. Автор владеет пером и пишет хорошим живым ясным языком. Но нас не может удовлетворить сама логическая структура монографии: монография написана таким образом, что автор на первое место выдвигает конкретные примеры применения метода, сама же теоретическая концепция, о которой я говорил выше и ради которой написана книга, остается в тени. Автор возлагает на читателя тяжелое бремя: научившись аналитическому методу, эксплицировать суждения самого автора. Для того, кому это бремя непосильно, рецензируемая монография в первой своей части может показаться некоего рода экстрактом из истории лингвистических учений, а во второй части – изложением рекомендаций по отбору объектов и проведению лингвистических процедур, – отбору, который не обосновывается автором в каждом конкретном случае и поэтому может остаться непонятным для читателя.

Переходя к содержанию исследования, прежде всего, остановимся на вопросе дуализации. Под дуализацией автор имеет в виду различие плана содержания и плана выражения. При этом автор относит к плану содержания, помимо лексических значений, также и разного рода смысловые связи между словами (например, агентивную связь, посессивную, локативную и т. д.). Что касается плана выражения, то автор относит к плану выражения, помимо звуковой оболочки слов, также и формальные отношения между словами (например, управление, согласование и примыкание). В результате автор строит для каждого предложения два дерева: одно – для плана содержания, второе – для плана выражения. В принципе против такого метода возражать не приходится. Более того, такой метод представляет собой шаг вперед по сравнению с синтаксическим анализом, в котором не проводится строгое различие между смысловыми и формальными синтагматическими связями.

Тем не менее, этого все-таки недостаточно. Для построения формальной теории, учитывающей план содержания, мы должны разделить все структуры плана содержания на базисные смысловые структуры и производные. Только идя по такому пути, мы можем выяснить, каким образом

смысловые структуры сводятся к простейшим смысловым структурам. Объяснительная сила всякой теории и, в том числе семантической теории, состоит в сведении сложного к простому. Что касается семантики, то для получения подобной теории необходимо идти только что указанным путем.

В качестве иллюстрации необходимости различения базисных и производных смысловых структур можно остановиться на вопросе о частях речи, т. е. классах слов. Из изложения данного вопроса в книге следует, что разбиение слов на классы в зависимости от их значимостей – это универсальная черта языков мира. С этим утверждением нельзя не согласиться. Однако следовало пойти дальше и поставить вопрос, какие инварианты лежат в основе классов слов. Как показали исследования, проведенные в последнее время лингвистами самых разных направлений, на базисном (глубинном) семантическом уровне можно различать только предикатные структуры, состоящие из предикатов и аргументов. Здесь мы уже не вправе говорить о классах слов, а можем говорить только о двух родах объектов – предикатах и аргументах: они-то и являются инвариантами, лежащими в основе классов слов, которые вычлениются при преобразовании глубинных структур в поверхностные.

По поводу только что сказанного существует такое возражение: предикаты и аргументы относятся к синтагматическим элементам, а части речи – к парадигматическим. Однако специфика глубинного семантического уровня в том и состоит, что там не различается понятие синтагматики и парадигматики: синтагматические и парадигматические отношения появляются при переходе к поверхностному уровню.

Далее. Как я уже отмечал, процесс анализа синтетических суждений, из которых экстрагируются аксиомы, в работе представлен четко и убедительно. Хуже, на мой взгляд, обстоит дело с описанием обратной процедуры, необходимой для построения универсальной теории, т. е. синтезом сложных высказываний из полученных автором аксиом. Аксиомы зафиксированы в самом конце монографии, и синтез фактически возлагается на читателя. Мне представляется, что в заключение проделанной работы автор должен был показать читателю, как, двигаясь в обратном направлении, т. е. от исходных высказываний к сложным, он сможет синтезировать такой, например, лингвистический элемент, как предложение, из сконструированных автором лингвистических элементов «слово» и «связь». Другими словами, необходимо указать те операции, при помощи которых предложение как сложный объект строится из более простых объектов. Нужно строить не только лингвистику анализа, но и лингвистику синтеза.

Создание универсальной теории, которая интересует автора, зависит, как я говорил, от выбора аксиом, а они, в свою очередь, обусловлены тем,

какие именно исходные синтетические суждения подвергнуты анализу. В качестве синтетических суждений, подвергаемых анализу, автор выбрал три следующих определения предложения: 1) Предложение – это мысль, выраженная словами, 2) Предложение – это цепочка словоформ, имеющая смысл, 3) Предложение – это цепочка связанных между собой слов (стр. 12 монографии).

В работе не аргументируется, почему анализировались именно эти (и только эти) дефиниции предложения, почему не учтены другие дефиниции. Такая аргументация мне кажется необходимой. Тем более что в число анализируемых определений включено одно определение, которое правильным (соответствующим лингвистическому опыту) не является: «Предложение – это мысль, выраженная словами». Возможно, это определение анализировать было более удобно, чем определение: «Предложение – это законченная мысль, выраженная словами», и автор был вправе показать, как интересующий его метод работает не только с примерами, но и с контрпримерами, однако отбор как примеров, так и контрпримеров, в работе такого типа должен быть четко обоснован.

Много места уделяется в монографии вопросу о соотношении формы и значения в языке, и в частности, вопросу о соотношении формы и значения в синтаксисе. Эта проблема находится в центре внимания современной лингвистики и особенно тех, кто занимается глубинными и поверхностными структурами. Однако автор нигде не говорит о том, как соотносятся описываемые им формальные и смысловые синтаксические структуры с глубинными и поверхностными структурами, фигурирующими в других синтаксических исследованиях: одного ли это типа явления или разного, стоит ли за терминологическими различиями какой-либо глубинный смысл или речь идет только о поверхностных различиях.

Особенно автора интересуют вопросы, связанные с таким видом анализа, как дуализация. Процедуры, которые зафиксированы в монографии, посвящены, в основном, построению дуалов (таких, как предложение, слово, связь) из не-дуалов, т. е. фигур – единиц либо формального плана, либо смыслового плана. Однако в работе отсутствуют процедуры, необходимые для построения самих фигур (например, формальных или смысловых связей). Этим объектам даются только общие вербальные характеристики. Подобного рода вербальные определения основных лингвистических объектов представляются малопродуктивными. Вместо того чтобы определять эти элементы путем вербальных дефиниций, следовало бы указать те операции, при помощи которых они могут быть построены. В подлинно формальной системе определить объект – это значит задать те операции, посредством которых он может быть построен. Это и есть единственный продуктивный способ определения лингвистических объектов. И этот способ должен быть использован при построении всех лингвистических объ-

ектов, а не только тех, описание которых представлено в монографии Л. З. Сова.

Оценивая работу в целом, можно отметить, что она посвящена разработке проблем, которые не может обойти ни один лингвист-теоретик. Монография представляет собой первую (и на мой взгляд, удачную) попытку связать воедино различные звенья лингвистической теории и показать, какие именно практические задачи обуславливают выбор того или иного варианта лингвистической теории. Актуальность и острота проблем, поставленных в монографии, не вызывают сомнения. Работа интересна не только по замыслу, но и по реализации этого замысла.

Особенно удачными мне кажутся конструктивные соображения автора в области процедур лингвистического исследования и проблем лингвистической типологии. Не менее интересной является и критическая часть работы, в которой автор строит оценку различных синтаксических теорий с точки зрения универсальной теории, ради создания которой ведется аналитическое исследование. Здесь надо отметить не только широту охваченного материала, но и ту тонкость анализа, которая делает эту часть монографии не менее важной, чем та, в которой развивается собственная концепция.

Несмотря на трудности фактического порядка, связанные с чрезвычайной сложностью темы и необходимостью оперировать абстрактными категориями, автор справился с задачами, которые стояли перед ним, и написал книгу, которая заставляет читателя задуматься над фундаментальными вопросами, которые ранее ему казались незыблемыми.

Перед нами – зрелое исследование мыслящего лингвиста-теоретика, которое заслуживает самой высокой оценки. Не может быть никакого сомнения, что его автор заслуживает ученой степени доктора филологических наук.

С. Шаумян

Л. З. Сова. Ответ на отзыв С. К. Шаумяна

С. К. Шаумян отмечает: «Автор нигде не говорит о том, как соотносятся описываемые им формальные и смысловые синтаксические структуры с глубинными и поверхностными структурами, фигурирующими в других исследованиях: одного ли это типа явления или разного»¹.

Подробный ответ на этот вопрос уже дан мной в работе, которую я по-

¹ Мой ответ С. К. Шаумяну был оглашен на заседании Ученого совета ЛО ИЯ АН СССР 16.06.1972.

слала в виде доклада на XI Международный конгресс: «Аспекты глубинной структуры». Суть этого ответа состоит в следующем. Формальные и смысловые структуры – это фигуры плана выражения и плана содержания внутри той языковой системы, которую я описываю. Глубинные и поверхностные структуры – это формально-смысловые структуры (знаки) внутри тех систем, которые описывают их авторы. Означаемое глубинных структур во многих случаях соответствует смысловым структурам, а означаемое поверхностных структур – формальным структурам в моей работе.

С. К. Шаумян пишет: «В работе отсутствуют процедуры, необходимые для построения фигур (например, формальных или смысловых связей)».

В «Аналитической лингвистике» у меня не было возможности изложить все, что было связано с ее замыслом. Это было только начало. Сейчас я продолжаю работу. Описание процедур, необходимых для построения формальных связей, содержится в моей статье «Формальные связи в русском языке (дефиниции)», которая принята к печати в сборнике «Проблемы структурной лингвистики 1972». Процедуры, необходимые для построения смысловых связей, описаны в диссертации О. З. Авербух «Формально-смысловые структуры английского языка», руководителем которой я была.

Далее. С. К. Шаумян говорит: «Мы должны разделить все структуры плана содержания на базисные смысловые структуры и производные. Только идя по такому пути, мы можем выяснить, каким образом смысловые структуры сводятся к простейшим смысловым структурам». Порождающая грамматика С. К. Шаумяна моделирует трансформационные возможности каждого предложения путем развертывания фраз, которые С. К. Шаумян называет базисными структурами, в фразы, которые он называет производными структурами. Трансформации упорядочены в некоторую последовательность, последовательность фраз повторяет последовательность трансформаций, причем каждое предыдущее звено в последовательности фраз является более простым, чем следующее за ним, поскольку учитывает на одну трансформацию меньше, чем оно.

Система, предлагаемая в «Аналитической лингвистике», строится иначе. Трансформации, эксплицирующие смысловые связи, осуществляются не последовательно, а одновременно – параллельно. Результирующая смысловая структура строится не в несколько этапов, а в один прием. Простыми элементами в ней оказываются смысловые связи. Они представляют собой простейшие смысловые подструктуры. В терминах этих подструктур строится описание. Сложное выражается через простое, но несколько иначе, чем предлагает мой рецензент. Можно идти не одним путем, а разными, чтобы выяснить, как сложное выражается через простое.

Я согласна с С. К. Шаумяном, что нужно строить не только лингвисти-

ку анализа, но и лингвистику синтеза. Я считаю так же, как С. К. Шаумян и другие оппоненты, что к анализу я должна была привлечь, кроме рассмотренных в работе, и другие определения предложения. Я тоже полагаю, что нужно привлекать как можно больше точек зрения, как можно больше лингвистических концепций.

В. Г. Адмони. Отзыв о докторской диссертации Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика» (представлена в виде опубликованной книги под этим заголовком, изд-во «Наука», Москва, 1970)

Лингвистические концепции, построенные на использовании таких дисциплин, как математическая логика и теория множеств, вообще имеют, на мой взгляд, лишь упорядочивающее значение¹. Подлинно эвристической силы, способности открывать новые свойства у реальных языковых явлений у них нет. Однако, в таком сложном хозяйстве, каким является языкознание, а особенно в грамматике с ее множеством разнообразных теорий и с наличием ряда данных для формализации, проблема упорядочения является вполне актуальной. И за последние 50 лет, начиная с Ельмслева, было сделано немало попыток создать упорядочивающие, дедуктивные концепции грамматического строя языка – в последние десятилетия преимущественно в форме моделирующих теорий, основанных на математической логике и на теории множеств. Таким образом, подобные концепции, хотя они и не привели к подлинному упорядочению грамматической теории, да они, на мой взгляд, и не могут к этому привести в силу асимметрической, многоаспектной, полевой природе самого объекта грамматики как науки, стали закономерной составной частью современного языкознания, современной теории грамматики. Поэтому совершенно закономерна и работа Л. З. Сова, которая ставит своей целью упорядочение грамматической теории.

Концепция грамматического (в первую очередь, синтаксического) строя, предлагаемая Л. З. Совой, является, с одной стороны, развитием тех черт, которые были характерны для всего лежащего на поверхности развития языкознания за последние десятилетия, т. е. для так называемых новых методов, для структурализма в его различных проявлениях и для математической лингвистики.

А именно, Л. З. Сова стремится к полной экспликации всего рассмотрения предмета исследования. Она стремится также к логической безупречности в проведении своего исследования, к абсолютной полноте и четкой слаженности всей цепи своих умозаключений. Она проводит детализованное, скрупулезное разграничение разных сторон рассматриваемых

¹ Выступление первого оппонента по моей докторской диссертации на заседании Ученого совета ЛО ИЯ АН СССР 16.06.1972.

ею явлений. Тем самым она оказывается ближе всего к тем направлениям в «новых методах», которые стремятся построить лингвистику (особенно грамматику) по принципам и правилам математической логики.

Но с другой стороны, концепция Л. З. Сова резко отличается и от структуралистских концепций, и от разных направлений математической лингвистики. В самое последнее время, как мне уже случалось отмечать, вообще происходит постепенное преодоление так называемых «новых методов» в языкознании, выход к более синтетическим, многоаспектным построениям, смыкающимся с так называемой классической грамматикой в ее современном развитии. И работа Л. З. Сова во многом включается в этот процесс. Она отнюдь не дедуктивна, в строгом смысле этого слова, вообще не «закрыта» для вторжения самых разнородных материалов и концепций. Напротив, она стремится сочетать четкую логическую последовательность в развертывании понятий (и создании или закреплении терминов) с критическим обзором обширной лингвистической литературы по ряду узловых вопросов, рассматривая эту литературу как отражение тех или иных сторон рассматриваемого объекта, т. е. через эту лингвистическую литературу Л. З. Сова фактически вовлекает в сферу своего анализа значительнейший материал языковой действительности и разных направлений лингвистики, что и соответствует основному смыслу той «металингвистики», к созданию которой призывает диссертантка. Конкретный языковой материал, извлекаемый Л. З. Совой, охватывает языки весьма различных языковых систем (русский, английский, зулу), что очень ценно.

Привлечение различных концепций по рассматриваемым в диссертации проблемам сочетается с попыткой создать полный инвентарь всех вообще возможных (в логическом плане) решений этих проблем (например, стр. 19, 29, 81). А отбор из этого инвентаря тех или иных возможных решений для более пристального анализа в значительной мере основывается на том, что эти решения уже аргументированно предлагались – так или иначе – теми или иными языковедами. Таким образом, работа Л. З. Сова стремится широко учитывать опыт мирового языкознания.

Существенно также, что Л. З. Сова отчетливо делает основным критерием для оценки истинности любых выдвигаемых ею теоретических положений их соответствие реальной языковой практике (например, стр. 10).

Мы не хотим всем этим сказать, что Л. З. Сове уже удалось действительно создать такие «логические сетки», в которые уловлены все логически возможные точки зрения на ряд важнейших проблем грамматического строя в общетеоретическом плане, – например, на проблему соотношения между словом и членом предложения (см. стр. 48–51). Устанавливаемые Л. З. Совой возможные концепции понимания этого соотношения уже потому оказываются лишь частными случаями действительно возможных

здесь концепций, что Л. З. Сова вообще не учитывает в данном случае, как и вообще во многих местах работы, наличие словосочетаний, групп слов, как особой синтаксической единицы, часто играющей роль посредника между предложением и словом. Поэтому указание на то, что слово в синтагматической цепи становится членом предложения, сильно упрощает положение вещей, так как слово нередко становится членом предложения – даже беря это понятие в самом широком смысле – лишь оказавшись компонентом тех или иных словосочетаний, или, по крайней мере, сочетаний со служебными словами. Таким образом, здесь становятся возможными новые концепции соотношения между словом и членом предложения. Вообще, известный принцип, что нельзя объять необъятное, применим к диссертации Л. З. Сова. Но этим отнюдь не снимается то положительное значение, которое имеют предпринимаемые ею попытки дать полный реестр всех логически возможных концепций по рассматриваемым ею вопросам – хотя бы в качестве пролегомен для тех действительно исчерпывающих реестров, которые, вероятно, будут составлены когда-нибудь.

Внутри «новых методов» проблема грамматического значения уже была реабилитирована около 15 лет тому назад – особенно в генеративной грамматике. Тем не менее, то углубленное внимание, которое уделяется грамматическому значению, смыслу, в работе Л. З. Сова, представляется мне особенно важным, потому что здесь грамматические значения рассматриваются не через призму их довольно неясного по своей природе соотношения с другими, отправными формами («ядерными предложениями» и т. п.), как в генеративной грамматике, а сами по себе, в своих реальных синтаксических связях с другими грамматическими значениями. В этом контексте хочу подчеркнуть, что систематическое рассмотрение синтаксических связей как связей между «дуалами», т. е. между синтаксическими единицами, наделенными как грамматической формой, так и грамматическим значением, при признании сложного соотношения между этими видами связи, отсутствия здесь изоморфизма, кажется мне одним из больших достоинств работы.

Хотя я и подчеркнул, что концепция Л. З. Сова не является закрытой и дедуктивной в строгом смысле этого слова, для нее все же характерно строго системное определение и исследование лингвистических объектов. Цель Л. З. Сова – собрать воедино такие определения слова, синтаксической связи, предложения, части речи, члена предложения и других лингвистических элементов, чтобы они образовали систему, в которой каждому элементу отведено строго определенное место. Лингвистическая теория, по мнению Л. З. Сова, – это иерархия взаимосогласованных определений основных лингвистических объектов, т. е. система, в которой зафиксировано ограниченное количество исходных теоретических тезисов (определений лингвистических объектов), а все остальные положения теории

выводятся как следствия из исходных положений.

Самым важным при таком подходе оказывается для автора отбор исходных теоретических тезисов, или, как их называет Л. З. Сова, аксиом. Но хотя тем самым она становится как будто на путь дедуктивного исследования, эти аксиомы выступают у нее не только как начало исследования, но и как итог значительной исследовательской работы, что и позволяет отграничить концепцию Л. З. Сова от чисто дедуктивных теорий.

Для отыскания аксиом автор использует такой метод. Л. З. Сова выбирает некоторое принятое в лингвистике определение, например, определение: «Предложение – это цепочка связанных слов», и затем подвергает его анализу, т. е. расщепляет на элементарные составляющие (в приведенном выше примере – термины: «слово», «связь»). После этого Л. З. Сова смотрит, какие определения в лингвистике даются этим составляющим (например, она отмечает, что «слово – это единство означаемого и означающего»), и подставляет эти определения в исходное анализируемое определение.

Так, для рассматриваемого нами случая получается следующее определение предложения: «Предложение – это цепочка связанных слов, каждое из которых представляет собой единство означаемого и означающего». Если полученные в результате таких подстановок определения удовлетворяют лингвистическому опыту, зафиксированному в других исследованиях, то определения элементарных составляющих, соответствующие этому опыту, признаются как истинные и принимаются в качестве аксиом той теории, которую строит Л. З. Сова. В противном случае определения элементарных составляющих отвергаются и в дальнейшем рассмотрении не участвуют.

Указанный метод работы автор называет аналитическим и этим он отграничивается от методов остальных представителей математической и структурной лингвистики, поскольку они аксиоматичны в строгом смысле слова, между тем как аксиоматику для своей теории Л. З. Сова хочет получить опытным путем – на основании предварительно проведенного анализа языкового материала и анализа лингвистических теорий. На мой взгляд, такое построение «аксиоматики» в теории грамматики является единственно целесообразным – независимо от того, стоит ли в таком случае называть установленные основные положения аксиомами, и независимо от того, можно ли в каждом конкретном случае согласиться с тем или иным положением, выдвинутым автором. Такое построение «аксиоматики» делает концепцию Л. З. Сова не «закрытой», а «открытой».

Уже отмеченное мной большое внимание Л. З. Сова к смысловой стороне грамматических явлений выражается, в частности, в последовательном анализе всех рассматриваемых ею грамматических явлений как «дуа-

лов» при определении как формальной, так и смысловой структуры дуала. Л. З. Сова предлагает на всех этапах своего исследования две типологии: формальную и смысловую. Так, в составе синтаксической структуры предложения Л. З. Сова выделяет два компонента – формальную структуру предложения и его смысловую структуру, а затем каждую из этих структур, независимо от другой, представляет как иерархию входящих в нее узлов и связей.

При этом смысловая структура может включать в себя не только такие связи, соответствия к которым есть в формальной структуре, но и связи, не выражающиеся посредством формальных связей. Это делает теорию, излагаемую в «Аналитической лингвистике», возможной для применения не только в тех случаях, когда мы имеем дело с изоморфизмом плана содержания и плана выражения, но и в тех случаях, когда такого соответствия нет.

Таким образом, работа Л. З. Совы не только закономерна по своей проблематике, но и обладает существенными достоинствами по своему выполнению. Связывая логическую четкость и последовательность в развертывании основных определений и положений с анализом многообразного языкового материала, Л. З. Сова получает в ряде случаев возможность подвергать серьезной критике положения, выдвинутые лингвистами разных направлений. Особенно плодотворна и справедлива, вообще закономерна та критика, которой Л. З. Сова подвергает концепции некоторых представителей так называемых «новых методов» в языкознании, показывая противоречия в некоторых их построениях, претендующих на логическую безупречность и на безукоризненность методики. Так, существенной представляется мне критика, которая на стр. 158–160 обращена на процедуру выделения частей речи и их соотношения со структурой предложения у Ч. Фриза, и также данная на стр. 160–161 характеристике тех предложений, которые порождаются в генеративной грамматике Н. Хомского не как предложения реального языка Я, а как порождение цепочек конструкторов формального языка Я_ф.

В целом, работа Л. З. Совы является ценным и содержательным теоретическим исследованием, дающим все основания для присуждения ее автору научной степени доктора филологических наук.

Мои замечания по диссертации (в том числе и те, которые уже были сделаны мною в процессе общей характеристики работы), в основном, связаны с тем, что, как я уже сказал, Л. З. Сова не удается объять необъятное, что впрочем, не удалось бы и каждому другому исследователю на ее месте. Далее, некоторые мои замечания, скорее, направлены не столько против концепции Л. З. Совы как таковой, сколько вообще против работающих в грамматике концепций, основанных на математической логике, и сходных

с ними теорий.

Как я уже подчеркнул, при определении грамматических явлений Л. З. Сова, как правило, исходит из совокупности определений, даваемых этим явлениям в работах по грамматике. Учесть все эти работы, конечно, невозможно. Это не удастся и Л. З. Сове, хотя в списке научной литературы, имеющейся в книге, и содержится 428 номеров. Л. З. Сова, очевидно, стремилась учесть важнейшие из значимых работ по грамматике. Но принцип их отбора очень труден. И, на мой взгляд, здесь имеются серьезные пробелы. Укажу лишь на один такой пробел. Это – трилогия Йона Риса, посвященная проблемам синтаксиса, в которой, между прочим, очень большое внимание уделяется логически точному построению определений синтаксических явлений, а исходным моментом для такого построения в некоторых случаях является просмотр существовавших до Риса в грамматической литературе определений соответствующих явлений, т. е. у Риса уже присутствует как бы «метатеоретический» подход к анализу грамматических явлений.

В ряде случаев остается неясным, почему не учтены некоторые важные моменты из концепций исследователей, вообще используемых в книге Л. З. Сова. Так, широко привлекая учение А. А. Потемби, Л. З. Сова оставляет в стороне такое важное положение этой концепции, как противопоставление управляемых атрибутов согласующимся как атрибутов, выражающих внешние признаки, атрибутам, выражающим внутренние признаки. Между тем это положение могло бы многое дать при анализе управления и согласования, занимающем в книге Л. З. Сова значительное место.

В некоторых случаях неучет тех или иных концепций авторов, вообще учитываемых диссертанткой, связан, вероятно, с ее склонностью исходить в определениях своих грамматических явлений из противопоставления бинарных признаков или из ряда пар бинарных признаков. Так, подходя к определению частей речи и членов предложения именно из их противопоставления и особенно выделяя при этом синтагматический и парадигматический подходы, Л. З. Сова, насколько я мог заметить, не упоминает о распространенных концепциях, которые выдвигают в качестве основания для выделения частей речи не один и не два, а три и более критериев: например, помимо синтагматического (т. е. функционального в речевой цепи) и парадигматического (т. е. системы присущих данной части речи морфологически выявленных форм), также критерий обобщенного грамматического значения. А в связи с этим, Л. З. Сова нигде не размежевывается с такими концепциями, хотя сам вопрос о грамматическом значении грамматических форм ею затрагивается (например, на стр. 55, 72).

Как и во многих других (если не во всех) грамматических исследовани-

ях, написанных с позиции математической логики, за пределами работы Л. З. Сова осталась вся та обширная и сложная область грамматики, которую я называю грамматической «системой построения» и которая обеспечивает портативность и динамичность грамматических единиц. Почти не затрагиваются вопросы порядка слов. В общем виде не ставится вопрос о синтаксической форме – о той системе средств, которые используются для образования синтаксических единств.

В связи с этим надо отметить, что неточным является заголовок книги Л. З. Сова. Вероятно, Л. З. Сова назвала свою книгу «Аналитической лингвистикой», считая (не без некоторого основания), что грамматика является как бы центром, средоточием всего языкознания. Но все же замена всего языкознания грамматикой, конечно, невозможна, и Л. З. Сова, естественно, об этом и не помышляла, так что правильнее было бы назвать книгу «Аналитическая грамматика». Однако и это было бы не совсем точно, так как есть существенные части грамматики, которые остались, как я уже отметил, в стороне.

Повторю, однако, что невнимание к «системе построения» характерно вообще для всего направления, к которому примыкает Л. З. Сова, а в какой-то мере и для ряда направлений в структурализме.

В такой же мере отнюдь не только для работы Л. З. Сова характерно чрезмерно ригористическое разграничение разных сторон, уровней грамматической системы. Что касается рассматриваемой здесь диссертации с этой точки зрения, то мне представляется, в частности, недостаточно точным то замечание, которое Л. З. Сова на стр. 54 делает в связи с определением глагола у А. А. Потебни как класса слов, определенного синтагматически. Л. З. Сова делает на этом основании вывод, что и остальные части речи, определяемые А. А. Потебней из их соотношения с глаголом, также получают синтагматическое определение. Но, во-первых, в своем определении глагола А. А. Потебня привлекает также момент обобщенного значения («признак во время его возникновения от действующего лица»), тесно связанный с синтаксической функцией глагола, а также отмечает принципиальную важность личных окончаний глагола, которые, в свою очередь, связаны у А. А. Потебни и с синтаксической функцией и с обобщенно-грамматическим значением глагола. А во-вторых, как раз в отношении глагола никакое определение не может быть полноценным, если не будет учтен момент его синтаксической функции. Таким образом, здесь сказывается уже отмеченный мной недоучет концепций, построенных на множественности критериев при выделении частей речи. Но к чести Л. З. Сова я должен добавить, что в примечании 12 на стр. 55 отмечается, что в других местах труда А. А. Потебни части речи получают парадигматическую характеристику. Мне думается, однако, что никакой противоречивости в позиции А. А. Потебни здесь нет.

Таким образом, как я уже отмечал, мои критические замечания сводятся, прежде всего, к указаниям на неполноту исследования Л. З. Сова. Но я тут же должен подчеркнуть, что подлинной полноты в охвате грамматических концепций и в охвате всех сторон грамматической системы ни от одного исследователя вообще требовать нельзя. Повторю еще раз: нельзя объять необъятное. Кроме того, наиболее значительные работы по теории грамматики учтены Л. З. Совой в весьма большом количестве.

Многие мои критические замечания задевают, как я уже сказал, отнюдь не специально работу Л. З. Сова, а характерные черты всего того направления, к которому Л. З. Сова принадлежит.

Вместе с тем, я хочу еще раз подчеркнуть, что в некоторых отношениях работа Л. З. Сова существенно отличается от обычных работ этого направления, выходит за их границы. А именно, работа Л. З. Сова является открытой, построенной на опытной основе и неоднократно возвращающейся к опыту. В этом смысле данная работа представляет собой одну из характерных для нашего времени попыток более многостороннего, синтетического рассмотрения грамматического строя. Это представляется мне чрезвычайно положительным качеством «Аналитической лингвистики».

Хотя в этой книге присутствуют некоторые положения, представленные в более ранних работах Л. З. Сова (монографии «Конфигурационный синтаксис языка зулу», 1968–1969, статья «Опыт классификации языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний», 1965 и др.), «Аналитическая лингвистика» является новой, цельной работой, качественно отличной от всех прежних работ ее автора. По моим наблюдениям, большая часть «Аналитической лингвистики» содержит положения и выводы, не представленные ни в одной из более ранних работ. Это – Введение, четвертая и пятая глава, Заключение, а также разделы первой, второй и третьей главы. Именно эти новые главы и разделы и делают эту книгу тем, что она есть. В них изложены, в частности, такие – часто спорные, но интересные и существенные – вопросы, как аналитический метод извлечения «аксиом» в сфере грамматики, принцип дуализации лингвистических объектов, анализ теории предложения и вопросы построения систем частей речи и членов предложения, проблема лингвистических процедур и построения лингвистической теории, проблемы соотношения разных типов связи и дуалистического анализа синтаксических структур и т. д. Оценивая эту часть работы, можно сказать, что даже она, не говоря обо всей работе в целом, с лихвой удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Монография Л. З. Сова является серьезным и ценным исследованием, выходящим к реальной языковой проблематике при наличии развернутой логической систематики формальных и грамматических явлений и при

широком использовании опыта языковедческой мысли. Таким образом, эта монография дает все основания для присуждения ее автору, Л. З. Сове, ученой степени доктора филологических наук.

Доктор филологических наук

/В.Г.Адмони/

Л. З. Сова. Ответ В. Г. Адмони

Я благодарна В. Г. Адмони за то, что он обратил мое внимание на «метатеоретический» подход Риса¹. Очень важным для меня является совет В. Г. Адмони начать работать в той области грамматики, которую он называет «системой построения».

В статье «Формальные связи в русском языке (дефиниции)» есть попытка решить некоторые вопросы, связанные с замечанием В. Г. Адмони о том, что в «Аналитической лингвистике» «почти не затрагиваются вопросы порядка слов и в общем виде не ставится вопрос о синтаксической форме – о той системе средств, которые используются для образования синтаксических единств».

Я также благодарю моих оппонентов за то, что они помогают наметить план для моей дальнейшей работы. В. Г. Адмони и Ю. В. Рождественский отметили, что плохо обстоит дело в «Аналитической лингвистике» с проблемой словосочетаний. Кое-что после «Аналитической лингвистики» у меня уже в плане соотношения слова и словосочетания, словосочетания и предложения сделано, – лекции на эти темы я читала в Калининe и думаю, что скоро смогу напечатать по этой проблеме монографию².

Р. Г. Пиотровский. Отзыв о докторской диссертации Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика» (Москва, Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1970)

На каждом этапе развития языкознания возникают попытки определить основания лингвистики, задать ее аксиоматику и построить металингвистическую теорию³. Работа Л. З. Сова представляет собой еще один такой опыт.

Появление каждого из лингвистических Grundlagen неизменно вызывает на первых порах у языковедческой общественности смешанное чувство

¹ Мой ответ В. Г. Адмони был оглашен на заседании Ученого совета ЛО ИЯ АН СССР 16.06.1972.

² Речь идет о монографии «Проблемы операционной грамматики».

³ Отзыв моего второго оппонента. Прочитан на заседании Ученого совета ЛО ИЯ АН СССР 16.06.1972.

подозрительности и недоумения. Только выдержав проверку временем, одни из этих «Оснований» вливались в общую теорию лингвистических учений, другие оставались за ее бортом.

Во второй половине XX века, когда научный прогресс достигает очень высокого темпа и когда смена основных концепций и методики в отдельных отраслях знаний происходит чуть ли не каждое десятилетие, мы вынуждены сократить время испытательного «карантина» для теоретических работ и обращаться к их оценке непосредственно после завершения этих работ.

Первый вопрос, который можно поставить, оценивая общетеоретическое лингвистическое исследование, – это вопрос о его современности. Применительно к работе Л. З. Сова на этот вопрос следует ответить положительно: исходным постулатом автора является признание формально-смысловой природы всех языковых единиц-знаков и связей между ними, а все исследование, как в теоретической, так и в интерпретационной части, посвящено, в основном, разбору отношений, возникающих между смысловой и формальной сторонами знака-дуала. Рецензируемая работа отражает и в определенной степени осмысляет отказ от сугубо формальных подходов и современный поворот к формально-семантическим исследованиям (эта направленность характерна в наши дни как для алгебраической, так и для статистической лингвистики).

Второй вопрос, который всегда возникает при чтении теоретической работы, – это вопрос о степени эрудированности и квалификации автора. Чтение «Аналитической лингвистики» показывает, что автор много работал с материалами разноструктурных языков, занимался теорией знака, структурной семантикой и синтаксисом, его интересовали работы по кибернетике и основаниям математики, автор умеет применять методы математической логики и теории алгоритмов. Короче говоря, знакомство с книгой показывает, что ее автор совмещает в себе профессиональную подготовку и лингвиста и математика.

Но эрудированный ученый не всегда пишет хорошие работы. Поэтому третий вопрос, который приходится ставить, читая книгу Л. З. Сова, – это вопрос о том, как построена, насколько интересна и содержательна «Аналитическая лингвистика».

Круг научных интересов Л. З. Сова и характер ее лингвистической и математической подготовки во многом определил содержание и построение «Аналитической лингвистики». Цель автора – создание логически непротиворечивой лингвистической теории, опирающейся на опыт языковедов-предшественников. При этом автор стремится показать читателю, как конструируется эта теория.

Первое условие (теория лингвистики в целом) определило содержание «Аналитической лингвистики»: в этой работе моделируются основные лингвистические понятия; второе условие (теория как результат предшествующего развития наук) заставило автора привлечь к решению поставленной им задачи около 400 работ на русском, английском, французском и польском языках; и, наконец, третье условие (теория конструируется на глазах у читателя) обусловило композицию «Аналитической лингвистики».

Возникает вопрос, как можно в одной книге совместить все эти условия? Ведь, чтобы создать лингвистическую теорию, основанную на традиции, надо не просто зафиксировать все основные лингвистические понятия, как это, например, делают те, кто работает в области создания аксиоматических лингвистических теорий, задавая эти понятия *ad hoc*, а зафиксировать эти понятия в их развитии и взаимосвязях, отражаемых в различных лингвистических теориях. Такую задачу не по плечу выполнить даже целому коллективу.

Л. З. Сова предлагает изящное с композиционной и методической точки зрения решение. Она выбирает одно из наиболее важных лингвистических понятий, фиксирует всю добытую относительно этого понятия информацию, строит на основании этой информации определение исходного понятия, которое представляется в виде конструктивного объекта.

Все остальные понятия должны определяться через и по отношению к этому исходному конструктивному объекту.

В качестве исходного, но предварительно не анализируемого понятия автор выбирает понятие о слове и фиксирует в его определении только одну черту: это – единство означаемого и означающего. Затем автор выделяет лингвистический объект второго уровня – это понятие о связи. Понятие о связи автор выделяет как наиболее важное в лингвистике, т. е. как понятие, которое должно быть подвергнуто всестороннему анализу и по отношению к которому должны быть даны определения всех остальных лингвистических объектов. Вместе с тем, понятие о связи должно быть согласовано с понятием исходного объекта теории – словом. Далее вводятся лингвистические объекты третьего уровня – объекты, зависящие от понятия связи. В круг этих объектов входят: предложение, синтаксическая структура, понятие классов слов, участвующих в связях, – части речи, члены предложения и т. д. При таком подходе получается иерархия конструктов-определений, т. е. таких определений терминов и понятий о языковых объектах, которые созданы логическим путем. Эти конструктивные определения именуются лингвистическими элементами. Эта иерархия должна явиться той теорией системных определений, к созданию которой стремится Л. З. Сова. Метод, которым иерархия строится, автор называет ана-

литическим. Диссертация посвящена описанию метода – и результатам, которые автору удалось с его помощью получить.

Теперь вернемся к понятию второго уровня – понятию связи, которой Л. З. Сова придает первостепенное значение. Анализируя это понятие, Л.З.Сова выделяет признаки, которые должны быть учтены при определении связи (эти признаки формулируются в виде шести оппозиций, приведенных на стр. 101 «Аналитической лингвистики»: 1) связь потенциальная или реализованная, 2) формальная или смысловая, 3) односторонняя или двусторонняя направленность, 4) парадигматическая или синтагматическая связь, 5) связывает она два элемента или больше, 6) специфицируется ли связь по типу узла или нет, и если специфицируется, какие характеристики узла при этом учитываются).

В терминах этих признаков автор строит определение понятия о связи и проводит классификацию связей, исчисляя при этом все логические возможности. Всего автор фиксирует 60 типов синтагматических и столько же парадигматических связей.

А теперь нужно проверить, существуют ли реально все эти типы связей в языке. С этой целью Л. З. Сова обращается к исследованию работ предшественников. Наиболее в развернутом виде эта операция проведена на одном виде связи – управлении.

Например, на стр. 91–93 проводится разграничение типов управления, на стр. 30–45, 9–95 регистрируются черты, отличающие управление в понимании Л. Ельмслева от управления в понимании Ш. Балли, В. В. Виноградова. Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. М. Пешковского и др., эти варианты понимания управления противопоставляются остальным определениям, вовлекаемым автором в круг своего рассмотрения. Каждый тип управления сравнивается с таблицей синтагматических связей, полученных путем исчисления логических возможностей.

Аналогичная процедура проводится и для остальных типов связей.

Проработав понятие связи, Л. З. Сова переходит к остальным понятиям и анализ этих понятий подчиняет тем требованиям, которые были зафиксированы при анализе понятия связи. Я не буду утомлять вас изложением того, как строятся и анализируются в работе Л. З. Сова другие лингвистические понятия, а перейду к рассмотрению и оценке метода, использующегося в работе.

История языкознания последних двадцати лет показывает, что многие исследователи, владеющие математическим аппаратом, пытались исследовать лингвистический материал исключительно с помощью математических, формальных алгоритмических методов. Такой подход дает опреде-

ленную информацию, но возможности его не безграничны, поскольку язык представляет собой открытую систему, образовавшуюся не на формально-алгоритмическом субстрате, но в условиях ассоциативно-эвристического механизма человеческой памяти.

Основная заслуга автора «Аналитической лингвистики» – в том, что в книге сделана попытка – и попытка, по-моему, удачная – показать принципиальные различия в исследовательских подходах математика-логика и лингвиста.

С этой целью Л. З. Сова рассмотрела вопрос о целях лингвистических теорий на материале различных теорий порождающих грамматик (здесь подробно рассматривается позиция Н. Хомского и его последователей, М. Таубе, С. К. Шаумяна, исследуются описания формальных процедур в работах Ч. Фриза, З. Харриса, Э. Баха, обсуждаются методологические принципы, изложенные в работах Л. Ельмслева, Г. Карри и А. А. Маркова).

Анализ принципов нужен для того, чтобы показать, какие черты сближают работу лингвиста с работой логика, а какие вопросы требуют совершенно особого подхода и заставляют лингвиста-теоретика отказаться от возможности механически перенести уже разработанный аппарат логических теорий на лингвистические исследования. Приводя характеристику абстракции отождествления, которая дана в работе А. А. Маркова «Теория алгоритмов», Л. З. Сова пишет: «Так выглядит абстракция отождествления, с которой работает математик, – никакой другой абстракцией отождествления при оперировании с математическими объектами ему пользоваться не приходится. Причина этого очевидна: формальный характер математических объектов (Я бы сказал иначе: «отсутствие ассиметрии математического знака» Р. П.). Не менее очевидно и то, что объекты, с которыми имеет дело языковед, отличаются от математических объектов именно своим неформальным характером, т. е. своей формально-смысловой структурой. Естественно предположить, что различие в объектах не может не отразиться на методологических принципах их описания. А это наводит на мысль, что в отличие от математика, который пользуется одной абстракцией отождествления (формальных элементов), лингвист должен уметь обращаться с тремя абстракциями отождествления: 1) абстракцией отождествления формальных элементов, 2) абстракцией отождествления смысловых элементов, 3) абстракцией отождествления формально-смысловых элементов. Именно в этом различии мы видим причину того, что лингвистам не удается автоматически перенести аппарат, созданный логиками, на свой объект и построить формальную теорию естественного языка путем механического отсечения его неформальной части» (стр. 174–175). Я остановился на основном теоретическом и методическом узле работы. Но это

не значит, что в работе нет других интересных находок и свежих лингвистических идей. Здесь можно было бы указать, по крайней мере, на три новых положения:

1. Механизм, порождающий текст, – это язык (в отличие от тезиса Н. Хомского: «Механизм, порождающий текст, – это грамматика»).

2. Универсальная лингвистическая теория – это механизм, порождающий лингвистические концепции.

3. Дуализации подлежат все языковые элементы (а не только слова или предложения, как это было принято считать раньше). Следствием этого является тезис о дуализации синтаксических связей и синтаксических структур, о котором я говорил выше.

Но более важным, чем новизна самих идей, мне представляется другое: описание тех процедур, с помощью которых вводимые автором принципы могут быть применены к исследованию конкретных языков.

Итак, «Аналитическая лингвистика» интересная в теоретическом и методологическом плане работа. Это ответ на 3-ий вопрос. Тогда возникает еще один четвертый вопрос – вопрос о применимости идей, выдвинутых в книге Л. З. Совы.

Сама диссертантка пытается подготовить ответ на этот вопрос в самой книге. Лингвистическая теория, говорит автор, должна быть не только внутренне непротиворечивой, но лингвистическая теория должна быть также теорией о реальных языковых объектах, т. е. объектах, имеющих формально-смысловую природу, объектах, описываемых как единство означаемого и означающего. Поэтому в работе представлены те конкретные процедуры, которыми должен пользоваться лингвист, чтобы моделировать языковые объекты. Сюда относятся процедуры построения синтаксической структуры из его формальной и смысловой структур, процедуры классификации слов по частям речи и членам предложения, процедуры сборки формально-смысловых целых (предложений) из фигур плана выражения и плана содержания (дифференциальных признаков фонем, семантических множителей, букв, элементарных формальных и смысловых связей).

Эти процедуры базируются на методологическом принципе, который назван в работе дуализацией языковых элементов. Подвергая логическому анализу данные в опыте лингвистические объекты и связи, автор демонстрирует их формально-смысловую природу и показывает, как их можно разложить на означаемое и означающее. Из элементов, полученных в результате анализа, автор конструирует с помощью строгой логико-алгоритмической методики искусственные лингвистические элементы-

дуалы, моделирующие языковую действительность.

Применение этих методов к синтаксическим структурам, а это наиболее разработанный в диссертации раздел, приводит к тому, что в синтаксической структуре предложения выделяются два компонента: означаемое как совокупность смысловых связей между денотатами слов и означающее как совокупность формальных связей между формальными сторонами слов. Автор показывает, что, в виду отсутствия изоморфизма плана содержания и плана выражения, анализ, а затем и синтез каждого из планов должен строиться независимо. Для каждого из планов вырабатываются свои процедуры. Этот двухкомпонентный анализ синтаксических структур, предложенный Л. З. Совой, интересен в теоретическом плане: это – анализ, который ставит своей задачей эксплицировать информацию, фиксируемую в традиционном синтаксическом анализе по членам предложения, и представить эту информацию в виде, удобном для проведения типологических сопоставлений разноструктурных языков и построения теории лингвистических универсалий.

Что же касается практических приложений идей работы в области инженерной лингвистики и методики преподавания языков, то здесь я вынужден высказаться более сдержанно, чем это я сделал в своем предварительном отзыве на диссертацию два года тому назад. Опыт построения работающих машинных алгоритмов семантического анализа и синтеза текста, – я подчеркиваю – работающих, а не бумажных алгоритмов, показывает, что машина не может работать в верхней – смысловой – части знака. Подобно математике она всегда оперирует формальными признаками, т. е. работает с означаемым. Правда, мои сомнения относятся не столько к обсуждаемой работе, сколько к направлению, в русле которого эта работа выполнена. Чем дальше развивается инженерная и вообще прикладная лингвистика, тем яснее становится, что идеи алгебраической лингвистики, в том числе и блестящие идеи Хомского и Шаумяна могут иметь здесь лишь вспомогательное значение.

Однако и при ограниченном прикладном использовании «Аналитической лингвистики» ее применимость в теоретическом языкознании несомненна. Поэтому и на четвертый поставленный мной оценочный вопрос я отвечаю утвердительно.

Работы Л. З. Совы, в том числе и обсуждаемая книга хорошо известны читателю-лингвисту у нас в стране и за рубежом. Разумеется, воспринимается эта книга по-разному: ее не только безоговорочно цитируют, но и с ней спорят. При этом книга Л. З. Совы выступает в роли катализатора дискуссий и новых идей. Не случайно, что «Аналитическая лингвистика» в английском переводе выходит в Голландии в издательстве «Мутон». Попутно отмечу, что перепечатка другой работы Л. З. Совы («Опыт класси-

фикации языков на основании выделения типов бинарных сочетаний») в переводе на немецкий язык появилась недавно в журнале *Linguistics*. Все это говорит о том, что теоретическое исследование Л. З. Сова успешно проходит тот испытательный «карантин», о котором я говорил в начале отзыва. А это является серьезным показателем «докторабельности» обсуждаемой работы.

Заканчивая констатирующую часть своего отзыва, хочу еще раз подчеркнуть, что сила докторской диссертации Л. З. Сова состоит в том, что, анализируя традиционные лингвистические объекты, автор выводит из них элементарные смысловые и формальные конструкторы, из которых строго алгоритмическим путем создает новую теорию как композицию, моделирующую все основные лингвистические понятия.

Моя полемика с Л. З. Совой связана, в основном, с теми следствиями, которые вытекают из выбора исходных постулатов и характера используемой ею алгебраической методики, кроме того, есть несколько замечаний частного, технологического характера.

1. Работая в ключе алгебраической лингвистики и ориентируя свою теорию на реализацию в автоматических вычислительных устройствах, Л.З. Сова предполагает, что значения дуалов будут либо «собираться» из семантических множителей, либо определяться путем интуитивного соотношения дуала (например, слова) с денотатом. Полученное таким образом значение сообщается автомату со всей необходимой для опознания формы этого значения информацией (включая такие описания контекстных окружений, которые исключали бы всякую омонимию). Автомат должен переводить, как человек, – из этого тезиса исходит автор. «Целью построения формальной языковой теории является, – говорит Л. З. Сова на стр. 176, – модель искусственного механизма, имитирующего речевую деятельность человека, который говорит на данном языке». При этом, вслед за своими коллегами-«алгебраистами», Л. З. Сова не учитывает следующих парадоксов: а) антиномию ассоциативно-эвристической структуры мозга человека и последовательно-алгоритмическим механизмом работы ЭВМ; б) лингвистическую апорию Ахилла-лексиколога, который не может достичь полного описания семантики языка, поскольку черепаха – ассоциативно-метафорическое мышление отдельного носителя языка и коллектива постоянно создает все новые и новые денотаты и перегруппировывает их; в) парадокс демиурга и робота: система естественного языка всегда богач формального описания, ориентированного на ЭВМ, автомат всегда беднее своего создателя, значит, 100%-е описание языка для ЭВМ не имеет смысла. Этот парадокс отражен в известной второй теореме Геделя.

Эти парадоксы могут быть преодолены либо путем отказа от 100%-ного «алгебраического» описания языка и соответственно ориентировки авто-

матического перевода на систему «человек – машина – человек», либо путем моделирования интуиции, но здесь уже необходим вероятностный аппарат (ср. методику статистических решений), что не предусмотрено аксиоматикой Л. З. Сова.

2. Отсутствие в теории Л. З. Сова вероятностных постулатов не дает возможности рассмотреть парадокс системы и нормы языка. Вероятно, поэтому в книге «Аналитическая лингвистика» нет даже упоминания о работах Косериу, посвященных проблеме системы, нормы и речи. Очевидно поэтому же за пределами работы осталась вся проблематика, связанная с бесконтекстными и контекстными грамматиками (впрочем, этот вопрос совсем не обязательно рассматривать с точки зрения теории вероятностей).

И в заключение пара частных замечаний.

1. Элементарные термы (дифференциальный признак и семантический множитель) так же дуалистичны по своей природе, как и знаки: каждый из элементарных термов имеет означаемое и означающее, поскольку эти термы всегда выступают как конструкторы, т. е. искусственно созданные объекты.

2. Л. З. Сова не всегда пользуется узаконенной лингвистической терминологией (согласование вместо приложение на стр. 36, маркированность на стр. 38, процедуры анализа-синтеза на стр. 218 и др.).

3. При всем богатстве библиографии автором не учтены и не проанализированы некоторые современные работы по структурной и инженерной лингвистике, имеющие прямое отношение к теории, излагаемой в книге (работы Агриколы, Кунце, Шопф в *Beiträge zur Linguistik...* Н. 2–3, Панцер, там же, Н.7, Дуттон и Глазерфельд, там же, Н. 9).

Однако это – отдельные замечания, которые, конечно, не могут отразиться на оценке рецензируемой монографии.

«Аналитическая лингвистика» – это самостоятельное, глубокое исследование по теории языкознания, которое, безусловно, удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям по специальностям 10677 и 106 I.

Л. З. Сова. Ответ Р. Г. Пиотровскому

Я благодарю Р. Г. Пиотровского за то, что он назвал ряд работ по ин-

женерной и структурной лингвистике, которые не были учтены ранее¹.

Я согласна с тем, что следует разрабатывать вопросы, связанные с применением вероятностных и статистических методов.

Ю. В. Рождественский. Отзыв на монографию Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика», представляемую в Ученый Совет ЛО ИЯ АН СССР на предмет защиты автором докторской степени

Монография Л. З. Сова представляет собой обширный научный труд, оформленный и изданный в соответствии с правилами научных описаний и содержащий обширную библиографию источников работы (428 названий)². Работа содержит пять глав и обширное «Заключение», содержание которого указывает применение метода исследований, предложенного автором, и суммирует основные черты этого метода.

Монография названа «Аналитическая лингвистика». Такое название не случайно. Оно действительно отражает особое содержание этой работы и своеобразно намечает новую область исследований – логический анализ аксиоматических положений языкознания.

Представляется, что общее языкознание содержит в себе четыре важнейших части, отличающихся друг от друга предметом, методом и системами терминов. Первая часть – сравнительно историческое языкознание, для которого характерны такие термины, как «закон», «соответствие», «этимология», «языковая семья» и т. п. Вторая часть – сравнительно-типологическое языкознание, для которого характерны термины «универсалия», «морфологический (типологический) класс языков», «типологическая закономерность». Этим двум частям, основанным на сравнении языковых системных описаний (грамматик и словарей), противостоят две другие части. Старейшая из них представляет собой философию языка внутри языкознания. К работам по философии языка можно отнести такие работы, как работу Гумбольдта «О различии языков...», работу Германа Пауля «Принципы истории языка», многие работы Штейнтала, «Философию грамматики» Есперсена и многие другие.

В этой части общего языкознания в новейшее время выделяется особая область, занимающаяся не природой языка как предмета языкознания, а описывающая методы лингвистического исследования или процедуры анализа языковых фактов. К таким работам относятся «Методы структурной лингвистики» Харриса, «Аналитический синтаксис» Хомского или

¹ Мой ответ Р. Г. Пиотровскому был оглашен на заседании Ученого совета ЛО ИЯ АН СССР 16.06.1972.

² Выступление третьего оппонента по моей докторской диссертации на заседании Ученого совета ЛО ИЯ АН СССР 16.06.1972.

«Прологомены» Ельмслева. Основное содержание таких работ состоит в изучении, описании существующих простейших процедур исследования и предложении новых процедур. Такие работы собственно не исследуют природы языка, а интересуются по преимуществу способами и процедурами его описания. Для них характерны термины «модель», «дистрибуция», «трансформация» и т. п.

«Аналитическая лингвистика», предложенная соискательницей, ближе всего стоит к четвертой разновидности сочинений по общему языкознанию. Очевидно, что это не сравнительно-историческое или типологическое исследование. Это исследование не предлагает какого-либо взгляда на природу языка: психологического, социального, логического, эстетического. Эти взгляды автор «Аналитической лингвистики» относит к «интерпретациям» природы языкового строя – слова и предложения и сам старается объяснить и описать природу таких «интерпретаций». Таким образом, перед нами работа не по философии языка, а по описанию процедур лингвистического исследования и способов построения языка. Поэтому данную работу можно отнести к работам о методах лингвистического исследования.

«Аналитическая лингвистика», описывая процедуры анализа, содержит свой метод и свой подход к предмету, описанный автором на стр. 215–222. Суть этого подхода состоит: во-первых, в доверии к наиболее хорошо проверенным опытом национальных языков Запада и Востока положений языкознания, т. е. определениям слова, предложения и речевой деятельности. Во-вторых, усредняя, где можно, эти определения, автор придает им логически строгую форму. В-третьих, автор дедуцирует из созданных им формулировок суждения, вытекающие из них с логической необходимостью. В-четвертых, автор сравнивает полученные суждения с рядом лингвистических систем, дает этим системам критику, объясняет их. Таким образом, возникает двухсторонний процесс: с одной стороны возникает формально строгая теория слова, предложения и речевой деятельности, с другой стороны, исследуются истории лингвистических описаний и сами описания истолковываются с позиций логической и формальной цельности.

Этот путь своеобразного анализа и истолкования лингвистических описаний и их аксиоматики составляет своеобразие предмета «Аналитической лингвистики». Интересна сюжетная основа книги. Автор держит читателя в напряжении до самых последних страниц книги. Все время словно бы ждешь, что автор скажет, разбирая, разъединяя и синтезируя основные и привычные понятия лингвистики, открывая в них новые стороны. Возможно, что сюжетная законченность книги вызвана математической манерой рассуждать, восходя не от общего к частному, а от простого к сложному. Речевая деятельность и знаковая теория – исходные положения языко-

знания – обсуждаются в конце книги. Автор начинает с понятий слова и предложения и даже уже – с понятия управления, которые в языкознании обычно являются производными, и от них восходит к понятиям речевой деятельности и знака. Такой подход образует возможность пересмотреть под новым углом зрения весь набор основных лингвистических аксиом.

Таким образом, показано, что «Аналитическая лингвистика» есть работа на особую тему – она представляет собой теоретическое исследование лингвистической аксиоматики.

Развертывая свою мысль и доказывая свои теоремы, автор добивается многих важных теоретических результатов. Главный результат состоит в том, что удастся критически оценить лингвистическую аксиоматику как целое и ввести известное упорядочение в принципы рассмотрения ряда теоретических положений в лингвистике и ряда постулирующих утверждений.

Так, исследуются теоретические возможности толкования понятия «управление» и шире «грамматической связи слов». На основании этого исследования удастся создать серию теорем о лексико-грамматической двусторонности слова и показать, что понятие об управлении определяется как наблюдением над сочетаемостями слов, так и исходным положением о том, является ли управление фактом сочетания значений глаголов и существительных или фактом сочетания их форм. Таким образом, с самого начала книги вводится принцип рассмотрения возможности формулировать исходные положения языкознания.

Исследование возможности формулировать исходные положения языкознания далее в той же главе расширяется (на стр. 34–42) до грамматической и семантической связей слов вообще. И вся первая глава фактически посвящена этому вопросу. Он решается, с одной стороны, путем теоретического построения всех мыслимых принципиальных возможностей объяснения лексических и грамматических связей слов, с другой стороны, путем исследования литературных источников. При этом показано, как в истории языкознания при построении конкретных описаний эти возможности были реализованы.

Следующая глава, построенная по тому же композиционному плану, исследует понимание синтагматических и парадигматических классов слов. При этом рассматриваются отношения морфологии и синтаксиса, членов предложения и частей речи. Исследование этой проблемы с позиций лексико-грамматического дуализма слова и связи слова, с одной стороны, приводит к установлению серии возможностей описания системы языка, а с другой – показывает, как у ряда лингвистов (Дискол, Потебня, Добиаш, Фриз и др.) были реализованы эти возможности.

Вслед за этим автор совершает важный исследовательский шаг. Он доказывает (стр. 60–69), что логические, психологические, предметно-тематические и т. п. объяснения членов предложения и частей речи как бы приписываются итогам лингвистического анализа. Автор показывает, что такие объяснения не лежат в основе разных теорий членов предложения и частей речи, а как бы оформляют *Post factum* итоги лингвистического анализа, который реально построен на других, интуитивно понимаемых, но не формулируемых явно основаниях. Мне представляется этот вывод автора обоснованным.

Обнаруживая далее логические возможности построения теории частей речи и членов предложения с позиций парадигматики – синтагматики, речи – языка, логического – психологического – денотативного – грамматического интерпретационных типов, автор устанавливает, что эти признаки теории частей речи выступают в его анализе как независимые переменные, строит (на стр. 78) исчисление возможных теорий членов предложения и частей речи и, переходя с этих позиций к объяснению истории этого вопроса в языкознании, говорит, что «лингвистика как единая теория не существует: в лингвистике столько разных лингвистик, сколько есть лингвистов» (стр. 77). К этому утверждению, кажущемуся парадоксальным, мы еще вернемся.

Следующая глава посвящена возвращению к понятию грамматической и смысловой связей между словами и анализу их со стороны синтагматико-парадигматических отношений. Вслед за этой главой, несущей связывающую функцию, идет самая важная, на мой взгляд, глава в книге. Она посвящена анализу лингвистического понятия речевой деятельности. Известно, что в этом понятии лингвистика отображает объект своего исследования – речевые тексты и формулирует переход от текстов к системным лингвистическим описаниям.

Автор монографии опять начинает с анализа дефиниций, с одной стороны, и развития своей теории формально-смысловых отношений внутри слова. Прделав необходимое теоретическое движение, он переходит к интерпретации понятия «речевая деятельность» (стр. 152–176).

Переход к этому понятию заставляет автора подойти к содержательным представлениям о речевой деятельности. В целом, автор показывает себя сторонником такого представления о речевой деятельности, когда эта деятельность представляется в принципе неуправляемой и т. п., имеющей натуральный характер, т. е. речевая деятельность развивается как бы стихийно, предшествующие результаты предопределяют последующее развитие со стихийной необходимостью. Этот взгляд в лингвистике начат В. Гумбольдтом. Вот почему автор заимствует термины В. Гумбольдта «энергейя» и «эргон». И автор изображает процесс речевой деятельности

как смену «энергейя – эргон – энергейя – эргон». При этом в начале цепи ставится, как у Гумбольдта, *энергейя*.

Вслед за Гумбольдтом автор пропускает третий член этого античного ряда терминов: энтелехия. Поэтому античный ряд терминов «энтелехия – энергейя – эргон», определяющий суть деятельности и суть развития мира у древних, здесь опущен также. Отсюда энергейя, лишенная направляющей силы энтелехии, не может не быть стихийной, с одной стороны, и предполагать любые возможности развития, с другой.

Естественно, что, пользуясь своим методом, автор блестяще доказывает важнейшее положение: «На основании этих соображений мы можем сделать вывод: для того, чтобы наша грамматика могла быть использована для АП, процедуры ее построения должны быть интуитивными, а не формализованными; только когда человек извлечет из своей интуиции знания о языке и составляющих его элементах и на основании этих фактов составит формализованное описание языковых данных, имеющихся у него в интуиции, только тогда можно будет говорить о построении грамматики, в соответствии с которой автомат будет переводить так же, как человек. И наоборот. На основании грамматик, извлеченных из текстов, автомат никогда (в принципе) не будет переводить, как человек» (стр. 164). Это важное положение, доказанное автором применительно к созданию формализованных описаний, построено автором на основании системы действий пользования описанием и создания описания. Эти действия скрыты у автора сначала в форме термина «сигнализатор», который выступает средством грамматического и лексического членения текста и задается то ли произвольно из интуиции, то ли на основании эргонических знаний.

Данное положение может быть расширенно толковаться так: любое описание языка не выводится только из текстов, и, наоборот, – на основании грамматического описания текстов и только на этом основании, нельзя создать реальный новый текст, естественно включающийся в общественно языковую практику. Этот вывод доказывается существованием и применением описаний грамматических описаний филологических источников, с одной стороны, и нормативных описаний языка, с другой. В истории языкознания оба эти типа описаний, очевидно, не сводимы один к другому. Автор разбираемой монографии блестяще доказал необходимость существования этих двух видов описания и тем рассеял многие заблуждения генеративных теорий в языкознании.

Последующая пятая глава завершает композицию книги Л. З. Сова. В ней языковые единицы переводятся в знаки, которые в соответствии с логистическими представлениями о знаке принципиально трехсторонние, т. е. состоят из означающего, означаемого и связи между ними. Это трудно сделать. Тем более что развертывание значения слова в полиструк-

туру уже подсказано автору теорией семантических множителей. Формализация теории на этом этапе уже не составляет труда и исполнена в значительной мере за счет развертывания формальных средств. Это менее разработанная часть книги, так как здесь автор скрылся от всех сложностей теории значения за семантические множители и принципиально не стал устанавливать связи между логическими, психологическими и пр. интерпретациями классов слов и их семантикой. Были просто указаны пути поиска филиации значений классов слов.

Заключение, о котором я говорил выше, создает необходимое разрешение динамики сюжета.

Таково содержание книги. Теперь можно определить, что представляет собой «Аналитическая лингвистика» в области наших знаний о языке. «Аналитическая лингвистика» – это теория возможностей и границ лингвистических теорий, т. е. это работа о границах лингвистических теорий и путях их развития. Таким образом, в книге Л. З. Сова намечен новый раздел теоретического языкознания. Эта область представляет собой пограничное знание между теорией методов и философией языка.

Недостатки этой работы должны определяться в соответствии с ее содержанием и целью.

В книге Л. З. Сова можно найти довольно много мест, где есть небольшие отступления от научной строгости изложения. К ним относятся, прежде всего, цитирование и пересказ источников в целях их разбора. Очень часто, где дело касается работ несовременных авторов, пересказ источников фрагментарен и как бы выключен из контекста истории филологических знаний. Современные работы (Хомский, Фриз и др.) даны полно и убедительно. Это может показывать недостаток филологического образования наших современных лингвистов вообще. Это не удивительно, так как нигде в мире не читается курсов по истории всеобщей грамматики, а истории частной грамматики все же недостаточно оцениваются общим языкознанием. Автор отмечает серию работ В. В. Виноградова по истории русского языкознания, но дух этих работ все же не представлен в книге. Это очень прискорбно, так как, по моему глубокому убеждению, современная теория грамматики не может обходиться без истории грамматики и истории ее методического применения, иначе любое представление о речевой деятельности сведется к Гумбольдту, а в худшем случае к Ф. де Соссюру, что, конечно, обедняет усилия лингвистов.

«Аналитическая лингвистика» как теория границ и потенциалов лингвистических теорий не может обойтись без теории типов лингвистических описаний, различаемых по способу их создания и применения, т. е. без таких классов грамматик, как: а) филологические описания грамматических явлений в текстах, б) нормативные грамматики различных видов

(академические, школьные, грамматики родного языка, иностранного языка, справочники и пособия по культуре речи), в) теоретические грамматики разных типов и т. п. Каждый из этих типов играет в существовании развитаго языка определенную роль. Описание речевой деятельности без понимания разных ролей этих грамматик и поддержания системы языка в процессе общественно языковой практики заставляет вводить либо понятие интуиции и скрываться за ним, либо ограничиваться словом «сигнализатор», которое может значить что угодно, но не называет грамматическую традицию, которая неустранима из жизни языка, имеет свои законы развития и развертывания и становления.

Свою работу по аналитической лингвистике автор, как мне кажется, должен в будущем строить с пониманием диахронии грамматических описаний. Диахронический подход к грамматическим описаниям исключает высказывание о том, что, сколько существует лингвистов, столько и лингвистических теорий. Ложность такого отношения к предмету следует из его тривиальности. Наука, любая, в том числе и лингвистическая, есть кумуляция разномыслия. Вот почему, сколько ученых, столько и теорий. Важнее другое, и автор это понимает: несмотря на множественность теорий, наука сохраняет свое структурно-смысловое единство. Это единство состоит не только в общих посылах науки, но и в традиции.

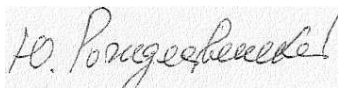
Особенно большое значение это имеет в языкознании, где грамматика прямо влияет на формирование общественно языковой практики. Грамматическая традиция ясно различает нормативные и ненормативные описания. При этом в нормативных описаниях право так сказать свободной «фантазии» филолога резко ограничено традицией грамматических руководств и потребностью наилучшего развертывания языковых текстов. Метод, представленный в рецензируемой книге, по моему убеждению, позволяет подойти к исследованию закономерности нормативных описаний.

Пренебрежение историй нормативных и школьных описаний вредно сказывается на результатах анализа, предпринимаемого автором. В частности рассмотрение систем Греча, Потемни, Буслаева показывает, что в этом процессе развития грамматической традиции различаются и разделяются уровни лингвистического анализа: между уровнем слова и уровнем предложения после работы Беккера ставится промежуточный уровень словосочетания. В этом уровне есть свои единицы с синтагматико-парадигматическими отношениями. Вот почему в системе Буслаева и его последователей член предложения есть парадигма и часть синтагмы, несоположимая с формами слова, как это было до Ф. Буслаева в Грамматике Пор Рояля и далее вплоть до школы Ф. Ф. Фортунатова. Все это может быть различено и исследовано методом, который предлагается в данной работе. Нужно только понимать, что в языкознании концепция слова, во-первых, необязательна в смысле «слово есть основной уровень лингвистического

описания», так как с древности некоторые системы (например, Панини) полагали основным уровнем морфему, во-вторых, толкование слова как делимости на формальную и знаменательную части есть довольно узкое понимание, свойственное только формальной школе Фортунатова. Таким образом, позиция Л. З. Сова является позицией фортуноватовской школы и оценкой с позиций этой школы серии лингвистических описаний. Но метод, предложенный в работе, шире исходных принципов автора. Он позволяет подойти к исследованию лингвистической аксиоматики значительно шире.

Метод исследования лингвистической аксиоматики, предложенный в рассматриваемой монографии, позволяет в частности подойти к пониманию природы лингвистических описаний, так как, на мой взгляд, он помогает подойти к историческому описанию грамматической правильности как основы анализа фактов языка и построения лингвистических описаний. Известно, что Н. Хомский выделил грамматическую правильность как принцип развертывания высказываний на языке. Но грамматическая правильность в истории грамматики всегда была ведущим принципом искусства грамматики. Освещение спора об аналогии, равно как и принципов построения учения о языке на Востоке, показывает, что грамматическая правильность есть основной принцип грамматического искусства. Можно с определенностью сказать, что метод, предложенный автором, позволяет подойти к позитивному анализу основ *ars grammatica*. В этом его большое, но пока не реализованное преимущество.

Заключая отзыв, следует сказать, что автору удалось обнаружить перспективный метод исследования основ грамматической науки и грамматического искусства. Это позволяет просить Ученый совет о присуждении автору степени доктора филологических наук.

Л. З. Сова. Ответ Ю. В. Рождественскому

Я благодарна Ю. В. Рождественскому за то, что он указал мне на необходимость изучения истории нормативных и школьных описаний. Не менее важен его совет о построении моей работы в дальнейшем с учетом диакронии грамматических описаний¹.

¹ Ответ оглашен на заседании Ученого совета во время защиты докторской диссертации.

В. В. Богданов, Б. Д. Панфилов, Ю. С. Маслов. Отзыв о монографии Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика» (М., 1970), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук

В рецензируемой книге предпринята попытка построить некую обобщенную модель лингвистического исследования, которая была бы логически непротиворечивой и формулировала бы дефиниции ряда фундаментальных понятий языковедения (таких, например, как 'слово', 'предложение', 'части речи' и др.) в порядке определенной «системной» иерархии¹. Можно приветствовать смелость автора, поставившего перед собой столь трудную задачу. В книге рассмотрены фрагменты различных лингвистических (главным образом синтаксических) теорий от Аполлония Дискола до нашего времени. Л. З. Сова хорошо осведомлена в истории грамматической науки, что позволяет ей систематизировать рассматриваемые ею теории и критически оценивать их в свете своей концепции. Достоинством рецензируемой работы следует считать также применение метода полного исчисления всех теоретически возможных комбинаций языковых элементов, что позволяет более рельефно описать ограничительные факторы.

Вместе с тем, книга содержит много довольно серьезных недостатков. Так, представляется надуманным разграничение «языковой теории» (которой занимается языковед) и «лингвистической теории» (которой занимается лингвист – стр. 5). Всякая наука, в том числе и языковедение (=лингвистика), имеет дело с обобщением конкретного материала. Не может быть науки, а тем более «теории», которая занималась бы совершенно индивидуальным описанием таких объектов, как «сотри», «случайные», «черты» («языковые элементы»), не объединяя их так или иначе в классы, т. е. в «лингвистические элементы». Имеет смысл и давно проводится разграничение частного и общего языкознания, далее – более молодое в нашей науке – разграничение лингвистического и металингвистического описания, но не имеет смысла выделять «языковую теорию» как нечто отличное от «лингвистической теории».

Свой подход к слову, предложению, к синтаксической связи, к частям речи и членам предложения автор называет «аналитическим», подразумеваемая под этим «раздвоение», или «дуализацию» всех этих объектов, их расщепление на форму и значение. Этот подход противопоставлен в книге «синтетическому», т. е. рассмотрению языковых единиц и классов единиц

¹ Отзыв коллективного оппонента (кафедры Общего языкознания Ленинградского государственного университета), зачитанный 16.06.1972 на заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

как целостных образований, выступающих в единстве формальной и содержательной стороны. Резкость противопоставления «лингвистического дуализма» «лингвистическому монизму» представляется преувеличенной, тем более что на деле отношения формы и содержания в языке оказываются значительно более сложными и гибкими, выступающими не как двухступенчатая, а как многоступенчатая структура, в которой многие «значения» оказываются лишь формой по отношению к другим, более глубоким значениям. В общетеоретическом плане «дуалы» Л. З. Сова не имеют каких-либо преимуществ перед билатералистическими знаками других лингвистов XX века, особенно если учесть концепцию асимметричного дуализма языкового знака у Карцевского, Скалички и других современных языковедов.

В разделе «Предложение: его дефиниции» речь идет о том, что между лингвистическими объектами и их определениями существует параллелизм. Принцип параллелизма распространяется как на объекты типа слова, так и на объекты типа связи между словами. Это дает возможность автору выдвинуть тезис, согласно которому «предложение – это цепочка связанных слов» (стр.104–105). Далее автор пишет: «Однако наличие в лингвистике еще двух определений («Предложение – это мысль, выраженная словами», «Предложение – это цепочка словоформ, имеющая смысл») заставило нас заняться вопросом о единственности (не единственности) объекта, соответствующего всем указанным определениям (т. е. о единственности предложения как конструктивного объекта, построенного на основании трех различных определений)» – стр. 105.

Как известно, в лингвистике предлагалось не три определения предложения, а гораздо больше (даже после объединения вариантов определений). Кроме того, те три определения, которыми в дальнейшем автор только и пользуется, нельзя считать наиболее существенными с точки зрения теории синтаксиса. В работе не учитывается тот факт, что смысл одного слова объединяется или пересекается со смыслом другого слова, смысл одного слова вставляется в смысл другого слова и т. д. Имея это в виду, обычно говорят, что смысл предложения не равен простой сумме смыслов образующих его слов.

Сам по себе тезис Л. З. Сова о необходимости системных определений не вызывает возражений. Однако сомнительно, чтобы при той его интерпретации, с которой мы сталкиваемся в книге, достигался параллелизм «между миром лингвистических объектов и миром определений понятий о них» (стр. 103). Как показывают схемы на стр. 102–105, определения относятся не к объектам, а к понятиям об объектах. Понятий же об объекте может быть много. Любой объект практически неисчерпаем, и число определений его может возрастать. А это значит, что не существует параллелизма между объектами и определениями их. Такой параллелизм, строго говоря,

может быть только между понятиями и их определениями.

Под речевой деятельностью Л. З. Сова понимает говорение, двумя сторонами которого являются восприятие и порождение. Эти компоненты увязываются с понятиями парадигматики и синтагматики. Данная часть работы представляется нам наиболее неудачной. Здесь, например, ни слова не говорится о том, чем следует руководствоваться при решении вопроса о тождественности или не тождественности смыслов. Автор ограничивается упоминанием о существовании семантических множителей без разъяснения того, как эти множители взаимодействуют в семантической структуре предложения.

Если абстрактное предложение, по определению Л. З. Сова, соответствует в плане содержания некоторой мысли, то становится непонятным, на каком основании автор утверждает, что грамматика, разработанная Ч. Фризом, описывает формальный язык, а не естественный язык (стр. 157–159). Ведь Ч. Фриз тоже строил свою модель в терминах четырех классов слов и нескольких десятков функциональных групп.

На наш взгляд, автор напрасно берет под защиту традиционную систему частей речи в тех пунктах, в которых эта система явно несостоятельна (стр. 201). Дело не только в «принципах называния» отдельных частей речи, а и в самом построении системы: местоимение, например, действительно выделено (а не только названо) по иному принципу, чем существительное или прилагательное. Группировка слов по признаку «знаменательные – служебные» соответствует реальному положению дел в языке (независимо от частных различий в трактовке и в терминологии), но это различие совершенно не отражается традиционной схемой.

По меньшей мере, странной выглядит ориентация автора на букву, а не на фонему. Это приводит к тому, что Л. З. Сова «упускает из виду» целый уровень языка – уровень дифференциальных признаков фонем. Решая вопрос о том, на какую единицу следует опираться в лингвистическом анализе, и отвергая в качестве подходящей единицы морфему, автор так обосновывает свое решение: «Тексты на русском языке не удовлетворяют этому требованию: в них дискретно записаны другие единицы – буквы, слова, предложения» (стр. 150). Выходит, что орфография предопределяет весомость той или иной языковой единицы!

Во многих лингвистических работах наблюдается в настоящее время своего рода терминологическая беззаботность, нежелание считаться с уже существующим употреблением терминов, использование общепринятых терминов, даже из числа самых основных, в каких-то новых значениях без каких-либо серьезных на то причин. Вместо того чтобы создавать для новых понятий новые обозначения, многие авторы без разбора используют уже существующие термины, придавая им совершенно не свойственный

им смысл, и тем еще более запутывают и без того далекую от совершенства терминологию нашей науки. Указанный недостаток присущ и книге Л. З. Сова. В частности, представляется совершенно нежелательным проходящее через всю книгу странное употребление термина «словоформа» в смысле «материальная часть слова», противопоставляемая его значению. Аналогично употребление термина «морф» (стр. 153) в смысле «письменный облик морфемы». Устоявшийся уже термин «лексема» употребляется в книге в значении «значение основы слова», «лексическое значение». Нельзя одобрить и отождествление этого лексического значения с «денотатным» (стр. 27 и след.), как и странного употребления терминов «контрадикторный» и «анафорический» на стр. 227 и след.

В книге очень мало фактического языкового материала и потому изложение носит крайне умозрительный характер. Там же, где языковой материал появляется (например, в § 3 Заключения), чтение книги становится более интересным. В этих местах можно отметить ценные наблюдения типологического характера (анализ случаев несовпадения смысловых и формальных связей в предложениях некоторых языков). К сожалению, приходится отметить фактическую ошибку в трактовке азербайджанского примера на стр. 230, где отрицательная связка сказуемого (дейилем, дейилсен) принята за именную часть, а именная часть (хесте) – за отрицание.

Несмотря на все сделанные критические замечания, кафедра общего языкознания Ленинградского государственного университета считает, что рецензируемая монография – итог большого труда, направленного на уяснение основополагающих понятий языковедческой науки, и автор его – Л. З. Сова – заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук.

Л. З. Сова. Ответ на отзыв коллективного оппонента

Я согласна с моими университетскими рецензентами, что деление исследователей языка на лингвистов и языковедов является излишним¹. И языковедам, и лингвистам приходится работать и с теориями, и с конкретным материалом. Возражения моих университетских коллег против деления теории на лингвистическую и языковую я не могу принять. Это деле-

¹ Ответ оглашен на заседании Ученого совета во время защиты докторской диссертации.

ние в моей работе соответствует делению на генотипическую и фенотипическую грамматику в теории С. К. Шаумяна.

Слово «теория» в моей работе, как в работах С. К. Шаумяна и многих других представителей генеративных грамматик, употребляется в более специальном смысле, чем тот, о котором говорят рецензенты. Термин «теория» используется в моей работе, когда речь идет об определенной системе, об определенной иерархии. Если не имеется в виду строгая систематизация терминов, я стараюсь употреблять другой термин, – концепция.

Под лингвистической теорией в работе понимается иерархия своего рода универсалий (конструктивных определений таких объектов, как слово, предложение, синтаксическая связь и др.), под языковой теорией – иерархия манифестаций этих универсалий посредством объектов данного (одного какого-то) языка (см. стр. 151–152, 170–172, 176 и др.).

Аргументация в пользу построения двухступенчатой теории и деления ее на универсальную и конкретную части приводится в трудах С. К. Шаумяна. В моей работе на стр. 170–172 говорится о некоторых практических преимуществах такого подхода. Возможно, вопрос о том, следует строить теорию на основании принципа одноступенчатости, как у Н. Хомского, или на основании принципа двухступенчатости, как у С. К. Шаумяна, – это вопрос спорный, и мне неясно, почему внимание к этому, возможно дискуссионному и трудному, вопросу является, как пишут мои официальные оппоненты, серьезным недостатком моей работы.

Второй принципиальный вопрос в отзыве моих глубокоуважаемых коллег из университета, с которым я не могу согласиться, это вопрос о дуализации. Мои рецензенты пишут: «Резкость противопоставления "лингвистического дуализма" "лингвистическому монизму" представляется преувеличенной, тем более что на деле отношения формы и содержания в языке оказываются значительно более сложными и гибкими, выступающими не как двухступенчатая, а как многоступенчатая структура, в которой многие "значения" оказываются лишь формой по отношению к другим, более глубоким значениям».

Мои оппоненты совершенно справедливо отмечают, что языковые объекты, которые мы исследуем, сложны по своей структуре. Но сложность структуры объекта не предопределяет сложности инструмента для его препарирования. Объект может быть сложным, а инструмент очень простым. Принцип дуализации, который вводится в моей работе, – это инструмент. С помощью этого инструмента любые объекты (как сложные, так и простые) можно разрезать на две части. Эти части можно затем препарировать дальше. Из полученных частей можно составлять различные композиции: то, что на одном этапе деления выступает как форма по отноше-

нию к какому-то элементу, на другом этапе деления может выступать как значение другого элемента. Это способ моделирования тех сложных случаев, о которых говорят мои рецензенты, с помощью простого инструмента.

Необходимость проводить четкую фиксацию инструментов исследования (и значит, их отграничение друг от друга) отмечается представителями самых разных наук. Возникла даже целая проблема в физике – о соотношении прибора (инструмента) и объекта, для исследования которого он употребляется.

Дуалистическими в моей работе названы лингвистические концепции, авторы которых применяют метод разрезания лингвистических объектов на две части (означаемое и означающее). Если метод разрезания на части в теории не применяется, она рассматривается как монистическая концепция. Поэтому мне непонятно, почему четкость в разведении средств исследования может выступать как серьезный недостаток работы, который отмечают мои рецензенты.

Далее мои коллективные оппоненты говорят: «В общетеоретическом плане «дуалы» Л. З. Сова не имеют каких-либо преимуществ перед билатералистическими знаками лингвистов XX века».

Если один и тот же инструмент используется разными лингвистами, то совершенно естественно, что он приводит их всех к одним и тем же результатам. По-моему, как раз в этом и заключается объективная ценность данного инструмента. Этот инструмент (разрезание слова на означаемое и означающее), как я говорила во вступительном слове, был введен в лингвистический обиход Соссюром, им же пользовались Ельмслев, Карцевский, Скаличка и другие языковеды. В своей работе я постаралась применить этот инструмент к более широкой области, чем та, где он применялся ранее: к области синтаксических структур и связей. В 1970 г. в журнале «Семиотика» (1970. № 4) вышла статья швейцарского ученого Зайлера, который применил, как и я, метод дуализации к анализу связей. Насколько я могу судить, наши результаты совпадают, – так оно, по-моему, и должно быть.

На стр. 3 отзыва моих внешних рецензентов говорится: «В работе не учитывается тот факт, что смысл одного слова объединяется или пересекается со смыслом другого слова, смысл одного слова вставляется в смысл другого слова и т. д.». В «Аналитической лингвистике» на стр. 185 говорится, что значение тех или иных слов можно представить как комбинацию семантических множителей, слова можно объединять посредством связей в более сложные образования, например, словосочетания, предельным случаем которых является предложение (стр. 222–225). Кроме того, в работе показывается, что образование сложных целых может идти как по

линии формально-смысловых единств, так и по линии укрупнения смысловых элементов (стр. 154–155). При этом укрупнении смыслы могут объединяться, пересекаться, вставляться внутрь и т. д.

Мои рецензенты пишут: «Сомнительно, что в книге достигается параллелизм «между миром лингвистических объектов и миром определенных понятий о них». Аргументация моих рецензентов здесь такова: понятий об объекте может быть много; любой объект практически неисчерпаем, и число определений его может возрастать. Я с этим согласна. Но принцип параллелизма, который вводится у меня, – это рабочий инструмент для работы с конструктами, а не с теми объектами, о которых говорят мои рецензенты. Только эти конструкты составляют мир лингвистических объектов, которые описаны в моей книге по отношению к принципу параллелизма. Эти конструкты, по самому замыслу, вводятся однозначно: одному определению соответствует один конструкт, и каждый один конструкт задается одним (и только одним) определением, – стр. 102 и т. д.

Введение конструктов как бы помогает исчерпывать свойства объектов, перечислять их с помощью строго фиксированных определений. Достичь этого, как мне кажется, можно только, вводя принцип параллелизма при задании конструктов. К сожалению, мои рецензенты не указали конкретно, где именно нарушен принцип параллелизма, если он нарушен. Если это имеет место, ошибку, конечно, надо устранить, но если это, действительно, имеет место.

Следующий абзац я прочитаю целиком: «Под речевой деятельностью Л. З. Сова понимает говорение, двумя сторонами которого являются восприятие и порождение. Эти компоненты увязываются с понятиями парадигматики и синтагматики. Данная часть работы представляется нам наиболее неудачной. Здесь, например, ни слова не говорится о том, чем следует руководствоваться при решении вопроса о тождественности или не тождественности смыслов. Автор ограничивается упоминанием о существовании семантических множителей без разъяснения того, как эти множители взаимодействуют в семантической структуре предложения».

У меня в работе, действительно, понятие речевой деятельности увязывается с понятиями парадигматики и синтагматики, и действительно, в этой части работы ни слова не говорится о процедурах по распознаванию тождеств и различий семантических множителей. Но мне непонятно, почему в главе, посвященной противопоставлению синтагматики и парадигматики, следовало говорить о семантических множителях. Вопросам, связанным с семантическими множителями, посвящен другой раздел в другой главе, – § 3 главы 5.

Далее. В отзыве указывается: «По меньшей мере, странной выглядит ориентация автора на букву, а не на фонему. Это приводит к тому, что

Л. З. Сова «упускает из виду» целый уровень языка – уровень дифференциальных признаков фонем».

В «Аналитической лингвистике», действительно, не исследуются проблемы фонологии: не потому, что фонемы не нужны, а потому, что все сразу рассмотреть нельзя. Надо было с чего-то начинать, и из двух типов языковой субстанции (графической и звуковой) я выбрала первую. Поскольку вопрос о том, какая субстанция должна приниматься за исходную, является дискуссионным, и на него даются различные ответы, я аргументировала свой выбор тем, что поставила решение этого вопроса в зависимость от практических задач, на которые ориентирована моя работа.

Она была направлена на реализацию результатов в прикладной лингвистике, причем в тех ее областях, где в настоящее время обрабатывается преимущественно графическая, а не звуковая субстанция (проблемы, связанные с автоматическим переводом и реферированием текстов на ЭВМ). На стр. 183 «Аналитической лингвистики» это ограничение на материал сформулировано так: «Мы работаем с продуктами речевой деятельности, представленными в виде письменных знаков. При работе с продуктами речевой деятельности, представленными в виде устной речи, в качестве формальных фигур принять буквы нельзя, нужны другие «кирпичики» (фонемы)».

Мои рецензенты говорят: «Если абстрактное предложение, по определению Л. З. Сова, соответствует в плане содержания некоторой мысли, то становится непонятным, на каком основании автор утверждает, что грамматика, разработанная Ч. Фризом, описывает формальный язык, а не естественный язык (стр. 157–159). Ведь Ч. Фриз тоже строил свою модель в терминах четырех классов слов и нескольких десятков функциональных групп».

Я согласна с тем, что абстрактное предложение (цепочка терминов классов, например, цепочка *SV*) выражает определенную мысль, и что соответствующее ему конкретное предложение *Мальчик гуляет* тоже выражает определенную мысль. Но из того, что два предложения выражают мысль, не следует, что они выражают одну и ту же мысль. Мысли, стоящие за цепочкой словоформ *Мальчик гуляет* и *SV* – разные. На этом основана в работе аргументация, которая, как пишут мои оппоненты, осталась для них непонятной.

В отзыве говорится: «автор напрасно берет под защиту традиционную систему частей речи в тех пунктах, в которых эта система явно несостоятельна (стр. 201)». Пример несостоятельности традиционных систем, на который ссылаются мои оппоненты: в традиционных классификациях, говорят они, местоимение выделено по иному принципу, чем существительное или прилагательное.

Позволю себе снова не согласиться с категоричностью утверждения, против которого я уже выступала в «Аналитической лингвистике». Конечно, есть традиционные концепции, в которых допущены противоречия или ошибки при классификации частей речи, но это просто не очень хорошие работы. Есть и другие концепции, – в них нет противоречий.

Если мы откроем работу В. Г. Адмони «Введение в синтаксис современного немецкого языка», то увидим, что местоимения в этой работе выделены в отдельный грамматический класс – часть речи. Принцип выделения: набор логико-грамматических и коммуникативно-грамматических категорий, присущих данному классу, т. е. общее категориальное значение, свойственное данному классу, его морфологический облик, функции в предложениях. Этот же принцип проведен при выделении других частей речи. Каждая часть речи имеет определенное категориальное значение, определенную морфологическую характеристику, определенную функцию.

Я никак не могу согласиться с моими оппонентами, что система частей речи в этой грамматике несостоятельна. Грамматика В. Г. Адмони – пример традиционных описаний. Например, в предисловии к изданию этой грамматики в Мюнхене так говорится о традиционности взглядов ее автора: «Как читатель, вероятно, вскоре заметит, одной из основных целей автора было подчеркнуть ценность многих понятий и положений традиционной грамматики. Эта книга пытается, употребляя Лессинговский термин, быть „спасением традиционной грамматики“, которую в последнее время так неустанно бранят» (3 изд. Мюнхен, 1970. С. IX–X).

А. Ф. Лосев. Отзыв о докторской диссертаций Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика», М. 1970, 253 стр.

Если определить основную задачу, которую ставит себе Л. З. Сова, то задачу эту несомненным образом мы должны определить как попытку разгадать логическое строение языка¹. То, что язык обладает своей собственной логической структурой, этому удивляться не приходится, а структурализм последних десятилетий, при всех своих преувеличениях и ошибках с большой наглядностью доказал полную необходимость изучения именно логических сторон языка. Следовательно, при общей оценке работы Л. З. Сова нужно ставить только один вопрос: развивается ли ее исследование в рамках допустимого для советской лингвистики логицизма, или здесь дело переходит далеко за пределы допустимого логицизма с той или другой утратой изучения естественных языков и с переходом в область

¹ Отзыв рецензента ВАКа, зачитанный на заседании Экспертного совета ВАКа и опубликованный в составе статьи: А. Ф. Лосев. О понятии аналитической лингвистики // Исследования по русскому языку и языкознанию. М., 1974. С. 6–26.

чистой логики. После внимательного изучения книги Л. З. Сова я прихожу к выводу, что при многочисленных недостатках и при некотором словесном излишестве Л. З. Сова все же остается в пределах допустимого логицизма, и многое из ее исследования может быть с успехом применено в практической работе языковеда.

Но чтобы выразаться словами самой Л. З. Сова, сначала необходимо учесть ее противопоставление языкознания и лингвистики. Однако это необычное противопоставление при ближайшем анализе оказывается довольно простым предметом. Попросту говоря, Л. З. Сова должна была бы начать с естественного языка, продолжить его традиционной описательной грамматикой, основанной на интуитивном понимании языковых элементов, и закончить сравнением разных способов изложения этих описательных грамматик. Но она несомненно вредит себе, когда говорит не об естественном языке, а о языке вообще, и когда говорит не о традиционной описательной грамматике, но выставляет науку о формах языка; а сопоставление разных способов построения грамматики называет ненужным термином «учение о метаязыке». Такая же ясная мысль, но неясное выражение сопровождает ее учение о лингвистике, которая по ее мнению есть просто система точных определений языковых элементов и языковых форм. При таком понимании лингвистики тот, которого Л. З. Сова называет языковедом, возмутится и скажет, что он тоже дает определения и своих языковых элементов, и своих языковых форм. В чем же тогда будет разница между лингвистикой и языкознанием? Изложение у Л. З. Сова в этом месте (стр. 5) не страдает особенной ясностью. Было бы гораздо яснее, если бы она языковые формы изображала как формы, возникающие из простых интуиций языка (например, падежи мы определяем как слова, отвечающие на вопрос «кто», «что», «кому», «чему», и т. д.; это ведь есть чисто интуитивное понимание падежа, вполне достаточное для элементарного изучения языка), а лингвистические формы она определяла бы как формы понятийные, то есть как данные в виде точного перечисления признаков соответствующих понятий. Из этого видно, что разделение на языкознание и лингвистику у Л. З. Сова ничего страшного собой не представляет, а только выражено несколько заумно. Для представителя традиционного и классического языкознания покажется странным и непонятным также и выражение «метаязык», «метатеория», т. е. и «языковая метатеория», и «лингвистическая метатеория». Жаль, что здесь употреблен термин, весьма модный для крайнего структурализма, но после удаления излишней изысканности выражения это есть, попросту говоря, сравнение между собою языковых теорий, сравнение между собою лингвистических теорий и попытка формулировать такую теорию языка, которая обнимала бы и метаязыкознание, и металингвистику. На тех страницах, где даются эти первоначальные определения, понять Л. З. Сову трудновато. Однако ее дальнейшие и вполне конкретные анализы достаточно убедительно пока-

зывают, что такое разделение наук вполне естественно, только нужно помнить то, чего сама исследовательница не говорит, а именно, что здесь мы имеем лестницу восхождения от примитивных и чисто интуитивных наблюдений над языком к их обобщенной форме, которая требует уже точных понятий и точных систем, а кончаем мы перечислением этих понятий и систем, их сравнением, вопросами об их совместимости и несовместимости и, если можно, построением наиболее общей системы категорий, без которой невозможен никакой язык. Если я правильно понял эти утверждения Л. З. Сова, то я могу их только одобрить, хотя сам я излагаю подобного рода утверждения гораздо проще и понятнее. Но если Л. З. Сова будет возражать против такого моего понимания, то я должен отступить в сторону ввиду невозможности ответить на ее утверждения ни «да», ни «нет».

В связи с этим и самое понятие аналитической лингвистики у Л. З. Сова тоже требует к себе критического подхода. То, что сама Л. З. Сова говорит об аналитической лингвистике, это опять-таки не очень ясно. Она говорит, что аналитическая лингвистика пользуется «методом построения лингвистических элементов через металингвистическое исследование» (стр. 215). Это можно понять только так, что обычные грамматические понятия берутся по разным грамматикам, дающим эти понятия по-разному, делается сводка этих разных понятийных систем и устанавливается, что в них общего и необходимого, и что разноречиво или даже противоречиво. Еще путаннее рассуждение Л. З. Сова на следующих страницах (стр.216–217): «Фиксируется некоторый элемент, существующий в объективной действительности и данный нам в ощущении ("естественный языковой или лингвистический элемент"). На основании наших представлений о нем, вызванных "ощущением" этого элемента, выделяются признаки ему (с точки зрения наших ощущений) свойства и изображается наше представление о нем в виде пучка характеристик... Другими словами, подхода к естественному элементу как некоему черному ящику, мы предлагаем строить его модель через исследование его функционирования и сравнения с прецедентами применения конструкта. Тем самым мы предлагаем использовать в лингвистике метод рассуждений, обычно применяемый в кибернетике. Характерной чертой этого метода является то, что его применение основано на схеме повторяющихся циклов, окаймленных аналитическими процедурами» (стр. 216–217). Зачем такая масса ненужных и малопонятных слов? Ведь то, что хочет здесь сказать Л. З. Сова, сводится к обычной логической работе ума над ощущаемым предметом: интуитивно познаваемый предмет анализируется с точки зрения составляющих его признаков; эти признаки, взятые вместе, являются логическим конструктом предмета; но построение такого конструкта может быть истинным и может быть ложным, что и проверяется на интуитивно данном и логически проанализированном предмете; затем может оказаться, что таких конст-

руктов одного и того же предмета имеется весьма много, смотря по точке зрения на самый этот конструкт; наконец, собравши все эти возможные конструкты в одно целое, мы либо строим из них единую цельную и непротиворечивую систему, либо такая система не удается, а удается лишь какая-нибудь ее отдельная часть. Попросту говоря, аналитический метод Л. З. Сова заключается в том, что мы производим максимальное количество различений, свойственных предмету, и все эти различения мы затем сводим в единую и минимальную систему, однако насыщенную всеми этими возможными конструктами. Это – общий ход расчленения и обобщения признаков изучаемого предмета, который проводится решительно во всех науках. Если я прав в таком понимании Л. З. Сова, то ее построения я могу только одобрить, с оговоркой на терминологическое и нетерминологическое излишество. Если же Л. З. Сова скажет, что я не усвоил ее аналитического метода, то мне опять придется отойти в сторону ввиду непонимания, о чем мы спорим.

Приблизительно такого же рода замечания я бы сделал и относительно того, как Л. З. Сова определяет предложение. Сначала она определяет, что такое слово. Оказывается, что слово есть, по ее терминологии, дуал, а дуал есть совместное наличие значения и формы. Спрашивается, не то же ли самое мы говорим и в школе, и в средней и в высшей? Неужели можно дать какое-либо иное определение слова, если подходить к нему пока элементарно, кроме того, что оно есть определенного рода звуковая форма, обладающая определенным значением? Неужели термин «дуал» привносит тут что-нибудь новое или говорит о чем-то еще иначе, кроме того, что слово есть соединение звуковой формы и смыслового значения? Но согласимся, что такого рода термин будет нам полезен. И что же мы тогда получаем для определения такого термина, как «предложение»?

Л. З. Сова утверждает гипотетическое тождество трех таких формулировок: 1. Предложение это мысль, выраженная словами–дуалами. 2. Предложение – это цепочка словоформ («половинок» дуалов), имеющая смысл. 3. Предложение – это цепочка связанных между собой слов–дуалов (стр. 13). Конечно, тут хотелось бы знать, что это такое за дуал, поскольку в нем и содержится разгадка соотношения между языковой формой и языковым смыслом. Но кроме констатации наличия формы и значения в дуале, об этом дуале больше ничего не говорится. Но тогда что значит термин «слово–дуал»? Ведь и без этого «дуала» слово всеми понимается именно как дуал. Поэтому в трех приведенных определениях термина «предложение» имеется в виду попросту мысль, выраженная словами. Ведь если Л. З. Сова понимает, что такое «смысл» или «значение», то почему же она не понимает слова «мысль»? Эту «мысль» она, конечно, прекрасно понимает. И поэтому все три указанные понимания предложения действительно тождественны, но только в первом определении имеется в виду вообще словес-

ное выражение мысли, во втором – только формальное объединение слов, а в третьем случае – и формальное и смысловое. Кроме того, в другом месте Л. З. Сова просто пишет: «Предложение – это дуал, одной стороной которого является формальная цепочка, а второй – смысловая цепочка» (стр. 16). Значит, попросту говоря, в предложении, как и в слове, мы находим просто объединение формальной стороны и смысловой стороны. Можно ли назвать это каким-нибудь новым именованием предложения? Заметим, что Л. З. Сова не дает определения ни того, что такое «смысл», «значение», ни того, что такое «форма». Выходит дело, что все это исследование основано на простейших языковых интуициях, в которых никогда никто не сомневался, в которых не сомневаюсь и я и которые к тому же вполне предметны и очевидны. Можно ли возражать здесь Л. З. Сове? Я думаю, что возражать здесь невозможно. Но какого-нибудь «аналитического» исследования слова и предложения я здесь никак не могу найти.

При обсуждении этого предмета я обращаю внимание еще только на два факта. Во-первых, соединение смысловой и формальной цепочки имеется не только в предложении, но и вообще во всяком словосочетании и словосложении, и не только здесь, но и во всяком отдельном слове. Ведь всякое отдельное слово тоже состоит из разных морфем, имеющих свою форму и свое значение, а также и из совокупности этих морфем, обладающей тоже своим смыслом и своей формой. Таким образом, Л. З. Сова определила не само предложение, а боюсь, что вообще всякое языковое выражение, в котором есть свой смысл и своя форма. Во-вторых, во всех этих определениях Л. З. Сова обращает на себя внимание весьма интересный термин «цепочка». Ведь такого рода «цепочками» пользовались те крайние структуралисты-формалисты, которые во что бы то ни стало хотели изучать язык вне всякой семантики, почему и предложение понимали только как бессмысленное и механическое сплетение одних слов с другими. Но эти времена крайне формального структурализма уже давно прошли; да и сама Л. З. Сова нигде не отделяет форму от смысла, а смысл от формы. Наоборот, она прямо пишет: «Предложение – это формальная цепочка, находящаяся в определенной зависимости от смысловой цепочки» (стр. 16). Но в таком случае я уже перестаю понимать, зачем понадобился здесь механистический термин «цепочка», когда дело касается вовсе не только смысловых связей, но только их нерушимого синтеза и даже говорится о полной зависимости формальных связей от смысловых?

В дальнейшем мне хотелось бы проанализировать тот фактический метод, при помощи которого Л. З. Сова идет от естественного языка к лингвистике и даже к металингвистике. Несмотря на то, что этот ход мысли от практических и интуитивных наблюдений к понятийным теориям и далее к теории этих теорий, то есть к сравнению их между собою, я должен безусловно одобрить, тем не менее, фактическая работа Л. З. Сова в этой об-

ласти базируется на одном весьма существенном противоречии. С одной стороны, утверждается, что металингвистика есть самая общая и потому самая необходимая теория языка. А с другой стороны, мы читаем, например, на стр. 77: «На основании анализа известных нам работ термину "управление" может быть дано строгое определение только при понимании управления как СВЯЗИ МЕЖДУ КОНКРЕТНЫМИ СЛОВАМИ...». Таким образом, мы приходим к выводу, что лингвистика как единая теория не существует: в лингвистике столько разных лингвистик, сколько есть лингвистов. Но автор не замечает, что в таких условиях постулированная им металингвистика совершенно теряет свой смысл и делается просто невозможной. При этом сам автор чувствует противоречие, в которое он попал, и предлагает избавиться от этой неопределенности металингвистики обращением все к тем же естественным языкам для установления правильности констатируемых разных противоречивых лингвистик. «Каждую логическую возможность, – пишет Л. З. Сова, – целесообразно реализовать только в той сфере практической деятельности, для которой неразрешимые при данном подходе противоречия оказываются несущественными» (стр. 78). По этому поводу я опять-таки скажу, что вовсе нельзя считать неправильной теорию Л. З. Сова о необходимости возрастающего обобщения и формализации от естественного языка до металингвистики. Сама-то эта теория правильная. Но против ее изложения я возражаю, потому что изложение это довольно-таки спутанное. Действительно, весьма желательно существование такой максимально общей теории, которая обнимала бы, классифицировала бы и устанавливала бы противоречивость или непротиворечивость отдельных конкретных теорий. Но если эта максимально общая теория, констатируя противоречия в лингвистической науке, опять должна обращаться к языковой практике для того, чтобы избавиться от этих противоречий, то такое положение дела я могу только приветствовать. Но тогда не отрывайте так безусловно металингвистику от работы над естественными языками.

В дальнейшем мне хотелось бы остановиться на одной проблеме, которая является для книги Л. З. Сова и самой центральной, и самой показательной, и разработанной больше всего. Это – проблема УПРАВЛЕНИЯ. Так как управление есть некоторого рода связь между словами, то Л. З. Сова сначала устанавливает такие 5 наиболее общих отношений между словами, которые в дальнейшем она будет применять для исчисления всех возможных пониманий управления (стр.19). В дальнейшем ей понадобится еще 12 общих типов соотношения между парадигматическими и синтагматическими моментами внутри сочетания слов (стр. 81). Помножая 5 на 12, она получает «60 типов связей, описанных или могущих быть описанными в лингвистике» (стр.81), причем здесь имеются в виду не связи слов вообще, но вообще типы соотношения моментов формы и смысла, взятых в аспекте парадигматики и синтагматики. Из этих 60 соотношений

Л. З. Сова считает необходимым выбрать только те, которые характерны только для процедуры управления, и таковых она насчитывает тоже 12 (стр. 92–93). Еще до определения того, что такое управление, исходя из всех логически возможных комбинаций при построении систем частей речи и членов предложения (с учетом пока еще лишь следующих моментов: синтагматики, парадигматики, отношения языка и речи, логического, денотатного, грамматического и психологического принципов классификации), Л. З. Сова получает 480 видов лингвистических систем частей речи и членов предложения (стр. 77). Мало того, Л. З. Сова пишет даже так: «Немного изобретательности – и количество логических возможностей можно увеличить до любой мыслимой величины». Всякого обычного языковеда это исчисление всех возможных пониманий лишь одного момента языка может только удивить, и большинство безусловно будет возражать против этой абстрактной комбинаторики. Однако лично меня эта комбинаторика нисколько не удивляет, и я в самом серьезном смысле слова готов идти здесь до бесконечности, но об этом я скажу ниже. Сейчас же меня интересует логический анализ только одной грамматической категории, а именно управления; и меня не смущает то, что, конечно, смутит каждого читателя Л. З. Сова, а именно, что между выведением всех этих цифр читателю приходится усваивать большое количество страниц, не имеющих прямого отношения к делу. Лучше было бы все это исчисление объяснить кратко и ясно на одной странице, а уже потом заниматься разъяснением всех этих цифр. Но, повторяю, сейчас дело не в этом, а в том, как понимает Л. З. Сова управление.

Она пишет: «Управление в значении формальной синтагматической связи между формальными принадлежностями слов, рассматриваемых как представители синтагматических классов, мы заменим термином "детерминация"; а управление в смысле формально-смысловой связи между словами, рассматриваемыми как представители синтагматических классов, – термином "синтаксическое требование" (или просто "требование")» (стр. 95). Следовательно, в предложении «читаю книгу» между обоими словами, составляющими это предложение, одинаково существует синтагматическая связь, но только при одном рассмотрении она формально-синтагматическая, а при другом – формально-смысловая синтагматическая связь. Поскольку в книге не поднимается никаких вопросов относительно того, что такое «форма», и что такое «смысл», и что такое «формально-смысловой», об этом мы Л. З. Сову спрашивать не будем. Но вот о том, что такое синтагматическая связь, об этом она говорит много, и любопытно посмотреть, как она это понимает.

На стр. 48 Л. З. Сова противопоставляет синтагматическую и парадигматическую связь соответственно как цепочку слов и как «ассоциативный ряд». Следовательно, при определении синтагматического признака не

вводится ничего нового, кроме того, что он есть отношение в цепочке слов (или цепочке классов слов). Для определения же парадигматической связи Л. З. Сова употребляет только неопределенное выражение «ассоциативный ряд». Такое определение двух фундаментальных для языкознания понятий является чересчур убогим. «Цепочка», как мы уже об этом говорили, вовсе не имеет для Л. З. Сова какой-то механистической последовательности дискретно связанных между собою слов. Зачем же в таком случае этот термин употреблять? Термин же «ассоциативный ряд» настолько многозначен, что при таком определении остается неизвестным, что Л. З. Сова понимает под парадигматикой. Мы не будем здесь приводить разные определения этих понятий, которые существуют в лингвистике. Но то определение, которое дает здесь Л. З. Сова, можно сказать, наихудшее. И тогда что же остается для исходного определения нами того, что такое грамматическое управление? Очевидно, ничего, кроме неопределенных терминов «цепочка» и «ассоциация», здесь ничего не появляется. Единственное, что имеет здесь предметный смысл, это то, что управление можно понимать формально, т. е. как морфологическую связь слов, или смысловым образом, т. е. как связь слов по их смыслу.

Но в первом случае морфологическую связь признаков слов в предложении можно установить, только если уже заранее знать, что такое управление и что такое предложение, т. е. тут допускается логическая ошибка *retitio principii*. Во втором же случае, когда речь идет о формально-смысловой связи слов в предложении, опять-таки без предварительного знания, что такое есть управление, нельзя установить и морфологического соответствия, так как иначе окончание слова «книга» морфологически будет то же самое, что это же самое окончание в родительном падеже единственного числа слова «стола». Итак, Л. З. Сова не дает ровно никакого определения того, что она понимает под управлением, и рассуждает здесь только на основе обычного в школе интуитивного понимания этого термина.

Но я не стал бы забраковывать все учение Л. З. Сова об управлении. Очень важно действительно установить все логические возможности сочетания слов, из которых мы потом выберем те, которые соотносятся между собою как управляемые и управляющие. Но только здесь я стал бы возражать против способа перечисления этих логических возможностей.

Возьмем указанное у нас выше определение связи слов на стр. 19. Первое отношение – это соотношение внесмысловых форм слов между собою. Но это вовсе не есть связь слов, потому что форму слова мы только в том случае можем установить, если знаем само слово, которое вовсе не есть только форма, но форма с определенным смыслом. Второе отношение – это отношение между формами, которые являются носителями смысла. И это тоже не есть соотношение самих слов, потому что слово вовсе не сво-

дится к своей форме, хотя бы она и была смысловая. Третье отношение – это отношение смыслов разных слов независимо от их формальной выразительности. А это и вовсе не относится к языкознанию, но только к чистой логике, которая только и оперирует смыслами слов и их соотношениями, не взирая на их языковую выразительность в той или иной форме. Четвертое отношение – это соотношение таких слов, между которыми устанавливается смысловая связь. Это уже гораздо ближе к языкознанию. Но только опять остается непонятным, что тут надо понимать под словом. И, наконец, пятое отношение – это отношение синтаксических связей между словами как неделимыми формально-смысловыми компонентами. Тут правильно то, что автор находит в слове неделимый формально-смысловый компонент, и утверждает, что между такими компонентами существует синтаксическая связь. Однако, если еще можно согласиться с тем, что в слове нераздельно слиты форма и значение, то зато остается неизвестным, что же такое «синтаксическое отношение» между такими словами. Что же, это опять какая-нибудь механистическая цепочка или что-нибудь другое? Л. З. Сова безусловно понимает соотношение членов предложения отнюдь не как механистическую цепочку, но понимает ее в интуитивном смысле достаточно содержательно. Однако, понятийная содержательность этой связи, кроме того, что она может быть и формальной, и смысловой, и формально-смысловой, к сожалению, никак не раскрывается.

Таким образом, эти пять типов соотношения слов между собой остаются у Л. З. Сова чересчур сомнительными.

Что касается заманчивой цифры 12 относительно связи слов, взятых то ли как конкретное слово, то ли как член парадигматического класса, то ли как член синтагматического класса (стр. 81), то очень легко сообразить, что из разных сочетаний этих трех понятий по два, взятых сначала в синтагматическом, а затем в парадигматическом аспекте, весьма легко получить это число 12. Я опять-таки скажу, что дело не в этом числе 12 (пусть будет установлено хотя бы число 112 или число 1012), а дело в том, что самое-то понятие парадигматического и синтагматического класса Л. З. Сова, как мы сказали выше, рисует в весьма неясном виде. Ведь если так трудно определять эти понятия, то было бы хорошо, чтобы Л. З. Сова опиралась при определении этих понятий хотя бы на какие-нибудь известные всякому лингвисту грамматические категории. Пусть она сказала бы, что парадигматический класс есть класс слов, имеющих разную флексию, и в этом случае парадигмой оказался бы просто класс всех падежей. Или пусть она сказала бы, что парадигматический класс есть вообще класс всех слов, которые отличаются каким-нибудь звуком или комплексом звуков внутри парадигмы (тогда парадигматическим классом оказался бы класс таких слов, как «пал», «пел», «пил», «пол», «пыл»); а синтагматический класс пусть она понимала бы как класс слов, из которых каждое является,

например, членом того или другого предложения. И сама Л. З. Сова отнюдь не чужда такого рода конкретного понимания парадигматического и синтагматического класса. Однако жаль только то, что приведенные нами примеры без специального анализа отнюдь не могут возводиться в степень общего и основного учения об основных логических возможностях тех или других сочетаний слов, а являются только простыми и ясными примерами. Однако, поскольку мы занялись сейчас учением Л. З. Сова об управлении, остановимся на тех 6 типах сочетаний слов, или точнее языковых элементов, которые, по ее мнению, можно понимать как соотношение управляющего слова и управляемого слова.

Из своих 60 сочетаний слов, как мы уже знаем, Л. З. Сова оставляет для управления только 12 соотношений (стр. 92–94). Сначала Л. З. Сова устанавливает 6 типов синтагматических связей, в качестве названия которых в лингвистике употребляется термин «управление» (стр. 89). Последние три из этих отношений нисколько не затрагивают специально категории управления, поскольку все они построены только на формальном соотношении слов или классов слов. Тут получается, например, что «красная роза», «красная папа», «красная ерунда» и т. д. суть примеры именно управления, в то время как это вовсе не управление, а согласование. Что же касается первых трех типов соотношения, которые Л. З. Сова тоже трактует как отношение слов, создающее именно управление, то ввиду отсутствия формулировки того, что является управлением в точном и специфическом смысле, эти три случая тоже можно понимать вовсе не как управление. Так, например, первая формулировка говорит о формально-смысловой синтагматической связи между двумя конкретными словами. Но в таком случае предложение «он пришел» тоже будет содержать в себе то или иное управление, а никакого управления в данном предложении нет, а есть только предицирование. И дело, конечно, не меняется от того, если мы вместо слов будем понимать целые классы слов. Все равно никакого управления здесь не получится. Но Л. З. Сова не удовлетворяется и этим. Она утверждает, что таких соотношений двух слов, которые создают управление, не 6, а целых 12. Именно, поскольку «класс слов» можно понимать или парадигматически, или синтагматически, то, подставляя эти термины вместо просто термина «слово», и термина «класс», которое употребляется в 4 из указанных 6 делений, мы легко получаем цифру 12. Но я и здесь не возражаю против самой цифры 12. Если угодно, то, пользуясь методом Л. З. Сова, я легко мог бы установить не 12, а целых 20 соотношений слов для тех случаев, когда мы имеем дело с управлением. Именно, если брать каждое слово не только парадигматически и не только синтагматически, а брать так, что оно будет иметь в одно и то же время и парадигматическое, и синтагматическое значение, то получится не 12, а целых 20 соотношений слов, входящих в процедуру управления. Ведь ничто не мешает мне понимать каждое конкретное слово и как падеж, т. е. в

конец концов как часть речи, и как подлежащее или дополнение, т. е. в конце концов как член предложения. Ведь таковым же и является каждое имя (существительное, прилагательное и т. д.). Тогда уже искомым соотношений будет не 12, а, как мы только что сказали, 20.

Я не буду анализировать другие проблемы, затронутые в книге Л. З. Сова. Проблема, которую я затронул, повторяю, и центральная для книги, и наиболее подробно разработанная, а разбор всех деталей теории Л. З. Сова завел бы меня слишком далеко, причем результаты получились бы те же самые. Но я прошу внимательно отнестись к моим выводам. Я вовсе не склонен все свои выводы относительно книги Л. З. Сова понимать только как отрицательные. Наоборот, я считаю важным и очередным и логический подход к языку, и исчисление всех логических возможностей, на которые дает нам право понятие, но не дает права слово. Пусть в языке не все осуществляется из того, что я получил чисто логически и из чего построил стройную и непротиворечивую систему понятий. Все равно подобного рода анализ будет полезен для оценки конкретно существующих и когда-то существовавших лингвистических теорий, и все это только больше меня убедит в отличии теоретического мышления, которое создает логику, и практического мышления, которое создает всю языковую область. Это дает возможность, кроме того, понимать и то, насколько многозначно, разноречиво и даже противоречиво употребляют языковеды свои основные термины, и не только при сравнении нескольких лингвистов между собой, но и в сравнении разных суждений одного и того же лингвиста. Меня не смущает, а только ободряет то, что Л. З. Сова насчитывает то 5, то 6, то 12, то 480 оттенков в понимании одного и того же лингвистического термина или определения. Я сам занимался семантикой падежей в плане общего языкознания и убедился на многих языках, что каждый падеж имеет столько значений, сколько тех контекстов, в которых он употребляется, то есть число этих оттенков в полном смысле слова бесконечно. Даже при переходе от одного падежа к другому можно установить такое количество семантических оттенков этих падежей, что бывает даже трудно сказать, когда один падеж переходит в другой падеж. И при всех этих падежных оттенках, как бы они ни были мелки и утонченны, между двумя такими значениями падежа всегда можно найти какое-нибудь третье значение, и так – до бесконечности. Может быть, в этом смысле и нужно было бы именовать подлинную лингвистику именно аналитической, поскольку математический анализ как раз и оперирует с бесконечно-малыми величинами, которые вовсе не являются стабильным целым, а постоянно уходят вдаль все больше и больше. Поэтому основное отношение Л. З. Сова к языку я бы считал и положительным, и своевременным, и очередным. Правда, наше общее языкознание находится еще в самом начале своего развития, поэтому Л. З. Сова очень часто свои вполне правильные языковые интуиции весьма неудачно формулирует весьма неподходящими тер-

минами и сводит часто на весьма уязвимые системы. Но я думаю, что это ей надо простить.

Тем не менее, та терминологическая расчлененность, которой пользуется Л. З. Сова раз навсегда исключит всякую возможность относиться, например, к тем же проблемам управления столь мало расчлененно и столь противоречиво, как это мы теперь иной раз находим в научных исследованиях и учебных пособиях. Изучивший книгу Л. З. Совы сразу же определит степень логической точности, характерную для наших работ по общему языкознанию и по отдельным языкам. Воспользовавшись аналитическими методами Л. З. Совы, другой лингвист, возможно, даст и более четкое изложение аналитического метода в языкознании. Но важно было начать, и Л. З. Сова начала.

Ввиду всего вышеизложенного я глубоко убежден, что Л. З. Сова вполне заслуживает искомой ею ученой степени доктора филологических наук.

Ответ на отзыв А. Ф. Лосева

Я благодарю проф. А. Ф. Лосева за тот глубокий и доброжелательный анализ моей работы, который содержится в его отзыве, и за тот огромный труд, который этому отзыву предшествовал¹. Я очень благодарна также за то, что конструктивная критика проф. А. Ф. Лосева дает мне возможность открыть здесь дискуссию по вопросам, которые мне кажутся важными и существенными для понимания моей работы.

Открыть эту полемику я хочу с замечания о целях моей работы. Как я отмечала во вступительном слове, моя работа ориентирована на моделирование концептуального аппарата. Поэтому, определяя свою задачу, я бы к словам проф. А. Ф. Лосева о попытке разгадать логическую структуру языка добавила пояснение о способе достижения этой цели – «путем моделирования концептуального лингвистического аппарата», созданного учеными в процессе исследования конкретных языков.

Это добавление дает мне возможность отметить операционный характер определений, с которыми я работаю. Определения объектов строятся как описание тех операций, которые к ним применяются в процессе экспликации их свойств, аналогично тому, как это делается в конструктивной, а не традиционной логике, с позиций которой, насколько я понимаю, ведет критику моей работы проф. А. Ф. Лосев на стр. 6–8 своего отзыва, когда проводит сравнение различных определений терминов «слово» и «предложение», которые я анализирую, и заключает, что в «предложении, как и в слове, мы находим просто объединение формальной стороны и смысловой стороны» (стр. 6), а остальные все рассуждения по этому поводу связаны с

¹ Ответ зачитан на заседании Экспертного совета ВАКа.

терминологическими излишествами (в частности, это касается слов *дуал* и *цепочка*).

Базируясь на традиционной логике и давая определение понятию о предложении, вполне достаточно сказать, что «предложение – это объединение формальной и смысловой стороны». Опираясь же на требования конструктивной логики, этого мало – надо в эксплицитной форме зафиксировать исходный объект, операцию, которая к нему применяется, и результат, который при этом получается.

Чтобы соблюсти эти требования и не вызвать терминологической омонимии, исходный объект я назвала терминами «слово» и «предложение», операцию по отделению формы от значения – дуализацией, а результат применения этой операции – дуалом (независимо от того, применялась она к слову или к предложению). Это был первый способ проведенного мной «разрезания объектов», – способ, который соответствовал выделению означаемого и означающего.

Второе «разрезание» осуществлялось по-иному – «не внутрь» предложения, а как бы «в длину». Например, предложение «разрезалось» на словосочетания и слова, слова – на форманты и морфемы.

Фиксируя обратную процедуру, я говорила о «склейке» целого из частей, а операционно полученное целое называла цепочкой (опять-таки: цепочкой слов, если «склеивались» слова, цепочкой морфем, если «склеивались» морфемы, и т. д.).

Применение обоих типов «расчленения» объекта привело к появлению таких конструктов, как формальная цепочка (например, цепочка букв, словоформ) и смысловая цепочка (например, цепочка семантических множителей или каких-либо других смысловых единиц, обозначенных средствами какого-либо языка). Поэтому данные термины не являются в работе излишними, – с их помощью фиксируются результаты процедур, применяемых в процессе определения понятия.

Второй момент, которого мне бы хотелось коснуться, это вопрос о соотношении синтагматики и парадигматики. Мне очень жаль, что проф. А. Ф. Лосев не заметил противопоставления синтагматики и парадигматики, которое мне кажется наиболее существенным для определения этих терминов и которое приводится мной, например, на 109 стр. работы: «Синтагматика может быть противопоставлена парадигматике как то, что упорядочено во времени, тому, что не упорядочено во времени». Может быть, если учитывать указанное противопоставление синтагматики и парадигматики, не возникает тех проблем, о которых говорит проф. А. Ф. Лосев на стр. 12–13 отзыва, а также нет необходимости рассматривать управление как морфологическую связь слов и вслед за этим приходиться к той логиче-

ской ошибке, которую находит у меня в работе А. Ф. Лосев в связи о рассмотрением вопроса об управлении, как синтагматической связи.

И, наконец, последнее – вопрос о соотношения формы и значения в языке. На стр. 12–14 отзыва А. Ф. Лосев выражает критическое отношение к противопоставлению формальных и смысловых связей, которое проводится у меня в работе и правомерность которого вызывает у моего глубокоуважаемого рецензента сомнение.

Если я правильно понимаю проф. А. Ф. Лосева, мы исходим из разных представлений о языковой форме вообще и формальной связи, в частности.

Определяя языковые и лингвистические формы, А. Ф. Лосев, например, говорит, что языковые формы – это «формы, возникающие из простых интуиций языка», а лингвистические формы – это «формы понятийные, т. е. данные в виде точного перечисления признаков соответствующих понятий» (Ср., например, с замечанием Гумбольдта: «... сама по себе форма языка есть живая и во всех подробностях одна и та же деятельность силы народного духа.... Форма языка, по самому понятию своему, есть одинаковое воззрение на отдельные элементы, составляющие, в противоположность ей, материю» (В. фон Гумбольдт. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859. С. 42, 46)).

Ориентируя свою работу на прикладные задачи, о которых я говорила ранее, я вынуждена опираться на другое понимание формы – более утилитарное и менее абстрактное.

Имея в виду речевую деятельность, результатом которой являются письменные или печатные тексты, и выдвигая условие, удобное для работы не только человека, но и автомата, я отмечаю, что в качестве элементарной формальной единицы текста принимается буква (в том числе и пробел), следующей по сложности формой является цепочка букв (в том числе и цепочка букв от пробела до пробела, т. е. словоформа). Далее следует цепочка словоформ и затем цепочка «формальных образов» предложений (см., например, стр. 183).

Так обстоит дело с «материальными» формами, в число которых не входят связи. Формальные связи определяются по-другому – на основании тех процедур с перечисленными формами, которые проводятся для обнаружения этих связей. Подробное описание процедуры определения всех формальных связей русского языка представлено у меня в работе «Формальные связи в русском языке (дефиниции)».

Говоря о значении языкового элемента, я имею в виду все то, что остается «в нем» «за вычетом» языковой формы. Этот остаток можно вскрыть

разными путями, – например, с помощью метода трансформаций (подробно этот способ экспликации значения описан в моей работе «Соотношение формы в значения в синтагматике»).

Именно это понимание формы и значения развивается в «Аналитической лингвистике». Оно дает возможность получить машинные результаты, о которых я говорила, и снимает, как мне кажется, противоречия, которые, если следовать концепции формы у А. Ф. Лосева, в моей работе оказываются, действительно, неразрешимыми.

Я еще раз хочу поблагодарить проф. А. Ф. Лосева за то проникновение в смысл моей деятельности, которое удалось ему осуществить, несмотря на отмеченное различие наших подходов к языку и лингвистической теории. И мне очень жаль, что я не имела возможности познакомиться с А. Ф. Лосевым ранее, поскольку замечания моего глубокоуважаемого рецензента по поводу текста «Аналитической лингвистики» и способов изложения материала кажутся мне вескими и в ряде случаев совершенно оправданными.

О. С. Ахманова. Отзыв о диссертации «Аналитическая лингвистика»

Л. З. Сова посвятила свою работу «построению универсальной лингвистической теории, как дедуктивной системы»¹. Для этого она привлекла (или разработала) весьма сложный метаязык, в котором символы математической логики перемежаются с разнообразными графиками и буквенными обозначениями, напоминающими метаязык математики. Поскольку теория является дедуктивной, Л. З. Сова не обращается к исследованию языкового материала. Она лишь иногда оперирует весьма сомнительными «предложениями» вроде, например, англ. *It may come to change* (которое почему-то переводится на русский как *Оно может случайно изменить*) или, например, русск. *Я не читаю книги*, которое переводится как *I am not reading a book*. Но, конечно, к подобному обращению с языковым материалом уже надо бы привыкнуть – ведь речь идет не о фактах отдельных языков, а о дедуктивной и универсальной теории – об новой отрасли математики? О новом разделе философии? Совершенно понятно, что такая теория не может иметь никакого отношения к филологии, понять ее языковед-филолог не может просто потому, что не владеет ни данным метаязыком, ни тем более, системой соответствующих логико-математических категорий. Поэтому З. С. Сове следовало бы обратиться к математикам, которые, возможно, в сотрудничестве со специалистами в области аналитической философии сумели бы оценить работу и определить, следует ли присвоить ее автору степень доктора физико-математических или философских наук.

¹ Отзыв «черного оппонента» ВАКа. Орфография первоисточника сохранена.

Для того же, чтобы говорить здесь о науках филологических нет, казалось бы, никаких оснований.

Но тогда естественно возникает вопрос: почему же некоторый ученый совет (ясно, что без такового работа вообще не могла бы поступить в экспертную комиссию) принял эту работу как языковедческую, на филологическую степень? Объясняется это, по-видимому, тем, что Л. З. Сова обратилась к своей основной задаче – построению дедуктивной системы с позиций аналитического подхода – предварительно совершенно «разгромив» все вообще языкознание. Тот совершенно необыкновенный апломб, с которым была выполнена эта часть работы, по-видимому, произвел настолько сильное впечатление на рецензентов, что они не стали вникать в существо дела – тем более, что число и разнообразие больших и маленьких «мессий», гениальных (хотя обычно невежественных) «творцов» новых и новейших «лингвистических теорий», полностью отвергающих всю нашу науку как несостоятельную и т. д. сейчас настолько велико, все так к этому привыкли, что уже не останавливаются на подробностях. А кроме того, ведь это нечто «новое», следовательно хорошее?

Из изложенного выше ясно, что я ни в какой мере не могу судить о качествах данной универсально-дедуктивной теории (я могу лишь скромно выразить свое глубочайшее недоумение по следующему поводу: зачем понадобилось рисовать все эти картинки, возиться с обрывками разноречивых фраз, изображая из замысловатыми метаязыковыми средствами, если результат всего этого суммируется в заключительных положениях абсолютно ничего нового для языковеда не содержащих. Вот что написано на последней странице книги, в самом ее конце: «Давая интерпретацию этой схемы, можно сказать, что синтаксическая структура представляет собой знак, двуединый по своей сущности в каждый момент времени и такой, что каждая его сторона имеет свою собственную историю. Таким образом, история этого знака – это синтез историй двух его компонентов: формы и значения». Насколько я понимаю свою науку, так именно и понимали отношение формы и значения в языке многие ведущие языковеды. Могу добавить, что мне как ученице В. В. Виноградова и А. И. Смирницкого проблема диалектики «формы и значения» представляется как теоретически, общелингвистически, так и на материале конкретных языков уже очень основательно изученной.

Но вернемся к той части книги, где Л. З. Сова постулирует полную несостоятельность вообще языкознания и вообще языковедов – я говорю «вообще», потому что уничтожающий огонь ее критики самым неожиданным образом обрушивается на лиц (фамилии) никак между собой не связанные – ни временем жизни и работы, ни местом, ни принадлежностью к тому или другому направлению. При этом оперирует З. С. Сова цитатами, вырванными из контекста и искаженными не только этим, но, нередко,

вообще полным их непониманием. Так например, для того, чтобы «доказать» что до создания «Аналитической лингвистики» языковеды вообще не понимали что такое «управление», приводятся совершенно произвольно вырываемые куски из работ Буслаева, Богородицкого, Мразека, Кротевича, Виноградова, Смирницкого, Дискола, Арно, Лансело, Бозэ, Балли, Ломоносова и др. Вряд ли нужно объяснять лицу, претендующему на ученую степень доктора наук, что «вырывать» определения можно только из толковых словарей, где сам жанр предполагает компактность и законченность. Представлять же как «определения» управления такие произвольно вырванные отрывки текста как, например, следующие высказывания Мразека и Виноградова – Мразек: «Считаем, что правомерно говорить не только о падежном управлении, но также об инфинитивном и фразовом управлении»; Виноградов: «... такие синтаксические явления как детальный субъекта действия в инфинитивном предложении даже творительный предикативный – с точки зрения современного их понимания – не имеют никакого отношения к управлению (какой бы широкий смысл не вкладывался в этот термин) – по меньшей мере странно. Ведь чтобы действительно понять смысл такого рода высказываний, необходимо знакомиться с контекстом и, шире, со всей концепцией данного ученого. Использовать же таким образом куски соответствующих работ как, якобы, доказательство полной несостоятельности вообще языковедов просто непозволительно.

Хотя заниматься переписыванием искаженных З. С. Совой высказываний ведущих, крупнейших мировых языковедов не только скучно, но и очень неприятно, придется привести еще один пример – на этот раз в связи с частями речи, где, по мнению З. С. Сова языковеды, как и вообще всюду – ничего не поняли и понять не могут. Так, на стр. 64 З. С. Сова пишет следующее: «2. Начнем с логических интерпретаций частей речи. Э. Сепир пишет: «Мы можем представить качество или действие и в виде вещи. Мы говорим о «высоте дома» или о «падении яблока» как будто бы эти идеи были параллельны таким как «крыша дома» или «кожура яблока», забывая, что высота, падение (выраженные «именами»), не перестали указывать на качество и действие ... никакая логическая схема частей речи – их число, характер и разграничение – не представляет ни малейшего интереса для лингвиста (Sic!). На 197 странице книги З. С. Сова делает, причем совершенно безапелляционно, следующий вывод из искаженного ею на стр. 64 текста (причем с соответствующей ссылкой). „1) приведенное на стр. 64 высказывание Э. Сепира, из которого следует, что вопрос о числе частей речи должен быть иррелевантен для лингвиста, поскольку он обусловлен не свойствами самого языка, а позицией лингвиста...“

Что же на самом деле «пишет» Сепир (т. е. не сам, а через посредство А. М. Сухотина): «Подобно тому, как мы можем оглаголить (verbify) идею качества в таких случаях как например «краснеет», мы можем представить

себе качество или действие в виде вещи (в подлиннике „thing“, не „object“). Мы говорим о „высоте дома“ или о падении яблока как будто бы эти идеи были вполне параллельны таким как „крыша дома“ или „кожура яблока“ забывая, что *высота, падение* (выраженные именами) не перестали указывать на качество и действие, хотя мы и заставили их как бы говорить голосом предметов. Совершенно также, как есть языки, выражающие наши прилагательные глаголами, есть и такие, которые выражают их именами. В языке чинук, как мы видели, „большой стол“ будет „стол его-великость“, а в тибетском та же идея может быть выражена через „стол великости“, весьма схоже с тем, как мы вместо „умный человек“ можем сказать „человек ума“ (пример замены Сухотиным, англ. a man of wealth“ instead of „a rich man“).

Все подчеркнутое нами в этой цитате было выпущено и после отточия заменено совершенно произвольным обрывком фразы, выхваченном из другой части текста, отделенной от первой целой страницей. Как хорошо известно – и как, конечно явствует из приведенной не искаженной выдержки – число и особенности частей речи по мнению Сэпира определяются совсем не «позицией лингвиста», а теми реальными различиями, которые объективно обнаруживаются в разных языках.

Из всего сказанного ясно, что мне не удалось обнаружить в книге Л. З. Сова таких моментов, которые давали бы ей право на степень доктора филологических наук. Ценность ее работы, насколько я понимаю, в методике дедуктивных построений, в искусстве конструирования универсальных теорий. Вполне возможно, что оценивалась работа именно с этих позиций, почему Ученый Совет и принял диссертацию. Но я все же считала бы необходимым доработать диссертацию в той части, где цитируются языковеды – особенно известные, выдающиеся. То, что Л. З. Сова называет «критическим анализом основных работ» надо привести в соответствие с правилами цитирования.

Л. З. Сова. Ответ на отзыв О. С. Ахмановой

В отзыве содержится 5 замечаний¹.

Замечание 1. Рецензент пишет, что я посвятила работу «построению универсальной лингвистической теории как дедуктивной системы». На стр. 1 отзыва, где эти слова приводятся в виде цитаты из «Аналитической лингвистики», ссылки на авторский текст нет. На стр. 217 моей монографии написано: «»Аналитическая лингвистика» посвящена описанию методов лингвистической работы». Итоговая характеристика этих методов дана на стр. 215–217.

¹ Ответ зачитан на заседании Экспертного совета ВАКа.

Теория, которая строится с их помощью, названа в монографии теорией системных определений. Этот термин употреблен для того, чтобы подчеркнуть, что развиваемая мной теория не является формально-дедуктивной логической системой. На стр. 174–175, на основании сопоставления характера объектов, описываемых лингвистами и математиками, доказывается, что лингвистическая теория как дедуктивная система не может быть построена, – в принципе. На стр. 154–169 иллюстрируется на примере работ Н. Хомского, З. Харриса, М. Таубе и др., что попытки конструирования таких систем, независимо от степени их логической корректности, приводят на практике к механическому «отсечению» языкового содержания, вследствие чего создаются теории, которые нельзя рассматривать как модели естественных языков и реально существующих в языке явлений (эти выводы сформулированы на стр. 161, 162, 169, 174 и др.).

Развитию этих взглядов посвящены также такие мои статьи, как «Роль математических методов в теории познания», «Индукция и дедукция при построении лингвистической теорий», «Априоризм и апостериоризм при построении лингвистических определений», опубликованные в 1973–1978 г. г.

Как математик (я окончила математико-механический факультет ЛГУ в 1969 г.), я отмечаю, что, к сожалению, метаматематики, математической логики и даже просто арифметики в монографии «Аналитическая лингвистика» нет. Нет в ней и какой-либо «специально» математической символики, отсылающей читателя к математическим справочникам.

Замечание 2. Л. З. Сова «разгромила все вообще языкознание» (стр. 2 отзыва), «постулирует полную несостоятельность вообще языкознания и вообще языковедов» (стр. 3 отзыва), «доказала, что до создания "Аналитической лингвистики" языковеды вообще не понимали, что такое управление» (стр. 3 отзыва), «уничтожающий огонь своей критики обрушивает на языковедов» (стр. 3 отзыва). Поскольку отсылки к авторскому тексту отсутствуют, я, как автор, выражаю протест и подчеркиваю, что в «Аналитической лингвистике» нет ни одной строки, которую можно было бы привести в качестве иллюстрации этого замечания.

Замечание 3. «Л. З. Сова искажает высказывание ведущих, крупнейших мировых языковедов» (стр. 4 отзыва). В подтверждение приведены 3 цитаты (из работ В. В. Виноградова, Р. Мразека и Э. Сепира), в отношении которых, как полагает рецензент, мной не соблюдены правила цитирования первоисточников. Я снова сверила тексты, приведенные на стр. 21 и 64 «Аналитической лингвистики», о которых говорит рецензент, с первоисточниками. В одной из указанных цитат, действительно, есть неточность – пропущено слово *себе* (в тексте «Аналитической лингвистики» эта фраза звучит так: «Мы можем представить качество или действие в виде вещи»,

тогда как в цитируемом мной издании она такова: «... мы можем представить себе качество или действие и в виде вещи»).

В остальных цитатах ошибок нет. Все редакционно-издательские правила цитирования соблюдены. Например, в тех местах, где авторский текст разорван, стоит отточие, после цитаты указана величина разрыва при цитировании в страницах. Слова «никакая логическая схема частей речи – их число, характер и разграничение – не представляет ни малейшего интереса для лингвиста», действительно, имеются в цитированном мной издании работы Сепира и, действительно, на стр. 93, как это указано в «Аналитической лингвистике». Поэтому мое замечание на стр. 197 «Аналитической лингвистики» о том, что число частей речи, по Сепиру, является irrelevantным для лингвиста, мне кажется вполне корректным.

Далее. Р. Мразек и В. В. Виноградов характеризовали управление именно теми словами, которые цитируются мной на стр. 21 «Аналитической лингвистики». Неточностей в цитации нет. Эти цитаты приведены не для доказательства «полной несостоятельности языковедов», как говорит об этом на стр. 4 рецензент, а для иллюстрации тех формулировок, с помощью которых различные языковеды выражает свое отношение к проблеме управления (см. стр. 20–21 моей монографии). Никаких авторских оценок указанным цитатам в работе не дается, имена Р. Мразека и В. В. Виноградова в монографии больше нигде не упоминаются.

Замечание 4. Л. З. Сова "оперирует весьма сомнительными «предложениями» вроде напр. англ. 'It may come to change' (которое почему-то переводится на русский как 'Оно может случайно изменить'), или напр., русск. *Я не читаю книги*, которое переводится как 'I am not reading a book' (стр. 1 отзыва).

Куски фраз, о которых говорит рецензент, не называются в «Аналитической лингвистике» предложениями. Нет речи в работе и о способах их перевода. Эти примеры на стр. 230–231 монографии приводятся для демонстрация того, к каким разным изменениям в сфере связей управления приводят, на первый взгляд, однотипные синтаксические преобразования (например, переход от утвердительного предложения к отрицательному). Так, на стр. 230 даны два параллельных примера из русского и английского языков (рус. '*Я читаю книгу*' – '*Я не читаю книги*' и англ. '*I am reading a book*' – '*I am not reading a book*') с указанием на то, что в русском языке введение отрицания приводит к изменению формы управляемого слова, а в английском – нет.

Замечание 5. «Мне как ученице В. В. Виноградова и А. И. Смирницкого, проблема диалектики «формы и значения» представляется как теоретически, общелингвистически, так и на материале конкретных: языков уже очень основательно изученной» (стр. 3 отзыва).

По-моему, проблема диалектики формы и значения не является настолько изученной, чтобы прекратить исследования в этом направлении, – как в области общей, так и прикладной лингвистики, поскольку есть такие задачи, решить которые на основании только имеющегося материала нельзя. Например, в прикладной лингвистике это задачи по автоматической обработке информации, распознаванию смысловых образов, моделированию интеллекта. Кроме того, есть языки, описание диалектики формы и содержания в которых еще не начато. К таким языкам относится, например, большинство африканских языков, исследованием которых я занимаюсь.

Формально-дистрибутивная (или функционально-дистрибутивная) методика, с помощью которой они описывались на заре их изучения, является в наши дни недостаточной. Необходим переход к методам семантических исследований. Об этом говорят многие бантуисты. В частности, много внимания этому вопросу было уделено на конференции по африканистике, проводившейся в 1975 г. в Ленинграде.

Суммируя, я могу отметить, что в отзыве содержится только одно замечание (относительно пропущенного при цитировании слова *себе*), которое требует внесения поправки в текст «Аналитической лингвистики». Никаких замечаний, аргументированных текстом «Аналитической лингвистики», по поводу существа развиваемых в диссертации проблем в отзыве нет.

В. З. Панфилов. Отзыв о диссертации Л. З. Совы «Аналитическая лингвистика» (М., 1970, изд-во «Наука»), представленной на соискание степени доктора филологических наук

1. Прежде чем давать характеристику докторской диссертации Л. З. Совой по существу развиваемых в ней научных положений¹, приходится обратить внимание экспертного совета на то, что диссертация, как это не покажется парадоксальным, в основном своем корпусе совпадает с одним из двух томов кандидатской диссертации Л. З. Совой, защищенной ею в самом конце 1965 (или начале 1966) в Ученом совете Ленинградского отделения Института языкознания. Представленная в качестве кандидатской диссертации рукописная монография Л. З. Совой на тему «Классы глаголов в языке зулу» состояла из двух частей: 1) Первой (основной) части, в которой дается «описание системы классов глаголов языка зулу» и 2) Второй (вспомогательной части), «в которой излагается аппарат исследователя и приводится обоснование способов решения таксономических задач, осуществление которых привело к построению системы классов, описанной в первом томе» (см. Автореферат кандидатской диссертации, стр.1). Первый

¹ Отзыв «черного оппонента» ВАКа. Орфография первоисточника сохранена.

том (или часть) кандидатской диссертации содержит 521 стр. машинописи, второй том (или часть) – 497 стр. машинописи. Сопоставление текста кандидатской диссертации и опубликованной в 1970 г. книги Л. З. Софы «Аналитическая лингвистика» (21, 45 авт. л.), защищенной ею на степень доктора филологических наук, показывает, что основное содержание этой монографии во всем существенном уже было изложено в кандидатской диссертации Л. З. Софы и прежде всего во втором ее томе. Так при некоторых редакционных различиях: 1) Раздел 2 «Теоретические проблемы управления» главы I (стр. 25–46) и главы III докторской диссертации (стр. 81–101) совпадают в основных своих положениях и по большей части текстуально с разделом тома второго кандидатской диссертации, посвященном этой же проблематике (см. стр. 165–302 этого тома); 2) Глава I I (стр. 47–80) и частично глава V (стр. 193–214) докторской диссертации соответственно «Синтагматические и парадигматические классы слов» и «Семиотические системы» во всем существенном и в значительной мере текстуально совпадает с разделом тома второго кандидатской диссертации (стр. 43–126), озаглавленном «О частях речи и членах предложения». При отсутствии текстуальных совпадений между кандидатской и докторской диссертацией Л. З. Софы в изложении некоторых других вопросов отмечается общность или близость развиваемых в этих случаях положений. Так, например, основные положения § 3 раздела «Заключение» первого тома кандидатской диссертации в несколько модифицированном виде повторяются в § 1 «Введения» докторской диссертации.

Таким образом, не кандидатская диссертация вошла как один из разделов в докторскую диссертацию Л. З. Софы, что допустимо, а, наоборот, ее докторская диссертация в основном представляет собой в известной степени переработанный вариант части кандидатской диссертации соискателя.

Если учесть, что докторская диссертация Л. З. Софы, т. е. ее монография «Аналитическая лингвистика» была сдана в печать спустя немногим более чем 2 года после защиты кандидатской диссертации, то, очевидно, что за такой короткий срок физически было невозможно написать новую монографию, которую можно было бы представить в качестве докторской диссертации.

I I. Основную задачу своей монографии автор усматривает в выработке метода исследования языковых явлений (естественных лингвистических элементов, по терминологии автора). Предлагаемый автором метод, именуемый им методом аппроксимации, сводится к следующему. Путем предварительного исследования естественного лингвистического элемента выделяются некие его свойства и создается идеальный конструкт, обладающий этими свойствами. Созданный таким образом конструкт сравнивается со своим прототипом по их поведению в одной и той же ситуации и при

установлении различия их поведения в этой ситуации строится новый конструкт, включающий ранее не учтенные свойства естественного лингвистического элемента, и т. д. В качестве объекта исследования путем метода аппроксимации автор выбирает слово и основная «сюжетная линия книги» состоит в построении 5 все более приближающихся к нему по своим свойствам конструктов, из которых последний, по мнению автора, полностью совпадает со своим прототипом. Несомненно, что сущность процесса человеческого познания любого объекта заключается в создании все более и более адекватных понятий об этом объекте. Однако, во-первых, не кажется правомерным при изложении нашего знания о том или ином объекте повторять весь ход его исследования в процессе человеческого познания; во-вторых, автором не предлагается каких-либо достаточно определенных процедур, которые позволяют ему устанавливать соответствие или несоответствие предлагаемых им идеальных конструктов своему прототипу; в-третьих, полученные в монографии путем такой аналитической процедуры результаты не прибавляют чего-либо существенно нового к нашим знаниям о тех «лингвистических элементах», которые были объектом исследования докторской диссертации Л. З. Сова. Результаты исследования основного объекта диссертации – слова Л. З. Сова излагает следующим образом: «Слово – это потенциально существующий в языке объект, т. е. такой объект, который существует в языке (слово_я) в виде абстракции от совокупности всех характеристик, проявляющихся в речи при функционировании слов_р. Другими словами, набор характеристик слова – это абстракция от манифестаций конкретных характеристик слова, которые проявляются в различных речевых актах. Характеристики слова_я можно описать так. Слово_я – это знак, состоящий из меньших знаков-морфем_я, которые в свою очередь состоят из незнаков-фигур. Это означает, что слово_я – это формально-смысловый элемент, между сторонами которого установлена связь и который может быть собран из других формально-смысловых элементов, между сторонами которых имеются связи и каждая сторона которых в отдельности может быть получена из "односторонних" (формальных и смысловых) элементов, набор которых зафиксирован предварительно» (стр. 221–222).

По-видимому, едва-ли было целесообразно писать специальную монографию, чтобы придти к такому выводу, тривиальному в одних отношениях (слово есть единство материальной (а не формальной, как это полагает автор) и идеальной стороны), и весьма сомнительному в других отношениях. В частности, едва ж можно согласиться с автором в том, что слово как языковая единица есть абстракция – в таком случае возникает вопрос, представляет ли язык собой объективное явление.

Неслучайно поэтому, что в рецензии на книгу Л. З. Сова (см. ж. *Linguistics*, 109, 1973 г., стр.122–126) ее автор выражает сомнение в том,

что путем предлагаемой Л. З. Совой аналитической процедуры получены какие-либо новые результаты.

Из сказанного следует, что в монографии Л. З. Сова не получены какие-либо теоретически новые результаты и она не дает оснований для присуждения ее автору степени доктора филологических наук.

Л. З. Сова. Ответ В. З. Панфилову

В отзыве содержится 5 замечаний¹.

Замечание 1. «... докторская диссертация Л. З. Сова в основном представляет собой в известной степени переработанный вариант части кандидатской диссертации соискателя» (стр. 2 отзыва), поскольку есть, по мнению рецензента, 107 страниц «Аналитической лингвистики» (стр. 25–101, 193–214, 4–7), «идентичные» соответствующим страницам из моей кандидатской диссертации.

В 1970 г. я представила в Индоевропейский сектор ЛО ИЯ АН СССР, которым тогда руководил акад. В. М. Жирмунский, для обсуждения докторскую диссертацию «Методы описания языка», состоящую из 3 монографий: «Конфигурационный синтаксис языка зулу, ч. 1». Л., 1968, 13 а. л., «Конфигурационный синтаксис языка зулу, ч. 2». Л., 1969, 18,75 а. л., «Аналитическая лингвистика». М., 1970, 22, 4 а. л. (общим объемом 1360 стр. машинописи, или 54, 15 п. л.), мотивируя это тем, что две монографии («Конфигурационный синтаксис языка зулу, ч. 1» и «Аналитическая лингвистика») являются развитием моей кандидатской диссертации и частично с ней совпадают текстологически, а целиком новая монография «Конфигурационный синтаксис языка зулу», ч. 2 не может рассматриваться в отрыве от первых двух монографий.

Акад. В. М. Жирмунский попросил сотрудников сектора профессоров В. Г. Адмони и Р. Г. Пиотровского, а также моего первого оппонента по кандидатской диссертации член-корр. АН СССР проф. Д. А. Ольдерогге провести экспертизу на предмет текстологической сверки всех трех монографий с моей кандидатской диссертацией.

В результате этой экспертизы было признано, что монография «Аналитическая лингвистика» может быть рекомендована к защите на предмет соискания ученой степени доктора филологических наук, поскольку в ходе экспертизы и обсуждения монографии было установлено, что текстологические совпадения с кандидатской диссертацией обнаруживаются в меньшей части «Аналитической лингвистики» (стр. 21–24, 31–33, 43–45, 48–59, 62–68, 83–87, 91–92, 96–97, 128–129, 159–167, 173, 213–214, – итого около

¹ Ответ зачитан на заседании Экспертного совета ВАКа.

50 страниц текста, т. е. менее 20 %; в том числе, 37 страниц из этих 50 страниц посвящены обзору литературы, где цитация составляет до 50% текста) и что эти совпадения представлены преимущественно в тексте, посвященным анализу лингвистических теорий, значительную часть которого составляют цитаты из анализируемых мною первоисточников.

Подводя итоги проведенной им экспертизы, проф. Д. А. Ольдерогге сказал: «Нет никакого сомнения в том, что работа Л. З. Совы "Аналитическая лингвистика" вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к диссертациям, которые представляются для защиты на степень доктора филологических наук. Уже прежние работы Л. З. Совы давали ей основание претендовать на эту степень. Настоящая работа свидетельствует о дальнейшем развитии ее лингвистических взглядов» (стр. 4–5 отзыва, имеющегося в материалах защиты).

На защите докторской диссертации мои официальные оппоненты давали оценку не только «Аналитической лингвистике» в целом, но и отдельно – оценку той ее части, которая не имеет никаких текстологических совпадений с кандидатской диссертацией.

Например, мой первый официальный оппонент проф. В. Г. Адмони сказал: «Хотя в этой книге присутствуют некоторые положения, представленные в более ранних работах Л. З. Совы (монографии "Конфигурационный синтаксис языка зулу", 1968–1969, статья "Опыт классификация языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний", 1966, и других), "Аналитическая лингвистика" является новой, цельной работой, качественно отличной от всех прежних работ ее автора. По моим наблюдениям, большая часть "Аналитической лингвистики" содержит положения и выводы, не представленные ни в одной из более ранних работ. Это – Введение, четвертая и пятая главы, Заключение, а также разделы первой, второй и третьей главы. Именно эти новые главы и разделы и делают эту книгу тем, что она есть.

В них изложены, в частности, такие – часто спорные, но интересные – вопросы, как аналитический метод извлечения «аксиом» в сфере грамматики, принцип дуализации объектов, анализ теории предложения и вопросы построения систем частей речи и членов предложения, проблема лингвистических процедур и построения лингвистической теории, проблемы соотношения разных типов связей и дуалистического анализа синтаксических структур т. д. Оценивая эту часть работы, можно сказать, что даже она, не говоря обо всей работе в целом, с лихвой удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям» (стр. 12–13 отзыва, имеющегося в стенограмме защиты).

На внешний отзыв докторская диссертация была направлена на кафедру общего языкознания ЛГУ, – туда же, куда в свое время была направлена

на внешний отзыв кандидатская диссертация. Под этим отзывом стоит подпись зав. кафедрой проф. Ю. С. Маслова. Последний абзац отзыва на докторскую диссертацию звучит так: «Несмотря на все сделанные критические замечания, кафедра общего языкознания Ленинградского государственного университета считает, что рецензируемая монография – итог большого труда, направленного на уяснение основополагающих понятий языковедческой науки и автор его – Л. З. Сова – заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук» (стр. 4 отзыва, также имеющегося в стенограмме защиты).

Возвращаясь к замечанию моего рецензента, мне хочется отметить, что текстологическая сверка, о которой говорится в отзыве, отделена от "существа развиваемых в докторской диссертации научных положений" (см. стр. 1 отзыва): более 130 страниц диссертации в этой части отзыва не упоминаются. За вычетом даже максимума «идентичных» страниц, в монографии остается более 12 а. л. текста, «нового» по мнению всех, без исключения, рецензентов, где излагается теория, в развитии которой видят мою основную цель все остальные рецензенты.

Кандидатская и докторская диссертация совершенно различные по жанру работы: одна – описание конкретного языка с попутным комментированием проблематики (не случайно т. 2 кандидатской диссертации назван «Вспомогательным», т. е. Приложением к т. 1, посвященному классификации глаголов в языке зулу). Докторская диссертация – это разработка методов моделирования концептуального лингвистического аппарата с целью получения теории, которая может быть применена к различным языкам, – например, русскому, английскому, французскому, зулу, суахили и другим.

Замечание 2. Рецензент на стр. 2 отмечает, что автор «Аналитической лингвистики» написал свою монографию за такой короткий срок (около 2, 5 л.), когда физически было невозможно написать докторскую диссертацию.

В связи с этим я вынуждена дать следующую справку. Работу над кандидатской диссертацией я закончила в 1964 г., над «Аналитической лингвистикой» – в 1969 г. (5 лет, а за 10 лет работы в ЛО ИЯ АН СССР с 1965 г. по 1974 г. у меня были опубликованы 3 монографии и 44 статьи общим объемом в 8, 4 а. л. Кроме того, за эти 10 лет были рекомендованы к печати еще две монографии: «Проблемы операционной грамматики» (16 а. л.) и «Аналитическая морфология языка зулу» (20 а. л.).

Замечание 3. «Не кажется правомерным при изложении нашего знания о том или ином объекте повторять весь ход его исследования в процессе человеческого познания» (стр. 3 отзыва).

Мне кажется, что «правомерное» в одном отношении может быть неправомерным в другом. Все зависит от цели, для которой фиксируются этапы человеческого познания. Может быть, есть цели, для которых фиксация отдельных этапов не нужна. Но есть цель, для которой такой подход (т. е. регистрация всех звеньев процедуры исследования и познания объекта) необходим. Эта цель – модель процесса познания. Именно ей посвящена «Аналитическая лингвистика». Поэтому в замечании рецензента я вижу косвенное признание того, что цель, поставленная перед «Аналитической лингвистикой», достигнута.

Я знаю, что есть люди, которые сомневаются в важности данной цели и говорят, что процесс познания и его диалектика неважны, – важны только те результаты, к которым он приводит. Я не буду говорить о философской ориентации такого подхода, отмечу другое. Человек не сможет достаточно эффективно получать нужные ему результаты процесса познания до тех пор, пока он не научится управлять самим процессом, т. е. пока он не создаст модель этого процесса.

Замечание 4. «Автором не предлагается каких-либо достаточно определенных процедур, которые позволяют ему устанавливать соответствие или несоответствие предлагаемых им идеальных конструкторов своему прототипу».

Насколько мне известно из литературы, теория и практика распознавания образов, которая занимается этой проблемой, решить ее «прямыми методами» пока не смогла. Поэтому в «Аналитической лингвистике» мной был предложен и опробован косвенный метод решения данной задачи: сравнение конструкторов на основании процедур, в результате которых они построены (например, стр. 218–222 монографии).

Замечание 5. «... едва ли можно согласиться с автором в том, что слово как языковая единица есть абстракция – в таком случае возникает вопрос, представляет ли язык собой объективное явление» (стр. 4).

Отвечая на это замечание, мне приходится касаться вопроса о том, можно ли рассматривать слова как результат процесса абстракции или этого делать нельзя. Опираясь на определение процесса абстракции в Философском словаре, где говорится, что абстракции создаются путем обобщения существенных свойств объекта, а также на замечание Философского словаря о том, что абстракции противопоставляются фикциям (результаты абстракции объективно существуют, хотя и не воспринимаются чувственно, а фикции не существуют), можно отметить, что рассмотрение слова как результата процесса абстракции не дает повода для сомнения в том, что язык представляет собой объективно существующее явление (иное дело, если слова рассматриваются как фикции, – в этом случае сомнение рецензента было, по-видимому, закономерным).

Дело, однако, не в этом. В цитате из «Аналитической лингвистики», на которую ссылается рецензент, идет речь не о словах как языковых реалиях, а о конструктах. Эти конструкты мне пришлось создать, чтобы зафиксировать процесс поэтапного абстрагирования признаков и свойств тех прототипов – языковых реалий, «слепки» с которых я снимала. То, что эти конструкты являются абстракциями, иллюстрируется на стр. 217–227 монографии описанием процедуры их построения. О том, что это конструкты, говорит специальная нотация (в цитате конструкты обозначены терминами «слово_я» и «слово_р»). Кроме того, данная цитата входит в абзац, который начинается так: «И значит, окончательная модель слова, которая является результатом описанных выше аппроксимаций, может быть охарактеризована так», – и далее следует приведенная рецензентом цитата.

Если рецензент не заметил, что в цитируемой им фразе говорится о конечных результатах процесса исследования – моделях реалий, а вовсе не об исходных пунктах процесса, где речь идет о прототипах этих моделей, то совершенно естественно, что он не заметил и всего остального.

В частности, он не заметил, что автор монографии свой метод назвал аналитическим (и даже ввел этот термин в заголовок), а вовсе не методом аппроксимаций, как на стр. 3 утверждает рецензент. Об аппроксимациях я говорю, имея в виду результаты применения различных методов, описанных в «Аналитической лингвистике», а не только результаты применения аналитического метода.

Рецензент не заметил также, что основной задачей работы является описание *различных* методов работы (их перечень дан на стр. 215 монографии), а не одного метода, как отмечает на стр. 2–3 рецензент, притом не только методов *исследования* языковых явлений, как пишет на стр. 3 рецензент, но и методов *описания* этих явлений (см., например, стр. 215–217, где все это изложено в эксплицитной форме).

Для рецензента осталось неясным, что аналитический метод, только о котором и упоминается в рецензии, является методом работы с понятийным аппаратом, а вовсе не с теми языковыми реалиями, на базе исследования которых создается этот понятийный аппарат.

Далее. Я не «выбирала объект исследования путем метода аппроксимаций», как утверждает на стр. 3 рецензент (по отношению к моей книге набор этих слов – просто бессмыслица). Я не писала свою монографию для того, чтобы познакомить читателя с тем «выводом», который приписывает мне автор на стр. 4 отзыва. Я писала свою монографию для того, чтобы ввести читателя в лабораторию моделирования понятийного лингвистического процесса и снабдить его теми методами, которые в процессе моделирования помогают получить результаты, соответствующие здравому смыслу (коллективному лингвистическому опыту).

И, наконец, последнее, чего не заметил мой глубокоуважаемый рецензент, – смысла рецензии проф. Кристофсона, которую он цитирует в заключение своего отзыва. Нигде в этой рецензии сомнения в том, что путем аналитической процедуры можно получить какие-либо новые результаты, проф. Кристофсон не выражает. Если зачитать всю фразу о сомнениях проф. Кристофсона, станет ясно, что он говорит о другом – нужны ли эти результаты для лингвистики.

Так, он пишет: «Исполнение работы весьма своеобразно, и это обуславливает высокую степень абстракции в представлении обрабатываемых проблем, и если идти достаточно далеко в абстракциях, то, достигнув универсализма, мы вряд ли внесем конструктивный вклад в теорию описания такого сложного феномена, как язык».

По поводу результатов, полученных в «Аналитической лингвистике», проф. Кристофсон пишет: «... автор на высоком интеллектуальном уровне выполнил задачу, которую перед собой поставил».

Характеристику аналитического метода проф. Кристофсон завершает такими словами: «Метод Совы лучше всего сравнить с нарезанием гайки. Она начинается с одного простого "естественного" элемента, получает конструктор и переходит к более сложному единству, при этом она все время использует возможность возврата к любому желаемому пункту своих построений. Именно так, по спирали, она и движется, избегая опасности порочного круга».

По-моему, очень печально, что мой зарубежный коллега заметил движение по спирали в той модели, с помощью которой я пыталась зафиксировать процесс лингвистического познания, а мой ВАКовский рецензент его не усмотрел, ибо как бы он мог утверждать, что полученные на каждом витке спирали результаты «не прибавляют чего-либо существенно нового к нашим знаниям о тех "лингвистических элементах", которые были объектом исследования докторской диссертации Л. З. Совы» (стр. 3 отзыва)?

Суммируя, я должна отметить, что ни одно из 5 замечаний, аргументируемых в отзыве какими-либо фактами, нельзя рассматривать как корректное, ибо замечания основаны на фактах и цитатах, либо недостоверных, либо непригодных для аргументации.

Г. Г. Почепцов. Отзыв о докторской диссертации Л. З. Совы – монографии «Аналитическая лингвистика» (М., «Наука». 1970, 254 стр.)

Соискателем Л. З. Совой в июне 1972 г. в Ученом совете Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР была защищена дис-

сертация на соискание ученой степени доктора филологических наук¹. В качестве диссертации защищалась опубликованная Л. З. Совой в 1970 г. монография «Аналитическая лингвистика» (М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 254 стр.). Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор В. Г. Адмони, доктор филологических наук, профессор Р. Г. Пиотровский, доктор филологических наук Ю. В. Рождественский. В качестве ведущего предприятия отзыв на работу дан кафедрой общего языкознания Ленинградского университета. На диссертацию к ее защите поступили также отзывы члена-корреспондента АН СССР профессора Д. А. Ольдерогге и доктора филологических наук профессора С. К. Шаумяна. Все отзывы положительные, в том смысле, что их авторы считают диссертацию Л. З. Сова соответствующей требованиям, предъявляемым к докторской диссертации. Решением Ученого совета Л. З. Сова была присуждена ученая степень. Соответствующего положительного решения Экспертный совет ВАКа не принял и направил диссертацию Л. З. Сова на дополнительное заключение.

В аттестационном деле, поступившем в наш специализированный совет из ВАКа, имеется три отзыва рецензентов ВАКа (один положительный, два – отрицательных). В соответствии с «Положением о порядке присуждения ученых степеней и присвоении ученых званий» (п. 76) и постановлением Президиума ВАКа «О практике рассмотрения диссертаций, посланных на дополнительное заключение в специализированные советы» от 3 декабря 1976 г., разрешите доложить о содержании отзывов и рецензий по проведенной ранее экспертизе диссертации и высказать свое мнение о ее научном уровне.

Отзывы официальных оппонентов и ведущей организации

Отзыв проф. В. Г. Адмони. Усматривая для лингвистических концепций, построенных на основании таких дисциплин, как математическая логика и теория множеств, лишь упорядочивающее значение для языкознания, В. Г. Адмони вместе с тем указывает на правомерность исследований типа работы Л. З. Сова, которые, по его словам, «стали закономерной составной частью современного языкознания» (с. 1). Будучи близкой своим стремлением к эксплицитности рассмотрения предмета исследования к тем направлениям, которые строятся по принципам и методам математической логики, работа Л. З. Сова, однако, отличается от них – в положительную сторону тем, что она «не дедуктивна, в строгом смысле этого слова», «она стремится сочетать четкую логическую последовательность в развертывании понятий с критическим обзором обширной лингвистической литературы по узловым вопросам» (с. 2). Л. З. Сова, указывает В. Г. Адмони, по-

¹ Отзыв, зачитанный на Специализированном совете ВАКа при «перезащите» диссертации (Киев, июнь 1977).

стоянно соотносит выдвигаемые и обсуждаемые положения с реальной языковой практикой. Привлекаемый материал типологически разнообразен (русский, английский, зулу), что «очень ценно» (с. 3). В качестве одного из «больших достоинств работы» указывается систематичность рассмотрения синтаксических связей между «дуалами», с учетом факта сложности существующих в этой области взаимодействий. Положительно В. Г. Адмони оценивает также развиваемый автором диссертации аналитический метод работы с исследуемым материалом. Отмечается, в частности, осуществляемая на его основе критика выделения частей речи и их соотношения со структурой предложения у Ч. Фриза, а также методикой порождения предложений у Н. Хомского, точнее, с результатами применения этой методики.

К имеющимся в работе недочетам В. Г. Адмони относит неучет во всей полноте реального многообразия языковых фактов по рассматриваемым проблемам. Так, указывает В. Г. Адмони, при анализе соотношения между словом и членом предложения Л. З. Сова не учитывает наличие словосочетаний, групп слов. Но – и это неоднократно подчеркивается в отзыве – «нельзя объять необъятное». Поэтому предпринимаемые Л. З. Совой попытки дать хотя бы относительно полный реестр возможных логических концепций по рассматриваемым вопросам имеют положительное значение. Хотя список использованных работ весьма обширен (428 названий), имеются пропуски отдельных важных работ (например, трилогия Й. Риса). В некоторых случаях не учтены отдельные стороны в рассматриваемых концепциях.

В заключение В. Г. Адмони замечает, что «монография Л. З. Сова является серьезным и ценным исследованием, (...) дает все основания для присвоения ее автору Л. З. Сове ученой степени доктора филологических наук» (с. 13).

Касается автор отзыва и вопроса о соотношении докторской и кандидатской диссертаций Л. З. Сова. «Хотя, – пишет В. Г. Адмони, – в этой книге присутствуют некоторые положения, представленные в более ранних работах Л. З. Сова (...), “Аналитическая лингвистика” является новой, цельной работой, качественно отличной от всех прежних работ ее автора». По наблюдениям В. Г. Адмони, «большая часть «Аналитической лингвистики» содержит положения и выводы, не представленные ни в одной из более ранних работ. Это – Введение, четвертая и пятая главы, Заключение, а также разделы первой, второй и третьей главы. Именно эти новые главы и разделы и делают эту книгу тем, что она есть. (...) Оценивая эту часть работы, можно сказать, что даже она, не говоря обо всей работе в целом, с лихвой удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям» (с. 13).

Отзыв проф. Р. Г. Пиотровского. Прежде всего, автор отзыва отмечает современность работы, широкую эрудированность соискателя, совмещающего в себе профессиональную подготовку лингвиста и математика. Изложив структуру работы, лежащие в основе теоретических построений автора положения и результаты их реализации, Р. Г. Пиотровский детально останавливается на рассмотрении и оценке метода, используемого в работе. По его мнению, основной заслугой Л. З. Совы является (удачная) попытка показать принципиальные различия в исследовательских подходах математика – логика и лингвиста. Отмечается и ряд других «интересных находок и свежих лингвистических идей» (с. 7), среди них – тезис о дуализации всех языковых элементов (а не только слов и предложений). Еще более важным представляется Р. Г. Пиотровскому данное в диссертации описание процедур, с помощью которых вводимые автором принципы могут быть применены к исследованию конкретного языкового материала. Развиваемая автором диссертации концепция может иметь и очевидное практическое применение в области инженерной лингвистики, хотя и с естественными ограничениями, определяемыми возможностями машины. Критических замечаний в отзыве Р. Г. Пиотровского, по существу, два. Это – во-первых, неучет Л. З. Совой специфики реальных возможностей ЭВМ, когда она предполагает, что значения дуалов могут собираться из семантических множителей или определяться путем интуитивного соотношения дуала с денотатом, и, во-вторых, отсутствие в работе вероятностных постулатов, что «не дает возможности рассмотреть парадокс системы и нормы языка» (с. 12). Итог: «“Аналитическая лингвистика” – это самостоятельное, глубокое исследование по теории языкознания, которое безусловно удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям» (с. 13).

Отзыв д. ф. н. Ю. В. Рождественского. Диссертация Л. З. Совы – работа о методах лингвистических исследований, предлагающая – наряду с обобщением и критическим анализом большого релевантного материала – свой метод и свой подход к предмету. Вслед за последовательным рассмотрением содержания отдельных глав работы, Ю. В. Рождественский приходит к заключению, что в книге «намечен новый раздел теоретического языкознания» (с. 9), связанный с изучением возможностей и границ лингвистических теорий. Среди критических замечаний важнейшими являются указания на отдельные отступления от научной строгости изложения и на необходимость большего внимания к диахронии грамматических описаний. В заключение Ю. В. Рождественский утверждает, что «автору удалось обнаружить перспективный метод исследования основ грамматической науки и грамматического искусства». «Это, – заключает автор, – позволяет просить Ученый совет о присуждении автору степени доктора филологических наук (с. 13).

Отзыв коллективного оппонента – кафедры общего языкознания Ленинградского университета (отзыв подписан зав. кафедрой доктором филологических наук, профессором Ю. С. Масловым, доцентами В. В. Богдановым и Б. Д. Панфиловым). Отдавая должное смелости автора, поставившего задачу построить обобщенную модель лингвистического исследования, которая была бы логически непротиворечивой и формулировала бы определения ряда фундаментальных понятий языковедения в порядке определения «системной» иерархии, эрудиции автора в области лингвистических теорий и положительно оценивая результаты исследования, авторы отзыва отмечают и ряд недостатков в работе. Это – непропорциональность разграничения «языковой теории» и «лингвистической теории», известная упрощенность представления соотношения формы и содержания в авторской концепции дуализации объектов. Высказывается скептицизм относительно реальности конструируемого автором параллелизма между «миром лингвистических объектов» и «миром определений понятий о них», ибо предлагаемые определения относятся не к объектам, а к понятиям о них. Понятий же, отмечают авторы отзыва, может быть очень много. Ряд замечаний высказан по поводу содержания той части работы, в которой рассматривается речевая деятельность. Указывается также на нетрадиционное употребление некоторых терминов и то, что в книге мало фактического языкового материала. При всем этом кафедра общего языкознания Ленинградского университета считает, что «рецензируемая монография – итог большого труда, направленного на уяснение основополагающих понятий языковедческой науки и автор ее – Л. З. Сова – заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук» (с. 6).

Отзывы члена-корреспондента АН СССР профессора Д. А. Ольдерогге и доктора филологических наук профессора С. К. Шаумяна – положительные.

В аттестационном деле имеется, кроме того, три отзыва, возникшие при экспертизе работы в ВАКе.

Первый отзыв (19 стр. текста) – доктора филологических наук профессора А. Ф. Лосева – положительный. Ставя перед собой вопрос, остается ли автор диссертации при изучении логического аспекта языка в пределах допустимого для советской лингвистики логицизма, А. Ф. Лосев отвечает на него положительно. «Многое из ее исследования, – пишет он, – может быть с успехом применено в практической работе языковеда». А. Ф. Лосев далее показывает, что в ряде случаев, как, например, при рассмотрении разницы между языкознанием и лингвистикой, при описании метода аналитической лингвистики и ряде других, автор ясные по своей сути положения формулирует неясным, усложненным – терминологически и нетерминологически – образом, чем вредит сама себе. Это свое положение автор отзыва особенно детально раскрывает в делаемом им критическом анализе

рассмотрения Л. З. Совой управления. Заключая отзыв, А. Ф. Лосев подчеркивает актуальность и перспективность предлагаемого Л. З. Совой логического подхода к анализу языковых объектов, высказывает свою глубокую убежденность в том, что «Л. З. Сова вполне заслуживает искомой ею ученой степени доктора филологических наук» (с. 19).

Второй отзыв – анонимный (6 стр.)¹ – отрицательный. Его основной тезис сводится к тому, что поскольку в диссертации разрабатывается «построение универсальной лингвистической теории как дедуктивной системы» с использованием математико-логического аппарата, работа не может рассматриваться на предмет присуждения автору ученой степени доктора филологических наук. Автору также делается упрек в некорректном использовании цитат из языковедческих работ.

Третий отзыв – анонимный (5 стр.)² – отрицательный. В нем два тезиса. Первый – содержание докторской диссертации Л. З. Сова во всем существенном уже было изложено в ее кандидатской диссертации, докторская диссертация – «в известной степени переработанный вариант части кандидатской диссертации соискателя» (с. 2). Второй – отсутствие теоретически новых результатов. Автор заключает, что монография Л. З. Сова «не дает оснований для присуждения ее автору степени доктора филологических наук» (с. 5).

Таково содержание отзывов по проведенной ранее экспертизе диссертации.

Разрешите перейти к нашей оценке диссертации.

Имея дело с квалификационным исследованием, каким является диссертация, следует, естественно, прежде всего определить, соответствует ли обсуждаемая работа требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. П. 27 «Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» дает четкие критерии для соответствующей оценки: «Диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть самостоятельной работой, в которой на основании выполненных автором исследований сформулированы и обоснованы научные положения, которые можно квалифицировать как новое перспективное направление в соответствующей отрасли науки, или осуществлено теоретическое обобщение и решение крупной научной проблемы, имеющей важное народнохозяйственное, политическое или социально-культурное значение».

По нашему мнению, диссертация Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика» удовлетворяет этим требованиям. Если языкознание в прошлом шло

¹ Речь идет об отзыве О. С. Ахмановой.

² Речь идет об отзыве В. З. Панфилова.

главным образом по пути расширения объектов исследования, как в смысле круга изучаемых языков, так и языковых единиц, то для современного языкознания в значительной мере характерно стремление осмыслить самое себя. С этим связаны попытки установить специфику лингвистической науки сравнительно, скажем, с естественными науками, разработать – в условиях множественности лингвистических теорий – аппарат, который давал бы возможность соотнести эти теории между собой и дать сравнительную оценку их адекватности, дать строгие процедуры изучения и описания языкового материала. В русле этого направления в современной лингвистике строит свое исследование и Л. З. Сова. Автора диссертации интересует в первую очередь возможность построения логически непротиворечивой лингвистической теории. Решению методологических проблем, связанных с построением такой теории, и посвящена работа. Исходя из положения, что языковые объекты имеют двойственную, формально-смысловую природу, Л. З. Сова придает соответствующему их пониманию статус методологического принципа дуализации языковых элементов, распространяя его на такие объекты, которые подобным образом не рассматривались, – в частности, на синтаксические связи. Заслуживает внимания и стремление автора эксплицировать процедуры лингвистического анализа в движении исследовательской мысли от конкретных элементов языка, «языковых реалий» к лингвистическим конструктам, знания о которых обогащаются с каждым новым этапом их анализа. В этой связи автор (а вместе с ним и читатель) получает возможность вновь обратиться, с предложенных позиций, к таким вечным проблемам языкознания, как структура (формальная и содержательная) предложения, классификация слов по частям речи, членам предложения, и др.

Таким образом, в диссертации обоснованы и на конкретном языковом материале иллюстрированы следующие положения:

1) принцип дуализации языковых элементов, используемый как инструмент лингвистического анализа, с распространением семиотической трактовки явлений на любые элементы системы языка;

2) аналитический метод как метод построения системных определений применительно к языковому материалу и метод построения лингвистических конструктов в результате постепенного абстрагирования признаков и свойств языковых элементов;

3) принцип объединения конструктов (концептов лингвистической теории) в систему на основании сравнения процедур их формирования в науке);

4) методы построения теории системных определений как динамической иерархии конструктов, отражающей внутреннюю логику формирования концептуального лингвистического аппарата;

5) теория моделирования «коллективной лингвистической интуиции» на основе теории системных определений.

Взятые в их совокупности, эти положения могут быть квалифицированы как теоретическое обоснование крупной научной проблемы.

Сказанное не означает, что в работе нет недостатков.

Стремление к логической стройности предлагаемых построений приводит в ряде случаев к неучету некоторых сложных аспектов анализируемых объектов, что особенно очевидно при анализе такого многопланового объекта, как предложение. Но кто может сказать, что в границах некоторого одного описания он смог охватить все об описываемом явлении, даже применительно к значительно менее сложным объектам, чем предложение? Отдельным терминам автор придает свое, отличное от общепринятого понимание.

Л. З. Сова – зрелый научный работник. Ко времени защиты она имела 54 научные работы, в том числе 25 опубликованных, среди них 2 монографии: «Аналитическая лингвистика» (М., 1970) и «Конфигурационный синтаксис языка зулу, ч. ч. 1 и 2» (Л., 1968–1969). В настоящее время у нее имеется 79 научных работ, 58 из которых опубликованы. В числе неопубликованных – 3 монографии: «Аналитическая морфология языка зулу» (20 а. л.), «Проблемы операционной грамматики» (16 а. л.), «Сопоставительная грамматика языков банту» (20 а. л.).

Круг рассматриваемых соискателем проблем – широкий (методы лингвистических исследований, металингвистика, семиотические аспекты языкознания, проблемы типологии, машинная обработка языковых данных, вопросы моделирования, аспекты грамматического строя конкретных языков (зулу, русского и других)), теоретический уровень – высокий. Все это является показателем научной квалификации соискателя.

И еще считаю своим долгом отметить следующее. Л. З. Сова продолжает работать над совершенствованием теории, над уточнением вопросов, которые не получили достаточно полного освещения в диссертации. В частности, в ряде опубликованных и подготовленных к печати работ исследуются вопросы, на необходимость изучения которых обращали внимание в своих отзывах оппоненты. Это – исследование проблемы словосочетания (о необходимости работы в этом направлении говорил в своем отзыве профессор В. Г. Адмони), которая освещается в монографии «Проблемы операционной грамматики», подготовленной Л. З. Совой к печати, вопросы о соотношении между формальными/смысловыми синтаксическими структурами и глубинными/поверхностными структурами (освещается в тексте доклада Л. З. Сова на XI Международном лингвистическом конгрессе (Aspects of Deep Structure, Proceedings of the 11th International

Congress of Linguists, т. 2. Bologna – Florence, Aug. 28 – Sept. 2, 1972. Ed. by Luigi Neilmann: Societa editrice il Mulino. Болонья. С. 507–510)), описание процедур построения формальных связей (рассматривается в статье «Формальные связи в русском языке (дефиниции)». Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973. С. 527–542).

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что Л. З. Сова как автор диссертации «Аналитическая лингвистика» заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук.

Результат экспертизы, проведенной в отношении текстологических соответствий «Аналитической лингвистики» и кандидатской диссертации Л. З. Сова:

Формально-текстологический анализ работ Л. З. Сова показывает, что текстологические совпадения обнаруживаются на 52 стр. «Аналитической лингвистики» (стр. 21–24, 31–33, 43–45, 48–59, 62–68, 83–87, 91, 92, 96, 128, 129, 159–167, 173, 213, 214). Эти совпадения представлены преимущественно (37 страниц текста из 52) в тексте, посвященном анализу лингвистических теорий, значительную часть которого составляют цитаты из анализируемых автором первоисточников.

Содержательный анализ обеих указанных работ Л. З. Сова показывает, что «Аналитическая лингвистика» является новой, цельной работой, качественно отличной от всех прежних работ ее автора. Большая часть «Аналитической лингвистики» содержит положения и выводы, не представленные ни в одной из более ранних работ Л. З. Сова. Это – Введение, четвертая и пятая глава, Заключение, а также разделы первой, второй и третьей главы. Именно эти новые главы и разделы и делают эту книгу тем, что она есть. Оценивая эту часть работы, можно сказать, что даже она, не говоря обо всей работе в целом, с лихвой удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Доктор филологических наук

/В.Г.Адмон/

Доктор филологических наук профессор

Р. Г. Пиотровский

L. Z. Sova. *Analitičeskaja lingvistika*. Moskau, Nauka, 1970. 254 S.

L. Z. Sova will mit ihrem Buch eine spezifische Methode, die analytische, darstellen, die es ermöglichen soll, eine Theorie zu entwickeln, die alle linguistischen Probleme umfasst¹. Neben der eigentlichen analytischen

¹ Linguistics. N 109. The Hague, 1973. P. 122–126.

Methode sind noch einige Hilfsmethoden und Unterscheidungen wichtig. Zunächst unterscheidet Sova zwischen sprachlicher (*jazykovaja*) und linguistischer (*lingvističeskaja*) Theorie. Unter sprachlicher Theorie versteht sie die Beschreibung konkret sprachlicher Erscheinungen (ähnlich wird bei Chomsky die Grammatik einer Sprache als Theorie einer Sprache bezeichnet). Die linguistische Theorie liefert die Größen und Einheiten, die benötigt werden, um die sprachliche Theorie zu erstellen. (cf. S. 139 "die linguistische Theorie kann man als Apparat betrachten, mit dessen Hilfe die Konstruktion sprachlicher Theorien verwirklicht werden kann"). Entsprechend dieser Teilung redet Sova auch von 'sprachlichen' und von 'linguistischen' Elementen oder Einheiten. Diese Elemente lassen sich deskriptiv–distributionell beschreiben. Sie können aufeinander abgebildet oder voneinander kopiert werden, so dass man aus einem 'sprachlichen' Element ein 'linguistisches' oder umgekehrt gewinnen kann. Eine weitere Prozedur ist die Spaltung eines Elementes in zwei Komponenten (meistens in eine semantische und in eine formale). Diesen Vorgang nennt Sova "Dualisierung" (*dualizacija*). Die grundlegende Methode ist, wie schon gesagt, die analytische. Sova versteht darunter eine Methode zur Konstruktion (*postroenie*) linguistischer Elemente durch metalinguistische Untersuchungen. Sie geht dabei von einer allgemeinen theoretischen Überlegung aus.

Man fixiert irgendein Element, das objektiv existiert und uns gefühlsmäßig bekannt ist ("dannj nam v očuščenii", S. 216). Dieses Element besitzt in unserer Vorstellung einige Eigenschaften. Diese Eigenschaften zeichnet der Forscher gleichsam auf. Aus der Zeichnung lässt sich ein neues künstliches Element gewinnen, das jetzt als Modell oder Kopie des natürlichen anzusehen ist. Lassen sich das natürliche und das künstliche Element in allen Situationen wechselseitig zur Deckung bringen, so sind sie identisch. Daher ist die Definition des künstlichen Elementes durch seine Eigenschaften eine adäquate Definition auch des natürlichen Elementes. In dieser Definition können wir folglich ein Axiom einer Theorie sehen. Decken sich beide Elemente nicht, so müssen die Eigenschaften des künstlichen Elementes so lange umgeformt werden, bis eine Identität zwischen beiden in allen Situationen erreicht wird.

Im Bereich der Linguistik beginnt Sova diese Prozedur mit dem "natürlichen linguistischen Element Wort". Das Element Wort hat eine dualistische Struktur, d. h., es besteht aus zwei Komponenten, einer semantischen und einer formalen. Aus diesen analytisch gewonnenen Eigenschaften konstruiert sie ein künstliches linguistisches Element 'Wort'. Zur Kontrolle lässt sie diesen Vorgang rückwärts ablaufen und findet die Richtigkeit des Verfahrens bestätigt. Da die natürlichen linguistischen Elemente 'Wort' im Text gewöhnlich zusammen mit einem linguistischen Element 'Verbindung' (*svjaz'*) vorkommen, stellt die Autorin neben das Konstrukt 'Wort' auch ein Konstrukt 'Verbindung', das die gleiche

dualistische Struktur aus einer semantischen und einer formalen Komponente wie das Element 'Wort' aufweist. Zur Kontrolle werden beide künstlichen Elemente, 'Wort' und 'Verbindung', aufeinander bezogen, und als Synthese ergibt sich ein neues Konstrukt zusammengesetzter Struktur 'Satz = Kette verbundener Wörter'. Das neue Konstrukt 'Satz' wird mit dem natürlichen linguistischen Element 'Satz' verglichen. Für das natürliche linguistische Element 'Satz' nennt Sova zwei Definitionen: "ein Sinn, durch Wörter ausgedrückt" und "eine Kette von Wortformen (*slovoformy*), die einen Sinn hat". Hier müsste ein Konstrukt sich mit zwei anderen decken. Aber das künstliche Element 'Satz = Kette verbundener Wörter' unterscheidet sich von dem natürlichen Element 'Satz = Kette von Wortformen, die einen Sinn haben'. Um diese Widersprüche zu lösen, ist es notwendig, die Eigenschaften der Elemente zu präzisieren. Die dualistische Struktur der Elemente mit ihren zwei Komponenten wird weiter untergliedert. Jede Komponente kann noch einmal dualistisch aufgeteilt werden (z. B. treten bei 'Wort' die semantische und die formale Komponente gesondert nach Stamm und Endung auf). Nicht mehr teilbare Einheiten nennt Sova in Anlehnung an Hjelmslev 'Figuren'. In einem weiteren Schritt führt Sova den Begriff des Zeichens ein. Zeichen ist nach ihr ein sogenannter Dual, bei dem zwischen den Endpunkten der Komponenten zusätzliche Beziehungen bestehen. Graphisch sieht ein Zeichen wie ein Dreieck aus, ein Dual dagegen wie ein Vektor. Das Element 'Wort' z. B. hat Zeichencharakter, wenn die Form des Wortes als Materialisierung seiner Bedeutung gilt und die Bedeutung als Bedeutung seiner Form. Auf diese Weise definiert Sova die Elemente 'Wort' und 'Verbindung' feiner, so dass das Konstrukt 'Satz' mit dem natürlichen linguistischen Element 'Satz' in allen Situationen übereinstimmt.

Mit wechselndem Hinweis auf natürliche Elemente und Konstrukte untersucht die Autorin fernerhin die Eigenschaften einer komplexeren Einheit, prüft sie, und, wenn erforderlich, formt sie das Ausgangselement um. So besitzt jedes Element paradigmatische und syntagmatische Eigenschaften. Daraus folgt für das Konstrukt 'Wort' die Zugehörigkeit zu syntagmatischen und zu paradigmatischen Klassen, traditionell Wortarten und Satzglieder genannt. Der Kritik an diesen traditionellen Einteilungen begegnet die Autorin mit dem Hinweis, dass nicht diese Begriffe überflüssig seien, sondern dass sie nach den genannten Methoden definiert werden müssten. Bei jedem Problem diskutiert Sova die Ansichten verschiedener linguistischer Richtungen. Sie prüft, welche von ihr entwickelten Möglichkeiten in der linguistischen Literatur zu finden sind. Man kann Sovas Methode am ehesten mit dem Gewinde einer Schraube vergleichen. Sie beginnt mit einem einfachen 'natürlichen' Element, gewinnt ein Konstrukt und geht dann zu einer mehr komplexen Einheit über, wo bei sie die Möglichkeit hat, zu einem gewünschten Punkt zurückzukehren. Da sie spiralförmig fortschreitet, vermeidet sie die Gefahr eines Zirkelschlusses.

Um einen Überblick über die behandelten Probleme zu geben, führen wir hier das Inhaltsverzeichnis an.

Einführung

Kap. I. Verbindungen zwischen Wörtern im Satz

1. Systemtypen der Verbindungen zwischen Wörtern
2. Theoretische Probleme der Rektion

Kap. II. Syntagmatische und paradigmatische Wortklassen

1. Wortarten und Satzglieder: Morphologie und Syntax
2. Wortarten und Satzglieder: Interpretationen
3. Wortarten und Satzglieder: *langue – parole*
4. Zusammenfassende Beurteilung des Problems 'Wortarten – Satzglieder'

Kap. III. Syntagmatische Verbindungen zwischen den Termini der Wortklassen

1. Syntagmatische und paradigmatische Verbindungen
2. Übrige Bedeutungen des Terminus 'Rektion'
3. System der Termini

Kap. IV. Syntagmatik der Redetätigkeit

1. Der Satz: Seine Definition
2. Theorie sprachlicher Elemente

Kap. V. Semiotische Systeme

1. Zeichen und Duale
2. Semiotik der Wortarten
3. Semiotik der Satzglieder

Zusammenfassung

Literaturverzeichnis

Wie aus dem Inhaltsverzeichnis zu ersehen ist, behandelt die Autorin ein weites Feld der linguistischen Problematik. Sie argumentiert nach der vorhin skizzierten Methode folgerichtig durch das ganze Buch. Da sie mehr allgemeine Aussagen machen will, bedient sie sich zahlreicher Schemata und graphischer Darstellungen, die aber einfach und übersichtlich sind. Die Zahl konkreter sprachlicher Beispiele bleibt dagegen gering. Sie sind allerdings aus

verschiedenen Sprachen gewählt (hauptsächlich Russisch, Zulu, Englisch, Französisch). Das Buch enthält lange Textpartien, die oft langatmig sind, sich wiederholen und an Unübersichtlichkeit leiden. Die Unübersichtlichkeit macht sich um so stärker bemerkbar, als ein Sachindex fehlt. Auch wenn der Leser nur an Einzelproblemen interessiert ist, muß er das ganze Buch lesen, da die einzelnen Kapitel für sich kaum verständlich sind. Befremdend wirkt der unkritische Gebrauch der 'natürlichen linguistischen Elemente' wie 'Wort', 'Satz' oder als kleinerer formaler Einheit 'Buchstabe', die alle in unserem Gefühl oder in unserer Vorstellung existieren sollen. Es bleibt unsicher, ob Sova von einem naiven Sprachverständnis eines Sprechers oder schon von einem linguistischen Vorverständnis ausgeht. Es hat den Anschein, als habe sich Sova am Schriftbild oder an der Schulgrammatik orientiert, die beide auf gewissen linguistischen Vorstellungen beruhen. An sich ist eine solche Orientierung nicht unsinnig. Sie erspart einem manches Dilemma der Definition und ist für viele, vor allem praktische Untersuchungen auch legitim. In einem sprachtheoretischen Werk erwartet man aber differenziertere Aussagen oder wenigstens Begründungen über den Ausgangspunkt der Arbeit. Die vorhin entkräftete Gefahr eines Zirkelschlusses besteht in einem gewissen Maße für das Ausgangselement 'Wort'. Denn Sova geht von den Eigenschaften eines natürlichen Elementes 'Wort' aus, gewinnt daraus das künstliche Element 'Wort' und geht von diesem zur Kontrolle wieder auf das natürliche Element zurück.

Sieht man also von dieser unsicheren Basis ab, so kann man behaupten, dass die Autorin ihre sich gesetzte Aufgabe nach Form und Inhalt auf einem hohen intellektuellen Niveau erfüllt hat. Aber man muß sich fragen, was von diesem Buch zu gewinnen ist. Als streng theoretisches Werk ist es methodisch korrekt, so dass es kaum Widerspruch, aber auch nicht viel Aufsehen erregen wird. Denn die Autorin beschreitet kaum theoretisches Neuland. Sie befasst sich, wie aus dem redaktionellen Vorwort hervorgeht, mit den 'ewigen' Problemen der Linguistik. Als ihre eigene Leistung ist daher vor allem der hohe Grad an Abstraktion in der Darstellung der behandelten Probleme anzuerkennen. Wenn man weit genug abstrahiert, kann man wohl eine Gesamtschau erreichen, aber die Frage bleibt offen, welche konstruktiven Beiträge eine solche Gesamtschau zum komplexen Phänomen Sprache leisten kann.

Jürgen Kristopson

Seminar für Slavistik, Bochum

Материалы по монографии «Аналитическая лингвистика»

Аннотация к монографии «Аналитическая лингвистика»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. З. СОВА

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1970

В книге предпринята попытка построения логически непротиворечивой лингвистической теории. Рассматривая исходные лингвистические объекты – слово, предложение, синтаксическую связь, автор указывает на два возможных подхода в их изучении: синтетический и аналитический. При синтетическом подходе эти объекты выступают как неделимые, при аналитическом они рассматриваются как знаки, расщепляемые на форму и значение. Автор подчеркивает, что оба подхода логически равноправны, но построение единой теории возможно лишь в рамках одного из них.

В работе рассматриваются, в частности, такие «вечные» проблемы лингвистики, как управление, части речи, члены предложения. Дав критический анализ основных работ, в которых исследуются эти проблемы, автор строит теорию частей речи и членов предложения с позиций аналитической лингвистики, т. е. на основании общесемиологического подхода¹.

Предисловие к изданию монографии «Аналитическая лингвистика» на английском языке

(Introduction to the book „Analytical Linguistics“)

In the book is undertaken the attempt of construction of the logically not inconsistent linguistic theory. Considering basic linguistic objects – word, sentence, syntactic connection, the author specifies two possible probable approaches in their study: synthetic and analytical. At the synthetic approach these objects are described as indivisible, at analytical one they are considered as signs, which can be subdivided on the form and their meaning. The author emphasises that both approaches are logically equal in rights, but the construction of the universal theory is possible only within the framework of one of them.

¹ Аннотация опубликована на с. 2 монографии «Аналитическая лингвистика» (Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы. М., 1970).

Such "eternal" problems of linguistics, as government, parts of speech, constituents of sentence, are described, in particular, in the work. Having given the critical analysis of the important works, in which these problems are investigated, the author constructs the theory of parts of speech and constituents of sentence from positions of analytical linguistics and semiotics.

TABLE OF CONTENTS

Introduction	4
The chapter I	
Connections between words in the sentence	
1. Types of systems of connections between the words	17
2. Theoretical problems of government.....	25
The chapter II.	
Syntagmatic and paradigmatic classes of words	
1. Parts of speech and constituents of sentence: morphology and syntax.....	47
2. Parts of speech and constituents of sentence: interpretations.....	60
3. Parts of speech and constituents of sentence: language – speech.....	70
4. Results of discussion of a question «parts of speech – constituents of sentence».....	76
The chapter III	
Syntagmatic connections between the terms of the classes of the words	
1. Syntagmatic and paradigmatic connections	81
2. Different meanings of the term "government".	89
3. System of terms	95
The chapter IV	
The syntagmatics of speech activity	
1. Sentence: its definitions	102
2. Theory of language elements	139
The chapter V	
Semiotic systems	
1. Signs and duals	177

2. Semiotics of parts of speech	193
3. Semiotics of constituents of sentence.....	202
The conclusion	215
The literature used at construction of linguistic elements...	243.

Предисловие к Интернет – изданию монографии «Аналитическая лингвистика»

Со времени написания «Аналитической лингвистики» (Москва, 1970) прошло около двадцати пяти лет. Изложение основных ее положений сегодня удобнее всего начать с указания на ту сферу практической деятельности, которая обусловила появление книги. Это – создание искусственного интеллекта в языкознании, понимаемого как модель коллективной лингвистической интуиции и речевой деятельности человека.

Цели и задачи построения такой модели охарактеризованы на с. 108, 152 монографии, требования, предъявляемые коллективным лингвистическим опытом к ней, – на с. 144–154. Проблематика главы IV является центральной для понимания причин, которые заставили меня заниматься теорией аналитического метода и иллюстрацией прецедентов его применения к таким основным понятиям теории синтаксиса, как *предложение, синтаксическая структура, формальная (поверхностная) структура, смысловая (глубинная) структура, синтаксическая связь, управление, согласование, примыкание, формальная связь, смысловая связь, слово, формант, семантический множитель, член предложения, часть речи*.

Понятийные связи этих терминов внутри концептуального аппарата невозможно рассматривать без исследования таких вопросов, как соотношение частей речи и членов предложения, морфологии и синтаксиса, формы и содержания, синтагматики и парадигматики, лингвистики и металингвистики. Им также уделено внимание в «Аналитической лингвистике».

Материалом, на базе которого строилась модель концептуального аппарата, послужили синтаксические теории различных ученых (428 работ). В основе построений, представленных в «Аналитической лингвистике» лежит такая гипотеза. Концептуальный аппарат любой науки, в том числе и языкознания, отражается в терминологических словарях. Термины в них систематизированы по чисто «внешнему» признаку – алфавиту. Это упорядочение не отражает ни логики развития концептуального аппарата, ни значимости каждого термина в системе, поскольку при составлении словаря понятия рассматриваются не по отношению к процессу их развития и формирования в науке, а как результат этого процесса, зафиксированный исследователем в момент составления словаря. Совокупность терминов

при таком подходе – статическая система, абстрагированная от процесса ее развития.

Понятийный аппарат можно рассматривать не только статически, но и динамически – по отношению к тому процессу, в результате которого образуются понятия. Для этого, фиксируя тот или иной концепт, надо описывать динамику его формирования и вскрывать движущие силы этого процесса. Например, выбрав в качестве объекта исследования понятие о синтаксической структуре предложения, мы должны обнаружить его внутренние противоречия, отразившиеся в различных определениях, и показать динамику взаимодействия противоположностей в процессе формирования данного концепта. Надо не только отметить двуединую сущность исследуемого объекта (при соотношении с дихотомией *форма – содержание* синтаксическая структура выступает как формально-смысловое целое), но и установить, как именно осуществляется процесс вычленения каждой из сторон концепта (*формальной структуры предложения* отдельно от *смысловой*). В терминах пост-Соссюровской лингвистики это означает, что следует произвести анализ означающего и означаемого синтаксической структуры предложения.

После этого можно перейти ко второму этапу – показать объединение и снятие противоположностей как основу развития концепта в процессе синтеза концепта (ср. с гегелевским саморазвитием понятия). Третий этап – сравнение результатов предпринятого анализа – синтеза с исходными данными. Задачей является выяснение, тождественна ли полученная синтаксическая структура тому естественному языковому прототипу, с которого снимался слепок и к которому применялась процедура анализа – синтеза. В случае тождества появляется возможность рассматривать проведенные операции в качестве динамических характеристик исходного объекта (считать, что полученный концепт *синтаксическая структура* является единством *формальной и смысловой структур предложения*, установленных посредством анализа – синтеза). В противном случае надо начинать процедуру анализа – синтеза сначала, и так до достижения искомого тождества обоих понятий.

Закончив первый цикл, можно перейти ко второму: вскрыть новое противоречие в концепте (анализирующая процедура), показать его синтез из составляющих, а затем осуществить сравнение конструкта и прототипа. Итогом второго цикла будет новое определение исходного концепта, обогащенное результатами этой процедуры. После второго цикла можно перейти к третьему, четвертому и, если потребуются, следующим, – до тех пор, пока все внутренние противоречия концепта, вскрытые наукой на сегодняшний день, не будут исчерпаны. Это – движение по спирали, с помощью которого моделируется развитие понятия в системе концептуального аппарата данной науки. Каждый виток добавляет новое знание о кон-

цепте, соответствующее тому свойству, которое вскрывается в данный момент. Так, для определения понятия о слове, существующего в современном языкознании, достаточно (с. 218–223 монографии) шести витков: первый осуществляется на основании дихотомии *форма/содержание*, второй – *узлы/связи*, третий – *синтагматика/парадигматика*, четвертый – *потенция/реализация*, пятый – *язык/речь*, шестой – *дискретный/не дискретный характер структуры языкового элемента*.

Получив динамические определения лингвистических понятий, можно поставить вопрос об их упорядочении в систему и о фиксации внутреннего механизма, который определяет ее развитие и функционирование. Его описание и есть динамическая модель концептуального аппарата лингвистики. Она может быть не только динамической, но и исторической – для этого оппозиции, определяющие эволюцию модели, следует выстраивать в том порядке, в котором они возникали в истории науки. Если в таких построениях исходить из опыта одного ученого, получится динамическая модель понятийного аппарата одного ученого. Если материалом исследований является опыт всех лингвистов, – разрабатываемая система представляет собой динамическую модель концептуального аппарата языкознания в целом. В последнем случае можно говорить о моделировании *коллективной лингвистической интуиции* и об открытии универсальной лингвистической теории как совокупности процедур, с помощью которых исследуются языки, строятся их грамматики и создаются описания, соизмеряющие явления разных языков в терминах одной и той же системы исследовательских приемов.

Таков круг вопросов, которые рассматривает «Аналитическая лингвистика». В главах I – III иллюстрируется тип исследования, которое потребовалось провести, чтобы из лингвистического опыта, накопленного языкознанием, извлечь «исходные данные», на которых базируется построение искомой модели и которые обуславливают особенности ее структуры. Их характеристика дана в главе IV («требования» P, R, R1, S, T и следствия, к которым приводит несоблюдение их при создании лингвистической теории). Глава V посвящена уточнению тезисов, сформулированных ранее, и обсуждению в терминах концепции, развиваемой в главе IV, различных вопросов теории связей и грамматических классов.

Заключение, которое как бы продолжает Введение, имеет две цели. Во-первых, мне хотелось подвести итоги работы по созданию модели коллективной лингвистической интуиции в сфере определения того исходного объекта, для обработки которого она предназначена (см. шесть моделей слова, фиксирующие этапы этой работы). Во-вторых, мне казалось необходимым наметить пути дальнейшего развития проблемы и описать с помощью полученных результатов способы решения таких теоретических и прикладных задач, как анализ синтаксической структуры, вскрытие глу-

бинных связей, формирование систем членов предложения и теории типологических исследований. Поэтому на с. 227–235 монографии «Аналитическая лингвистика» я попыталась проиллюстрировать на конкретных примерах характер проблематики, возникающей при моделировании процессов синтаксического анализа предложений в тех случаях, когда мы хотим, чтобы результаты нашего анализа не отличались от тех, которые подсказывает интуиция носителей языка.

В 1975 г. один из фрагментов модели этого типа был формализован. Я построила алгоритм по имитации процесса экспликации глубинных и смысловых связей в словосочетаниях русского языка. По этому алгоритму Е. В. Вертель составил программу и на ЭВМ «Минск – 32» провел машинный эксперимент по моделированию процессов лингвистического исследования.

Е. В. Вертель на Вычислительном центре Военной Академии тыла и транспорта. Ленинград, 1983 г.

В ходе этого эксперимента компьютер делал следующее:

1. вскрывал глубинные смысловые связи в предложных словосочетаниях русского языка (например, агентивную, посессивную, локативную, темпоральную и другие, – см. с. 227–235 монографии);
2. объяснял установление этих отношений иллюстрацией перефразировок, которые могло иметь данное словосочетание, повторяя тем самым «человеческую» мотивацию нахождения указанных связей;
3. на основании этого фиксировал значения русских предлогов; так, у предлога *в* распознавал и посредством трансформаций дифференцировал 12 значений, у предлога *на* – 8 значений, у предлога *при* – 4 значения, и т. д. Компьютер фиксировал не только основные значения предлогов (такие, как посессивное, темпоральное, ограничительное, уточнительное, от-

делительное, определительное, каузативное, пространственное), но и их оттенки (посессивно-определительное, посессивно-каузативное, пространственно-ограничительное, количественно-ограничительное, условно-уступительное, причинно-следственное и другие).

Это было только начало. Предполагалось, что мы научим компьютер мыслить «по-человечески», и он будет анализировать предложение так, как это делают лингвисты. Эти задачи стояли также перед монографией «Лингвистика синтеза (Проблемы операционной грамматики)», которую я написала после «Аналитической лингвистики». Однако все исследования по данной тематике в Институте языкознания АН СССР, где я работала, были прекращены. Меня «перебросили» на другую тематику. «Аналитическая лингвистика» и все связанные с ней разработки были закрыты. Я полагаю, что из-за прекращения этих и аналогичных им исследований современные компьютеры так и не научились «понимать» тексты (переводить, перефразировать, выявлять синонимию, антонимию, многозначность и пр.). До тех пор, пока лингвисты не вернуться к утерянному в семидесятых годах опыту и не займутся снова моделированием коллективной лингвистической интуиции, прогресс в этой области в ближайшем будущем вряд ли наступит.

В отдаленной перспективе такая возможность может появиться при увеличении мощности и быстродействия компьютеров. Если будут накоплены огромные массивы текстов, являющихся переводами друг друга на разные языки, появится альтернативная возможность решения проблемы понимания компьютерами текстов. Для этого лингвисты должны будут создать алгоритмы, с помощью которых компьютеры превратятся в самообучающиеся системы.

Путем перебора накопленных правильных соответствий можно будет создать системы «понимания», которые дадут возможность делать правильные переводы, трансформации и перефразировки текста, а также научить компьютеры отличать правильные тексты от неправильных. Это будет компьютерная грамматика, основанная на коллективном опыте переводчиков. Ее также можно будет рассматривать как функциональную модель коллективной лингвистической интуиции. Станет ли эта модель структурной, будет зависеть от лингвистов.

Париж, 1994

Из личного архива

В. С. Храковский. Отзыв о монографии Л. З. Совы «Аналитическая лингвистика»

Лингвистика (как и любая другая наука) развивается не равномерно, а скачками, и прогресс зачастую зависит не столько от накопления фактического материала, сколько от наличия общей теории, в рамках которой непротиворечиво описываются известные лингвистические объекты.

С нашей точки зрения, в настоящее время не существует удовлетворительной непротиворечивой лингвистической теории, и основную заслугу автора рецензируемой работы мы видим в том, что в монографии принята серьезная попытка построения такой теории.

Рассматривая такие исходные лингвистические объекты как слово, предложение, синтаксическая связь, автор указывает, что возможны два подхода в их изучении: синтетический и аналитический. При синтетическом подходе эти объекты выступают как неделимые, при аналитическом подходе они рассматриваются как знаки, расщепляемые на форму и значение. Оба подхода в известном смысле логически равноправны, и выбор того или другого подхода, очевидно, диктуется конкретной целевой установкой, однако построение непротиворечивой лингвистической теории, как совершенно правильно подчеркивается в монографии, возможно только в рамках какого-либо одного подхода.

Неразличие двух подходов и, как следствие этого, описание одних лингвистических объектов с позиций синтетического подхода, а других лингвистических объектов с позиций аналитического подхода, вот в чем, по мнению автора монографии, основная причина отсутствия единой и непротиворечивой лингвистической теории.

Собственно вся монография служит для обоснования этого исходного тезиса. В частности, в работе рассматриваются такие «вечные» проблемы лингвистики, как проблема управления, проблема частей речи и проблема членов предложения. Неразрешимость этих проблем, по мнению автора монографии, является мнимой и вызвана только тем, что в работах различных исследователей одна и та же терминология соотносится с разными понятийными кодами. Иначе говоря, на одном и том же объекте строятся различные предметы, и в результате сопоставляются описания различных предметов. Но коль скоро предметы не совпадают, то использование одной и той же терминологии только запутывает дело.

Построение различных предметов на одном объекте само по себе не вызывает возражений, необходимо лишь, чтобы каждый предмет был связан с особым понятийным кодом и соответственно с особой системой терминов.

Дав подробный критический анализ основных работ, в которых рассматриваются «вечные» проблемы лингвистики, автор переходит к по-

строению непротиворечивой теории синтаксических связей, синтагматических классов (членов предложения) и парадигматических классов (частей речи) с позиций аналитической лингвистики, т. е. рассматривая описываемые лингвистические объекты как знаки, имеющие форму и значение.

Работу Л. З. Сова трудно переоценить. Как по замыслу, так и по воплощению ее следует отнести к тем работам, которые двигают вперед нашу науку. Отдельные положения автора можно не принимать, с другими спорить, но прочесть рецензируемую работу, по нашему мнению, должен каждый лингвист, хотя бы для того, чтобы познакомиться с логикой научного исследования, которая до сих пор является редкой гостьей на страницах лингвистических сочинений.

Рецензируемая монография представляется нам исключительно важной и ценной, в связи с чем она, безусловно, должна быть опубликована.

5 января 1969 г.

И. О. Цукерман. Отзыв на монографию Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика»

Книга Л. З. Сова «Аналитическая лингвистика» представляет собой исследование, посвященное разработке наиболее актуальных проблем современного языкознания: в центре внимания автора стоит вопрос об определении предложения и его составных частей на основании общесемиологического подхода.

Исходя из дуализма лингвистических знаков, Л. З. Сова рассматривает слово, предложение и синтаксическую структуру предложения как элементы, двуединые по своей сущности, специфика которых может быть понята только на основании изучения каждой из «сторон» (формы и значения) в отдельности. В соответствии с этим методологическим подходом автор логически последовательно и непротиворечиво строит теорию классов слов (частей речи и членов предложения) и общую теорию речевой деятельности, описывающую процессы восприятия, порождения и перевода предложений с одного языка на другой язык.

Данная работа представляет собой первую (и, на мой взгляд – удачную) попытку связать воедино различные звенья лингвистической теории и показать, какие именно практические задачи обуславливают выбор данного варианта лингвистической теории. Этими задачами являются вопросы перевода с сохранением семантического инварианта и построение порождающих грамматик.

Не менее важной представляется мне и критическая часть работы, в которой автор дает оценку других теорий с позиций своей собственной теории. Здесь надо отметить не только широту охваченного материала, но и ту тонкость анализа, которая делает эту часть работы не менее интересной,

чем та, в которой излагается собственная концепция автора.

Подводя итоги, мне хочется сказать, что рецензируемая монография представляет собой глубокое и серьезное исследование, интересное как по замыслу, так и по своему исполнению. Несмотря на трудности фактического порядка, связанные с чрезвычайной сложностью темы и необходимостью оперировать абстрактными категориями, книга написана четко и ясно, легко воспринимается читателем и заставляет его задуматься над вопросами, которые ранее казались незбылемыми. Ее можно рекомендовать не только специалистам по теоретическому языкознанию, но и всем тем, кто интересуется лингвистикой и хочет понять, какие проблемы составляют ее предмет как науки.

Книга, несомненно, заслуживает скорейшего опубликования.

5 декабря 1969 г.

Vozerier (cne. d'Amancy)
par La Roche-sur-Foron 74
(Haute Savoie) France
Dr. Ljubov Z. Sova (Aksionova)

5 September 1970

Dear Dr. Sova:

I have recently received from Mouton and Company a copy of your book, Analičičeskaja lingvistika, which I have considered for possible inclusion in my series, Janua Linguarum.

I would be happy to have an English translation of your work in this series. As it is extremely difficult for Mouton to find translators, I assume that Mouton will negotiate with your agents (I suppose *Meždunarodnaja Kniga*) concerning both the honoraria involved and the arrangement of the translation.

There are only two suggestions, which I would like to make concerning the preparation of the English manuscript:

1) Would you please make sure that the transliteration follows the system used in the International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.

2) I would like to have an index added which lists exhaustively authors, and possibly terms used for key concepts, referring to the places where they are found.

It is my standard policy not to give my final editorial approval before having seen the finished translation. I assume, however, that this will not raise any

complications.¹

Yours sincerely,

C. H. van Schooneveld

SEMINAR FÜR VERGLEICHENDE
SPRACHWISSENSCHAFT
DER UNIVERSITÄT ZU KÖLN

Direktor: Professor Dr. Alphonse Juilland
Universität
5 Köln-Lindenthal,

22.4.66

Prof. L. Z. Sova
Leningrad, B-164
Universitetskaja nab. 5
Leningradskoe otdelenie Instituta
Jasikosnania UdSSR

Dear Professor Sova,

I am now preparing a Manual of Linguistic Typology in which I plan to publish the most important contributions to this topic from Schlegel to our days. Besides classics such as Schlegel, Humboldt, Schleicher, or Steinthal and besides modern linguists now deceased such as Sapir, Trubetskoy, or Jespersen, the volume will contain contributions by such scholars as E. Benveniste, R. Jakobson, A. Martinet, J. Greenberg, Ch. Voegellin, and others.

In this volume, I would like to incorporate your important contribution *Opyt klassifikacii jazykov na osnovanii vydelenija tipov binarnych slovosocetaniij*, in *LINGVISTICESKAYA TIPOLOGIJA I VOSTOCNYE JAZYKI*, Moscow 1965, pages 229 – 234, in original version. However, for the convenience of Western scholars, I also plan to append to the volume a small „Beihaft“ containing English, French or German translations of contributions originally published in Russian or in other Slavic languages.

Therefore, I am writing to ask for your permission to reprint in the Manual of Typology I am preparing the above-mentioned study in the original Russian, as well as an eventual translation. Should you be able to grant me your permission, I will, of course, send you in due time the text of the translation, for your correction, revision and verification.

¹ Мне не удалось опубликовать монографию «Аналитическая лингвистика» в издательстве «Мутон». В моем архиве хранится перевод монографии на английский язык, предисловие к новому изданию, необходимые индексы, указатели и комментарии.

Please note that Publisher reserves to each author 25 reprints of his contribution, as well as one copy of the entire volume.

Looking forward to hearing from you in this matter and hoping that your reply will be favourable, I am,

Yours very sincerely,

Alphonse Juillard

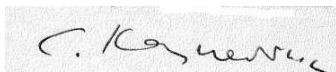
Professor of Linguistics
Stanford University
Gastprofessor für Allgemeine
Sprachwissenschaft
Universität zu Köln

С. Д. Кацнельсон. Отзыв на статью Л. З. Сова «Типология и семиотика»

Обычно в работах, посвященных анализу синтагматических отношений, синтаксическая структура предложения рассматривается как совокупность связей между отдельными словами или словосочетаниями. При этом каждое слово берется как единый компонент, не разложимый на «форму слова» и «значение слова».

Учитывая дуализм лингвистических знаков, Л. З. Сова предлагает описывать синтаксическую структуру предложения как синтез двух структур: формальной и смысловой. Формальная структура представляет собой совокупность формальных связей между формами слов, а смысловая структура – совокупность смысловых связей между значениями слов. Такой подход дает исследователю возможность по-новому поставить некоторые вопросы типологического изучения языков и предложить методику классификации языков, не применявшуюся ранее.

Считаю, что публикация статьи Л. З. Сова «Типология и семиотика» в сборнике проф. А. Жуяна послужит делу укрепления связей между учеными различных стран.

В. П. Недялков. Отзыв на статью Л. З. Сова «Типология и семиотика»

Статья Л. З. Сова «Типология и семиотика» представляет собой краткое изложение теории сопоставления синтаксических структур различных языков, рассматриваемых как семиотические системы. Л. З. Сова показывает, что представление слова, предложения и синтаксических связей как

знаков дает возможность по-новому решить вопрос о классификации языков и внести ясность в некоторые спорные вопросы типологии.

Несомненно, что публикация статьи Л. З. Сова «Типология и семиотика» послужит делу пропаганды достижений советской науки и укреплению деловых связей между советскими и западными учеными.

Г. П. Мельников (о докладе «Типология и семиотика»)

При классификации языков в качестве различительных характеристик используются, как правило, те или иные внешние формальные отличия единиц языка, чаще всего – морфологические. В прослушанном докладе изложены принципы типологии языков, которые отличаются от известных принципов тем, что требуют, в качестве необходимого исходного уровня, сравнения формальных синтаксических связей единиц предложения со схемой смысловых связей этих единиц. Различия между соотношениями между этими двумя ярусами языка служат тем критерием, по которому определяется типологическая принадлежность языка.

Очевидно, что при таком подходе классификация языков принципиально опирается на учет большого числа взаимосвязанных характеристик языка, и тем самым группировка языков по их существенным признакам становится более объективной. Поэтому я убежден в том, что предлагаемое направление в типологии языков очень перспективно и что те трудности, которые предстоит преодолеть на данном пути, стоят того, чтобы тратить на них силы.

Теперь о самих трудностях. Успех предлагаемой классификации зависит, в частности, от правильности синтаксического анализа предложения, но синтаксис в различных, особенно «экзотических», языках изучен слабее всего. Приведу пример из языков банту, которые также упоминались в докладе. Фраза на языке суахили, в которой следуют названия субъекта, действия и объекта, например, *Wa-toto wa-na-vi-soma vi-tabu* обычно считается аналогичной русской фразе того же смысла «дети читают книги» с той лишь разницей, что в сказуемом кроме показателя субъекта *-wa-* есть также показатель объекта *-vi-*. Однако новейшие данные по анализу структуры банту показывают, что в отличие от русского предложения с одним ядром в этой фразе банту три ядра. *Wa-na-vi* – главное ядро, несущее информацию о том, что какие-то люди (показатель *-wa-*) совместны (показатель *-na-*) с какими-то вещами (показатель *-vi-*). Это уже аналог трехчленного русского предложения, но более абстрактного семантического уровня. Чтобы сделать его конкретным, фраза банту использует еще два бессвязочных (двухчленных) ядра, поясняющих семантику крайних членов главного ядра: *Wa-toto*, т. е. «люди-дети» и *vi-tabu*, т. е. «вещи-книги». И,

наконец, непосредственно к главному ядру примыкает конкретная морфема *soma*, поясняющая, что «совместность» *-na-* есть «чтение». Мы не будем рассматривать с подобной точки зрения синтаксис других фраз банту, но приведенного примера достаточно, чтобы видеть, сколь различными могут быть толкования синтаксиса в языках. Однако это только подтверждает перспективность предложенного докладчицей принципа типологии языков: каждое достижение в области синтаксиса сразу же позволяет нам с помощью ясной процедуры вносить поправки в классификационную таблицу языков¹.

Отзыв В. Г. Адмони о статье Л. З. Сова «Дуализм лингвистических знаков»

В статье делается опыт логически стройного выведения процедуры анализа синтаксических образований как обладающих двумя структурами – формальной структурой и смысловой структурой. В статье выдвигается требование построения двух типов лингвистического исследования, вообще двух лингвистических теорий, изучающих две подсистемы языкового строя – формальную и смысловую. В самой статье основное внимание уделено теории формальной подсистемы, которая разрабатывается в общем виде, но с учетом материала целого ряда языков, обладающих различным грамматическим строем. На основе предлагаемой процедуры делается попытка установления типологии синтагматических отношений.

Статья представляет несомненный интерес как одна из конкретных попыток дать аппарат для сопоставимого описания синтаксических конструкций в любых языках мира при учете их смыслового содержания. Статья сильна своей логической четкостью.

Доктор филологических наук

/В.Г. Адмони/

Отзыв С. К. Шаумяна о статье Л. З. Сова «Механизм, порождающий синтаксические концепции»

Статья Л. З. Сова «Механизм, порождающий синтаксические концепции» посвящена разработке одной из проблем металингвистики. А именно, Л. З. Сова выделяет дифференциальные признаки, лежащие в основе различных синтаксических теорий, фиксирует их в виде конечного набора и характеризует в их терминах некоторые синтаксические концепции. Этот подход позволяет автору сделать соизмеримыми синтаксические теории, –

¹ Выступление в дискуссии по поводу моего доклада „Typology and semiotics“ на X-ом международном конгрессе лингвистов в Бухаресте в 1967 г. В дискуссии приняли также участие Л. Дежо и В. Скаличка (Actes du X-e Congrès International des Linguistes, Bucarest, 28 Aout – 2 Septembre 1967. T. 3. Бухарест, 1970. С. 562–563).

даже те, которые, на первый взгляд, имеют между собой мало общего. Статья Л. З. Сова, несомненно, представляет научный интерес и заслуживает публикации (9. 12. 1971).

С. Шуми

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»
Москва К-31, Кузнецкий мост 9/10, тел. 228-75-55
6 декабря 1973 г.
Ленинград, В-164, К-17, Рашетова 13, кв. 48
Л. З. Сова

Глубокоуважаемая Любовь Зиновьевна!

Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» рассмотрела Вашу статью «Генетическая и типологическая лингвистика»¹. По мнению Редколлегии, в Вашей статье весьма абстрактно излагаются положения, которые в итоге ведут к отрицанию исторического подхода к языку и к смешению методов различных наук.

Редколлегия приняла решение отказаться от публикации Вашей статьи.

С уважением

Зав. отделом редакции

М. М. Маковский

UNIVERSITY OF MINNESOTA
TWIN CITIES
Department of German
219 Folwell Hall
9 Pleasant St. S.E.
Minneapolis, Minnesota 55455-0123
(612) 625-2080

December 24, 1990

To Whom it May Concern:

In the course of ten years (1965–1975) Sova rose from an advanced graduate student to a full professor in a highly competitive environment of the institute of Linguistics. Her main areas of specialisation are General, African, and Russian

¹ Речь идет о статье, представленной в данной книге под названием «Границы и возможности типологии».

linguistics. Whichever problem she studies, her chief concern is the meaning of grammatical categories. African linguistics, with its emphasis on word classes, made her aware of distinctive features in morphology and syntax and her own classification is excellent. The titles of her books, both published and unpublished, testify to her dedication to the global problems of grammar. These books are hard to summarise in a letter though I know them well (I even reviewed several of them), so I will only mention the most conspicuous aspects of her approach to linguistics. Sova has long since outgrown her apprenticeship and does not belong to any "school." She is very well aware of everything done in general linguistics and studied the methods of her predecessors (beginning with at least the 18th century) and of her contemporaries in minute detail. At one time we ran a seminar together; its main goal was a critical evaluation of linguistic theories, old and new. Prague structuralism, Hjelmslev, and Chomsky were among the many topics discussed. It is characteristic of Sova, as it is of all good linguists, to take a small question and elevate it to the status of a general problem. This is one of the reasons for her astounding productivity: every work breeds others. Word classes lead to distinctive features, distinctive features to the semiotic nature of speech, the origin of language, sound symbolism, relations of language and thought, and so forth.

Unlike so many chairborne scholars, Sova has always been interested in applied linguistics and mathematics. Already as a Ph. D. in linguistics, she got a degree in mathematics and came to the conclusion that few of her colleagues would dare utter in public, namely, that from a methodological point of view mathematics is far behind linguistics. She is one of the very few scholars in the humanities who has no inferiority complex in the presence of scientists and who can speak with topologists in their own language. The same holds true for the use of computers in linguistics.

А. С. Либерман и М. Б. Мейлах в библиотеке ЛО
ИЯ АН СССР. Ленинград, 1969 г.

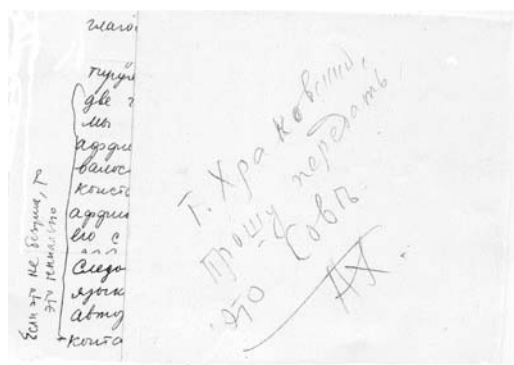
In her search for an academic job Professor Sova will be severely handicapped. She is overqualified for most positions advertised in MLA job lists. An overwhelming majority of her publications are in Russian. General linguistics is a pie guarded jealously by "schools" always ready to defend themselves against unorthodox outsiders, and advanced positions in African and Russian linguistics are few. And yet I hope that she will be a success, like a number of her outstanding compatriots — from Jakobson to Mel'chuk. I can vouch for her intellectual brilliance and will be happy, to supply any interested party with more concrete information.

Anatoly Liberman

Anatoly Liberman
Professor of German

Записка от Р. Якобсона (1968 г.).

Резюме А. А. Холодовича на полях моей рукописи («Если это не безумие, то это гениально») и его записка В. С. Храковскому («Прошу передать это Сове») (Ленинград, 1969 г.).

This is to certify that
LJUBOV SOWA (AKSJONOWA)
has been appointed an Honorary Member
of the
INTERNATIONAL BIOGRAPHICAL CENTRE
Advisory Council

*Signed & Sealed in
Cambridge, England*

Date 27th October 1999

Director General

Диплом почетного члена Исследовательского совета Международного биографического центра (Кембридж, Англия).

2000 OUTSTANDING EUROPEANS OF THE 21st CENTURY

Dr Ljubov Sowa (Aksjonowa)

TOP 100 EDUCATORS 2005

WORLD WHO'S WHO HALL OF FAME

Dear Dr Sowa (Aksjonowa)

YOUR NOMINATION AS INTERNATIONAL WOMAN OF THE YEAR

On behalf of the International Biographical Centre of Cambridge, England, I am delighted to confirm your nomination as an **International Woman of the Year** for 2001. This prestigious award - issued by way of a **Warrant of Proclamation** - is conferred on only a select few individuals whose achievements and leadership stand out in the International Community.

YOUR NOMINATION AS INTERNATIONAL PERSONALITY OF THE YEAR

YOUR NOMINATION AS INTERNATIONAL INTELLECTUAL OF THE YEAR

ONE THOUSAND GREAT INTELLECTUALS

Outstanding Speaker Award

Congratulations! You have been personally nominated to receive the prestigious **Outstanding Speaker Award**.

2000 OUTSTANDING
EUROPEANS
OF THE 21st CENTURY

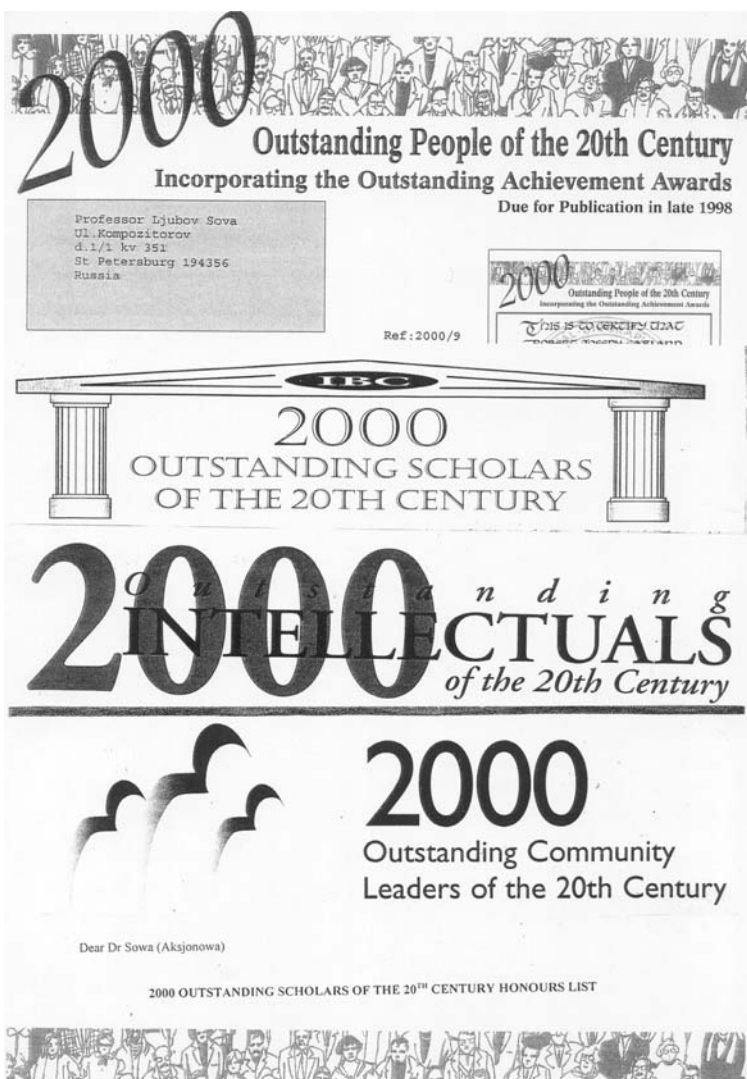
Nicholas S. Law
Director General

INTERNATIONAL EDUCATOR OF THE YEAR 2007

International Biographical Centre

Фрагменты сертификатов о номинации на звание «Женщина 2001 г.», «2000 выдающихся европейцев 21-го века», «Международная личность 2002 г.», «Международный просветитель 2007 г.», «Выдающийся оратор», «Одна из 100 ведущих просветителей мирового сообщества» (2005 г.) и др.

Фрагменты сертификатов, удостоверяющих публикацию биографии в энциклопедиях: «2000 выдающихся ученых 20-го века», «2000 выдающихся общественных лидеров 20-го века», «Почетный список 2000 выдающихся ученых 20-го века», «2000 выдающихся людей 20-го века» (1998 г.).

*The International Who's Who
of Intellectuals*

International Biographical Centre, Cambridge, England.

*This Certificate of Inclusion
has been awarded to*

DR. LJUBOV Z. AKSJONOWA (SOWA)

*in recognition of
Distinguished Achievements
which are recorded in the
Thirteenth Edition
of The International Who's Who
of Intellectuals*

Signed & Sealed in Cambridge, England.

Date 21st November 1997

Clare Webb
Authorized Officer

Сертификат включения в энциклопедию „The International Who's Who of Intellectuals“ (13 изд., 1997 г.).

**INTERNATIONAL
LEADERS IN ACHIEVEMENT**

INTERNATIONAL LEADERS IN ACHIEVEMENT

THIRD EDITION

1997

LJUBOV Z SOWA

Rongoslovov 11-201,
St Petersburg 194356, Russia.

Ljubov Z Sowa is a Professor of Philology, whose main fields of interests are in Linguistics, African Philology, Semiotics, Typology and Slavic Languages. He was born in 1927, in Krasnoe, Russia, and holds the degrees of MA in Russian Language and Literature from Khar'kov State University in 1960, MA in Mathematics and Computers from Leningrad State University in 1969, and BA from the State Course of Foreign Languages in 1958. He was awarded his Academic Doctoral Degree in Philological Sciences from the Supreme Certifying Commission in 1977, and his Academic Honour Degree of Full Professor in 1984. Ljubov Z Sowa began his professional career as an Assistant Professor from 1964-77, being promoted to Full Professor from 1977-89, and Leading Professor from 1989-90 at the Leningrad Branch of the Linguistic Institute of the Academy of Sciences, Russia. He has been a Visiting Professor at different universities and colleges of

Ljubov Z. Sowa

Beds, Kalinin, Minsk, Moscow and Riga. He was also the Co-Founder of the Leningrad Group of Modelling of Language's Inflation and of the Linguistic Semiosis on Typology and Semiotics. Professor Sowa is the author of over seventy professional publications including: *At the Dawn of Language and Thinking: The Origin of African Language; Basic Grammatical Structure Evolution; Analytical Linguistics; and Zulu Configurational Syntax*. He has been a member of the International Association for Semiotic Studies since 1986, and the co-editor of the periodical edition "Language Statistics and Automatic Analysis of Text".

PUBLISHER AND EDITORIAL DIRECTOR:

Nicholas S Law

EDITORIAL/PRODUCTION MANAGER:

Jocelyn Timothy

EDITORIAL ASSISTANTS:

Susan Gilbert
Janine Lawrence
Sheryl Rugby

International Biographical Centre
Cambridge, England

All communications to: International Biographical Centre,
Cambridge CB2 3QP, England

Биография и портрет, напечатанные в энциклопедии «International Leaders of Achievement» (3 изд., 1997 г.).

THE ORDER OF INTERNATIONAL FELLOWSHIP

PRO BONO PUBLICO
FOR THE INTERESTS OF ALL PEOPLE

Sponsored by:
The International Biographical Centre
Cambridge, England, CB2 3QP

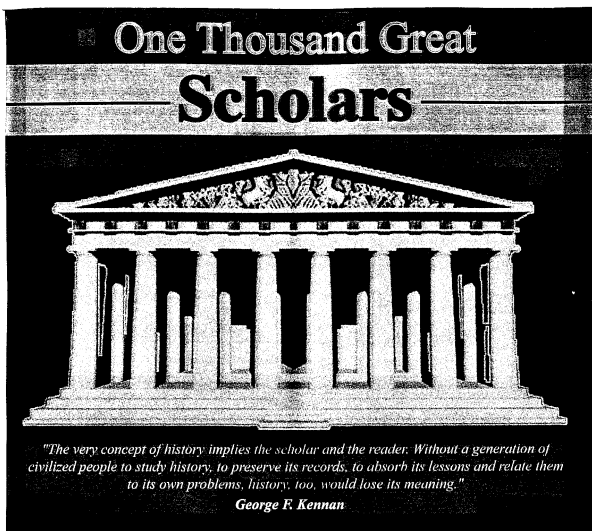
2000 Outstanding Intellectuals of the 21st Century

ORDER OF EXCELLENCE

In honour of your Biographical Excellence

Номинации на орден международного научного сообщества „Pro bono publico“ и орден славы „Order of Excellence“ (Кембридж, Англия).

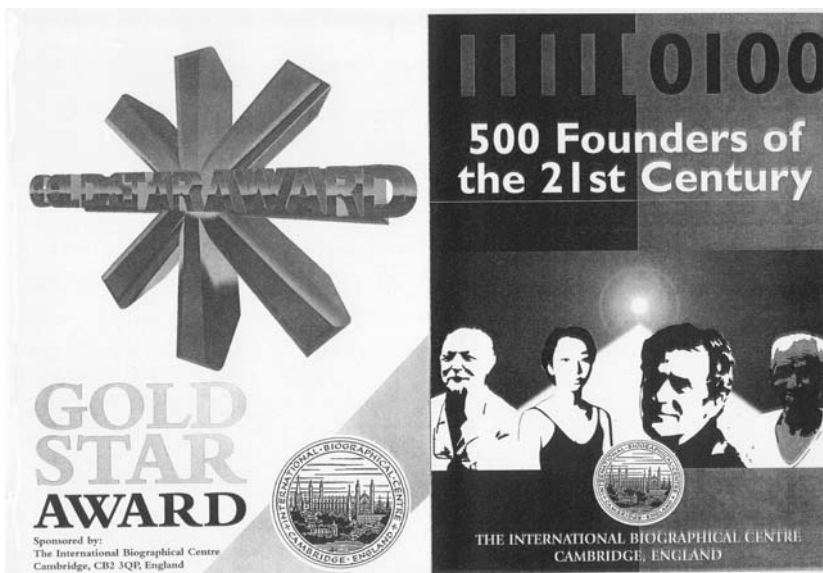
IBC

SOWA (AKSJONOWA) Ljubow, b. 17 September 1937, Kharkov, Ukraine. Philology. m. Vertel, 1 daughter.

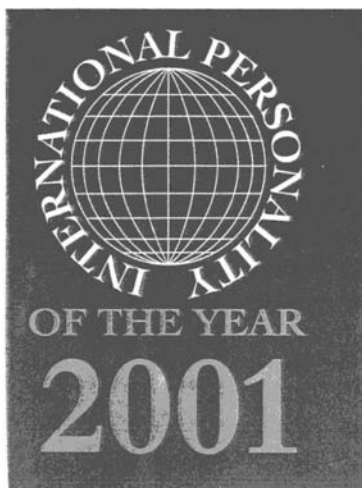
Education: MA, Philological Department, Russian Language and Literature, Kharkov State University, 1960; MA, Mathematical and Mechanical Department, Mathematics and Computers, Leningrad State University, 1969; PhD, Structural Linguistics and African Philology, 1965; Academic Doctoral Degree, Philological Sciences, General and Computational Linguistics, USSR, 1977; Academic Honor degree of Full Professor, USSR, 1984; Doctoral Degree, Philosophy, Germany, 1993. Appointments: Assistant Professor, 1964-77, Full Professor, 1977-89, Leading Full Professor, 1989-90, Historical, Comparative and Typologic Linguistics, Leningrad Branch of the Linguistic Institute, Academy of Sciences of the USSR; Guest Professor, 1991-96, Chief-Redactor, Berlin Journal, Good Evening!, 1997-; Scientific Worker, Philosophical Department III, Humboldt University, Berlin, 1999-2001. Publications: 200 articles, stories, novels, 6 monographs and novels, including: Zulu Configurational Syntax, p.1-2, 1968-69; Analytical Linguistics, 1970; Bantu Grammatical Structure Evolution, 1987; At the Dawn of Language and Thinking, 1996; This World and the Next, 2000; Berlin Histories, 2001. Memberships: Research Board of Advisors, American Biographical Institute Inc; International Association of Semiotic Studies; Berlin Society of Semiotics; IBC Advisory Council.

Краткая биография, напечатанная в энциклопедии „One Thousand Great Scholars“ (Кембридж, 2001 г.).

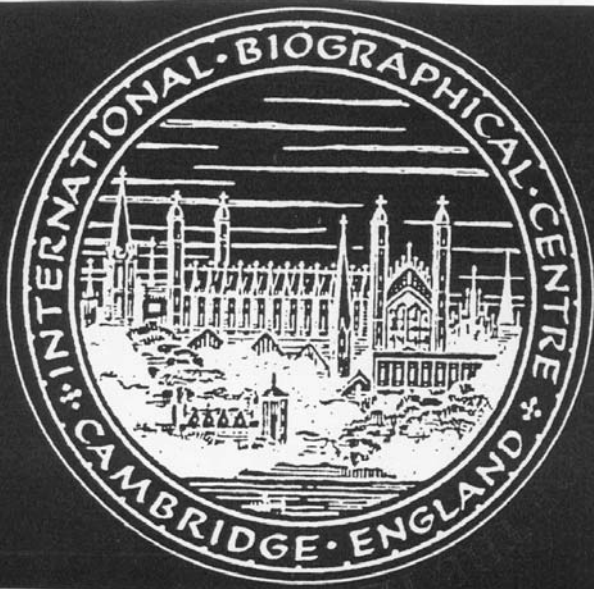
Награда „Gold Star Award“ и публикация биографии в энциклопедии „500 Founders of the 21st Century“ (Кембридж, Англия).

As a leading Biographical Reference Book Publisher, the International Biographical Centre receives tens of thousands of biographical files each year. From these the Editors and Advisors select only a very small percentage for the important accolade:

INTERNATIONAL
PERSONALITY
OF THE YEAR

Присуждение звания „International Personality of the Year“ (Кембридж, Англия).

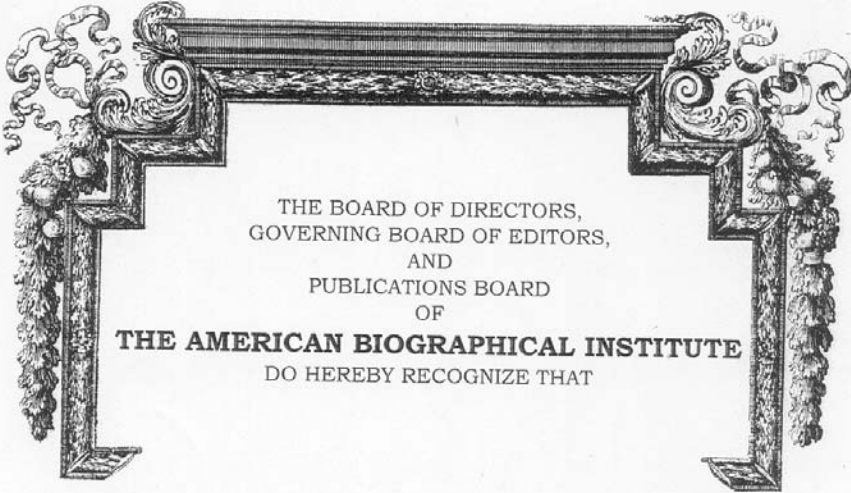

2000 Outstanding Scholars of the 21st Century -
Edited By: Ross Hilton

Please read this proof carefully, mark any corrections clearly, sign and return this page to the above address by return even if there are no changes. The IBC retains the right to publish the entry without correction if the proof is not received by the date given, and in the style laid down by them. We would very much appreciate your personal recommendations. A form is provided overleaf for you to list their names and addresses. Thank you for your help.

SOWA (AKSJONOWA) Ljubow, b. 17 September 1937, Kharkov, Ukraine. Philology, m. Vertel, 1 daughter.
Education: MA, Philological Department (Russian Language and Literature), Kharkov State University, 1960; MA, Mathematical & Mechanical Department (Mathematics and Computers), Leningrad State University, 1969; PhD (Structural Linguistics and African Philology), 1985; Academic Doctoral Degree, Philological Sciences (General and Computational Linguistics), USSR, 1977; Academic Honor degree of Full Professor, USSR, 1984; Doctoral Degree, Philosophy, Germany, 1993. Appointments: Assistant Professor, 1964-77, Full Professor, 1977-89, Leading Full Professor, 1989-90, Historical, Comparative and Typologic Linguistics, Leningrad Branch of the Linguistic Institute, Academy of Sciences of the USSR; Guest Professor, 1991-96, Chief-Redactor, Berlin Journal "Good Evening!", 1997-; Scientific Worker, Philosophical Department III, Humboldt University, Berlin, 1999-2001. Publications: 200 articles, stories, novels, 6 monographs and novels, including: Zulu Configurational Syntax, p.1-2, 1968-69; Analytical Linguistics, 1970; Bantu Grammatical Structure Evolution, 1987; At the Dawn of Language and Thinking, 1996; This World and the Next, 2000; Berlin Histories, 2001. Memberships: Research Board of Advisors, American Biographical Institute Inc; IASS (International Association of Semiotic Studies); Berlin Society of Semiotics; IBC

Краткая биография, напечатанная в энциклопедии
„2000 Outstanding Scholars of the 21st Century“ (Кембридж,
2002 г.).

THE BOARD OF DIRECTORS,
GOVERNING BOARD OF EDITORS,
AND
PUBLICATIONS BOARD
OF
THE AMERICAN BIOGRAPHICAL INSTITUTE
DO HEREBY RECOGNIZE THAT

Prof. Dr. Ljubow Aksjonowa

HAS BEEN CHOSEN FOR DISTINGUISHED STANDING AND HAS
BEEN CONFERRED WITH AN HONORARY APPOINTMENT TO

THE
**RESEARCH
BOARD OF ADVISORS**
1999

H. C. Collins

H. C. Collins

Director, Research Board of Advisors, The American Biographical Institute, Inc.

Диплом об избрании в Исследовательский совет Американского биографического института (1999).

Dr. Ljubov Sowa

October 15, 1999

The ABI Laurels for Dedicated Personal Attainment

Dear Dr. Sowa:

For a period now, the Institute has been aware of your tremendous contributions that have left an impression on your peers, community and society. Your achievements and stature have led the ABI's World Laureate Council and myself to a decision concerning a thrilling new concept. It is my unique and personal reward to invite you to be a crowned achiever, a **World Laureate of the ABI**.

It is unfortunate that so many achievements are not recognized in the world today. A man or woman who, through action, gives selflessly to better the condition of his or her community is rarely treated with the reception deserved. Personal achievement has been seemingly locked away and honor has been restricted to the famous few that have been globally recognized. The vine of media has ripened a passion for the high impact personality leaving the contemporary citizens unknown and unappreciated. Personal achievements are known by the ABI to be the largest driving forces of society. Your laureateship will cement the credit you deserve for your dedication and personal attainment, your gifts to society.

This new and distinctive position is one that is limited to a handful of men and women throughout the world who have spent their lives enriching the quality of their professional and social circles. It is my pleasure to nominate you **World Laureate**. I impel you to return your acceptance to me as quickly as possible so that I can oversee your induction. I look forward to crowning you and your achievements bringing your attainments to public awareness.

Yours sincerely,

J. M. Evans
Chair
ABI World Laureate Council

Please see overleaf.

Сертификат Лауреата Американского биографического института.

***Список научных работ доктора филологических наук (Россия),
доктора философии (ФРГ) Л. З. Совы (Л. З. Аксеновой)***

- 2008 (в печ.). Исследования по языку зулу СПб. 230 с.
- 2008 (в печ.). Лингвистика синтеза. СПб. 422 с.
- 2007 Аналитическая лингвистика и типология. СПб. 378 с.
- 2007 Африканистика и эволюционная лингвистика. СПб. 402 с.
- 2006 Эволюция категории существительного в разноструктурных языках // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора А. Л. Грюнберга (отв. ред. М. Н. Боголюбов). СПб. С. 421–430.
- 2004 Вопросы XXI века // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 6 (Под ред. А. С. Герда). СПб. С. 19–38.
- 2002 Орфографическая реформа в ФРГ // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Десницкой. СПб. С. 203–209.
- 1999 Approaches to the model of verbal thinking // Abhandlungen der wissenschaftlichen Gesellschaft bei der ZWST. Т. 2. Berlin. S. 112–115.
- 1999 Реформа немецкой орфографии в ФРГ // Русский Берлин – Русская Германия. № 179/47. Приложение «Что и как». Берлин. С. 7, 11.
- 1998 Глагол как грамматическая категория в языке зулу // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5 (Под ред. А. С. Герда). СПб. С. 68–88.
- 1998 В пучине «Тихого Дона» // Добрый вечер. № 4(2). Берлин. С. 28–44 (в соавт. с Е. В. Вертелем).
- 1997 Об авторстве «Тихого Дона» // Зеркало загадок. № 6. Берлин. С. 42–44 (в соавт. с Е. В. Вертелем).
1997. О скандинавской версии авторства «Тихого Дона» // Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. С. 183–194 (в соавт. с Е. В. Вертелем).
- 1996 У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков (Отв. ред. В. А. Лившиц). СПб. «Лабрис». 384 с.
- 1995 Космогоническая лексика у народов тропической Африки // Этнолингвистические исследования. Этнические контакты и языковые изменения. СПб. С. 203–232.
- 1992 Zur Autorschaft des „Stillen Don“ // Zeitschrift für Slawistik. № 37. Heft 4. S. 552–572 (в соавт. с Е. В. Вертелем).

1991 По поводу авторства «Тихого Дона» // Вопросы литературы. № 2. М. С. 68–81 (в соавт. с Е. В. Вертелем).

1989 Синхрония и диахрония языков банту // Актуальные проблемы сравнительного языкознания. Ленинград. С. 203–238.

1987 Анализ и синтез языковых категорий с помощью ЭВМ // Язык и логическая теория. М. С. 62–73.

1987 Эволюция грамматического строя в языках банту (Отв. ред. В. А. Лившиц). Ленинград. «Наука». 360 с.

1986 Антиномии при создании машинного фонда русского языка // Машинный фонд русского языка. Идеи и суждения. М. С. 217–220.

1986 Машинный фонд РЯ и персональные компьютеры // Тезисы докладов 2-й всесоюзной конференции по машинному фонду РЯ. М. С. 37–39 (в соавт. с Е. В. Вертелем).

1986 Принципы отбора текстов в иллюстративно-текстовый фонд русского языка // Тезисы докладов 2-й всесоюзной конференции по машинному фонду РЯ. М. С. 3 (в соавт. с Е. В. Вертелем).

1985 Денотатная классификация русских существительных (рукопись, 22 а. л.).

1982 Рецензия на книгу «Le dictionnaire comorien – français et français – comorien du R. P. Sacleux, M. A. Chamanga, N. - J . Gueunier (SELAF, Paris, 1979)» // Вопросы языкознания. № 1. С. 139–141 (в соавт. с Д. А. Ольдерогге).

1982 Сопоставительная грамматика языков банту (рукопись, 20 а. л.).

1980 Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе // Archív Orientální. № 48. Ч. 3. Прага. С. 217–240.

1979 Linguistics as a Branch of Semiotics // A semiotic landscape. Ed. by S. Chatman, U. Eco, J. – M. Klinkenberg. Approaches to Semiotics 29. The Hague. P. 407–411.

1978 Методы описания языка // Романское и германское языкознание. Вып. 1. Минск. С. 106–110.

1977 Границы и возможности типологии // Studies of Linguistic Typology. Acta Universitatis Carolinae. Philologica 5. Linguistica generalia. Прага. С. 67–82.

1976 Функциональная модель лингвистической интуиции // Моделирование информационных процессов целенаправленного поведения.

Тезисы докладов. Тбилиси. С. 533–535.

1976 Лингвистика – ветвь семиотики // Автоматический анализ текстов. Минск. С. 6–13.

1976 Лингвистика и общение с ЭВМ // Вестник Высшей школы. № 4. М. С. 25–28 (в соавт. с В. В. Морозенко).

1976 Проблемы операционной грамматики (рукопись, 16 а. л.).

1976 Референционная классификация русских существительных // Лингвистические исследования ЛО ИЯ АН СССР. Вып. 3. Ленинград. С. 126–140 (в соавт. с Т. Р. Зуевой).

1976 Статический и динамический подходы к проблеме лингвистических универсалий // Тезисы конференции по синтаксической семантике. М. С. 237–238.

1975 Analytical linguistics (перевод на английский язык «Аналитической лингвистики», рукопись).

1975 Aspects of Deep Structure // Proceedings of the 11th International Congress of Linguists. Т. 2. Bologna – Florence, Aug. 28 – Sept. 2. 1972. Ed. by Luigi Neilmann: Societa editrice il Mulino. Bologna. P. 507–510.

1975 Аспекты глубинной структуры // Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков. Ленинград. С. 56–60.

1975 Иерархия грамматических категорий при построении теории залога // Народы Азии и Африки. № 1. М. С. 181–185.

1975 Категория залога в языке зулу // Актуальные проблемы развития литературы и языков Африки. Ленинград. С. 34.

1975 Лингвистика и моделирование процесса познания // Романское и германское языкознание. Вып. 5. Минск. С. 181–185.

1975 Локализация событий во времени и пространстве зулуской сказки // Актуальные проблемы развития литературы и языков Африки. Ленинград. С. 35–36.

1975 Математические методы в теории познания // Вопросы обшей и прикладной лингвистики. Минск. С. 8–27.

1975 Понятие синтаксической структуры в современной лингвистике // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. Пермь. С. 60–63.

1975 Распознавание смысловых связей при автоматической обработке текста // Методы анализа текстов. Минск. С. 128–139.

1974 A structural – syntagmatic invariant // *Linguistics*. № 125. The Hague. P. 73–89.

1974 Some theoretical problems of computational linguistics // *Computational and Mathematical Linguistics. Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics*. Pisa. P. 695–703.

1974 Априоризм и апостериоризм при построении лингвистических определений // *Структура предложения и классы слов в романо-германских языках*. Вып. 3. Калинин. С. 185–189.

1974 Автоматическое распознавание смыслового образа в синтаксисе // *Статистика речи и автоматический анализ текста 1974*. Ленинград. С. 66–93.

1974 Механизм, порождающий синтаксические концепции // *Статистика речи и автоматический анализ текста 1974*. Ленинград. С. 401–404.

1974 Объединение отраслевых тезаурусов // *Лингвистическое обеспечение АСУ и ИПС*. Махачкала. С. 10–12 (в соавт. с В. М. Мотылевым, Р. Г. Пиотровским, В. Я. Шабесом).

1974 О формализации семантики // *Лингвистическое обеспечение АСУ и ИПС*. Махачкала. С. 110–114.

1974 Принципы лингвистического конструктивизма // *Лингвостатистика и автоматический анализ текстов*. Минск. С. 20–40.

1974 Текст как результат вербального отражения объективной действительности // *Лингвистика текста*. Материалы научной конференции. Ч. 2. М. С. 66–72.

1974 Эпистемологические и методологические вопросы структурной лингвистики // *Структура предложения и классы слов в романо-германских языках*. Вып. 3. Калинин. С. 5–21.

1973 Аналитическая морфология языка зулу (рукопись, 20 а. л.).

1973 Глубинная структура как инвариант перевода // *Структура предложения и классы слов в романо-германских языках*. Вып. 2. Калинин. С. 301–303.

1973 Идеофоны в языке зулу // *Основные проблемы африканистики*. М. С. 372–378.

1973 Инвариант структурно-синтагматических отношений // *Статистика речи и автоматический анализ текста 1972*. Ленинград. С. 278–292.

1973 Индукция и дедукция при построении лингвистической теории // *Теория языка и инженерная лингвистика*. Ленинград. С. 121–133.

1973 Соотношение формы и значения в синтагматике // Структура предложения и классы слов в романо-германских языках. Вып. 2. Калинин. С. 19–33.

1973 Формальные связи в русском языке (дефиниции) // Проблемы структурной лингвистики. М. С. 527–542.

1972 Дуализм синтаксической структуры // Структура предложения и классы слов в романо-германских языках. Вып. 1. Калинин. С. 9–28.

1972 Некоторые антиномии, связанные с проблемой *язык – речь* // Структура предложения и классы слов в романо-германских языках. Вып. 1. Калинин. С. 224–230.

1972 Связь между подлежащим и сказуемым в языке зулу // *Africana IX*. Ленинград. С. 160–180.

1972 Юбилейная конференция «50 лет академического лингвистического центра в Ленинграде» (хроникальные заметки) // Вопросы языкознания. № 3. М. С. 156–159 (в соавт. с А. С. Либрманом).

1971 Единицы языка и единицы синтаксического описания // Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков. Тезисы. Ленинград. С. 25–26.

1971 Структурно-синтагматический инвариант // *Acta linguistica XXI*. № 3 – 4. Будапешт. С. 267–281.

1971 Функции суффикса *-isa* в языке зулу // *Africana VII*. Ленинград. С. 127–150.

1970 Is a set of typological definitions a system? // *Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages*. Budapest. P. 93–94.

1970 *Linguistics & Metalinguistics* // *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*, Bucarest, 28 Août – 2 Septembre 1967. T. 1. Bucarest.

1970 *Typology and Semiotics* // *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*, Bucarest, 28 Août – 2 Septembre 1967. T. 3. Bucarest. P. 557–563.

1970 Аналитическая лингвистика (Отв. ред. В. А. Лившиц). М. «Наука». Главная редакция восточной литературы. 255 с.

1969 Versuch einer Klassifikation der Sprachen auf der Grundlage von Typen binärer Wortverbindungen // *Linguistics*. № 53. The Hague. S. 93–9.

1969 Валентность и транзитивность с позиций лингвистического дуализма // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.

С. 244–250.

1969 Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 2 (Отв. ред. Д. А. Ольдерогге). Ленинград. «Наука». 300 с.

1968 Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 1 (Отв. ред. Д. А. Ольдерогге). Ленинград. «Наука». 255 с.

1967 Семиология: язык как объект и предмет исследования // Язык как знаковая система особого рода. М. С. 69–72.

1967 Типология и семиотика // Résumés des communications (X-eme Congrès International des Linguistes). Comité d'Organisation. Bucarest. P. 345.

1966 Дефективные глаголы в языке зулу // Народы Азии и Африки. № 4. М. С. 184–194.

1966 Дуализм лингвистических знаков // Народы Азии и Африки. № 6. М. С. 91–98.

1966 О соотношении подсистем в языке и речи (на материале языка зулу) // Языки Африки. М. С. 205–218.

1966 Семиотика и типология // Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных средств языков. Тезисы. М. С. 69–74.

1966 Языковая интуиция: смысл и форма // Основные проблемы эволюции языка. Самарканд. С. 186–190.

1965 Классы глаголов в языке зулу. Автореферат кандидатской диссертации. Ленинград. 15 с.

1965 О построении лингвистических формализаций // Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка. М. С. 185–188.

1965 Опыт классификации языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний // Лингвистическая типология и восточные языки. М. С. 229–234.

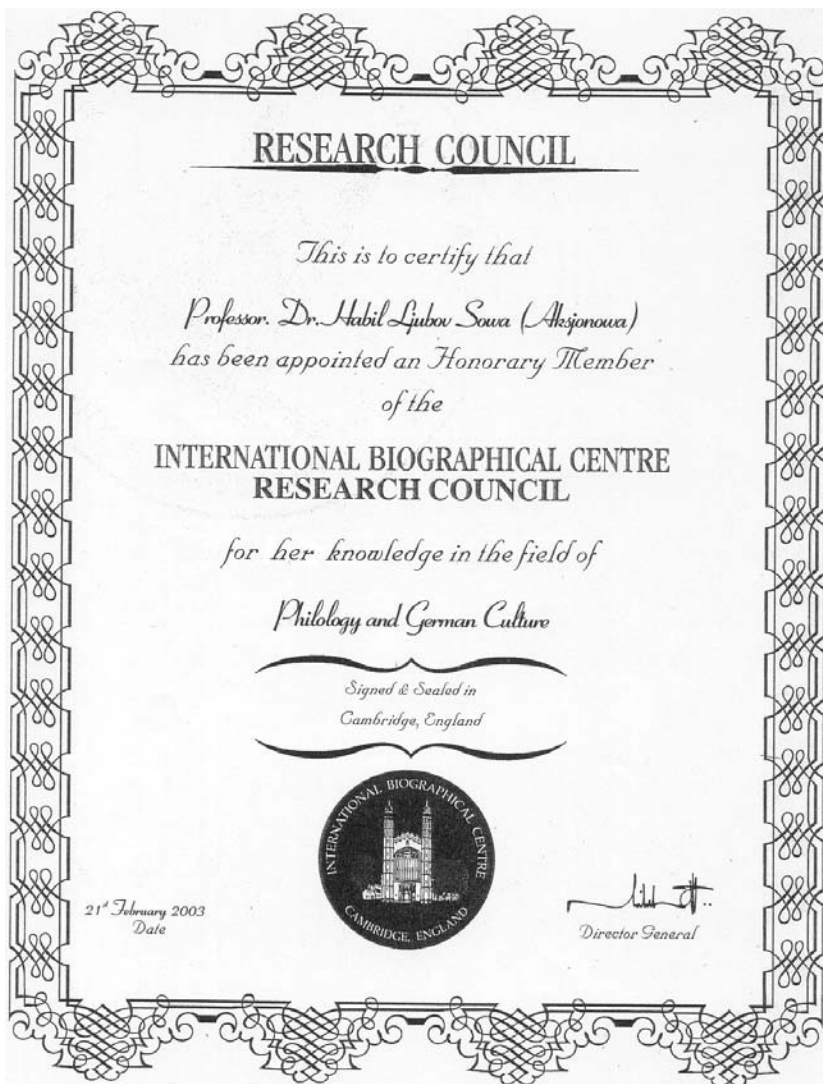
1965 О соотношении языковых подсистем // Лингвистическая типология и восточные языки. М. С. 235–238 (в соавт. с В. С. Храковским).

1963 Каузативное преобразование как одно из средств типологического описания языков // Совещание по типологии восточных языков. М. С. 82.

1961 Выбор синтаксического синонима при машинном переводе // Доклады конференции по обработке информации. М. С. 1–16 (в соавт. с В. И. Войновым, И. С. Кравчуком и Я. Б. Крупаткиным).

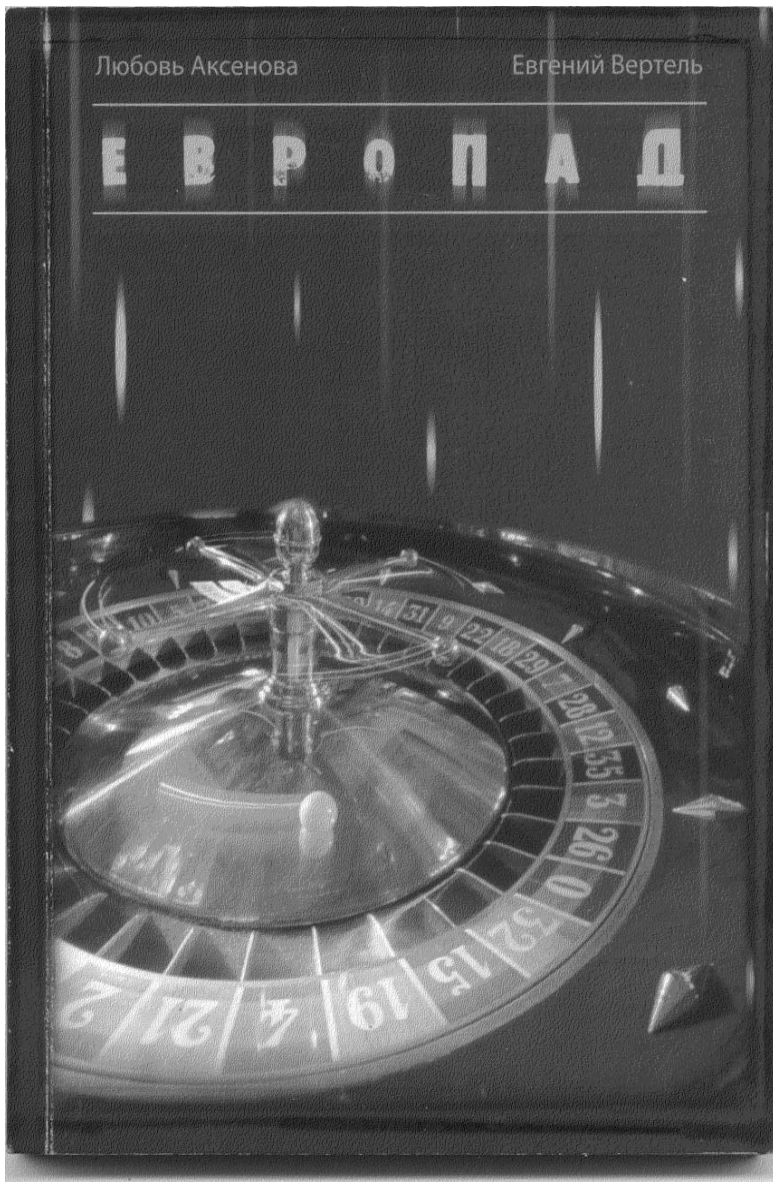
1960 Синтаксические функции инфинитива в «Повести временных лет» (рукопись, 5 а. л.).¹

¹ Кроме научных работ, у меня есть около 100 публикаций по литературоведению, журналистике и беллетристике. Среди опубликованного, сборник рассказов «Берлинские истории» (Берлин, 2001), романы «На том свете» (Санкт-Петербург, 2000), «Европад» (в соавт. с Е. В. Вертеlem. Санкт-Петербург, 2004), «Наши люди в Берлине. Заметки об эмигрантской жизни» (Санкт-Петербург, 2004), новеллы и статьи «Ich, Albert Einstein...» // Neue Literatur. Anthologie im Herbst 2004. Cornelia 350

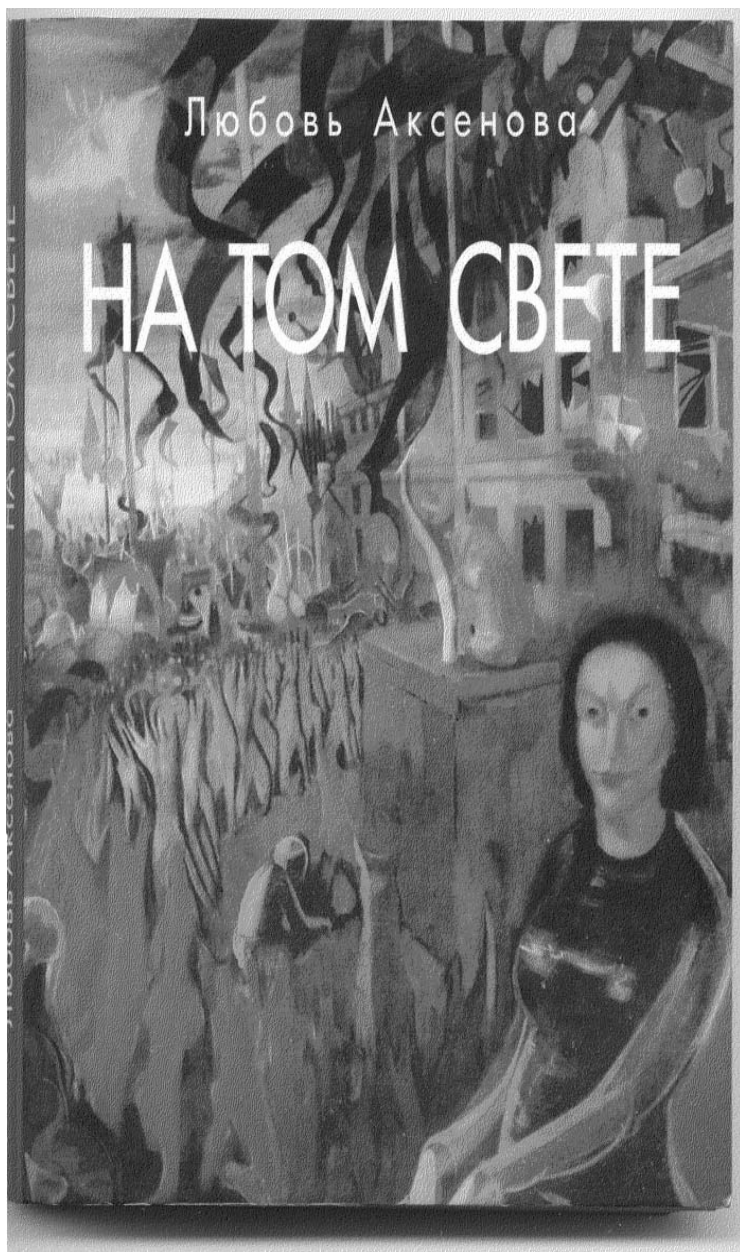

Диплом о признании почетным членом Исследовательского совета Международного биографического центра (Кембридж, Англия) за заслуги в области филологии и немецкой культуры.

Goethe Literaturverlag (Frankfurt A/M, 2004), «Облака плывут, облака...» // Нева. № 3 (Санкт-Петербург, 2000), «Кто мы и откуда» // Нева. № 11 (Санкт-Петербург, 2000) и др.

Обложка романа «Европад» (Санкт-Петербург, 2004).

Обложка романа «На том свете» (Санкт-Петербург, 2000).

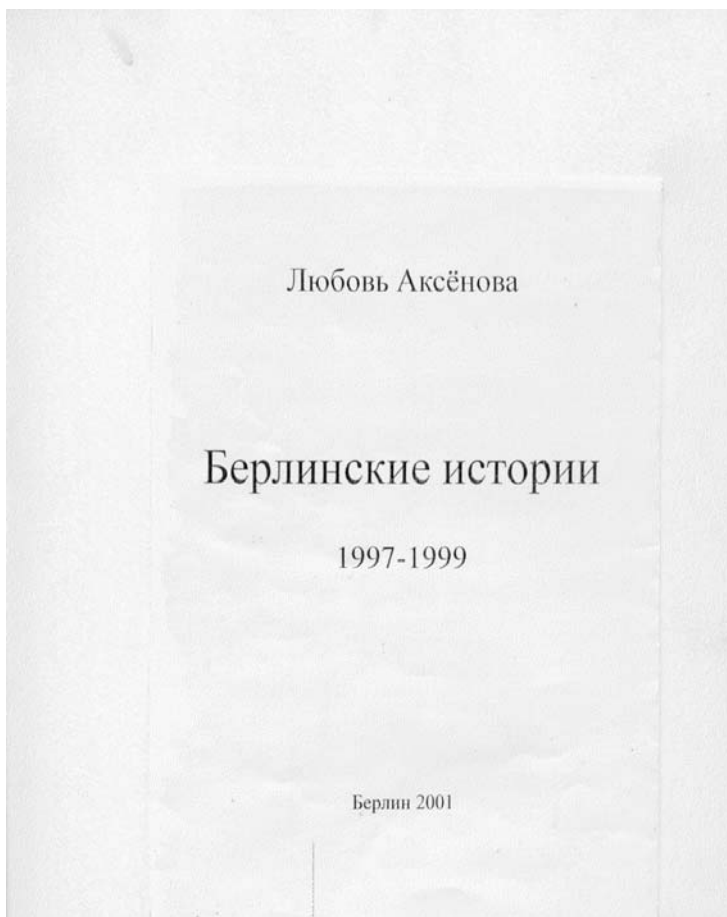
НАШИ
ЛЮДИ
В БЕРЛИНЕ

Любовь Аксенова

*Заметки
об эмигрантской
жизни*

Обложка книги очерков «Наши люди в Берлине»
(Санкт-Петербург, 2004).

Обложка сборника рассказов «Берлинские истории» (Берлин, 2001).

Bund Deutscher Schriftsteller, Römerstraße 2, D-63128 Dietzenbach
Frau
Dr.Liubov Sinowiewna Aksenova

BUND DEUTSCHER SCHRIFTSTELLER E.V.

Der Verband der Autoren

Gemeinnützige Körperschaft

Römerstr. 2, D-63128 Dietzenbach b. Frankfurt a.M.
www.schriftsteller-verband.de, Tel. 06074-47566

Членский билет Союза писателей ФРГ (BDS).

DEUTSCHES SCHRIFTSTELLERLEXIKON 2005

AKSENOVA, Liubov Sinowiewna

Auch: Liubov Sová

* 17. September 1937 in Kharkov (UdSSR). Dr. habil. Phil., Linguistin, Chefredakteurin, verheiratet, eine Tochter, Studium der Slawistik an der Kharkover Universität (Abschluss 1960), Studium der Mathematik an der Universität Leningrad (Abschluss 1969), Aspirantur an der Akademie der Wissenschaften der UdSSR, Promotion A (Afrikanische Sprachen, 1965), Promotion B (Allgemeine Sprachwissenschaft, 1972). Mitgliedschaften: Internationaler Verband für semiotische Forschungen (IASS); International Biographical Centre Council (Großbritannien); Research Board of Advisors (International Biographical Institute, USA).

Veröffentlichungen:

Buchausgaben: Unsere Leute in Berlin, Skizze, Sankt-Petersburg 2004; Eurofallen, Roman (Mitautorenschaft: E. Vertel), Sankt-Petersburg 2004; Berliner Geschichten, Erzählungen, Berlin 2001; Im Jenseits, Roman, Sankt-Petersburg 2000; An den Quellen von Sprache und Denken (Genesis der afrikanischen Sprachen), wissenschaftliche Monographie, Sankt-Petersburg 1996; Die Evolution des grammatischen Aufbaus in den Bantusprachen, Leningrad 1987; Die analytische Linguistik, Leningrad 1970; Die konfigurative Syntax der Zulu-Sprache, T. T. 1-2, Leningrad 1968-1969; Die Verbal-Klasse in der Zulu-Sprache, Leningrad 1965.

Unselbständige Beiträge: 150 Erzählungen und Artikel: Ich, Albert Einstein, in: Neue Literatur, Anthologie im Herbst 2004, Frankfurt/M. 2004, S. 11-18; Boris Pasternak und seine Verwandten in Berlin, in: Neva, N 6, Sankt-Petersburg 2002, S. 250-251; Wer sind wir und woher?, in: Neva, N 11, Sankt-Petersburg 2000, S. 159-170; Approaches to the model of verbal thinking, in: Abhandlungen der wissenschaftlichen Gesellschaft bei der ZWST, Band 2, Berlin 1999, S. 112-115; Et altera pars, in: Guten Abend!, N 8(2), Berlin 1999, S. 6-7; Was kostet Integration heute?, in: Guten Abend!, N 8(2), Berlin 1999, S. 26-29; Geburtstag (Rosentag – Mysterium; Mitautorenschaft: E. Vertel), in: Guten Abend!, Sonderausgabe, Berlin 1999, S. 1-12; Zur Autorschaf des „Stillen Don“ (Mitautorenschaft: E. Vertel), in: Zeitschrift für Slawistik, N 37, Band 4, Berlin 1992, S. 552-572; Versuch einer Klassifikation der Sprachen auf der Grundlage von Typen binärer Wortverbindungen, in: Linguistics, N 53, Haage 1969, S. 93-99.

Übersetzungen: Linguistics as a Branch of Semiotics, in: A semiotic landscape; Approaches to Semiotics 29, The Hague 1979, S. 407-411; Some theoretical problems of computational linguistics, in: Computational and mathematical linguistics, Pisa 1977, S. 695-703; Aspects of Deep Structure, in: Proceedings of the 11th International Congress of Linguistics, t. 2, Bologna-Florence 1975, S. 507-510; A structural-syntagmatic invariant, in: Linguistics, N 125, 1974, S. 73-89; Some theoretical problems of computational linguistics, in: Computational and mathematical linguistics, Pisa 1974, S. 695-703; Typology and Semiotics, in: Actes du X-e Congrès International des Linguistes, T. 3, Bucarest 1970, S. 230-232; Is a set of typological definitions a system?, in: Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages, Budapest 1970, S. 93-94.

Verkaufte Bücher: 17.000

Öffentliche Lesungen: in Moskau, Leningrad, Kiew, Minsk, Kharkov, Kischiniov, Tschimkent, Riga: 1964-1990; in Berlin (Freie Universität, Humboldt-Universität, JKU): 1992-2003.

<http://homepages.compuerve.de/Aksjonowa/>

Auszeichnungen:

Preis des Puschkin-Wettbewerbs der Stadt New York 2003, Platz 2 mit der Erzählung: Das jüdische Glück; Auszeichnungsurkunde: Für hervorragende wissenschaftliche Verdienste, vom „International Biographical Centre“, Cambridge 1996; Auszeichnungsurkunde: Höchster Akademischer Grad, von der Akademie der Wissenschaften der UdSSR, Moskau 1987; Medaille: Arbeitsveteran der UdSSR.

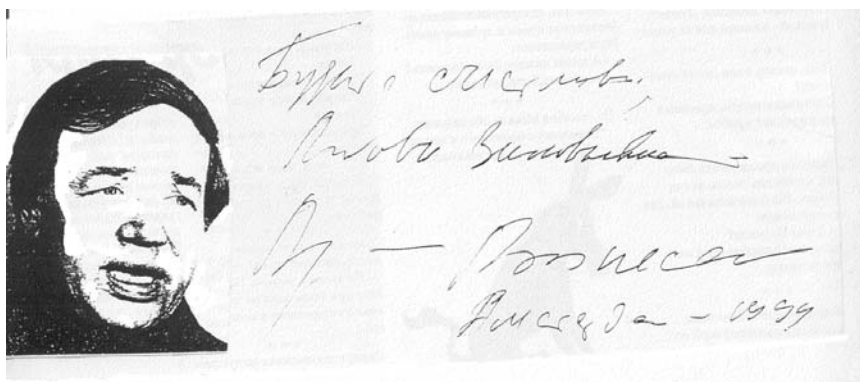
Literatur über die Autorin:

20 Reuven in wissenschaftlichen Zeitschriften (z. B.: Jürgen Kristophson: L. Z. Sová, Analitičeskaja lingvistika. Moskau: Nauka 1970, 254 S., in: Linguistics, N 109, The Haage 1973, S. 122-126; Rajmund Ohly: Ljubov Z. Sová, Konfiguracionnyj sintaksis jazyka Zulu, Leningrad 1968: Bd. I, S. 208, 1969: Bd. II, S. 298, in: Linguistics, N 124, The Haage 1974, S. 110-114; A. F. Lossev, Über den Begriff der Analytischen Linguistik, in: Issledovanija po russkom jazyku i jazykoznaniju, Moskau 1977, S. 6-36; etc.), außerdem im Internet; Lebenslauf in: 2000 outstanding Scholars of the 20th Century, Cambridge 2000, S. 344; Lebenslauf in: Who is who of Intellectuals, Cambridge 1999, S. 723; Lebenslauf und Portrait in: International Leaders of Achievement, Cambridge 1997, S. 326-327; etc.

Биография в энциклопедии членов Союза писателей ФРГ (Bund
 Deutscher Schriftsteller BDS).

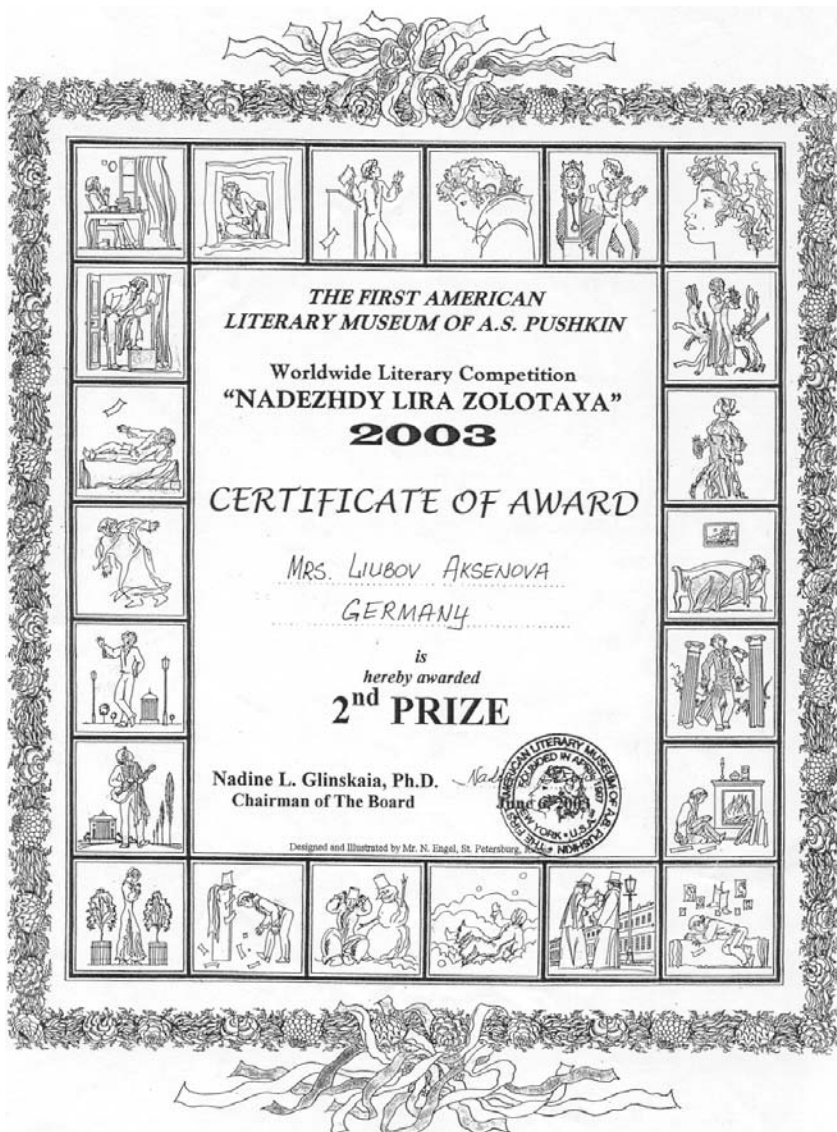
Обложка литературно-общественного журнала «Добрый вечер!» (1998. № 4). Главный редактор Л. З. Сова (Л. З. Аксенова). Литературный редактор Е. В. Вертель. Берлин – Нью Йорк – Санкт-Петербург.

Записка А. А. Вознесенского Л. З. Сове (Аксеновой). Амстердам, 1994.

Дружеский шарж на главного редактора журнала «Добрый вечер!» (Художник М. Погребинский. Берлин, 1997 г.).

Диплом лауреата Пушкинского конкурса (Нью-Йорк, 2003) в номинации «художественная проза» (за цикл рассказов «Берлинские истории»).

Приложение

- Абазинский 152
Абхазский 205
Аварский 152, 205
Агглютинативный 85, 176
Агульский 205
Ада 146
Адыгейский 152
Адыгские 205
Азербайджанский 234, 272
Американский индейский (American Indian) 37
Английский 6, 19, 21, 66, 95, 103, 142, 143, 144, 145, 208, 210, 214, 234, 243, 245, 254, 259, 291, 294, 296, 302, 307, 318, 347, 369, 372
Ассемблер 146
Африканские 297, 345
Банту 37, 44, 57, 96, 107, 108, 174, 175, 176, 184, 196, 198, 233, 234, 312, 330, 331, 346, 370
Баскский 205
Бемба 175, 178
Валлийский 58
Ганда 152
Германский 26, 37, 130, 201, 202, 346, 347, 348, 349, 369
Греческий 192
Грузинский 152, 205
Грузинских евреев Ахалцихского района 205
Гурийский 205
Даргинский 205
Дидойский 205
Древнерусский 201, 204
Естественный 192, 203, 256, 259, 271, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 295
Зезуру 175
Зулу 80, 81, 91, 95, 96, 105, 107, 112, 120, 128, 130, 131, 135, 137, 196, 197, 198, 199, 233, 234, 245, 351, 297, 300, 301, 302, 307, 312, 345, 347, 348, 349, 350
Идо 146
Изолирующий 85
Имеретинский 205
Индейский американский (American Indian) 37
Индоевропейский 26, 222, 234, 300, 347, 349
Иностранный 212, 216, 267
360

Иранский 38, 345
Искусственный 20, 23, 24, 146, 192
Кабардинский 205
Казахский 360
Каракалпакский 360
Каранга 152
Карок 37
Картвельские 205
Кахетинский 205
КлаMAT 37
Китайский 57, 58
Кобол 146
Конго 142, 143, 144, 145, 234
К'оса 152
Курдский 38, 39
Лакский 205
Ламба 152
Латинский 192, 193
Лечхумский 205
Литературный древней Руси 202
Лози 175
Луганда 142, 143, 234
Майду 37
Макуа 175
Малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока 202
Месхский 205
Младописьменный Северного Кавказа 201
Младописьменный северо-востока Сибири 201
Монгольский 152
Мфину 175, 178
Немецкий 206, 208, 209, 210, 211, 216, 259, 277, 345
Нивхский 152
Персидский 152
Программирования 146
Разноструктурные 23, 37, 120, 136, 202, 222, 234, 237, 253, 258
Романо-германский 26, 37, 130, 202, 348, 349, 370
Романский 201, 346, 347
Русский 14, 16, 21, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 50, 51, 52, 54, 56, 57, 58, 62, 63, 64, 66, 67, 95, 103, 118, 132, 133, 141, 142, 143, 144, 145, 149, 184, 201, 202, 204, 206, 207, 208, 211, 234, 243, 245, 252, 254, 266, 271, 290, 291, 296, 302, 307, 312, 313, 323, 330, 345, 346, 347, 370, 375
Северного Кавказа и Дагестана 201
Северный 203

Славянский 37, 43, 370
Старославянский 202
Суахили 107, 108, 175, 178, 302, 330
Таджикский 152
Такелма (Takelma) 36
Татарский 152
Турецкий 152
Тюркский 44, 57, 180, 234
Флективные 85
Французский 66, 208, 234, 254, 302
Хауса 152, 234
Цезский 205
Чамалинский 205
Черкесские 205
Чеченский 152
Чукотский 152
Шах-Дагские 205
Шона 152
Шумерский 152
Эскимосский 152
Эсперанто 146
Юго-западного Орегона 36
Южный Сьерра-Мивок 37
Яо 175
Японский 152
Яфетический Дагестана 205

Именной указатель

- В. И. Абаев 201
Р. И. Аванесов 202
О. З. Авербух 8, 120, 234, 243
В. Г. Адмони 7, 8, 244, 252, 277, 300, 301, 306, 307, 312, 331
Л. З. Аксенова (L. Z. Aksionova, L. Z. Aksjonowa) 210, 327, 335, 336, 338, 340, 342, 343, 345, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 359
Дж. Апплеярд 95
Арно (Arnauld) 63, 65, 293
Э. Р. Атаян 90
О. С. Ахманова 7, 291, 294
Ш. Балли 255, 293
М. А. Р. Баркер (M. A. R. Barker) 37
Ч. Барнс (Ch. Barnes) 207
Л. Г. Башинджагян 205
Г. Бирнбаум (H. Birnbaum) 173, 230
Ф. Боас (F. Boas) 36
В. В. Богданов 7, 269, 309
М. Н. Боголюбов 345
В. Г. Богораз 176
В. А. Богородицкий 293
Н. Бозэ (N. Beauzée) 293
А. А. Бокарев 205
А. В. Бондарко 8
А. К. Боровков 201
В. Брайт (W. Bright) 37
Л. Э. Брауэр 17
В. А. Брим 201
С. Бродбент (S. Broadbent) 37
В. Бойс 95
Д. В. Бубрих 201
Ф. И. Буслаев 62, 65, 254, 267, 293
С. Л. Быховская 205
М. Бюлов 209
Варрон 62
М. М. Вебер (M. M. Weber) 209, 210
Г. Вейль 17
Е. В. Вертель 8, 323, 345, 346, 350, 357
Б. В. Вилакази (B. W. Vilakazi) 96
В. В. Виноградов 14, 255, 266, 292, 293, 296, 297
А. А. Вознесенский 357

В. И. Войнов 350
А. П. Володин 8
Г. Габеленц (G. Gabelentz) 65
Ф. А. Гайдарова 8
М. Гасри (M. Guthrie) 174, 175, 184
Г. В. Ф. Гегель 59, 321
А. Гейтинг 17
А. Н. Генко 205
А. С. Герд 8, 345
Г. Гийом (G. Guillaume) 187
А. А. Глonti 205
М. Горький 207
Н. И. Греч 63
Дж. Гринберг 181
Н. В. Громова 96
А. В. Грошева 8
А. Л. Грюнберг 8
П. А. Грязневич 8
Р. Д. Гудстейн 17
В. фон Гумбольдт (W. von Humboldt) 9, 181, 185, 196, 261, 265, 266, 290
М. М. Гухман 202
Г. А. Давыдова 7
Л. Дежо 331
А. В. Десницкая 8, 345
Ш. В. Дзидзигури 205
А. Дискол 264, 269, 293
К. Док (C. M. Doke) 96
К. Д. Дондуа 201
К. Дуден 210, 211
А. П. Евгеньева 204
Л. Ельмслев (L. Hjelmslev) 10, 14, 15, 180, 184, 187, 190, 218, 230, 244, 255,
256, 262, 274, 369
О. Есперсен 18, 62, 92, 261
С. А. Жебелев 201
В. М. Жирмунский 8, 202, 300
А. Н. Жугра 8
А. Жуиян (A. Juilland) 328, 329
А. А. Жуков
Л. Р. Зиндер 206
Т. Р. Зуева 347
Е. С. Истрина 14, 201
Н. Н. Казанский 8
Л. В. Канторович 8

С. И. Карцевский 270, 274
С. Д. Кацнельсон 7, 202, 203, 329
Г. А. Климов 173, 174, 185, 230
И. – М. Клинкенберг (J. – M. Klinkenberg) 172
А. Т. Коуп 96
Р. И. Кофман (P. Kaufman) 207
И. С. Кравчук 350
Ю. Кристофсон (J. Kristopson) 7, 305, 317
Е. В. Кротевич 293
Я. Б. Крупаткин 350
Е. Р. Крючкова 8
Ю. К. Кузьменко 8
Р. Лангакр (Langacker) 27
Лансло (Lancelot) 63, 65
Б. А. Ларин 201
Г. Э. Лессинг 277
А. С. Либерман (A. S. Liberman) 333, 334
В. А. Лившиц 7, 8, 345, 346, 349
М. В. Ломоносов 208, 293
А. Ф. Лосев 277, 288, 289, 290, 291
Н. С. Лоу (N. S. Law)
Б. М. Ляпунов 204
М. М. Маковский 7, 332
С. Е. Малов 201
П. Д. Марк (P. J. Mark) 207
Н. Я. Марр 201, 203, 205
С. Ю. Маслов 8, 17, 58
Ю. С. Маслов 7, 269, 302, 309
В. В. Маяковский 207
И. В. Мегрелидзе 205
В. Э. Мейерхольд 207
Г. П. Мельников 7, 330
И. А. Мельчук 137
И. И. Мещанинов 201, 203, 204
В. В. Морозенко (W. Morosenko)
В. М. Мотылев 348
Г. Б. Муркелинский 205
Е. Мюллер 209
В. В. Набоков 207
В. П. Недялков 7, 8, 329
В. Нернст 208
Т. Н. Никитина 8
С. П. Обнорский 201

Д. А. Ольдерогге 7, 8, 233, 300, 301, 306, 309, 346, 350
Л. Ольшки (L. Olschki)
Б. Д. Панфилов 7, 269, 309
В. З. Панфилов 7, 297, 300, 310
А. Л. Пастернак 208
Б. Л. Пастернак (B. L. Pasternak) 206, 207, 210
Е. Б. Пастернак 207
Ж. Л. Пастернак 208
Л. Л. Пастернак 208, 209, 210
Л. О. Пастернак (L. O. Pasternak) 207, 208, 209, 210
Ф. Пастернак 208
Г. Пауль 58
М. Н. Петерсон 65
Р. Г. Пиотровский 7, 8, 252, 260, 300, 306, 308, 313, 348
М. Планк 206
Д. А. Поспелов 8
А. А. Потебня 63, 65, 249, 255, 263, 267
Г. Г. Почепцов 305
И. Пэйдж 209
Б. Рассел 124
Е. А. Реферовская 8
В. Ф. Ржига 204
Й. Рис 249, 252, 307
А. П. Рифтин 206
Б. Рихтер (B. Richter) 162
Т. В. Рождественская 8
Ю. В. Рождественский 7, 8, 252, 261, 268, 306, 308
А. Рона–Таш (A. Rona–Tas) 173, 174, 183, 230
Е. Рюдин (E. Rüdín) 210
А. М. Селищев 204
Б. А. Серебренников 17
Т. И. Сильман 8
П. К. Симони 204
В. Скаличка 274, 331
Э. Слэйтер 209
А. И. Смирницкий 174, 293, 296
И. А. Смирнова 38
А. И. Соболевский 204
Ф. де Соссюр (F. de Saussure) 9, 76, 86, 88, 179, 182, 184, 186, 217, 266, 274,
321
М. Н. Сперанский 204
М. И. Стеблин–Каменский 8, 11, 71
Г. В. Степанов 8

Л. Г. Степанова 8
Т. В. Строева 206
О. П. Суник 203
Н. Л. Сухачев 8
А. М. Сухотин 293
Э. Сэпир (E. Sapir) 36, 294
М. Таубе 256, 295
Л. Теньер (L. Tesnière) 14, 71, 90, 91
Е. Тимофеева–Ресовская 207
Н. В. Тимофеев–Ресовский 207
И. И. Толстой 201
Г. Томс 208
И. М. Тронский 8
Н. С. Трубецкой 188
Г. Ф. Турчанинов 205
Б. Л. Уорф 176
Д. Н. Ушаков 62
Ф. П. Филин 202
Л. Флейшман (L. Fleishman) 207
А. Фогт (A. Vogt) 206
Ф. Ф. Фортунатов 65, 71, 267, 268
Ч. Фриз 248, 256, 263, 266, 271, 276, 307
Дж. Харман (G. Harman) 27
А. фон Харнак 208
З. Харрис 256, 261, 295
Л. Хельман (L. Heilmann) 313
А. А. Холодович 8, 70, 123, 137, 334
Н. Хомский (N. Chomsky) 11, 182, 232, 248, 256, 257, 258, 261, 266, 268,
273, 295, 307
В. С. Храковский 7, 325, 334, 350
Г. В. Церетели 205
И. О. Цукерман 326
В. И. Чернышев 201
С. Четман (S. Chatman) 172, 346
М. Я. Чикавани 205
М. П. Чхайдзе 205
В. Я. Шабес 348
Н. А. Шанин 17
Р. М. Шаумян 205
С. К. Шаумян 7, 8, 19, 25, 236, 242, 243, 256, 258, 273, 306, 309, 331
А. А. Шахматов 62, 63, 202
В. Шипли (W. Shipley) 37
В. Ф. Шишмарев 201

А. В. Шлегель 183
Ю. А. Шрейдер 58
Г. Штейнталь 261
К. Ф. ван Шонефельд (C. V. van Schooneveld) 7, 328
А. Шток 208
Г. Шухардт 181
Л. В. Щерба 65, 70, 92
С. М. Эйзенштейн 207
А. Эйнштейн 208
У. Эко (U. Eco) 346
И. Эренбург (I. Ehrenburg) 207
Н. В. Юшманов 201
Р. Якобсон (R. Jacobson) 8, 173, 183, 190, 230, 334
Н. Ф. Яковлев 205
Л. П. Якубинский 201
В. Н. Ярцева 202

Аннотированное оглавление

Диалог традиций

Распространение тезисов Соссюра – Ельмслева о представлении слова как единства означаемого и означающего на синтаксические связи. Формулировка требования об использовании многоаспектного подхода традиционного синтаксиса для описания синтаксических связей. Принятие требования структурализма об объективации процедур исследования и построения динамического описания статических характеристик языковых элементов. Применение этих принципов к анализу и синтезу синтаксических структур. Выяснение вопроса о соотношении методологии и эпистемологии при анализе синтаксических структур. Рассмотрение глубинных/поверхностных и смысловых/формальных структур на основе метода дуализации и выяснение их соотношения с оппозициями «означаемое/означающее», «статика/динамика». Связь «динамических» методов с энергетическим описанием языка. «Динамические» методы как средство организации процесса познания в лингвистике.

Aspects of deep structure (Аспекты глубинной структуры)

Работа представляет собой фрагмент из статьи «Диалог традиций», переведенный на английский язык и представленный в качестве доклада на XI международном лингвистическом конгрессе (Болонья – Флоренция, 28 августа – 2 сентября 1972 г.). Доклад опубликован в материалах конгресса.

Дуализм лингвистических знаков

Описание процедуры анализа синтаксических образований в виде единств, обладающих двумя структурами – формальной и смысловой. Формулировка требования о построении двух типов лингвистических теорий, изучающих две подсистемы – формальную и смысловую. Теория формальной подсистемы в общем виде и с учетом языков различного грамматического строя. Попытка установления типологии синтагматических отношений в виде аппарата (совокупности процедур) для сопоставимого описания синтаксических конструкций в любых языках мира при учете их смыслового содержания.

Валентность и транзитивность с позиций лингвистического дуализма

Валентность как показатель количества членов, с которыми элемент связан в синтагматической цепи. Потенциальная (план языка) и реализованная (план речи) валентность. Формальная валентность как означающее

синтаксической валентности и смысловая валентность как ее означаемое. Транзитивность как единство формальной и смысловой транзитивности (для славянских, романо-германских, банту и др. языков).

Формальные связи в русском языке (дефиниции)

Представление синтагматической структуры предложения в виде означаемого и означающего. Означающее как совокупность формальных связей, устанавливаемых между формами слов без апелляции к их значению (на основании только способностей слов к формообразованию). Примеры таких связей в русском языке (особым образом определенные связи управления, согласования, примыкания, тяготения, приложения и порядка слов). Определение формальных связей в русском языке. Сравнение с другими языками.

Части речи и члены предложения в аналитической лингвистике

Возможность рассмотрения концептуального аппарата статически и динамически (по отношению к процессу, в результате которого образуются понятия). Построение динамического описания концептуального аппарата языкознания как модели коллективной лингвистической интуиции. Описание многообразия классификаций ЧР и ЧП в традиционной лингвистике. Создание универсальной теории классов слов на основании фиксации процедур построения таксономических систем. Основания сравнения грамматических концепций (тип интерпретации, синтагматика – парадигматика, форма – значение, язык – речь) и их фиксация в виде динамических категорий. Описание систем ЧР и ЧП в терминах значений, которые могут принимать перечисленные параметры, и тех задач, которые стоят перед классификациями. Попытка создания универсальной теории ЧР и ЧП, вскрывающей сущностные характеристики языка. Формулировка требований к ее построению: соизмеримость классифицируемых единиц со словами, их взаимоисключаемость, независимость и однородность оснований классификации, абстрагирование от типов классифицируемых объектов, экспликация их соотношения с оппозицией «внутренние – внешние» признаки и др. Варьирование значений этих требований при построении конкретных концепций ЧР и ЧП в языкознании. Микросинтагматика и макросинтагматика.

Механизм, порождающий синтаксические концепции

Описание узлов и связей как компонентов синтаксических структур. Их определение в зависимости от пяти параметров: степень абстракции, длина, структура, порядок «сборки» из элементарных единиц и соотносительность с синтагматикой и парадигматикой. Исчисление логически возможных синтаксических концепций как результат перебора всех значений указанных параметров. Примеры синтаксических концепций, существую-

щих в языкознании, которые могут быть «порождены» данным механизмом.

Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе

Части речи как классы микроядер, образующих в морфологии классы микроструктур. Часть речи «глагол» в зулу. Факультативные и обязательные форманты, входящие в микроструктуру глагола, и морфологические категории, которые передаются посредством них. Члены предложения как «расширения» элементов микроконфигурации.

Залог как грамматическая категория

Возможность априорного и апостериорного задания основ теории залога. Отказ от априорных определений и построение апостериорного определения залога. Наличие эксплицитных (морфологически сформированных) и имплицитных категорий в языках. Анализ морфологически сформированных залогов в зулу. Построение определения залога в зулу как обобщение определений каузативного, медиального, направительного, взаимного и пассивного залогов. Предпосылки для создания иерархии категорий залога.

Иерархия грамматических категорий при построении теории залога

Построение методом последовательной генерализованной индукции определения залогов в зулу и их обобщение с целью создания определения залога как грамматической категории в зулу и в любом языке. Типология как иерархия лингвистических определений.

Описание и классификация языков на основании типов бинарных словосочетаний

Представление предложений в виде цепочек бинарных словосочетаний (БС). Логические возможности фиксации синтаксической информации элементами БС и их реализация в языках. Классификация языков на основании имеющихся в них типов БС.

Versuch einer Klassifikation der Sprachen auf der Grundlage von Typen binärer Wortverbindungen (Опыт классификации языков на основании типов бинарных словосочетаний)

Перевод статьи «Опыт классификации языков на основании типов бинарных словосочетаний», вошедшей в состав статьи «Описание и классификации языков на основании типов бинарных словосочетаний», на немецкий язык. Перевод опубликован в журнале *Linguistics*. 1969. N 53.

Typology and Semiotics (Типология и семиотика)

Вариант статей «Диалог традиций» и «Описание и классификация языков на основании типов бинарных словосочетаний» на английском языке.

Распространение тезисов Соссюра – Ельмслева о представлении языковых элементов в виде знаков и фигур на синтаксические связи. Описание синтаксической структуры предложения как единства смысловой структуры (означаемого) и формальной структуры (означающего). Представление формальной структуры предложений в виде цепочек бинарных словосочетаний (БС). Логические возможности фиксации синтаксической информации элементами БС и их реализация в языках. Классификация языков на основании имеющихся в них типов БС.

Границы и возможности типологии

Сравнение генетической и типологической лингвистик на основании их отношения к дихотомиям «план содержания – план выражения», «форма – субстанция», «единичное – общее», «динамика – статика», «процесс – результат». Общий для обеих лингвистик метод сравнения как средство фиксации тождеств и различий языковых элементов. Различие в подходах описания языковых объектов. Свойство типологического подхода упорядочивать явления по отношению к пространственной оси в противовес генетическому подходу, выстраивающему их по отношению к пространственно-временной системе. Сложность языка как объекта исследования, требующая использования в языкознании обоих подходов.

Статический и динамический подходы к проблеме лингвистических универсалий

Поиск универсальной лингвистической теории в истории языкознания как попытка создания априорной теории языковых тождеств, представленных в виде статических единиц вне процесса их получения. Ее безрезультатность, приводящая к решению о построении не универсальной теории, а универсального аппарата как комплекса операций, проводимых над языковыми объектами для создания универсальной теории на основании апостериорного исследования языковых объектов. Определения грамматических категорий как динамических образований, отражающих универсальные процедуры их получения. Универсальная лингвистическая теория как система инструкций для описания единиц всех языковых ярусов. Идея универсализма (всеобщности теории), реализованная посредством требования к созданию апостериорной теории процедур выделения тождеств и различий в языках, т. е. аппарата, в терминах которого единообразно препарируются все языки и составляются их описания. Динамическая (конструктивная) универсальная лингвистическая теория.

Язык как объект и предмет исследования

Различие предмета и объекта исследования в зависимости от позиции исследователя. Рассмотрение языка как деятельности и ее продукта, а также введение принципа билатерализма в изучение всех языковых объектов. Формулировка тезиса о сужении объекта при соотношении его с целями исследования. Выбор (в качестве цели) задачи о порождении предложений на данном языке. Исследование «суженного объекта» с позиций, определяющих рассмотрение каждого предложения как процесса синтеза формы – значения и как его результата. Предложение как часть целого. Язык как иерархия (семиотическая структура), каждый член которой описывается в виде знака.

Summary

Dialogue of traditions (Диалог традиций)

Spreading of the Saussure-Hjelmslev's theses about representation of a word as a unity of signified and signifier on syntactic relations. The formulation of the requirement about use of the multidimensional approach of the traditional linguistics for the description of syntactic relations. Acceptance of the structuralism's requirement about objectivising research procedures and constructing the dynamic description of the static characteristics of language elements. Application of these principles to the analysis and synthesis of syntactic structures. Finding out of a question about the correlation of methodology and epistemology at the analysis of syntactic structures. Consideration of deep/surface and semantic/formal structures on the basis of a method of dualising and finding out of their correlations with oppositions "signified/signifier", "statics/dynamics". Connection of "dynamic" methods with energetic description of language. "Dynamic" methods as a means of organisation of process of knowledge in linguistics.

Aspects of deep structure (Аспекты глубинной структуры)

It's a fragment of my article „Dialogue of traditions”, published in English (Proceedings of the XI-th International Congress of Linguists. II. Bologna, 1975).

The dualism of linguistic signs (Дуализм лингвистических знаков)

The description of procedure of the analysis of syntactic formations in the form of units with two structures – formal and semantic ones. The formulation of the requirement about construction of two types of the linguistic theories, studying two subsystems – formal and semantic ones. The formation of a general theory of a formal subsystem with taking in accounts the languages of different grammatical structures. Attempt of an establishment of two types of the typology: 1) the typological researches devoted to the study of semantic connections and semantic elements between which semantic connections are established and 2) typological researches devoted to the study of formal connections and formal elements between which formal connections are established. Constructing the typology of syntagmatic relations as the device (set of procedures) for the comparable description of syntactic constructions in any languages of the world at the account of their semantic contents.

Valence and transitivity from positions of linguistic dualism (Валентность и транзитивность с позиций лингвистического дуализма)

Valence as an indicator of quantity of the members, connected with the ele-

ment in a syntagmatic chain. Potential (the plane of language) and realised (the plane of speech) valence. Formal valence as a signifier of syntactic valence and semantic valence as its signified. Transitivity as a unity of formal and semantic parts (in Slavic, Romance, German, Bantu languages, etc.).

Formal connections in Russian (Definitions)
(Формальные связи в русском языке (Дефиниции))

Representation of syntagmatic structure of the sentence as a signifier and a signified. Signifier as a set of formal connections between the forms of words without their meaning (only on the basis of the formal abilities of the words). Examples of such connections in Russian (special definitions of government, co-ordination, adjointment, apposition and taxeme of the words' order). Definition of the formal relations in Russian. Comparison with other languages.

Parts of speech and constituents of sentence in analytical linguistics
(Части речи и члены предложения в аналитической лингвистике)

The possibility of consideration of the conceptual apparatus in a static and dynamic way (in relation to process of forming the concepts). Constructing the dynamic description of the conceptual apparatus of linguistics as models of collective linguistic intuition. The description of different classifications of parts of speech (PS) and constituents of sentence (CS) in traditional linguistics. Creating the universal theory of classes of words on the basis of fixing the procedures of construction of taxonomic systems. The bases of comparison of the grammatical concepts (type of interpretation, syntagmatics – paradigmatics, form – meaning, language – speech) and their fixation as dynamic categories. The description of systems of PS and CS in terms of categories, mentioned above, and the tasks of classifications. The attempt of creation of the universal theory of PS and CS to open the intrinsic characteristic of language. The formulation of the requirements to its construction: commensurability of classified units with words, independence and uniformity of the bases of classification, abstracting from types of classified objects, explication of their correlation with opposition "internal – external" attributes, etc. The variation of these requirements in the construction of the concrete concepts of PS and CS in linguistics. Microsyntagmatics and macrosyntagmatics.

The mechanism generating the syntactic concepts (Механизм, порождающий синтаксические концепции)

The description of the units and relations as the components of the syntactic structures. Their definition depending on five parameters: a degree of abstraction, length, structure, order of "assembly" from elementary units and correlation with syntagmatics and paradigmatics. Calculation of the logically possible

syntactic conceptions as the result of examining of all meanings of these parameters. The examples of the syntactic conceptions existing in linguistics, which can "be generated" by the given mechanism.

The microstructural and macrostructural analysis in morphology and syntax (Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе)

Parts of speech as classes of micronuclei forming classes of microstructures in morphology. A part of speech "Verb" in Zulu. Facultative and obligatory morphemes included in microstructure of a verb, and morphological categories, which are transferred by means of them. The constituents of sentence as "expansions" of elements of microconfigurations.

The Voice as a grammatical category (Залог как грамматическая категория)

Possibility of constructing the bases of theory a priori and a posteriori. The refusal from definitions of Voice a priori. Constructing its definition a posteriori. The existence of explicit (morphologically formed) and implicit categories in languages. The analysis of the Voices morphologically formed in Zulu. Constructing the definition of a Voice in Zulu as generalisation of definitions of Causative, Middle, Applied, Mutual and Passive Voices. The pre-conditions for creating hierarchy of the categories of the Voice.

The hierarchy of grammatical categories in constructing the theory of Voice (Иерархия грамматических категорий при построении теории залога)

Constructing the definitions of Voices in Zulu by a method of consecutive generalising induction and their generalisation with the purpose of creation of definition of a Voice as a grammatical category in Zulu and in any language. Typology as a hierarchy of linguistic definitions.

The description and classification of languages on the basis of types of binary word combinations (Описание и классификация языков на основании типов бинарных словосочетаний)

The representation of the sentences as the chains of binary word combinations (BC). The logic possibilities of fixing of the syntactic information by elements of BC and their realisation in languages. The classification of languages on the basis of the BC-types in them.

Experience of classification of languages on the basis of types of binary word combinations (Опыт классификации языков на основании типов бинарных словосочетаний)

It's a translation of the main principles of my article "The description and classification of languages on the basis of types of binary word combinations" into German.

Typology and Semiotics (Типология и семиотика)

It's a variant of my articles "Dialogue of traditions" and "The description and classification of languages on the basis of types of binary word combinations" in English. Spreading the Saussure-Hjelmslev's theses about representation of a word as unity of signs and figures on syntactic relations. The description of syntactic structure of the sentence as unity of semantic structure (signified) and formal structure (signifier). The representation of formal structures of the sentences as the chains of the binary word combinations (BC). The logic possibilities of fixing of the syntactic information by elements of BC and their realisation in languages. The classification of languages on the basis of the BC-types in them.

The borders and possibilities of typology (Границы и возможности типологии)

The comparison of genetic and typological linguistics on the basis of their relation to the dichotomies: "plane of the contents – plane of expression", "form – substance", "individual – general", "dynamics – statics", "process – result". Being common for both approaches, a method of comparison as a means of fixing of identities and distinctions of language elements. Distinction in the approaches to the description of language objects. A property of the typological approach to order the phenomena in relation to a spatial axis in a counterbalance to the genetic approach building them in relation to a spatial – temporal system. The complexity of language as the object of researches requiring the use of both approaches in linguistics.

The static and dynamic approaches to the problem of linguistic universals (Статический и динамический подходы к проблеме лингвистических универсалий)

The search of the universal linguistic theory in the history of linguistics as an attempt of creation a priori of the theory of language identities as static units outside of process of their generation. Its unfruitfulness led to a design to construct the universal theory as universal complex of operations with language objects for the creation of the universal theory on the basis of research of language objects a posteriori. The definitions of the grammatical categories as dy-

dynamic formations, which reflect the universal procedures of their reception. The universal linguistic theory as a system of the instructions for the description of units of all language circles. The idea of the universality of the theory, realised by means of the requirement to create the theory of procedures of allocation of identities and distinctions in languages a posteriori, i. e. to create the universal device, in terms of which all languages are analysed and described in the same way. This theory is named the dynamic (constructive) universal linguistic theory.

Language as object and subject of research
(*Язык как объект и предмет исследования*)

The distinction of the subject and the object of research depending on a position of the researcher. The consideration of a language as an activity and its product. The introduction of a principle of bilaterality in studying all language elements. The formulation of the thesis about the description of the object in relation to the purpose of research. The task of generation of the sentences in the given language as the working purpose. The sentence as a part of whole. The language as hierarchy (semiotic structure) of members described as sign.